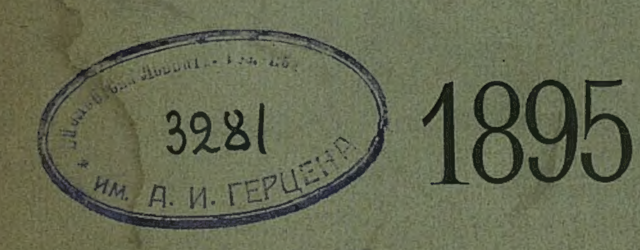
РУССКАЯ БЕСѢДА

ОКТЯБРЬ

ГОДЪ ПЕРВЫЙ

1895

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Печатня Е. Евдокимова, Троицкая улица, д. 18.

СОДЕРЖАНІЕ.

РУССКАЯ БЕСѢДА

ОКТЯБРЬ

ГОДЪ ПЕРВЫЙ

1895

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Печатня Е. Евдокимова, Троицкая улица, д. 18.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 26 Октября 1895 года.

Естественный законъ въ Духовномъ мірѣ.

Профессора Генриха Друммонда.

(Продолженіе).

ГЛАВА VI.

Вѣчная жизнь.

Сія же есть жизнь вѣчная, да знаютъ Тебя, Единаго Истиннаго Бога, и посланнаго Тобою Іисуса Христа (Іоан. XVII, 3).

Полное и совершенное соотношеніе было бы и совершенною жизнью. Если бы въ окружающей средѣ были только такія перемѣны, встрѣчаться съ которыми организмъ уже приспособился, при чемъ перемѣны эти всегда воздѣйствовали бы на него одинаково, — была бы вѣчная жизнь и вѣчное разумѣніе.

Гербертъ Спенсеръ.

Опредѣленіе вѣчной жизни составляетъ одну изъ выдающихся побѣдъ современной науки. Этотъ вкладъ имѣетъ громадное значеніе для благочестиваго ума. Впродолженіе восемнадцати вѣковъ въ мірѣ существовало только одно опредѣленіе вѣчной жизни, данное христіанскимъ вѣроученіемъ, теперь ихъ два.

Ученія о нравственности такъ же какъ и христіанство высказывались по вопросу о высшемъ благѣ („summum bonum“), философія пыталась обсуждать существованіе Бога, но только христіанство одно внесло вкладъ въ ученіе о вѣчной жизни. Только откровеніе утверждало эту истину. Этотъ вопросъ христіанскаго ученія наиболѣе нуждался въ подтвержденіи извнѣ; но его не являлось, и вопросъ—почему христіанская жизнь по самой своей природѣ есть жизнь вѣчная—не получалъ необходимаго освѣщенія; само христіанство не освѣщало этотъ вопросъ. Оно только авторитетно и безусловно утверждало эту истину. Что же касается до уясненія того, что именно въ духовной жизни необходимо придаетъ

ей начало вѣчности,—объ этомъ умалчиваютъ самые выдающіеся богословы.

Современной наукѣ о жизни (біологіи) дано было въ удѣлъ защитить и освѣтить эту важнѣйшую истину христіанской вѣры. И для укрѣпленія вѣры дѣятельной это второе научное опредѣленіе вѣчной жизни имѣетъ значеніе положенія высочайшей важности. Не трудно понять, почему оно еще не признано религіозными мыслителями, хотя и было высказано уже давно. Вѣра въ науку, какъ помощницу вѣры, недостаточно еще созрѣла, чтобы люди искали въ ней доказательствъ въ пользу высшихъ христіанскихъ истинъ. Думаютъ, что уроки, преподаваемые природой, простираются только на самыя грубыя ученія. А между тѣмъ почтенный изслѣдователь, идущій по вѣрному направленію, даже теперь, въ сумеркахъ научнаго міра, можетъ найти многое, что освѣтитъ и усилитъ его вѣру. Въ данномъ случаѣ намъ по крайней мѣрѣ случайно представляется возможность подвергнуть провѣркѣ самый жизненный догматъ христіанскаго ученія. До сихъ поръ христіанскій мудрецъ довольствовался тою очевидною истиною науки, что ничто не уничтожается; или, подобно Бутлерову, дѣлалъ выводъ о будущей жизни по аналогіи съ превращеніями насѣкомыхъ; или же, наконецъ, какъ авторы „Невидимаго міра", апологеты строили и выработывали внушительные доводы въ пользу закона непрерывности. Но теперь мы можемъ подойти ближе. Въ первый разъ наука положительно касается христіанства въ его ученіи о безсмертіи. Она ставитъ насъ лицомъ къ лицу съ настоящимъ опредѣленіемъ вѣчной жизни, построеннымъ на полномъ и строго точномъ изслѣдованіи необходимыхъ для нея условій. Наука не заявляетъ притязаній на возможность выполнить эти условія. Ея приверженцы не заявляютъ притязаній на вѣчную жизнь. Наука просто излагаетъ необходимыя для этой жизни условія, не заботясь о томъ, появится ли когда-нибудь организмъ или уже существуетъ такой, который бы могъ выполнить ихъ. Вѣроученіе, съ другой стороны, утверждаетъ, что существуютъ организмы, обладающіе вѣчной жизнью. И задача, которую мы должны рѣшить, такова: выполняютъ ли люди, проповѣдующіе обладаніе вѣчной жизнью, условія, требуемыя для этого наукой, или же они находятся въ иныхъ условіяхъ, т.-е. научно ли христіанское понятіе о вѣчной жизни?

Можетъ быть не безполезно замѣтить, что опредѣленіе вѣчной жизни, данное наукой, было построено безъ всякаго отношенія къ вѣрѣ... И вѣроятно тотъ, кому мы этимъ обязаны главнымъ образомъ, былъ далекъ отъ мысли, что развивая понятіе о жизни, неизбѣжно вѣчной по самой сущности своей, онъ содѣйствуетъ этимъ богословію.

Гербертъ Спенсеръ—потому что ему мы этимъ обязаны—первый призналъ бы безпристрастіе своего опредѣленія, а судя по мѣсту, которое оно занимаетъ въ его сочиненіяхъ, очевидно, что въ то время умъ его былъ далекъ отъ религіи. Онъ со тщательнымъ стараніемъ разбираетъ отношенія между окружающей средой и жизнью. Онъ развиваетъ правило, согласно которому жизнь бываетъ то возвышенной, то низкой, то долгой, то короткой. Онъ объясняетъ, почему организмы живутъ и почему умираютъ. И въ концѣ концовъ онъ устанавливаетъ положеніе вещей, при которомъ организмъ могъ бы не умирать, могъ бы пользоваться непрерывной, совершенной жизнью. Для него, конечно, это только теоретическій выводъ. Вѣчная жизнь — понятіе біологическое. Въ естественномъ мірѣ не существуетъ необходимыхъ условій для вѣчной жизни, такъ что опредѣленіе это безпристрастно и безотносительно. Совершенная жизнь въ наукѣ есть просто возможная въ мышленіи вещь, подобная совершенной пустотѣ.

Прежде, чѣмъ привести опредѣленіе Герберта Спенсера его собственными словами, мы сдѣлаемъ его понятнѣе, если прійдемъ къ нему постепенно, перечисливъ очень немногочисленныя простыя біологическія истины, послужившія ему основаніемъ.

Разсматривая вопросъ о сущности смерти, мы видѣли, что существуютъ различныя степени жизни. Этимъ мы хотимъ сказать, что у нѣкоторыхъ жизнь имѣетъ больше соотношеній съ окружающей ихъ средой и она полнѣе, чѣмъ у другихъ. Кромѣ того, степени соотношенія опредѣляются большею или меньшею сложностью организма. Такимъ образомъ, простой организмъ амебы имѣетъ очень мало соотношеній. Это простой безформенный мѣшокъ, почти безъ всякаго устройства, такъ что онъ можетъ сообщаться только съ самою малою частью окружающей среды. Насѣкомое, вслѣдствіе болѣе сложнаго строенія, имѣетъ соотношеніе съ болѣе обширною средой. Природа одарила его особенными свойствами для соприкосновенія съ средой многими сторонами, и оно живетъ полнѣе амебы. Другими словами, это—животное высшаго порядка. Человѣкъ, тѣло котораго еще болѣе разновидно (дифференцировано) или раздѣлено на различные органы съ ихъ особенными отправленіями, еще многостороннѣе соотвѣтствуетъ окружающему. Слѣдовательно, онъ еще выше, еще болѣе полонъ жизни. И этотъ законъ, въ силу котораго степень жизни измѣняется соотвѣтственно со степенью соотношеній, справедливъ до самыхъ мельчайшихъ подробностей во всей области живаго органическаго міра. Жизнь становится все полнѣе, богаче, воспріимчивѣе и отзывчивѣе по

отношенію къ расширяющейся все болѣе и болѣе средѣ, по мѣрѣ того, какъ мы поднимаемся по восходящимъ ступенямъ живаго міра.

Легко замѣтить, что существуетъ или должна существовать явная связь между сложностью строенія (организаціи) и долговѣчностью. Такъ какъ смерть происходитъ отъ неспособности организма приспособиться къ какой-нибудь перемѣнѣ въ окружающей средѣ, то изъ этого слѣдуетъ, что организмы, которые могутъ легче и удачнѣе приспособляться, проживутъ дольше. Они будутъ продолжать непрерывно примѣнять усвоенное приспособленіе, и ихъ сила для совершенія этого будетъ какъ разъ соразмѣрна ихъ сложности, т. е. совокупности окружающихъ условій, съ которыми они входятъ въ соотношенія: Въ средѣ, окружающей каждое животное, напримѣръ, есть вещи прямо или косвенно опасныя для его жизни; если запасъ его соотношеній недостаточно полонъ, чтобы дать ему возможность, при всевозможныхъ обстоятельствахъ, избѣжать этихъ опасностей, онъ рано или поздно погибнетъ. Такимъ образомъ организмъ съ запасомъ наисовершеннѣйшихъ соотношеній, иначе сказать организмъ, наиболѣе сложный и наиболѣе высокій, имѣетъ очевидное преимущество надъ видами, менѣе сложными. Онъ можетъ приспособляться лучше и чаще. Біологія можетъ сказать въ этомъ случаѣ, что онъ можетъ прожить наиболѣе долгое время. Такимъ образомъ можно выразить отношеніе между сложностью и долговѣчностью слѣдующими словами: наиболѣе сложные организмы живутъ наидольше.

Чтобы еще болѣе уяснить себѣ этотъ вопросъ, возьмемъ обратный случай: чѣмъ менѣе животное обустроено (организовано), тѣмъ менѣе у него возможности остаться въ продолжительномъ соотношеніи съ окружающею его средой. Въ тотъ или другой мигъ его жизни навѣрно явятся обстоятельства, которымъ организмъ сравнительно неподвижный не можетъ противостоять. Такъ, напримѣръ, медуза, выброшенная на берегъ волной, становится до такой степени внѣ соотношеній съ своей новой средой, что жизнь ея должна пострадать. Если бы, измѣнившись внутренно, она могла приспособиться къ внѣшней перемѣнѣ и достаточно соотвѣтствовать новой средѣ, могла бы, напримѣръ, подобно угрю снова проскользнуть въ воду—среду, съ которою она имѣетъ болѣе полное соотношеніе,—жизнь ея была бы спасена. Но если бы это и случилось, она жила бы до тѣхъ поръ, пока находилась бы въ соотношеніи со всѣми обстоятельствами, съ которыми ей пришлось бы столкнуться. Даже сдѣлавшись достаточно сложной, чтобы противостоять прямымъ и обыденнымъ опасностямъ окружающей ее среды, она, однако, можетъ находиться внѣ соотношеній съ другими. Естествоиспытатель, напримѣръ, могъ бы воспользоваться недостаткомъ въ ней соотношеній съ нѣкоторыми свѣтовыми и звуковыми явленіями, чтобы захватить ее для своего

кабинета; или, наконецъ, внезапно спущенный якорь какой-нибудь яхты или движеніе винта могутъ причинить ей преждевременную смерть.

Возьмемъ еще въ примѣръ птицу. Вслѣдствіе своего болѣе сложнаго устройства, она господствуетъ на гораздо болѣе обширномъ пространствѣ окружающей ее среды. Она можетъ принять предосторожности, которыхъ не могла принять медуза, ей легче обезпечить себѣ пропитаніе, ея приспособленія къ окружающему болѣе сложны, такъ что, повидимому, она могла бы поддерживать свою жизнь болѣе долгое время. Но существуетъ еще обширная область, которою она не можетъ управлять. Ея способность ко внутренней перемѣнѣ не достаточно сильна, чтобы доставлять ей полное соотношеніе съ внѣшними перемѣнами, и продолжительность ея существованія ненадежна. Кромѣ того соотношеніе ея ограничено даже и относительно внѣшнихъ условій, съ которыми оно отчасти установилось. Такъ, напримѣръ, при обыденныхъ обстоятельствахъ птицѣ не трудно приспособиться къ перемѣнамъ температуры; но, если эти перемѣмы перейдутъ за границу ея способности приспособленія, какъ, напримѣръ, во время очень суровой зимы,—организмъ ея, какъ неспособный примѣниться къ этимъ перемѣнамъ, долженъ погибнуть. Человѣческій организмъ, съ другой стороны, можетъ соотвѣтствовать этимъ внѣшнимъ условіямъ такъ же хорошо, какъ и другимъ безчисленнымъ невзгодамъ, подъ тяжестью которыхъ низшія виды животныхъ неизбѣжно погибли бы. Приспособленія человѣка пригодны для наибольшей, извѣстной намъ области окружающей его среды, слѣдовательно онъ долженъ быть способенъ болѣе другихъ продолжить свою жизнь.

И такъ становится очевиднымъ, что, чѣмъ выше мы поднимаемся по лѣстницѣ жизни, тѣмъ выше поднимаемся и по лѣстницѣ долговѣчія. Вообще жизнь организмовъ наименѣе развитыхъ коротка и процентъ смертности болѣе или менѣе правильно уменьшается по мѣрѣ того, какъ мы подымаемся по животной лѣстницѣ. Смертность среди мало обустроенныхъ существъ до такой степени громадна, что въ большинствѣ случаевъ природа наградила ихъ могущественною плодовитостью, чтобы предупредить окончательное ихъ истребленіе. Почти всѣ низшіе виды существъ снабжены не только громадной производительной силой, но и различными способами распространенія, при помощи которыхъ нѣкоторые изъ нихъ могутъ быстро размножаться при самыхъ разнообразныхъ обстоятельствахъ и въ невѣроятно короткое время. Еренбергъ нашелъ, что при нѣсколькихъ дѣленіяхъ отъ одной Paramecium можетъ произойти въ мѣсяцъ не менѣе 268.000,000 подобныхъ ей существъ. Эта способность постепенно уменьшается, когда мы поднимаемся на высшія ступени, пока не доходимъ наконецъ до такихъ видовъ, гдѣ рождаемость

ограничивается однимъ, двумя и самое большее тремя существами. Способность эта уменьшается потому, что въ ней нѣтъ больше необходимости, и существа имѣютъ болѣе долгій предѣлъ жизни. Можно принять за правило, хотя существуютъ исключенія, что сложность въ животныхъ организмахъ всегда соединена съ долговѣчностью.

На это могутъ возразить, что всѣ эти примѣры взяты просто относительно случайныхъ условій. Но отъ случайности ли пресѣкается жизнь или отъ болѣзни, правило остается тоже. Въ дѣйствительности всякаго рода смерть сводится къ одному и тому же. Извѣстное условіе среды не находитъ соотвѣтствующаго ему условія въ организмѣ, и вотъ является смерть. И, наоборотъ, чѣмъ больше организмъ, вслѣдствіе своей сложности, можетъ приспособляться ко всѣмъ условіямъ среды, тѣмъ дольше онъ проживетъ. Очевидно a priori, говоритъ Спенсеръ, что измѣненія въ физическомъ состояніи организма, такъ же какъ и тѣ механическія дѣйствія и тѣ перемѣны въ доступной пищѣ, которыя въ немъ происходятъ, влекутъ за собой остановку жизненной дѣятельности, и такъ какъ измѣненія въ приспособленіяхъ организма имѣютъ слѣдствіемъ прямое или косвенное уравновѣшиваніе этихъ перемѣнъ въ средѣ, то отсюда слѣдуетъ, что жизнь организма будетъ коротка или длинна, возвышенна или низка, смотря по тому насколько перемѣны въ средѣ встрѣчаютъ соотвѣтствующія перемѣны въ организмѣ. Допуская перемѣны, жизнь будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока будутъ продолжаться соотношенія; жизнь будетъ полна настолько, насколько будутъ полны соотношенія, и она будетъ совершенна только тогда, когда соотношенія будутъ совершенны.

Мы уже почти пришли къ нашему научному опредѣленію вѣчной жизни. Желателенъ организмъ съ совершенно исключительными соотношеніями. Онъ долженъ находиться внѣ этихъ „механическихъ дѣйствій“ и „перемѣнъ въ доступной ему пищѣ“, которыя „влекутъ за собой остановку жизненной дѣятельности“. Прежде, чѣмъ дойти до вѣчной жизни, мы должны перейти ту черту, гдѣ обыкновенныя соотношенія неизбѣжно кончаются. Мы должны найти такой высокій и сложный организмъ, который бы на извѣстной точкѣ своего развитія пріобрѣлъ такое соотношеніе, котораго органическая смерть не въ силахъ остановить. Словомъ, мы должны подняться надъ той ограниченной областью, гдѣ соотношенія зависятъ отъ преходящей вещественной среды, и вступить въ болѣе отдаленную область, гдѣ среда, требующая соотношенія, сама вѣчна. Такая среда существуетъ. Среда міра духовнаго находится внѣ вліянія тѣхъ „механическихъ дѣйствій“, которыя рано или поздно прерываютъ жизненную дѣятельность во всѣхъ смертныхъ организмахъ. Если же мы

можемъ найти такое существо, которое бы установило свои соотношенія съ міромъ духовнымъ, то эти соотношенія имѣли бы начало вѣчности, если только извѣстное условіе было бы выполнено.

Условіе это состоитъ въ совершенствѣ среды. Если же она несовершенна, если она не самая возвышенная, если она обладаетъ способностью измѣняться, то не можетъ быть никакой увѣренности въ томъ, что жизнь существа, находящагося въ соотношеніи съ нею, будетъ вѣчной. Можетъ произойти какое-нибудь измѣненіе, которому нельзя противопоставить перемѣну въ приспособленіи, и жизнь прекратится. Но допустимъ духовный организмъ въ совершенномъ соотношеніи съ совершенною духовною средой, и всѣ необходимыя условія для вѣчной жизни будутъ на лицо.

Теперь можно привести подлинныя слова Герберта Спенсера, опредѣляющія вѣчную жизнь, и будетъ видно, что онѣ главнымъ образомъ заключаютъ въ себѣ условія, выставленныя здѣсь: „Полное и совершенное соотношеніе будетъ и совершенною жизнью. Если бы въ окружающей средѣ были только такія перемѣны, встрѣчаться съ которыми организмъ уже приспособился, при чемъ перемѣны эти всегда воздѣйствовали бы на него одинаково, то была бы вѣчная жизнь и вѣчное разумѣніе“. Отложивъ вопросъ, касающійся возможнаго исполненія этихъ условій, возвратимся на время къ опредѣленію вѣчной жизни, данному Христомъ. Сопоставимъ его съ опредѣленіемъ, даннымъ наукой, и разсмотримъ точки ихъ соприкосновенія. Непрерывное соотношеніе съ совершенною средой есть жизнь вѣчная по опредѣленію науки. „Сія же есть жизнь вѣчная, сказалъ Христосъ, да знаютъ Тебя, Единаго Истиннаго Бога, и посланнаго Тобою Іисуса Христа“. Жить вѣчно значитъ знать Бога. Знать Бога значитъ находиться въ соотношеніи съ Богомъ. Находиться въ соотношеніи съ Богомъ значитъ находиться въ соотношеніи съ совершенною средой. И существо, достигающее этого, по самой природѣ вещей должно жить вѣчно. Въ этомъ—„вѣчная жизнь и вѣчное разумѣніе“.

Главная точка соприкосновенія между научнымъ и религіознымъ опредѣленіями та, что жизнь состоитъ изъ особенной самоличной связи, называемой „соотношеніемъ“. Понятіе, что жизнь состоитъ изъ соотношеній, уже такъ много нами разъяснялось, что теперь нѣтъ больше необходимости обсуждать его. Всякая жизнь главнымъ образомъ состоитъ изъ соотношеній съ окружающимъ. Жизнь артиста есть соотношеніе съ искусствомъ, музыканта съ музыкой. Отнять у нихъ эти соотношенія значитъ лишить ихъ жизни съ этой стороны. Быть разлученнымъ со всей окружающей средой, значитъ умереть. Найти новую среду и выработывать къ ней отношенія, значитъ найти новую жизнь! Жить—значитъ имѣть соотно-

шенія, и имѣть соотношенія—значитъ жить. Все это вѣрно для науки. Но это вѣрно также и для религіи. Очень важно замѣтить, что религія понимаетъ жизнь также какъ сумму соотношеній. Ни одна истина христіанскаго ученія не была такъ невѣжественно и преднамѣренно искажена, какъ ученіе о безсмертіи. Не смотря на сотни возраженій, мысль, что вѣчно жить значитъ жить всегда,—очень распространена. Бѣглый взглядъ на locus classicus могъ бы сдѣлать невозможнымъ это заблужденіе. Тамъ намъ сказано, что вѣчно жить значитъ не „жить," а „знать". А между тѣмъ (надо отмѣтить то обстоятельство, что люди, враждебные вѣрѣ, упорно составляютъ свое понятіе объ этихъ глубочайшихъ истинахъ, основываясь на простыхъ искаженіяхъ) для многихъ развитыхъ умовъ эта точка зрѣнія представляется только библейскимъ ученіемъ о вѣчной жизни. По временамъ люди, которыхъ наука должна была бы научить большей осмотрительности, дѣлаютъ упрекъ религіи, что вѣчная жизнь христіанства есть просто продолженное существованіе, вѣчное однообразіе, слѣпое и неопредѣленное продолженіе бытія. Библія никогда не допустила бы такой пустой пошлости, и христіанство никогда не могло предложить міру такую тусклую надежду. Это не значитъ, что къ вѣчной жизни совсѣмъ не относится непрерывность бытія. Но оно только часть понятія, на которой прежде всего останавливаетъ насъ наука. Да и въ опредѣленіи науки есть нѣчто большее имѣющее болѣе широкое значеніе, чѣмъ долговѣчность. Въ ней есть понятіе о соотношеніи и средѣ. И если она не можетъ пополнить эти выраженія для религіи, то она можетъ, по крайней мѣрѣ, опредѣлить сущность связи, суть того, что разумѣется подъ словомъ жизнь. Наука говоритъ намъ о гораздо большемъ, чѣмъ о числѣ лѣтъ. Она опредѣляетъ степени жизни. Она объясняетъ значеніе постепенно расширяющейся среды. Она разбираетъ связь между расширяющейся окружающей средой и возрастающей сложностью организмовъ. И хотя она не даетъ самостоятельнаго вклада въ содержаніе религіи, но она сулитъ безсмертіе, и самое большее, что можетъ дать наука, это широкое основаніе, на которомъ воздвигнется это ученіе.

Кромѣ того, опредѣленіе этого соотношенія, какъ дѣло „разумѣнія" полно высочайшаго значенія. Не это ли драгоцѣнное свойство вѣчнаго соотношенія которое аналогія съ наукой подготовляетъ насъ искать? Долговѣчность находится въ связи съ сложностью. А сложность въ организмахъ образуется черезъ постепенное увеличеніе соотношеній, изъ которыхъ каждое богаче и полнѣе предыдущаго. Дифференцированіе же духовнаго организма должно поэтому ознаменовать себя наивозможно высшимъ количествомъ соотношеній. Для идеи не нужно, чтобы соотношенія были вполнѣ новы; скорѣе необходимо, чтобы онѣ не были таковыми. Совершенно новое соот-

ношеніе, появляющееся безъ символа и пророчества, было бы нарушеніемъ послѣдовательности. Все, чего мы можемъ ожидать, это чего-нибудь новаго, но въ то же время и такого, къ чему мы уже подготовлены: новаго развитія въ соотвѣтствіи съ развитіемъ уже пріобрѣтеннымъ, расширенія послѣдняго, самаго высшаго соотношенія въ новомъ, болѣе возвышенномъ направленіи. И это какъ разъ и есть то, что мы имѣемъ. Въ мірѣ, о которомъ говоритъ біологія, развитіе (эволюція) достигаетъ высшей своей степени въ разумѣніи. На какой бы ступени зоологической лѣстницы ни начиналось это соотношеніе или рядъ соотношеній, несомнѣнно то, что нѣтъ ничего болѣе возвышеннаго. Въ самомъ хиломъ дѣтствѣ, когда мы присутствуемъ при наиболѣе грубыхъ зарожденіяхъ животнаго разумѣнія, оно является такимъ чудомъ, что ставитъ въ тупикъ всякаго внимательнаго и почтеннаго наблюдателя. Даже у безпозвоночныхъ животныхъ эти и другія подобныя способности развертываются такъ чудесно, что натуралисты не колеблясь сближаютъ въ своей классификаціи самыхъ скромныхъ созданій съ человѣкомъ. И дѣйствительно никакое свойство въ природѣ не отличается такъ отъ остальныхъ, ничто такъ не пророчествуетъ о неземномъ существованіи, ничто такъ не сверхъестественно. Разумѣніе же человѣка, этого вѣнца творенія съ его всеобъемлющей совѣстью, можно только опредѣлить такъ: оно божественно. Если же должно совершиться еще новое превращеніе этого совершеннаго существа (человѣка), то несомнѣнно, что оно произойдетъ въ области соотношеній разумѣнія. Эти соотношенія достаточно велики, чтобы требовать развитія, и въ то же время слишкомъ малы, чтобы не нуждаться въ немъ. Величіе того, что уже сдѣлано, въ извѣстномъ отношеніи ручается за возможность большаго. Незначительность побѣды заключаетъ въ себѣ безусловную вѣроятность еще большихъ побѣдъ. Однимъ словомъ, если что-нибудь въ человѣчествѣ должно продолжать свое развитіе, такъ именно разумѣніе. Другія соотношенія могутъ тоже продолжаться, нѣкоторыя же, въ свою очередь, могутъ остаться позади. Но разумъ не можетъ перестать дѣйствовать. Не съ этимъ ли соотношеніемъ, или вѣрнѣе не съ этимъ ли рядомъ соотношеній, такъ какъ онѣ очень сложны, связываютъ люди, по общему согласію, понятіе о вѣчной жизни? Существуетъ ли что-нибудь другое, съ чѣмъ бы они его связывали? Есть ли что-нибудь удобопонятнѣе, достойнѣе, полнѣе, благороднѣе, представляетъ ли что-нибудь болѣе возвышенный видъ развитія эволюціи или болѣе совершенный идеалъ вѣчной жизни?

Но тутъ уже вопросы о качествѣ; а какъ только переходятъ отъ количества къ качеству, наука оставляется позади. Въ словарѣ науки вѣчность есть только часть понятія. Оно означаетъ только

безпрерывность. Для религіи же, съ своей стороны, время не нужно. Быть въ соотношеніи съ богомъ науки, съ „вѣчнымъ непознаваемымъ“ означало бы только безпрерывное существованіе; соотношеніе же съ „Истиннымъ Богомъ и Іисусомъ Христомъ есть жизнь вѣчная.‹Это качество вѣчной жизни даетъ намъ небо, простая же безконечность существованія можетъ и не быть благодѣяніемъ. Даже короткая жизнь временнаго существованія слишкомъ длинна для тѣхъ, кто проводитъ эти годы въ несчастіи. Самое время, не говоря уже о вѣчности, почти пытка для сомнѣвающагося. И помимо Шопенгауэра многіе тайно считали внутреннее сознаніе гнуснымъ заблужденіемъ и неправильностью природы. Поэтому намъ нужно не только количество лѣтъ, выражаясь современнымъ языкомъ, но и качество соотношеній. Когда мы оставляемъ позади себя науку, эти соотношенія получаютъ и болѣе высокое названіе. Онѣ становятся общеніемъ. У нихъ есть и другія религіозныя и богословскія названія. Онѣ могутъ быть названы Вѣрой, но къ нимъ можетъ быть примѣнимъ и особенный терминъ Любви. Потому что познаніе такого великаго цѣлаго предполагаетъ сочетаніе многихъ чувствъ.

Общеніе съ Богомъ. Можно ли научно доказать, что это соотношеніе никогда не прервется? Мы не обращаемся за подтвержденіемъ къ наукѣ. Мы спрашивали какъ она понимаетъ вѣчную жизнь, и она отвѣчала намъ, что вѣчная жизнь состояла бы изъ непрерывныхъ соотношеній съ неуничтожающеюся средой. Однако, что потребовала бы наука отъ совершенныхъ соотношеній, если бы они не вмѣщали въ себѣ „познаніе Бога?“ Нѣтъ ни одного соотношенія, которое бы удовлетворяло хоть одному изъ требуемыхъ условій. Нельзя назвать ни одного, на которомъ не было бы печати смертности. Остается незыблимо одно—„познаніе Бога“. Познавать Бога, имѣть связь съ Богомъ и съ вѣчностью, если это не „вѣчная жизнь“ біологіи, то что же можетъ больше насъ приблизить къ ней?

Однако, мы еще очень далеки отъ нея. Установить общеніе съ Вѣчнымъ не значитъ еще обезпечить себѣ вѣчную жизнь. Нужно еще доказать, что такое общеніе можетъ всегда поддерживаться. А при этомъ предположеніи рѣшеніе вопроса являлось бы бездоказательнымъ и намъ оставалось бы доказывать еще и вѣчную жизнь. Но, еще разъ повторяемъ, мы ищемъ здѣсь не доказательствъ, а свѣта. Мы дѣлаемъ только обзоръ съ высоты самаго отдаленнаго мыса науки, чтобы удостовѣриться, можемъ ли мы сквозь туманъ различить очертаніе отдаленнаго берега и прійти къ какому-нибудь заключенію относительно возможности пристать къ нему.

Но, могутъ намъ возразить, непозволительно человѣку. обсуждающему вопросъ о безсмертіи съ научной точки зрѣнія, оставаться безучастнымъ къ факту.

Ему не достаточно сказать, что онъ ничего не имѣетъ прибавить къ положительнымъ доказательствамъ. Это возможно въ другихъ точкахъ соприкосновенія науки съ религіей, но не въ этой. Намъ говорятъ, что этотъ вопросъ рѣшенъ, что въ немъ нѣтъ положительной стороны. Наука отвѣчаетъ на полное понятіе о безсмертіи прямымъ отрицаніемъ. Передъ лицомъ могучаго убѣжденія въ невозможности вѣчной жизни было бы грубо и нечестно довольствоваться заявленіемъ, что наука не даетъ ни одного довода въ ея пользу. Итакъ намъ предстоитъ теперь разсмотрѣть вопросъ о возможности безсмертія.

Задача въ томъ, чтобы построить переходъ отъ могилы вещественнаго тѣла къ неразлучной съ нимъ духовной организаціи. Ощущенія, воля, самая мысль, суть отправленія мозга. Поврежденъ мозгъ—повреждены и они. Все кончается съ разложеніемъ вещества, мускульная и умственная дѣятельность одинаково погибаютъ.

Съ этими положительными утвержденіими различныхъ отраслей современной науки по этому вопросу мы всѣ хорошо знакомы. Роковой приговоръ подписанъ сотнями рукъ почти безъ всякаго смягченія. „Философія безъ предразсудковъ, говоритъ намъ Бюхнеръ, принуждена отбросить мысль о личномъ безсмертіи и о продолженіи личной жизни за гробомъ. Умъ долженъ прекратить свое существованіе съ гибелью и разложеніемъ своей вещественной почвы, при посредствѣ которой онъ только и получалъ сознательное существованіе, и благодаря которой онъ сдѣлался личностью. „Въ томъ же смыслѣ говоритъ и Фохтъ:“ Физіологія положительно и рѣшительно отрицаетъ отдѣльное существованіе души. Душа не входитъ въ утробный плодъ, какъ злой духъ въ одержимыхъ, но она есть плодъ развитія мозга, такъ же какъ мускульная дѣятельность есть плодъ развитія мускуловъ, а выдѣленія—плодъ развитія железъ. „Сдѣлавъ тщательный обзоръ этого положенія современной науки, относительно всего ученія, Грахамъ дѣлаетъ слѣдующій выводъ: „Таковъ, повидимому, безспорный доводъ науки противъ будущей жизни. Прослушивая списокъ ея силлогизмовъ, сердца наши замираютъ. Надежды людей, помѣщенныя на одну чашку вѣсовъ, будто разлетаются, когда громадная тяжесть очевидностей кладется на другую чашку. Кажется, что всѣ наши доводы тщетны и пусты, что всѣ наши будущія надежды похожи на несбыточныя мечты дѣтей, что невозможно составить себѣ другого понятія при наличной совокупности очевидныхъ фактовъ“.

Можемъ ли мы продолжать нашъ путь, борясь съ такими дѣйствительными препятствіями? Не повернулось ли наше оружіе противъ насъ въ лицѣ науки, властной рукою уничтожающей истину, которую мы просимъ ее опредѣлить.

Легко указать на то, что философъ кладетъ на другую чашку вѣсовъ. Вообще онъ возражаетъ противъ догматическаго тона вывода. Что мозгъ и умъ находятся во взаимномъ соотношеніи, что умственный и физическій процессы находятся въ связи и въ связи очень тѣсной, это несомнѣнно; но неизвѣстно какъ они дѣйствуютъ другъ на друга. Взаимное соотношеніе мозга и мысли не обусловливаетъ ихъ тождественности. И не мало авторитетныхъ ученыхъ упорно колебалось выводить какое бы то ни было заключеніе изъ этого общаго положенія. Даже утвержденіе Бюхнера при внимательномъ разсмотрѣніи является только смѣлой попыткой. Въ предисловіи къ главѣ о продолженіи личной жизни, послѣ словъ зависимости души и ея проявленій отъ вещественныхъ условій онъ замѣчаетъ: „Хотя мы не можемъ составить себѣ рѣшительнаго представленія о томъ какова зависимость духовной жизни отъ матеріальной, тѣмъ не менѣе факты эти даютъ намъ право утверждать, что способъ этихъ отношеній, повидимому, обусловливаетъ невозможность отдѣльнаго ихъ существованія“. Итакъ по этому вопросу въ доводахъ матеріалистовъ имѣется пробѣлъ,—обстоятельство, не оказывающее никакой положительной помощи спиритуалисту, который по прежнему можетъ быть далекъ отъ теоретическаго доказательства того, какъ можетъ сознаніе переживать свою вещественную основу; но за нимъ остается право дальнѣйшаго умозаключенія. Путь, пройденный имъ, застланъ безнадежнымъ мракомъ, но путь впереди ничѣмъ не загражденъ. За нимъ остается право, если онъ хочетъ, развивать дальше свою теорію. А это что-нибудь да значитъ, такъ какъ право продолжать свое ученіе есть почти все, чего можетъ религія ожидать отъ науки.

Люди различными путями пользовались этимъ правомъ, и, хотя можно сказать, что ихъ умозрѣнія—однѣ только вѣроятности, тѣмъ не менѣе и этого достаточно, чтобы, присоединивъ ихъ къ глубочайшимъ ожиданіямъ души человѣчества, придать новый блескъ надеждѣ на будущую жизнь. Находимъ ли мы утѣшеніе въ теоріи простого дуализма, опредѣляемъ ли мы вмѣстѣ съ Ульрици душу, какъ невидимое сплетеніе тѣла, вещественное, но не анатомическое, найдемъ ли мы утѣшеніе съ авторомъ „Невидимой Вселенной“ въ зрѣлищѣ извѣстныхъ видовъ вещества пріобрѣтающихъ все большую нѣжность, подвижность и невещественность, или же будемъ вслѣдъ за Вундтомъ разсматривать душу какъ упорядоченное единство многихъ стихій: во всякомъ случаѣ без-

спорно, что извѣстныя формы могутъ быть приданы нашему понятію о согласованіи, переступающемъ за предѣлы могилы; формы, удовлетворяющія умы, слишкомъ привычныя взвѣшивать очевидности, а не довольствоваться фантазіями.

Но если даже физіологія и философскія теоріи и помогутъ намъ объяснить Безсмертіе, во всякомъ случаѣ это не имѣетъ первостепеннаго значенія для религіи, по крайней мѣрѣ съ современной точки зрѣнія. Признаніе безсмертія зиждется для насъ на совершенно иномъ основаніи. Вѣроятно христіанскій философъ никогда не задавался болѣе безполезной задачей, чѣмъ слѣдить за страницами физіологіи, отыскивая въ нихъ мѣсто, занимаемое душой. Стоитъ только христіанству прямо и открыто высказать свое ученіе, чтобъ всѣмъ стала ясна его полная независимость отъ обычныхъ умозрительныхъ теорій о безсмертіи.

Оно заключается не въ томъ, что мысль, воля или эмоція, какъ таковыя, переживаютъ могилу. Трудность поддерживать ученіе въ этомъ видѣ еще громадна, несмотря на все высказанное нами о противоположномъ ученіи, несмотря на надежды и желанія человѣчества и на всѣ научныя и философскія попытки установить его. Нѣтъ ни одной теоріи личнаго безсмертія, какъ признаетъ даже Бутлеръ, которая не требовала бы безсмертія и животнаго. Нѣтъ ни одной теоріи, опредѣляющей то звено въ цѣпи развитія, съ котораго организмы начинаютъ быть одаренными безсмертіемъ.

Никакая теорія не разъясняетъ условія этого дара безсмертія и его отсутствія.

Какъ будто у насъ ничего болѣе не остается, кромѣ неизвѣданной тайны цѣлой области или невѣдомыхъ останковъ жизненныхъ способностей; но въ такомъ случаѣ мы подобно „вѣрующимъ только въ эту жизнь“ были бы „изъ всѣхъ людей наиболѣе несчастными“.

Если мы съ другой стороны обратимся къ ученію, какъ оно вышло изъ устъ Христа, то очутимся совсѣмъ въ иной области. Онъ ни малѣйшимъ образомъ не пытается выдавать вещественное за невещественное. Старымъ стихіямъ, какъ бы тонко и чисто ни было ихъ составляющее, не свойственно, однако, наслѣдовать Царствіе Божіе. Плоть всегда останется плотью. Вмѣсто того, чтобы приписывать безсмертіе плотскимъ организмамъ, Онъ вводитъ новый, особенный дѣятель, на который не обращаютъ вниманія не только свѣтскіе, но и духовные писатели. Для христіанина „имѣющій Сына Божія имѣетъ жизнь, а не имѣющій Сына Божія не имѣетъ жизни“. Вотъ то условіе, которое даетъ возможность переступить черезъ пропасть могилы. Вотъ нить къ уясненію свойства той жизни, которою одарены духовные организмы, и вотъ каковъ истинный смыслъ тайны вѣчной жизни.

Существуетъ нѣчто по ту сторону соотношенiй духовнаго организма, какъ и по ту сторону естественныхъ соотношенiй. Говоря, что жизнь есть соотношенiя, мы высказываемъ только часть истины. Существуетъ нѣчто еще. Жизнь проявляется въ соотношенiяхъ. Но что опредѣляетъ ихъ? Организмъ выражается въ разнообразныхъ соотношенiяхъ. Что организуетъ ихъ? И въ духовномъ, какъ и въ естественномъ мiрѣ существуетъ начало (принципъ) жизни. Мы не можемъ освободиться отъ этого термина грубаго, неудовлетворительнаго, служащаго въ большинствѣ случаевъ прикрытiемъ нашего невѣжества. Наука до сихъ поръ безсильна освободиться отъ идеи о „принципѣ" жизни. И мы принуждены пользоваться этимъ выраженiемъ до тѣхъ поръ, пока не прiищемъ лучшаго. Итакъ то, что опредѣляетъ соотношенiе духовнаго организма, есть начало (принципъ) духовной жизни. Это —новый Божественный даръ. Имѣющiй Сына имѣетъ жизнь, и наоборотъ: имѣющiй жизнь имѣетъ Сына. И это одновременно указываетъ и на качество и на количество соотношенiй, служащихъ переходомъ отъ смерти. Имѣющiй жизнь имѣетъ Сына, имѣетъ Духъ Сына. Этотъ Духъ, такъ сказать, внѣдренъ въ него Сыномъ. Это проявленiе новой его природы, о которой мы будемъ говорить дальше, въ настоящее же время нужно только отмѣтить, что это не органическое, а духовное соотношенiе, происходящее не отъ рожденiя, а отъ перерожденiя. Отношенiя между духовнымъ человѣкомъ и его средой, по евангелiю, сыновнiя. Съ новымъ Духомъ возникаютъ и сыновнiя соотношенiя; онъ знаетъ Отца, а это и есть жизнь вѣчная. Это не только дѣйствительныя отношенiя, но и единственно возможныя. „Никто не знаетъ Отца, кромѣ Сына и кому хочетъ Сынъ открыть". И это на чисто естественномъ основанiи. Чтобы познать божественное, нужно быть божественнымъ, и въ этомъ такъ же мало таинственнаго, какъ и въ томъ, что для того, чтобы понять человѣческое, нужно быть человѣкомъ. Аналогiя для всего этого очень тонко выражена уже апостоломъ Павломъ: „Кто изъ человѣковъ знаетъ, чтò въ человѣкѣ, кромѣ духа человѣческаго, живущаго въ немъ? Такъ и Божьяго никто не знаетъ, кромѣ Духа Божiя. Но мы приняли не духа мiра сего, а Духа отъ Бога, дабы знать дарованное намъ отъ Бога". (I Кор. II, 11, 12).

Въ виду свойства этого новаго соотношенiя излишне говорить, что въ немъ заключается и обезпеченiе вѣчности. Да, мы имѣемъ здѣсь наконецъ соотношенiе, которое никогда не перестанетъ существовать. Оно, оно одно переживаетъ смерть и остается невредимымъ и неизмѣннымъ:

Когда состарится луна,
когда поблекнутъ звѣзды
и раскроется книга суда.

Сомнѣнія, которыя могутъ проскользнуть иногда при самой пламенной вѣрѣ, были высказаны и опровергнуты апостоломъ:

„Кто отлучитъ насъ отъ любви Божіей: скорбь, или тѣснота, или гоненіе, или голодъ, или нагота, или опасность, или мечъ? Какъ написано:

„За тебя умерщвляютъ насъ всякій день; считаютъ насъ за овецъ, обреченныхъ на закланіе. Но все сіе преодолѣваемъ силою Возлюбившаго насъ. Ибо я увѣренъ, что ни смерть, ни жизнь, ни Ангелы, ни начала, ни силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь не можетъ отлучить насъ отъ любви Божьей во Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ". (Рим. VIII, 35—39).

Нѣкоторымъ можетъ показаться страннымъ, что совершенное соотвѣтствіе является человѣку такимъ необыкновеннымъ способомъ. Но развѣ то, что эти соотношенія съ средой находятся внѣ, такъ сказать, естественныхъ обычныхъ условій, можетъ служить опроверженіемъ?

Очевидно нѣтъ. Во-первыхъ, выйти за предѣлы того, что мы называемъ природой, не значитъ выйти за предѣлы всякой среды. Природа, естественная среда есть только часть всего, насъ окружающаго. Существуетъ еще громадная область, которая дѣйствительна и естественна, хотя многіе люди утверждаютъ, что не имѣютъ съ нею никакого соотношенія. Міръ умственный и нравственный невѣдомъ растенію, но онъ дѣйствителенъ. Нельзя также утверждать, чтобы онъ былъ неестественъ для растенія, хотя можно сказать, что съ точки зрѣнія растительнаго царства онъ сверхъестественъ. Все естественно или сверхъестественно, смотря по положенію. Человѣкъ сверхъестественъ для минерала; Богъ сверхъестественъ для человѣка. Когда минеральныя вещества усвояются растеніемъ и возводятся имъ до органическаго міра, никакого нарушенія законовъ природы не происходитъ. Они просто входятъ въ соотношенія съ болѣе обширною средой, которая до тѣхъ поръ была для нихъ сверхъестественной, а теперь стала вполнѣ естественной. Когда животворящій Духъ Божій охватываетъ сердце человѣка, опять нѣтъ никакого нарушенія законовъ природы. Это только какъ бы новый переходъ вродѣ перехода неорганическаго въ органическое.

Во-вторыхъ, считаютъ чѣмъ-то чудеснымъ, что духовное соотношеніе порождается духовнымъ міромъ. Но отвѣтъ на это мы почерпнемъ изъ того же источника. Соотношеніе во всѣхъ случаяхъ есть даръ среды. Естественная среда даетъ людямъ естественныя ихъ способности, духовная даруетъ имъ ихъ духовныя способности. Вполнѣ естественно для духовной среды восполнять духовныя способности и было бы вполнѣ неестественно, если бы это исполняла естественная среда. Послѣднее противно и естественному закону Біогенезиса и нравственному

закону, ибо конечное не можетъ вмѣстить безконечнаго, и наконецъ духовному закону, въ силу котораго плоть и кровь не могутъ наслѣдовать Царствія Божія. Мы не хотимъ сказать, что духовныя дарованія, какъ бы фабрикуются въ духовномъ мірѣ и въ готовомъ видѣ передаются духовному организму, насильно налагаются на него, какъ готовые доспѣхи. Нѣтъ, не то подразумѣвается, когда мы говоримъ, что духовныя способности даруются духовнымъ міромъ. Организмы образуются не наростаніемъ, какъ минералы, а ростомъ. И духовныя способности образуются въ духовной протоплазмѣ души, точно такъ же, какъ и тѣлесныя способности образуются въ протоплазмѣ тѣла. Растеніе состоитъ изъ веществъ, нѣкогда бывшихъ неорганическими. Образующее начало, находящееся внѣ міра мертваго вещества, охватываетъ и перерабатываетъ ихъ такъ, что они вступаютъ въ соотношенія съ тѣмъ царствомъ, къ которому принадлежитъ и образующее ихъ начало. Ихъ первоначальное образующее начало, если можно такъ выразиться, была кристаллизація, такъ что теперь мы имѣемъ вполнѣ иную организующую силу новую и высшаго порядка. Точно также и въ духовномъ мірѣ мы находимъ новое образующее начало, дѣйствующее среди матеріала органическаго міра, совершающее дальнѣйшее, такое же чудо, производя организацію новаго рода, но не по новому способу. Этотъ дальнѣйшій процессъ есть въ сущности то, чего просвѣщенный эволюціонистъ долженъ ожидать. Онъ означаетъ только естественное и законное дальнѣйшее развитіе и при томъ по пути истинной эволюціи, не той узкой, которая ожидаетъ дальнѣйшаго развитія естественнаго человѣка, при помощи силъ уже присущихъ ему—что было бы такъ же нелѣпо, какъ ожидать, чтобы минералъ въ силу дальнѣйшей кристаллизаціи превратился въ растеніе, но—той болѣе широкой эволюціи, которая включаетъ въ число своихъ причинъ и двойной законъ Біогенезиса и ту громадную истину, которая въ немъ заключается. Что еще заключается въ этомъ сложномъ соотношеніи, мы разсмотримъ въ одной изъ слѣдующихъ главъ, теперь же отмѣтимъ событіе, на которомъ зиждется вѣра христіанъ въ безсмертіе, а именно—воскресеніе Христа.

Во главѣ всякаго христіанскаго преподаванія слѣдуетъ поставить то, что Христосъ пришелъ на землю, чтобъ даровать людямъ жизнь. „Я пришелъ для того", говоритъ Онъ, „чтобъ имѣли жизнь, и имѣли съ избыткомъ". Что Христосъ собственно разумѣлъ подъ жизнью чисто духовную и вѣчную жизнь, очевидно изъ всего Его ученія и всѣхъ Его дѣяній. Реусъ съ обычнымъ ему безпристрастіемъ, говоритъ, что „въ апостольскомъ пониманіи жизни мы прежде всего находимъ идею о дѣйствительномъ существованіи, какое свойственно Богу и Слову, т. е. суще-

ствованіи не гибнущемъ, не подверженномъ ни перемѣнамъ, ни несовершенствамъ конечнаго міра. Эта первая идея часто выражена по крайней мѣрѣ въ отрицательной формѣ и ведетъ къ ученію о безсмертіи, или, вѣрнѣе выражаясь, къ ученію о жизни, далеко превосходящей всякую другую изъ числа тѣхъ, которыя мы находимъ въ опредѣленіяхъ обычной философіи и психологіи и основанной на посылкахъ и соображеніяхъ совсѣмъ иного порядка. Въ самомъ дѣлѣ, она не нуждается ни въ философскомъ положеніи о невещественности и неразрушимости человѣческой души, ни въ богословскомъ положеніи о чудесномъ тѣлесномъ пересозданіи нашего существа. Первое изъ нихъ вполнѣ чуждо библейской религіи, а второе противно нашему разуму".

Во вторыхъ, понятіе о жизни, заключающееся въ этой системѣ, предполагаетъ идею о силѣ, о дѣятельности, объ общеніи, такъ какъ жизнь эта не остается замкнутой или, такъ сказать, скрытой, пассивной въ Богѣ и Словѣ, чрезъ Которыхъ она нисходитъ на вѣрующаго. Это не нѣчто безразличное, дремлющее, не дерево безъ плода, а напротивъ сѣмя, которому предстоитъ полнѣйшее развитіе".

Если намъ предложатъ яснѣе опредѣлить, что разумѣется подъ этимъ таинственнымъ даромъ жизни, мы снова передадимъ этотъ трудный вопросъ наукѣ. Когда наука въ состояніи будетъ опредѣлить естественную жизнь и физическую силу, тогда мы можемъ разсчитывать и на дальнѣйшее разъясненіе природы и дѣйствія духовныхъ силъ. Всѣ усилія открыть животворящій Духъ такъ же, по крайней мѣрѣ, тщетны, какъ и попытки путемъ микроскопическихъ наблюденій протоплазмы постичь жизнь. Мы предупреждены также не разсчитывать на многое. „Духъ дышетъ, гдѣ хочетъ, и голосъ его слышишь, а не знаешь, откуда приходитъ и куда уходитъ". Таково его свойство. Когда Духовная жизнь открыта будетъ въ лабораторіи, вѣроятно можно будетъ совсѣмъ отказаться отъ нея. Она вправѣ будетъ сказать, какъ Сократъ о своей душѣ: „Вы можете схоронить меня, если уловите".

Наука никогда не утверждаетъ духовной истины, не освѣщая ее. Порогъ вѣчности есть то мѣсто, гдѣ сходятся многія тѣни, и свѣтъ науки здѣсь, въ царствѣ полнаго мрака въ тысячу разъ отраднѣе. Многіе люди были бы вѣрующими, еслибъ знали съ чего начать. Многіе были бы гораздо болѣе вѣрующими, еслибъ были увѣрены въ концѣ. Не равнодушіе, а незнаніе удерживаетъ многихъ людей отъ Бога. Вопросъ, заданный нѣкогда Христу: „Учитель благій! Что мнѣ дѣлать, чтобы наслѣдовать жизнь вѣчную?" является и въ нашъ вѣкъ самымъ важнымъ и глубокимъ вопросомъ. Что такое религія? Во что мнѣ вѣрить? Чего искать всѣмъ сердцемъ, всею душою, всѣмъ разумѣніемъ моимъ?—

таковъ главный вопросъ немощно звучащій изъ глубины нашей совѣсти во всѣ важныя минуты нашей жизни, и который многіе изъ насъ, увы, оставляютъ постоянно безъ отвѣта. Чтобы мы ни думали, ни дѣлали, ни искали, вопросъ этотъ всегда преслѣдуетъ насъ. Но всѣ теоріи отбрасываются нами одна за другою; великія книги ставятся обратно на полку; проходятъ годы, а вопросъ этотъ попрежнему остается нерѣшеннымъ. Здѣсь происходитъ страшное смѣшеніе языковъ. Ежедневно объявляется новый авторитетъ. Поэты, философы, проповѣдники по очереди стараются завладѣть нами. Возстаютъ новые пророки и взываютъ ради спасенія нашей души прислушаться къ нимъ—наконецъ-то въ минуту вдохновенія они открыли окончательную истину. Но вчерашнее ученіе низвергается сегодняшней философіей и сегодняшняя вѣра падетъ въ свою очередь при свѣтѣ завтрашней критики. Увеличеніе знанія усиливаетъ только нашу грусть. И, наконецъ, борящіяся истины, подобно лучамъ свѣта при наблюденіяхъ въ лабораторіи, только содѣйствуетъ тому, что въ умѣ нашемъ водворяется полнѣйшій мракъ.

Но вотъ два авторитета вполнѣ сходятся между собою. Тутъ голоса не людей, не философовъ, не вѣроучителей, но голосъ Бога и голосъ природы. И я не могу ошибаться, прислушиваясь къ нимъ. Иногда, когда мы не увѣрены въ томъ, что говоритъ намъ слишкомъ громкій голосъ, мы стараемся уловить пропущенные слоги въ отголоскѣ. Въ Богѣ и природѣ мы имѣемъ и голосъ и его отголосокъ. Когда я слышу и то и другое, я вполнѣ увѣренъ, что мой слухъ дважды не обманетъ меня. Я узнаю голосъ въ отголоскѣ и отголосокъ подтверждаетъ сказанное. Я прислушиваюсь и знаю. Вопросъ о будущей жизни есть вопросъ біологіи. Природа можетъ молчать относительно многихъ другихъ вопросовъ, но здѣсь она вправѣ подать свой голосъ. Вся путаница относительно вопроса о будущей жизни произошла отъ того, что его относили къ области философіи. Конечно, мы сдѣлаемъ очень дурно, если откажемся прислушиваться къ какому бы то ни было философскому ученію, въ особенности относительно этическихъ отношеній. Но прежде всего вѣчная жизнь есть вопросъ о жизни, т. е. составляетъ задачу біологіи. Душа есть живой организмъ, и по всѣмъ вопросамъ о жизни души мы должны обращаться къ наукѣ о жизни. И что же эта наука о жизни говоритъ намъ? Она говоритъ, что если я хочу наслѣдовать жизнь вѣчную, я долженъ выработать въ себѣ соотношенія съ вѣчнымъ. Отвѣтъ очень простой, но природа всегда проста. Я беру этотъ отвѣтъ и, оставляя природу въ сторонѣ, приступаю къ выполненію его. Я ищу всюду нити, ведущей къ вѣчности. Я перерываю всю литературу, чтобы отыскать опредѣленіе соотношенія человѣка съ Богомъ. Очевидно, что

тутъ можетъ быть только одинъ источникъ. И аналогіи науки дозволяютъ намъ примѣнить его. Всѣ знанія даетъ намъ среда. Если я хочу знать о минералахъ, я обращаюсь къ минераламъ. Когда мнѣ нужно знать о цвѣтахъ, я обращаюсь ко цвѣтамъ. И они отвѣчаютъ мнѣ. На своемъ языкѣ они говорятъ мнѣ, каждый по своему и за себя — минералъ не даетъ мнѣ знаній о цвѣткѣ, что невозможно, и цвѣтокъ о минералѣ, что также немыслимо. Точно также, если я хочу знать о человѣкѣ, я обращаюсь къ людямъ. И они говорятъ мнѣ о себѣ не какъ растеніе или минералъ, ибо они ни то и ни другое, но по своему. И, если я хочу знать о Богѣ, я обращаюсь къ Нему. И Онъ говоритъ мнѣ не какъ человѣкъ, ибо Онъ не человѣкъ, но по своему и это такъ же естественно, какъ минералъ, и растеніе, и человѣкъ говорятъ мнѣ каждый о себѣ и по своему. Онъ нисходитъ къ тому, чтобы сдѣлать мнѣ все понятнымъ, принимаетъ на время образъ человѣка, чтобы я, при моемъ низкомъ уровнѣ пониманія, могъ лучше постичь Его. Вотъ болѣе легкая возможность для меня познать Его. Чрезъ воплощеніе Богъ становится доступенъ человѣческому пониманію и чрезъ Іисуса Христа Онъ доставляетъ человѣку возможность войти въ соотношеніе съ Собою. И это отношеніе и эта область есть та, которой я жаждалъ и искалъ. Онъ самъ говоритъ мнѣ: „Сія же есть жизнь вѣчная, да знаютъ Тебя, Единаго Истиннаго Бога, и посланнаго Тобою Іисуса Христа". Развѣ не лучше я вижу теперь глубокое значеніе словъ: „И Іисуса Христа, посланнаго Тобою?" Развѣ я теперь не лучше понимаю, почему съ такимъ вдохновеніемъ и восторгомъ самый близкій Его ученикъ восклицаетъ: „Сынъ Божій пришелъ и далъ намъ свѣтъ и разумъ, да познаемъ Бога Истиннаго".

Какъ только мы вошли въ соотношенія съ вѣчной средой, послѣдующіе шаги вполнѣ соотвѣтствуютъ всякому другому естественному развитію. Намъ остается только продолжать, расширять, углублять и обогащать начатыя соотношенія, и мы вскорѣ, къ нашему удивленію, найдемъ, что ему сопутствуетъ другой параллельный процессъ. Вся дѣятельность не исключительно на нашей сторонѣ. Среда тоже воздѣйствуетъ. Раскрытіе значенія среды составляетъ одну изъ величайшихъ и существеннѣйшихъ заслугъ современной біологіи. Нѣтъ надобности говорить теперь о значеніи среды на образованіе и преобразованіе организмовъ, о ея способности развивать или подавлять извѣстныя способности, о ея вліяніи на ростъ и вообще о всемъ громадномъ значеніи ея въ дѣлѣ развитія. Вліяніе среды повидимому не уменьшается, а увеличивается по мѣрѣ того, какъ мы приближаемся къ высшимъ формамъ. Высшія существа наиболѣе подвижны, обладаютъ наибольшею способностью къ

перемѣнамъ, словомъ, среда можетъ всего легче влiять на нихъ. И не только высшiе организмы менѣе инертны, но и высшiя части высшихъ организмовъ менѣе инертны, чѣмъ низшiя.

Среда можетъ произвести сравнительно ничтожное видоизмѣненiе въ тѣлѣ ребенка, но какъ пластиченъ его умъ, какъ безконечно чутка его душа! Она можетъ быть настроена правильно или фальшиво, смотря потому, встрѣтитъ ли она во внѣшнихъ окружающихъ ее условiяхъ гармонiю или разладъ. Въ самомъ дѣлѣ какъ внѣшнiя обстоятельства образуютъ, формируютъ, дѣлаютъ и передѣлываютъ насъ! Развѣ всѣ мы не можемъ искренно повторить слова Улисса.

„Я часть того, что встрѣтилось мнѣ въ жизни“.

Еще сильнѣйшее влiянiе имѣетъ среда на духовную природу того, кто вошелъ въ соотношенiе съ Богомъ. Обращаясь съ страстнымъ влеченiемъ къ окружающему его духовному мiру, развѣ человѣкъ не становится и самъ духовнымъ? Въ жизненномъ соприкосновенiи со святостью развѣ онъ не становится святымъ? Вдыхая теперь воздухъ безукоризненно чистый, развѣ онъ не очистится? Шествуя изо дня въ день съ Богомъ, развѣ онъ не научится у Бога.

Ростъ въ благодати иногда описывается какъ странный, таинственный и непонятный процессъ. Онъ таинственъ, но не страненъ и понятенъ. Онъ вполнѣ согласенъ съ законами природы и руководящiй, освѣщающiй его дѣятель есть влiянiе среды. Возможность влiянiя зависитъ отъ воспрiимчивости или жизненности организма, а результатъ отъ степени и частаго повторенiя извѣстныхъ влiянiй. Эти факты незамѣтно ведутъ къ дальнѣйшему размышленiю. Не заключаютъ ли эти бiологическiя истины въ себѣ ключа къ болѣе глубокой философiи — даже къ вопросу о перерожденiи?

Эволюцiонисты разсказываютъ намъ, что подъ влiянiемъ среды нѣкоторыя водныя животныя приспособились къ жизни на землѣ. Нормально дыша жабрами, они, въ результатѣ, въ награду за свои постоянныя усилiя дышать небеснымъ воздухомъ, усилiя, дѣлаемыя изъ поколѣнiя въ поколѣнiе, прiобрѣтаютъ постепенно свойство дышать легкими. Въ молодомъ организмѣ, согласно съ старымъ типомъ, жабры все еще остаются, какъ напримѣръ у головастиковъ, но по мѣрѣ наступленiя зрѣлаго возраста появляются настоящiя легкiя.

Жабры постепенно передаютъ свою задачу органу болѣе развитому, а сами атрофируются и исчезаютъ, такъ что дыханiе у взрослыхъ совершается исключительно при помощи легкихъ. Мы не утверждаемъ, что эти наблюденiя вполнѣ доказательны, но люди, признающiе ихъ достовѣр-

ность, могутъ ли отрицать ихъ аналогію съ духовной жизнью и не признавать научности ученія религіи о перерожденіи?

Можетъ ли эволюціонистъ, допускающій перерожденіе лягушки, подъ вліяніемъ постояннаго соотношенія съ новой средой, отрицать возможность пріобрѣтенія душою способности молиться, этого дивнаго дыханія новой твари при ея постоянномъ соприкосновеніи съ атмосферой, бокружающей Бога? Развѣ этотъ переходъ отъ земного къ небесному болѣе таинствененъ, чѣмъ переходъ отъ жизни въ водѣ къ жизни на землѣ? Развѣ эволюція должна остановиться на органическихъ формахъ?

Если намъ замѣтятъ, что потребовались столѣтія для усовершенствованія и замѣны жабръ легкими, то мы отвѣтимъ, что потребуются и столѣтія для усовершенствованій свойствъ христіанина. Мы говорили, правда, о духовномъ соотношеніи, какъ о чемъ-то совершенномъ, но оно бусовершенно какъ почка цвѣтка. „Еще не открылось, что изъ него будетъ“. Какъ милліоны лѣтъ тому назадъ не открылось, во что разовьются животныя, дышащія жабрами.

Но вернемся назадъ. Мы говорили о научномъ взглядѣ на общеніе съ Богомъ, при чемъ незамѣтно принуждены были перейти отъ количественнаго отношенія къ качественному. Было уже сказано достаточно, чтобы составить себѣ общее понятіе о свойствахъ соотношеній, необходимыхъ для вѣчной жизни. Теперь намъ остается мелькомъ разсмотрѣть нѣкоторыя подробности.

Свойство вѣчности, какъ мы видѣли, принадлежитъ только извѣстному соотношенію или ряду соотношеній. Но ясно, что прежде, чѣмъ эти соотношенія могутъ вполнѣ проявить себя, необходимъ дальнѣйшій процессъ.

Такъ или иначе, организмъ долженъ освободиться отъ всѣхъ тѣхъ соотношеній, которыя вредятъ его новому свойству. Въ этой жизни онъ сдерживается этими соотношеніями, они или помогаютъ, или мѣшаютъ ему, но и въ томъ и въ другомъ случаѣ являются свойствами иного порядка. Они принадлежатъ не вѣчности, а этой временной жизни и если не принять мѣръ для борьбы съ ними, они будутъ удерживать организмъ, стремящійся подняться, удерживать въ этомъ мірѣ до предѣловъ временъ. Конечно, въ извѣстномъ смыслѣ все живущее принадлежитъ вѣчности, но низшія соотношенія по самой природѣ своей непригодны для вѣчной жизни. Еслибы даже они были совершенны въ своихъ отношеніяхъ къ своей средѣ, они все-таки не были бы вѣчны. Какъ это ни противорѣчитъ, повидимому, научному опредѣленію вѣчной жизни, тѣмъ не менѣе вѣрно, что совершенное соотношеніе съ этою средой не есть вѣчная жизнь. Пропущено очень важное слово въ пол-

номъ опредѣленіи. На него по многимъ причинамъ можно было бы не особенно напирать, но когда намъ приходится имѣть дѣло съ ложными притязаніями на безсмертіе, мы должны возстановить его. Если бы опредѣленіе было совершенно полное, то съ согласія психо-физіологовъ безсмертіе могло бы быть удѣломъ всѣхъ живыхъ существъ. Но это не вѣрно, потому что ихъ среда не вѣчна. Ихъ соотношенія, какъ бы ни были они твердо установлены, остаются все-таки соотношеніями съ преходящимъ, а вѣчная жизнь требуетъ и вѣчной среды.

Необходимость совершенной среды, какъ и совершенныхъ соотношеній, не вполнѣ ясно выражена въ опредѣленіи Герберта Спенсера, а между тѣмъ это существенное условіе. Организмъ можетъ остаться вѣренъ своей средѣ, но что если среда измѣнитъ ему?

Если бы организмъ обладалъ способностью измѣняться, онъ могъ бы приспособляться къ постепеннымъ измѣненіямъ среды. И если бы это было обезпечено, мы имѣли бы условія вѣчной жизни. Ну а что, если среда исчезнетъ, если земля сольется съ солнцемъ? Это—такое измѣненіе среды, противъ котораго нельзя принять никакихъ мѣръ предосторожности, и которое немыслимо устранить. При измѣняющейся средѣ, всегда остается опасеніе и возможность отсутствія соотношеній. Въ лучшемъ случаѣ жизнь оставалась бы въ неизвѣстности. Но при неизмѣняющейся средѣ, какова среда духовнаго организма,—непрерывность соотношеній обезпечена, по крайней мѣрѣ въ отношеніи внѣшнихъ условій. Это постоянство среды отличаетъ религіозныя отношенія отъ всякихъ другихъ. Почему бы жизни музыканта не быть вѣчной? По очень простой причинѣ. Міръ музыканта, среда, съ которою онъ находится въ соотношеніи, не вѣченъ. Даже, еслибы его отношенія могли быть вѣчны, окружающіе его веществеыне предметы, съ которыми онъ находится въ соотношеніи, исчезаютъ. Его музыкальность можетъ быть вѣчна, но не его скрипка. Такъ человѣкъ міра сего самъ по себѣ могъ бы существовать вѣчно, но не этотъ міръ. Его среда не вѣчна, не вѣчны его отношенія къ ней, міръ исчезнетъ и отсюда его погибель.

Смерть наступаетъ въ силу того, что извѣстныя отношенія въ организмѣ не приспособлены къ извѣстнымъ условіямъ среды. Настанетъ время, когда несовершенныя отношенія организма проявятся въ какомъ нибудь ложномъ соотвѣтствіи съ средой. Вотъ почему смерть тѣсно связана съ несовершенствомъ. Смерть—это неизбѣжное послѣдствіе несовершенства и неизбѣжный его конецъ. Несовершенное соотношеніе порождаетъ несовершенную и неопредѣленную жизнь. Совершенныя соотноше-

нія, съ другой стороны, какъ говоритъ Гербертъ Спенсеръ, породили бы и совершенную жизнь. Итакъ, упразднить смерть значитъ упразднить несовершенство. Но христіанство именно и считаетъ своей задачей упраздненіе смерти, при чемъ нужно замѣтить, что оно предлагаетъ совершить это вполнѣ согласно съ требованіемъ науки черезъ упраздненіе несовершенства.

А. Никифоровъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Утраченные.

Къ исторiи Абиссинской, Коптской и Армянской церквей.

ВСТУПЛЕНIЕ.

Рѣдкiе гости посѣтили въ текущемъ году Россiю и въ частности Петербургъ. Мы говоримъ о кратковременномъ пребыванiи въ предѣлахъ Россiи армянскаго католикоса Мкртича, представившаго намъ живой примѣръ живого единенiя пастыря съ паствой, среди насъ живущей, хотя отъ насъ и отрѣшенной, а также и о прiѣздѣ абиссинскаго посольства съ абиссинскимъ епископомъ, невольно направившемъ общественную мысль къ вопросу о возможности сближенiя съ далекою, полузабытою и малоизвѣстною областью, когда-то бывшею живымъ членомъ живаго тѣла церковнаго.

Эта далекая Абиссинiя —оторванный членъ былаго организма церковнаго, или точнѣе, одинъ изъ многихъ оторванныхъ или утраченныхъ его членовъ. Отдаленность въ пространствѣ и давность отрѣшенности по времени не даетъ намъ даже возможности опредѣлить съ надлежащею точностью и полнотою, насколько мы остаемся еще своими другъ другу, насколько поводы къ розни и къ разъединенiю, сказывавшiеся древле въ дѣятельности и проповѣди отдѣльныхъ лицъ, сдѣлалися достоянiемъ всего тѣла мѣстной церкви, обратилися въ плоть и кровь ея, выдержали въ ней многовѣковое испытанiе, а не сгладились и не упразднились подъ влiянiемъ всеврачующаго и всеизмѣняющаго времени. Надеждъ на возможноеть сближенiя и соединенiя,—надеждъ, къ сожалѣнiю, болѣе или менѣе голословныхъ—за послѣднее

время было высказано весьма много, а потому и вопросъ о возможности или невозможности такого сближенія во всякомъ случаѣ заслуживаетъ полнаго и многосторонняго разсмотрѣнія. Кругъ людей, участвующихъ въ Русской Бесѣдѣ, или сочувствующихъ главнымъ основамъ выражаемаго ею міросозерцанія, имѣетъ еще особую, частную причину почитать своимъ, близкимъ дѣломъ выясненіе отношеній Абиссинской церкви къ Православію, ибо къ тому уже отчасти обязываетъ его историческое преемство. Первый взглядъ на далекую Абиссинскую церковь устремленъ былъ изъ Россіи именно однимъ изъ представителей славнаго кружка московскихъ славянофиловъ. Другъ и родственникъ А. С. Хомякова, рано умершій Дмитрій Валуевъ съ такою горячностью посвятилъ силы свои изученію этой отдаленнѣйшей окраины былаго тѣла церковнаго, что прозваніе «абиссинца» сопутствовало ему и при жизни, сохранилося за нимъ и послѣ его преждевременной смерти. Правда, изъ предпринятаго имъ обширнаго труда осуществленъ и напечатанъ былъ только малый отрывокъ, появившійся въ первомъ выпускѣ «Московскаго сборника», но починъ къ дальнѣйшему изученію былъ положенъ уже и этимъ малымъ отрывкомъ. Скуденъ былъ матеріалъ, которымъ могъ въ тѣ времена располагать русскій ученый по отношенію къ столь мало обслѣдованному наукой вопросу, но ясное представленіе о Церкви, внушенное между прочимъ духовною близостью съ Хомяковымъ, помогало Валуеву угадывать и вѣрно угадывать многое изощреннымъ чутьемъ, а горячее чувство помогало разбираться въ спутанномъ матеріалѣ и придавало жизнь мертвымъ памятникамъ прошедшаго. Какъ бы то ни было, а нельзя говорить объ изученіи Абиссинской церкви, не упомянувъ о пламенномъ рвеніи и упорныхъ трудахъ Валуева-Абиссинца.

Но Абиссинія—только одинъ изъ утраченныхъ членовъ церковнаго тѣла. На ряду съ нею, одновременно съ нею и по тождественнымъ причинамъ утрачены Церковью значительная часть Египта, почти вся Сирія и наконецъ Арменія, неоднократно искавшая единенія и неоднократно призывавшаяся къ возврату. Духовная полнота Церкви не находится, конечно, въ зависимости отъ пространственныхъ границъ, отъ полноты племеннаго ея состава; каѳоличность

Церкви не тождественна, конечно, съ всенародностью. Отпадшій членъ не умаляетъ духовнаго значенія Церкви, но самое отпаденіе не можетъ быть для нея безразличнымъ, не можетъ не нарушать полноты и силы ея жизнедѣятельности. Рахиль плачетъ о дѣтяхъ своихъ и не можетъ утѣшиться, ибо ихъ нѣтъ. Какъ Рахиль не можетъ жить полною жизнью, пока жизнь ея стѣснена и отуманена скорбью и плачемъ, такъ и Церковь. Отлученіе, нѣкогда Церковью произнесенное, распространялося только на вождей и сущность еретическаго движенія, въ тѣ времена смущавшаго исчисленныя выше мѣстныя церкви, а не на самыя церкви во всей полнотѣ ихъ настоящаго и будущаго состава. Но если бы даже и самыя церкви обнимало отлученіе это, то слѣдуетъ принять во вниманіе, что и отлученіе отдѣльнаго человѣка имѣло всегда своею цѣлью его исправленіе. Не исправились ли и мѣстныя церкви отъ тяготы и скорбности отлученія?

Терзаемую ересями Церковь сравнивали нѣкогда отцы съ разорваннымъ хитономъ Христовымъ. Всецѣло живетъ въ Церкви православной Христосъ, какъ бы велики ни были ея утраты, но разодранъ хитонъ Христовъ,—разодранъ на Западѣ гордынею Рима, разодранъ на Востокѣ вереницею вожделѣній, олицетворенныхъ нѣкогда такъ называемымъ монофизитскимъ движеніемъ.

Уясненію причинъ совершившейся утраты, дѣйствительнаго церковнаго состоянія самихъ утраченныхъ и возможности возвращенія ихъ въ лоно Церкви и посвящаемъ мы страницы настоящаго скромнаго труда. Заранѣе называемъ мы трудъ свой скромнымъ. Онъ не представитъ ни всесторонняго изученія и изслѣдованія предмета, ни обилія новыхъ и неизвѣстныхъ матеріаловъ. Мы будемъ счастливы, если онъ дастъ только нѣкоторыя плодотворныя указанія и явится вызовомъ для новыхъ и болѣе успѣшныхъ трудовъ. Работа наукѣ на этомъ поприщѣ предстоитъ громадная; мы же можемъ сказать только малое слово.

Наша цѣль—привлечь вниманіе, возбудить работниковъ. Но, приступая къ осуществленію этой цѣли, мы должны сдѣлать необходимую оговорку. Да сохранитъ Богъ отъ слишкомъ широкихъ и самонадѣянныхъ увлеченій! Скромна въ этомъ отношеніи не только задача отдѣльныхъ русскихъ людей, но и задача самой Русской церкви. Русская церковь, какъ мѣстная цер-

ковь, какъ часть Церкви вселенской, можетъ совершить только трудъ развѣдчика, можетъ только возбудить братское чувство въ оторванныхъ и утраченныхъ, можетъ только взывать къ братскому же собору церковному, прося его принять отторгшихся и открыть объятія возвращающимся. Но для того присоединенію утраченныхъ, сохраняющихъ только подобіе церковности, должно предшествовать истинное и полное единеніе святыхъ Божіихъ церквей, о которомъ неустанно и непрерывно молятъ всѣ вѣрующіе. Конечно, подразумѣваемъ мы не единеніе въ вѣрѣ, никогда не прерывавшееся, а единеніе въ жизни и жизнедѣятельности.

I.

Два порока, по неоднократному указанію отцовъ и учителей Церкви, неустанно грозили разрушеніемъ церковному единству, составляя каждый въ свою очередь послѣдствіе ослабленія одного и того же единящаго начала—любви церковной. Любоначаліе, по словамъ величайшихъ отцовъ, было постояннымъ источникомъ возникновенія и перваго распространенія ересей. Любоначаліе это выражалося прежде всего желаніемъ и стремленіемъ проявить себя въ церкви, какъ личность, получить въ ней самостоятельное, личное значеніе, подчинить церковь въ бо̀льшей или меньшей степени частному произволенію своего разума. Оттого-то личное зарожденіе ереси и представлялось прежде всего Церкви личнымъ нравственнымъ паденіемъ, нравственною порочностью. Заблуждающійся, но почитающій заблужденіе свое всеобщимъ убѣжденіемъ Церкви или частнымъ только своимъ мнѣніемъ, не есть еще еретикъ въ строгомъ значеніи этого слова. Еретикомъ становится онъ съ того только времени, когда, почитая мнѣніе свое частнымъ, но истиннымъ, онъ желаетъ сдѣлать его обязательнымъ для всей Церкви или имѣющагося образоваться отдѣла ея, нарушая ея единство, а также, когда, почитая частное мнѣніе свое исконнымъ убѣжденіемъ Церкви, объявляетъ другихъ отступившими и оторвавшимися отъ единства церковнаго или и всю современную ему Церковь заблуждающеюся. Ересь, такимъ образомъ, по существу своему есть посягательство на единство церковное и противупоставленіе Церкви самого себя, внутренняго своего содержанія, а потому имѣетъ источникомъ своимъ любоначаліе. „Или отъ любоначалія, думаю, или отъ предубѣжденія,—двухъ, съ трудомъ преоборимыхъ страстей, породились ереси, ибо тѣ, которые не соблаговолили и почли для себя несноснымъ быть въ числѣ подчиненныхъ, возгнушались тѣмъ, чтобы оставаться при утвердившемся образѣ мыслей и посѣяли сѣмя новаго ученія „(Исидоръ Пелузск. IV, 56 Πρόληψις—предвзятое мнѣніе, поспѣшно сдѣланное заключеніе). „Ереси, какъ думаю, порождены двумя, съ трудомъ преодолѣваемыми страстями: или любоначаліемъ или предвзятостью. Одни, не почитая за достойное быть въ числѣ подчиненныхъ, другіе, почитая недостойнымъ поучаться послѣ разъ предвзятаго мнѣнія, посѣяли сѣмена новаго ученія, не почитая достойнымъ пребывать въ постановленномъ". (Исид. Пел. V, 239). Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ проявляется

все то же сознательное или несознательное противупоставленіе себя Церкви, провивуположеніе своей вѣры, вѣрѣ церковной. Мало того, чтобы я убѣжденъ былъ, что Церковь вѣруетъ такъ же какъ я, надо, чтобы и я вѣровалъ такъ же, какъ Церковь, т.-е., чтобы убѣжденность въ согласованіи была правою, а не неправой. Всякая ересь, сама по себѣ, есть прежде всего еретическое отношеніе къ Церкви и еретическое воззрѣніе на Церковь, т. е., еретическое искаженіе ученія о Церкви и всего, въ составъ его входящаго, и прежде всего ученія о преданіи.

Любоначаліе, являющееся, по словамъ отцовъ, психологическимъ основаніемъ и корнемъ ересезарожденія, можетъ быть двухъ видовъ; съ одной стороны представляется оно стремленіемъ къ проявленію духовнаго превосходства, а потому и стремленіемъ къ духовному, учительственному главенству (я не могу просто вѣрить и просто доискиваться, а вѣрю, какъ учитъ учитель, *мною* избираемый, *мною* всѣмъ другимъ предпочитаемый; такъ разсуждаетъ ученикъ духовной школы. Я образую сонмъ послѣдователей моей вѣры, — такъ разсуждаетъ школоначальникъ въ Церкви (ибо αιρεσις есть собственно школа, партія въ Церкви). Съ другой стороны любоначаліе (φιλαρχια) является просто на просто стремленіемъ къ внѣшнему, церковному владычествованію, т. е. либо къ проложенію себѣ дороги къ епископству, либо къ придачѣ значенія малому сану своему, либо къ увеличенію епархіальнаго своего достоинства. Таково происхожденіе всѣхъ почти ересей. Ученый Арій не можетъ переносить господства, верховенства малоучонаго Александра, пролагаетъ себѣ дорогу къ вящему достоинству церковному. Македоній своею проповѣдью подготовляетъ себѣ путь къ Константинопольскому патріархату, борется съ Павломъ, сперва соперничающимъ въ этомъ отношеніи, а потомъ и побѣждающимъ временно и т. д.

Второе зло, существовавшее на ряду съ выше нами описаннымъ и являвшееся ему подспорьемъ и послѣдствіемъ, проявляется въ стремленіи къ обрѣтенію и обличенію неправославія. Противъ этого, болѣзненно проявляющагося стремленія многократно протестовалъ съ особенною силою Григорій Богословъ, обличая какъ развитіе инквизиторскаго духа въ вождяхъ и въ паствѣ, такъ и браннолюбіе отдѣльныхъ вождей церковныхъ. „Долго ли будутъ говорить еще о твоемъ и моемъ, о старомъ и новомъ (епископскомъ престолѣ), о имѣющемъ бо́льшую или меньшую епархію. Я стыдился бы своей старости, если бы, спасаяся черезъ Христа, позволялъ себя называть по имени другого“ (т. е. главаря партіи Orat. XLII, 20). И Арій, и Македоній обличали неправославіе православныхъ и этимъ обличеніемъ создавали ореолъ собственнаго своего достоинства и славы. Патріархъ Несторій не просто увлекался своимъ

заблужденіемъ и не въ простотѣ души его проповѣдывалъ, а уличалъ неправославность другихъ и черезъ свою проповѣдь желалъ, между прочимъ, унизить такимъ обличеніемъ значеніе соперничающаго александрійскаго патріархата, точно такъ же, какъ позднѣе александрійскій патріархатъ въ лицѣ Діоскора стремился обличить неправославность соперничающаго Константинополя съ его православною въ то время высшею іерархіей. Извѣстно, какъ Несторій просилъ императора помочь ему вывести ересь, обѣщая ему съ своей стороны духовную помощь въ побѣдѣ надъ Персами. И это было сказано при самомъ вступленіи на патріаршій престолъ.

Тотъ же духъ любоначалія просвѣчиваетъ и въ происхожденіи ереси евтихіанства, вождемъ котораго выступаетъ на первыхъ порахъ архимандритъ пригороднаго къ Константинополю монастыря—Евтихій. Въ союзѣ съ монашествующими Константинопольскаго патріархата и съ монашествующими Египта, а, можетъ быть, и въ союзѣ съ самимъ Діоскоромъ Евтихій ведетъ негласное обличеніе Константинопольской Церкви и ея высшей іерархіи въ неправославности проповѣдуемаго ученія. Правда, монашествующая партія эта въ самомъ Константинополѣ не рѣшалась еще выступать открыто и гласно, какъ поступала въ отдаленныхъ краяхъ, напримѣръ, въ Кирской церкви, гдѣ приходящіе монахи, являясь въ епископскую церковь, произносили анаѳему надъ епископомъ Ѳеодоритомъ. Но и здѣсь, очевидно, ропотъ монастырскаго осужденія имѣлъ уже достаточно силы, если побудилъ Евсевія, епископа Дорилейскаго вызвать Евтихія на открытое состязаніе на помѣстный Константинопольскій соборъ, созванный для совершенно иныхъ цѣлей.

Съ первыхъ уже шаговъ, предпринятыхъ Евтихіемъ, ясно видно, что онъ чувствуетъ себя опирающимся на силу, отличную отъ совокупности мѣстной церкви, которой и самъ онъ состоитъ членомъ и къ которой принадлежитъ завѣдуемая имъ братія, состоящая изъ трехсотъ монаховъ. Троекратно приглашается онъ на соборъ и упорно отказывается явиться, то ограничиваясь попытками препирательства съ посланными отъ собора, то желая послать своего представителя и тѣмъ приравнивая монастырь свой къ самостоятельной мѣстной церкви, а себя къ епископу, хотя и епископъ, на котораго возводится обвиненіе, долженъ былъ только самолично оправдываться передъ соборомъ. Наконецъ Евтихій оправдываетъ отказъ свой повиноваться собору и тѣмъ, что „*мое* правило никогда не выходить изъ монастыря; одна смерть заставитъ меня выйти изъ него; пусть архіепископъ и соборъ дѣлаютъ со мной, что угодно, и пусть не хлопочутъ болѣе о моемъ вызовѣ". Это противупоставленіе самозданнаго рѣшенія требованію совершенно правильнаго органа мѣстной церкви, *своего* правила строю правилъ церковныхъ, само по себѣ есть уже отре-

ченіе отъ Церкви, безъ указанія даже догматическихъ поводовъ къ такому отреченію. Чувствующій за собою внѣ-церковную, или обособленную отъ мѣстной церкви силу, архимандритъ прилежащаго къ ней монастыря прерываетъ общеніе съ нею, не дожидаясь суда ея. Только голубиная кротость и доброта святого патріарха Флавіана да боязнь разоблачить церковный расколъ воспрепятствовали собору произнести тотчасъ же низложеніе и отлученіе Евтихія. Можетъ казаться, что это разоблаченіе церковнаго раскола, по существу своему уже лежащаго въ основѣ всѣхъ препирательствъ, благотворно и освѣжающе подѣйствовало бы на Церковь; но очевидно только на грядущія времена предоставлено было Церкви догматизировать собственное свое самосознаніе, какъ сознаніе бытія своего и назначенія, и почитать ересью неправоту постиженія сущности ея, какъ божественнаго учрежденія на землѣ и на небѣ, во времени и въ вѣкахъ.

Черезъ послѣднюю, явившуюся къ нему депутацію отъ собора Евтихій просилъ, чтобы ему дана была недѣля срока, такъ какъ онъ, по болѣзни, будто бы, не можетъ явиться немедленно. Отсрочка была дана, при чемъ Евтихій былъ увѣдомленъ, что, если онъ и теперь не явится въ опредѣленный имъ же самимъ срокъ, то безъ всякихъ объясненій будетъ лишенъ сана и настоятельства въ монастырѣ. Но едва только дана была эта отсрочка, какъ до собора дошли слухи, что Евтихій разсылаетъ по близкимъ и дальнимъ монастырямъ какое-то сочиненіе, требуя подписей и „возбуждая монаховъ къ мятежу“ противъ соборной власти. Наведенными со стороны собора справками слухи эти вполнѣ подтвердились. Какъ уяснили послѣдующія событія, не дремалъ Евтихій и по отношенію къ представителямъ свѣтской, государственной власти, стараясь напередъ заручиться ея поддержкою противъ притязаній собора. И то и другое было уже преступленіемъ противъ понятія о церковной власти, нарушеніемъ ея строя и невѣдѣніемъ или отрицаніемъ самого понятія о Церкви. Первое вполнѣ подходило подъ понятіе объ образованіи воспрещаемыхъ канонами „скопищъ“; второе воспрещалось, какъ обращеніе „къ царскому столу“ помимо Церкви, а въ данномъ случаѣ еще и противъ Церкви. Во всякомъ случаѣ Евтихій искалъ опоры и силы у свѣтскихъ властей, чтобы бороться съ Церковью. Если онъ считалъ дѣятельность свою преступною или, по крайней мѣрѣ, неправою, то онъ долженъ былъ быть осужденъ, какъ ослушникъ Церкви; если же онъ почиталъ дѣятельность свою законною съ церковной точки зрѣнія, то онъ неправо постигалъ сущность Церкви, а потому неправо исповѣдовалъ ее своими дѣйствіями, рознился съ Церковью въ самомъ ученіи о Церкви и въ этомъ уже отношеніи былъ еретиченъ. На соборъ явился

Евтихій пышно, торжественно, „съ великимъ множествомъ монаховъ, воиновъ и слугъ префекта“, соглашаясь оставаться на соборѣ только подъ условіемъ, что ему будетъ заранѣе обезпечена личная его безопасность. Такимъ образомъ Евтихій открыто противупоставлялъ себя собору, какъ органу Церкви, явно опираясь на иную, внѣ Церкви лежащую силу. Почитая себя православнымъ, а соборъ не-церковнымъ, прежде еще, чѣмъ услышать мнѣніе собора, онъ явно уже осуждалъ въ неправославіи всю мѣстную церковь. Конечно, догматическія убѣжденія собора не были для него обязательными, ибо соборъ, обвиняя его, могъ заблуждаться, какъ заблуждался впослѣдствіи ефесскій соборъ, оправдывая его и осуждая его обвинителей. Вѣра его всегда и во всякомъ случаѣ должна была оставаться свободной, если бы и признана была не-церковной. Рѣшеніе собора, какъ показывала ему практика, во всякомъ случаѣ не являлось для него безаппеляціоннымъ. Но во всемъ образѣ дѣйствій его сказывалося уже готовое осужденіе собора и мѣстной церкви, которой былъ этотъ соборъ органомъ. Въ лицѣ Евтихія почитающая себя православною партія противупоставляла себя мѣстной церкви патріархата,—множество монашествующихъ, группа монастырей, разсчитывая вдобавокъ на покровительство александрійскаго Діоскора, вступали въ состязаніе съ Церковью. Ересь могла еще и не обнаружиться, а расколъ уже существовалъ, предшествовалъ догматической розни, какъ стремленіе одной части церковнаго тѣла обвинить другую (въ сущности же не часть, а самое Церковь) въ неправославіи.

Высказанное и выясненное нами въ настоящемъ случаѣ понятіе о ереси составляетъ своего рода антикритику для критики соборной дѣятельности со стороны протестантовъ,— критики, начала которой получились въ лицѣ первыхъ реформаторовъ. Дѣйствительно соборы и первенствующіе дѣятели соборовъ брали еретическое ученіе не въ тѣхъ болѣе или менѣе узкихъ предѣлахъ, въ которыхъ было оно выражено, а въ совокупности всѣхъ послѣдствій, логически изъ него вытекающихъ, въ объемѣ всѣхъ заключеній, которыя можно изъ него вывести, хотя бы эти выводы прямо и не дѣлались самими ересеучителями. Такимъ образомъ начальники ересей обвинялись не только въ томъ, чему учили, но и въ томъ, чему не учили, что оставалось имъ чуждымъ, но что могло или должно было быть выведено съ логическою послѣдовательностью изъ того, что было ими высказываемо, что составляло предлагаемую ими формулу для той или другой отрасли ученія православнаго. Лютеру въ этомъ отношеніи приписывается честь открытія и провозглашенія того, что Несторій осужденъ былъ между прочимъ и за такія ученія, которыхъ никогда и не думалъ онъ проповѣдывать; то же впослѣдствіи неоднократно высказывалось и отно-

сительно Евтихія (Лютеръ. О соборахъ ed. Walch XVI. 275). Но что же изъ этого слѣдуетъ? Развѣ изъ того, что какой-нибудь Несторій, Евтихій или кто бы то ни было другой сами отчетливо не сознавали, къ чему ведетъ въ силу законовъ логики проповѣдуемое ими ученіе, какіе логическіе выводы съ необходимостью изъ него вытекаютъ, слѣдовало признавать самое ученіе ихъ безвреднымъ или маловреднымъ? Сравнительно малая ложь, въ самомъ корнѣ ученія заключающаяся, и независимо отъ нихъ, должна была необходимо принести свои пагубные для Церкви плоды. Въ томъ, что соборы и отцы соборовъ разсматривали лжеученія во всемъ діалектическомъ ихъ объемѣ, т. е. какъ нѣчто вполнѣ объективное, а не только въ тѣхъ рамкахъ, въ которыхъ было выражено оно самими ересеучителями, усматриваемъ мы строго критическій и строго научный пріемъ, достоинство, а отнюдь уже не недостатокъ или порокъ. Необходима была въ этихъ случаяхъ не литературная критика, не критика, источниковъ или критика проповѣдей, а критика ученія, т. е. философская критика, разсматривающая ученія во всемъ діалектическомъ ихъ объемѣ. Скажутъ: за что же осуждали людей, если они многаго изъ осуждаемаго не мыслили и не проповѣдовали? Соборы и отцы имѣли дѣло не съ людьми, а съ ученіями, осуждали не отдѣльныхъ людей, а прежде всего ихъ ученія. Да, но они осуждали и самихъ учащихъ, отлучая ихъ отъ Церкви, частію и за то, что съ ихъ вѣдома не входило въ составъ ихъ ученія? Конечно, такъ; но въ виду логической необходимости этихъ выводовъ обвиняемые не отказывались отъ тѣхъ опредѣленій, которыми стремились они замѣнить опредѣленія православія и негодность и ложность которыхъ именно и доказывалась этими, въ свое время не подмѣченными ими логическими послѣдствіями. Черезъ выводы доказывалась внутренняя ложь или, по крайней мѣрѣ, опасная негодность формулы, ими избираемой и ими противупоставляемой въ обличеніе неправославія Церкви. Ни одинъ еретикъ никогда не осуждался за то, отъ чего отрекался. Если же бы онъ и отказывался даже отъ опасныхъ послѣдствій, но упорно стоялъ за самый корень лжеученія, то отъ этого суть лжеученія отнюдь не убавлялась бы, а уменьшалась бы только сознательность лжеучителя. Но придерживаясь своей формулы, почитая ее православною, онъ обвинялъ въ неправославіи Церковь, исключалъ себя изъ нея, противупоставляя ей себя и свою партію, а потому Церковь могла отвѣчать на его упорство только лишеніемъ его церковной должности, имъ занимаемой, и отлученіемъ его самого отъ общенія съ нею. Низложеніе необходимо было потому, что иначе онъ являлся бы учителемъ ереси отъ имени Церкви; отлученіе являлось только церковнымъ признаніемъ имъ же самимъ уже совершеннаго перерыва общенія съ нею, ибо всякій еретикъ

признавалъ себя православнымъ, а Церковь неправославною, себя и свою партію противупоставлялъ Церкви. Въ основѣ всякой ереси лежитъ подготовляющійся или уже и существующій, но ищущій только выраженія и повода церковный расколъ.

Особенно знаменательнымъ въ этомъ отношеніи явленіемъ представляется именно ересь Евтихіева. Отъ самаго своего начала и вплоть до самаго Халкидонскаго собора она не имѣетъ никакого опредѣленнаго положительнаго содержанія и ограничивается только отрицаніемъ, протестомъ; она ничему положительному не учитъ, никакой новой формулы для признаваемаго ею православнымъ ученія не предлагаетъ и ограничивается только отрицаніемъ православія Церкви, заявленіемъ, что Церковь проповѣдуетъ новое ученіе, отступаетъ отъ опредѣленнаго и изложеннаго двумя вселенскими соборами православія. Сначала и это заявленіе совершается только въ видѣ глухой и безличной проповѣди. Какая-то сила, опирающаяся на множество разсѣянныхъ монастырей, на сочувствіе александрійскаго патріархата и на царскій станъ или, по крайней мѣрѣ на тѣсную связь съ сильными царедворцами, глухо протестуетъ противъ православности ученія Церкви. „Мы не знаемъ и мы не приняли того, что теперь проповѣдуется отъ лица Церкви; въ Церкви съ патріархомъ Константинопольскимъ во главѣ возвѣщается новое, не тожественное съ соборнымъ ученіе“. Къ несчастію, имѣлось и готовое уже слово для обозначенія этого неправославнаго будто бы ученія, вторгающагося въ Церковь и отъ имени Церкви высказываемаго. Такимъ словомъ было несторіанство. Словомъ этимъ злоупотребляли въ тѣ времена точно такъ же, какъ въ настоящія времена противники всякаго проявленія религіозной жизни злоупотребляютъ нерѣдко словами протестантство и раціонализмъ, обозначая этими кличками всякій просвѣтъ православія, слѣпящій глаза имъ, всякое живое православное слово, превосходящее тѣ узкія и тѣсныя рамки, въ которыхъ они православіе постигаютъ. Главнымъ содержаніемъ глухого проповѣдничества того громаднаго множества монашествующихъ, душою и представителемъ которыхъ явился Евтихій—опирающихся отчасти на партію въ царскомъ станѣ и отчасти на недовольную іерархію александрійскаго патріарха, былъ такимъ образомъ только протестъ противъ православности Церкви, обличеніе ея въ несторіанствѣ. „Церковь несторіанствуетъ“—таковъ былъ кликъ, раздававшійся со стороны монашествующихъ въ Константинопольскомъ патріархатѣ и по всему востоку. Протестъ этотъ не имѣлъ письменнаго выраженія, не составлялъ даже содержанія опредѣленной проповѣди; онъ выражался только глухимъ осужденіемъ, глухимъ ропотомъ, глухимъ обличеніемъ и отрицаніемъ, въ которомъ по временамъ только просвѣчивали осколки собственной догматической формулы ропщущихъ. Суть этого обличительнаго ропота, не

переходящаго еще въ формы опредѣленнаго, положительнаго ученія, превосходно изображена бл. Θеодоритомъ въ діалогѣ „Эраниста" т.-е. нищій, гдѣ въ видѣ нищаго изображается именно монашествующій нарушитель церковнаго міра, осуждающій безъ противупоставленія какихъ бы то ни было положительныхъ, опредѣленныхъ формулъ, вѣроученія. Обличающей партіи этой особенно любы были унаслѣдованныя александрійскою наукой отъ древнихъ философскихъ школъ выраженія: неопредѣленное, необъяснимое, невыразимое, несказуемое, невѣдомое и т. п., скрывающія подъ отрицательною формою извѣстный положительный смыслъ или, по крайней мѣрѣ, намеки на такой смыслъ. „Сказано въ писаніи, что Слово стало плотью, а это значитъ больше, чѣмъ то, что Оно приняло человѣческую природу. Оттого, что Оно стало плотью, Оно ничуть въ Самомъ Себѣ не потерпѣло измѣненія. Оно осталося тѣмъ же; въ этомъ неизреченное чудо. И все человѣческое можетъ быть приписываемо этому воплотившемуся Богу: Богъ родился, Богъ пострадалъ, тѣло Божіе. Какъ—остается необъяснимымъ, непостижимымъ для разума. Образъ совершенія всего этого извѣстенъ одному только Богу. Всѣ дальнѣйшія объясненія и изслѣдованія опасны для вѣры", „Богу все возможно, Богъ все совершаетъ, что хочетъ, и способомъ, Ему единому постижимымъ".—Таковъ былъ по существу своему монашествующій говоръ осужденія, проникавшій и во дворцы царедворцевъ и въ сердца чѣмъ-либо недовольныхъ клириковъ, но имѣвшій какъ было видно, весьма мало отголосковъ въ народѣ.

Это предостереженіе отъ опредѣленныхъ формулъ ученія справедливо было бы только въ томъ случаѣ или въ томъ только случаѣ имѣло бы нѣкоторое оправданіе, если бы, во-первыхъ, не заключало бы въ самомъ себѣ нѣкоторыхъ уже своеобразно опредѣляющихъ намековъ, а во-вторыхъ, если бы оно предъявлялось въ періодъ догматической невинности Церкви, а не тогда, когда послѣдовательный рядъ ересей побудилъ уже Церковь догматизировать свое ученіе въ противуположность этимъ ересямъ и поскольку это самими ересями этими требовалось. Сама, являющаяся теперь гонительницею догматическихъ изслѣдованій и догматической опредѣленности, партія еще только вчера была могучею ратью въ походѣ противъ несторіанства подъ руководствомъ Кирилла Александрійскаго и другихъ противниковъ еретичествующаго патріарха. На ряду съ самими церквами партія эта составляла силу въ борьбѣ, являлась оплотомъ церквей. Борьба успѣшно окончилась, церкви успокоились, а партія осталась внѣ дѣла церковнаго, едва почуявъ и опознавъ свою силу. Евтихій, за великія услуги свои недавно еще получившій отъ Кирилла Александрійскаго особый списокъ дѣяній Вселенскаго собора и этимъ почтенный въ качествѣ крупнаго соратника, теперь оказался только безмолвнымъ архи-

мандритомъ безмолвнаго и бездѣятельнаго монастыря. Въ такомъ же положеніи находилась и вся закончившая свою дѣятельность рать. Успокоенная Церковь жила своею жизнью, собирала мирно всякіе помѣстные соборы,—а они—члены партіи не принимали въ жизни ея самостоятельнаго участія, не представляли для нея самостоятельнаго значенія, являлись въ ней развѣнчанною на время силою. Естественно казалося многимъ изъ нихъ, что время дѣятельности ихъ закончено еще не вполнѣ, что правое ученіе не вполнѣ еще восторжествовало, что въ самомъ голосѣ представителей Церкви слышатся отзвуки столь долго преслѣдованнаго ими несторіанства. Недавно еще они приносили Церкви пользу, возмущая противъ еретика патріарха и еретичествующей іерархіи, теперь и православная іерархія представлялась имъ недостаточно правовѣрною, и они чуяли въ себѣ призывъ къ возмущенію противъ нея. Отвыкнувъ жить только покаяніемъ и „себѣ въ уединеніи внимати“, они тосковали объ упразднившейся силѣ своей и искали проявить свое значеніе въ качествѣ самостоятельной церковной силы и численной власти, такъ что послѣдующему вселенскому собору пришлось напоминать имъ объ истинномъ ихъ призваніи и объ истинномъ мѣстѣ ихъ въ церковномъ домостроительствѣ. „Дошло до слуха святаго собора, что нѣкоторые изъ клира и монашествующіе, не имѣя никакихъ порученій отъ своего епископа, а иные, даже бывъ отлучены отъ общенія церковнаго, приходятъ въ царствующій градъ Константинополь и въ ономъ долго жительствуютъ, творя смятенія и нарушая церковное устройство. Того ради опредѣлилъ святый соборъ: во-первыхъ, посредствомъ экдика святѣйшія Константинопольскія церкви напоминаетъ имъ, да удалятся изъ царствующаго града; аще же безстыдно продолжать будутъ тѣ же дѣла, то удаляти ихъ изъ онаго и неволею посредствомъ того же экдика и возвращать къ своимъ мѣстамъ“ (Халкид. Соб. Прав. 23). „Соумышленіе или составленіе скопища, какъ преступленія, совершенно воспрещены и военными законами (т. е. законами государственными); кольми паче должно возбранять, чтобы въ Церкви Божіей сего не было. Аще убо нѣкіе изъ клира или монашествующіе, окажутся обязующими другъ друга клятвою или составляющими скопище или строящими ковы епископу либо своимъ сотрапезникамъ, совсѣмъ да будутъ низвержены со своей степени“. (Прав. 18). Здѣсь подъ скопищами и соумышленіями (φρατρίαι и συνωμοσία) подразумѣваются не случайно образующіяся народныя толпы, а правильно и предумышленно составляемые и скрѣпляемые клятвою союзы или братства, существующіе для достиженія опредѣленной, заранѣе поставляемой цѣли. Въ данномъ случаѣ цѣлью такихъ союзовъ выставляется устроеніе кововъ епископамъ и своимъ сопричетникамъ или соклирикамъ.

Но въ подлинникѣ, собственно говоря, ни о какихъ ковахъ не упоминается и говорится не объ устроеніи чего-либо противъ соклириковъ и епископовъ, а объ устроеніи чего-либо для соклириковъ и епископовъ. Но чего именно? Κατασκευη επισκοποις значитъ только приготовленіе, учрежденіе, снаряженіе, снарядъ, средство епископамъ или для епископовъ. Итакъ, о чемъ же собственно гласитъ воспрещеніе? противъ чего возстаетъ соборъ разсматриваемымъ нами канономъ и въ чемъ проявилося замѣченное зло церковное, которое хочетъ онъ устранить на будущее время. Государственный законъ, о которомъ упоминается въ канонѣ, воспрещалъ образованіе всякихъ новыхъ сообществъ — collegia et sodalitia, иначе какъ съ предварительнаго разрѣшенія сената и императорской власти. (*Puchta* Jnstit. II § 191 p. 255). *Walter* Gd. R. R. p. 253). Всякое, безъ таковаго разрѣшенія возникающее и образующееся сообщество являлось такимъ образомъ преступнымъ—collegium illicitum. Если такая зависимость отъ цѣлаго умѣстна въ государствѣ, то еще болѣе, по мнѣнію отцовъ собора, является умѣстною она въ Церкви. „Преступное учиненіе клятвеннаго заговора или братства вполнѣ воспрещается и военными законами. Тѣмъ же болѣе подобаетъ запретить возникать таковымъ въ Церкви. Если обрѣтутся такимъ образомъ нѣкоторые клирики или монашествующіе связывающими другъ друга клятвами, или образующими братство (φρατριαζοντεσ) или устрояющими приготовленія для епископовъ или соклириковъ да будутъ вполнѣ низвергнуы съ своей степени“. Какъ ни неопредѣленнымъ является выраженіе κατασκευη—приготовленіе, учрежденіе, снарядъ, не трудно, однако, понять, что канонъ возбраняетъ клирикамъ и мірянамъ какъ сплачиваться въ неразрѣшенные и неустановленные всею Церковью клятвенные союзы и братства, такъ и образовывать изъ себя учрежденія, снарядъ для осуществленія частныхъ цѣлей того или другого епископа или соклирика, т. е. вообще становиться его орудіемъ, его отдѣльною арміей. Слѣдуетъ замѣтить, что канонъ говоритъ не о „своемъ“ для каждаго „соклирика“ и не о „своемъ“ для каждаго или для всѣхъ соединяющихся епископовъ, а о соклирикѣ вообще и объ епископѣ вообще. Если принять въ соображеніе, что соборы вообще по принципу касались только вопросовъ, возбужденныхъ практикою непосредственно имъ предшествующаго времени, то не трудно будетъ заключить, что вся церковная неурядица евтихіанскаго движенія представлялася отцамъ собора послѣдствіемъ противузаконнаго сплоченія клириковъ и монашествующихъ въ качествѣ снаряда, орудія нѣкоторыхъ отдѣльныхъ епископовъ и преимущественно низложеннаго впослѣдствіи соборомъ патріарха александрійскаго Діоскора.

Какъ ранѣе разсмотрѣнный канонъ (23) стремился положить предѣлъ внѣцерковному, т. е. независимому отъ іерархіи переходу монашествующихъ изъ епархіи въ епархію и приходу ихъ въ царствующій градъ, а равно и долгому пребыванію въ немъ, обличающему существованіе церковно-политическихъ цѣлей, такъ и настоящимъ канономъ возбранялось учиненіе нарушеній церковнаго мира сплоченною клятвами и заговорами множественностью монашествующихъ—силою, имѣющею своихъ представителей по всему простору церковной области. Поясненіемъ и подтвержденіемъ выше сказаннаго служитъ и описанная уже нами попытка Евтихія найти противовѣсъ силѣ патріаршаго собора въ силѣ единогласно протестующихъ монастырей и тѣ колоссальные безпорядки монашествующихъ, которыя явились послѣдствіемъ самого Халкидонскаго собора. Урѣзавъ двумя выше разсмотрѣнными канонами свободу опасной для Церкви дѣятельности монашествующихъ, положивъ своего рода тормазъ возможности массоваго ихъ вліянія, тотъ же соборъ указалъ имъ и надлежащее мѣсто ихъ въ Церкви,—мѣсто, создаваемое самою цѣлью и самою сущностью ихъ подвига. „Истинно и искренно проходящіе монашеское житіе да удостоиваются слѣдующей имъ чести. Но такъ какъ нѣкоторые, пользуясь украшеніемъ монашескимъ, не только смущаютъ дѣла Церкви и дѣла государственныя, но даже сами пытаются создавать для себя монастыри, то разсудили, чтобы никто и нигдѣ не созидалъ и не основывалъ монастыря или молитвеннаго дома безъ соизволенія епископа града. Монашествующіе по городамъ и по областямъ да пребываютъ подчиненными епископу, да соблюдаютъ безмолвіе, да прилежатъ только посту и молитвѣ, безотлучно пребывая въ тѣхъ мѣстахъ, въ которыхъ отреклись отъ міра, *да не вмѣшиваются* ни въ церковныя, ни въ житейскія дѣла и да не пріемлютъ въ нихъ участія, оставляя свои монастыри, развѣ только когда будетъ предоставлено это самимъ епископомъ града... Преступающимъ же сіе наше опредѣленіе постановили мы быть чуждымъ общенія церковнаго, да не хулится имя Божіе. Епископу же града подобаетъ имѣть о монастыряхъ должную заботу". Церковное назначеніе и церковное служеніе монашествующихъ заключается, по словамъ собора, только въ „соблюденіи безмолвія, прилежаніи посту и молитвѣ" и подчиненіи Церкви въ лицѣ епископа града. Дѣятельнаго участія въ жизни церковной они не принимаютъ и принимать не могутъ, именно въ силу наложенныхъ ими на себя узъ, которыя связуютъ это ихъ значеніе церковной силы, а не служатъ ему залогомъ и оправданіемъ. Превосходнымъ толкованіемъ къ этому канону служатъ позднѣйшія постановленія Трульскаго собора, задавшагося цѣлью ничего не прибавлять къ уже существующему, равно какъ и ничего не убавлять отъ него, вслѣдствіе чего и самыя постановленія должны пред-

ставляться намъ не новыми, а только поясненіемъ уже разсмотрѣнныхъ. Ибо мы, говорятъ отцы собора, сообразно съ тѣмъ, что опредѣлено было прежде, совершенно рѣшили ниже прибавлять что-либо, ниже убавлять, и не могли никоимъ образомъ" (Прав. I) И, чтобы не подумалъ кто-либо, что сказанное относится только къ постановленіямъ догматическимъ, о которыхъ раньше шла рѣчь, соборъ и переходъ къ самому устроенію церковному начинаетъ перечисленіемъ принимаемыхъ Церковью соборныхъ и отеческихъ правилъ, оставляемыхъ имъ во всей силѣ и неизмѣнности, заключая перечисленіе слѣдующими словами: „Никому да не будетъ позволено вышеозначенныя правила измѣнять или отмѣнять или, кромѣ предложенныхъ правилъ, пріимать другія... Аще же кто обличенъ будетъ, яко нѣкое правило изъ вышерѣченныхъ покусился измѣнити или превратити, таковой будетъ повиненъ противъ того правила понести епитимію, каковую оно опредѣляетъ и черезъ оное врачуемъ будетъ отъ того, въ чемъ преткнулся". (Прав. 2) Такимъ образомъ и постановленія Трульскаго собора о монастыряхъ и монашествующихъ являются не новыми, а только поясняющими правила непосредственно предшествовавшаго Халкидонскаго собора въ усиленномъ отчасти видѣ, ибо исторія промежуточнаго между соборами періода именно и являлась особенно яркимъ доказательствомъ необходимости такого усиленія. Соборъ между прочимъ буквально повторяетъ сдѣланное раньше постановленіе о клятвенныхъ союзахъ и братчинахъ, а также обращаетъ вниманіе и на пустынниковъ, не принадлежащихъ къ какимъ-либо монастырямъ, о которыхъ прежде не дѣлаемо было никакого распоряженія, въ виду того, что этого не требовало само церковное устроеніе. „О именуемыхъ пустынникахъ, которые въ черныхъ одеждахъ и съ отрощенными волосами обходятъ грады, обращаясь посреди мірскихъ мужей и женъ и безславятъ обѣтъ свой, опредѣляемъ: аще восхотятъ, постригши власы, принять образъ прочихъ монашествующихъ, то опредѣлять ихъ въ монастырь и причислять къ братіямъ. Аще же не пожелаютъ сего, то совсѣмъ прогонять ихъ ихъ изъ градовъ, и жить имъ въ пустыняхъ, отъ коихъ и именованіе себѣ составили" (Прав. 43). Этимъ канономъ соборъ хотѣлъ наложить узду на монашествующихъ, не принадлежащихъ къ опредѣленнымъ монастырямъ и черезъ тяготѣніе свое къ царствующему граду не только нарушающихъ миръ церковный, но и заправляющихъ церковными дѣлами и даже пробирающихся на высшія должности церковныя, какъ напр. монофизитствующій Аноимъ, ставшій черезъ посредство распутной императрицы Θеодоры даже временно патріархомъ Константинопольскимъ. „Позволительно христіанину избрати подвижническое житіе и по оставленіи многомятежной бури житейскихъ дѣлъ вступить въ монастырь и по-

стрищися по образу монашескому, аще бо и обличенъ былъ въ какомъ-либо грѣхопаденіи, ибо Спаситель нашъ Богъ рекъ: грядущаго ко Мнѣ не изжену вонъ. Понеже убо монашеское житіе изображаетъ намъ жизнь покаянія, то искренно прилѣпляющагося къ оному одобряемъ и никакой прежній образъ жизни не воспрепятствуетъ ему исполнить свое намѣреніе“ (Прав. 43). Неоднократно и помѣстные соборы стремились прикрѣпить монашествующихъ къ монастырямъ и всецѣло подчинить ихъ власти мѣстныхъ епископовъ. Такъ въ правилахъ такъ называемаго двукратнаго Константинопольскаго собора читаемъ мы между прочимъ. „Еще и нынѣ, когда благочестіе повсюду уже распространилось и Церковь избавилась отъ соблазновъ, отходятъ нѣкоторые изъ своихъ монастырей и, какъ нѣкій неудержимый потокъ, туда и сюда уклоняяся и переливаяся, наполняютъ обители многимъ неблагообразіемъ, вносятъ съ собою великій безпорядокъ и благолѣпіе послушанія разстраиваютъ и разрушаютъ. (Прав. 4)

Всѣ таковыя правила имѣютъ исходнымъ правиломъ своимъ и основаніемъ постановленія Халкидонскаго собора, впервые остановившаго вниманіе на отношенія монастырей и монашествующихъ въ Церкви, на ихъ положеніе въ Церкви и значеніе для Церкви. Церковь не только допускаетъ, но даже одобряетъ подвигъ монашествующихъ, но только усматривая въ немъ подвигъ покаянія, безмолвія, поста и молитвы, вслѣдствіе чего и никакой прежній образъ жизни не препятствуетъ его принятію, но почитаетъ монашество только повиновеніемъ, а не начальствованіемъ, ученичествомъ, а не учительствомъ, причисляя монаховъ къ пасомымъ, а не къ пастырямъ и воспрещая вслѣдствіе того пастырямъ снисходить или спускаться въ монашество иначе, какъ отрѣшаясь одновременно отъ самаго сана своего. По самому характеру избираемаго подвига и даваемаго обѣта, монашествующіе уже добровольно лишаются права участвовать въ общемъ дѣлѣ строенія церковнаго (если только не посредствомъ зодческихъ молитвъ своихъ), а Церковь не только не возстановляетъ ихъ въ этомъ правѣ, но и прямо воспрещаетъ имъ всякія такого рода вмѣшательства. Какъ разрѣшеніе новыхъ монастырей, такъ и главное попеченіе о духовномъ благосостояніи ихъ и преуспѣяніи всѣхъ монастырей вообще ввѣряется Церковью мѣстному епископу, ибо они составляютъ только часть его паствы, отличающуюся отъ остальныхъ частей ея усиленною обязанностью повиновенія и отрѣшеніемъ отъ вмѣшательства въ дѣла церковныя. Другаго взгляда на монашество и монастыри у соборной, опредѣлившейся соборами Церкви нѣтъ и не было. Если же и появлялся по временамъ въ исторіи взглядъ на обители монашествующихъ, какъ на своего рода свободные оазисы въ предѣлахъ епископской церкви, какъ на своего рода независимыя въ ней респуб-

лики, соединенныя съ нею только служеніемъ одному и тому же Богу или даже стоящія не просто въ ней, а надъ нею, то такой взглядъ, какъ противорѣчащій соборнымъ постановленіямъ Церкви, исходилъ не изъ Церкви, принадлежалъ не Церкви, а метался откуда-нибудь со стороны или просто-на-просто являлся суетнымъ воображеніемъ той или другой группы увлеченныхъ гордыней монаховъ.

Правда, и эта гордыня, и это церковное ослѣпленіе имѣютъ въ исторіи нѣкоторое оправданіе. Бывали времена, когда ересь, поддерживаемая и государствомъ и покоряющеюся государству робкою, а иногда и отъ него же поставляемою и подбираемою іерархіей, разрушала всякую закономѣрность строенія церковнаго, уничтожала всякое значеніе существующихъ въ ней, т.-е. въ Церкви степеней и призваній. Вѣрующіе міряне спасались тогда нерѣдко въ пустыни, чтобы въ пустыняхъ отстаивать свою вѣру, охранять свою святыню; свободные отъ міра и отъ всего мірскаго отшельники монастырей выходили тогда изъ монастырей и шли изъ пустынь, чтобы, пользуясь этою именно свободою, исповѣдывать тѣснимую истину, приготовлять ей побѣду самою смѣлостью и силой своего исповѣдничества. Но исключительныя минуты не обосновываютъ общаго правила, а тѣмъ болѣе не нарушаютъ правила уже разъ установленнаго. Возможное тогда, когда упраздненъ самый канонъ строенія церковнаго, пребываетъ возбраненнымъ при закономѣрномъ теченіи дѣлъ церковныхъ. Исповѣдничество, какъ мученичество или рѣшимость на мученичество, какъ подвигъ, превосходящій всякіе каноны и почитавшійся даже равносильнымъ самому крещенію для не успѣвшихъ получить его, отнюдь не равносильно учительству въ обыкновенныя времена церковныя. Право вмѣшательства въ дѣла церковныя подъ ударами палачей, истязующихъ тѣло, душу же не могущихъ убити, право проявленія духовной свободы своей, когда безмолвствуютъ тѣ, которые должны бы обладать ею, дается Духомъ Святымъ независимо отъ всякихъ каноновъ церковныхъ. Но это опять не уничтожаетъ благотворной необходимости канона при обыкновенномъ положеніи дѣлъ церковныхъ. Нарушеніе его при исключительныхъ, особыхъ обстоятельствахъ, т.-е. тогда, когда въ сущности нечего уже и соблюдать, является столько же благотворнымъ, сколько тлетворнымъ является оно при обыкновенномъ положеніи дѣлъ, имѣя источникомъ своимъ любоначаліе или неправое представленіе о значеніи монашества въ общемъ дѣлѣ домостроительства церковнаго.

Если нѣсколькимъ вѣкамъ канонической жизнедѣятельности церковной приходилось уравновѣшивать и упорядочивать непрестанно ростущую силу монашествующей массы, то можно представить себѣ, какъ опасна была

эта масса передъ эпохою Халкидонскаго собора, впервые приступившаго къ этому упорядочиванію, именно вслѣдствіе проявленія вредной для Церкви дѣятельности съ ея стороны. Выше мы назвали уже массу эту протестанствующими и ограничивающимися однимъ только протестомъ, обвиняющими Церковь въ неправославіи и ограничивающимся однимъ только этимъ обвиненіемъ, не противуполагающими открыто никакого содержанія, никакой догматической формулы. Вся суть обвиненія заключалась въ томъ, что Церковь проповѣдуетъ *сверхъ* Писанія, болѣе того, что непосредственно выражается имъ, *сверхъ* прямаго содержанія никейской и ефесской формулъ. Но ограниченіе непосредственнымъ содержаніемъ нѣсколькихъ новозавѣтныхъ текстовъ являлось уже намекомъ на положительное ученіе, несогласное съ ученіемъ Церкви, а потому и началомъ новаго лжеученія, приближающагося уже къ аполинаризму, какъ къ готовой и завершенной формулѣ, не получившей въ соборномъ постановленіи своего опроверженія. Стремленіе удовлетворяться и принудить Церковь къ ограниченію своего ученія только формулами первыхъ вселенскихъ соборовъ отрицало у Церкви значеніе хранительницы живаго догматическаго преданія. Формулы соборныхъ опредѣленій были принаровлены только къ ересямъ, вызвавшимъ необходимость строгаго и точнаго опредѣленія— т.-е. къ аріанству и несторіанству. Какъ обличенія и осужденія этихъ ересей, онѣ были безспорно полны и совершенны, ибо ихъ и имѣли въ виду, но стоило только появиться новой, непредусмотренной ими ереси, чтобы сказалась и относительная ихъ недостаточность. Такая ересь существовала уже и раньше въ лицѣ аполинаризма, оставленнаго соборомъ безъ вниманія, какъ не составлявшаго злобу дня. Формула ефесскаго собора, какъ направленная противъ прямо противуположнаго ученія Несторія, даже открывала нѣкоторую свободу родственнымъ аполинаризму толкованіямъ. Представители Церкви такимъ образомъ обязаны были проповѣдывать догматическое преданіе Церкви и внѣ тѣхъ формулъ, въ которыхъ ради злобы дня изложена была часть этого преданія на соборахъ. Помимо уже преданія, написаннаго, имъ представлялся руководящій матеріалъ въ обличавшихъ родственный возникавшему лжеученію аполинаризмъ, писаніяхъ Григорія Богослова, Аѳанасія Александрійскаго, Василія Великаго и даже самого Кирилла, съ именемъ котораго монашествующая масса связывала воспоминанія о своихъ недавнихъ побѣдахъ.

Къ этому присовокупилось еще неправильное пониманіе со стороны протестующихъ или ложное толкованіе шестого правила собора Ефесскаго: „аще нѣкіе восхотѣли бы, какимъ-либо образомъ поколебати то, что о каждомъ изъ нихъ учинено святымъ соборомъ въ Ефесѣ, святой соборъ опредѣлилъ, чтобы таковые — епископы или клирики сверга-

лись со степеней, а міряне отлучались отъ Церкви. Подобно тому седьмымъ правиломъ воспрещалось всякому произносить, писать или слагать иную вѣру, кромѣ опредѣленной отъ святыхъ отецъ въ Никеѣ градѣ", гдѣ подъ вѣрою очевидно подразумѣвалося не вѣроученіе въ широкомъ значеніи этого слова, а сvмволъ, отличный отъ Никейскаго. Опредѣленіе предмета, въ качествѣ логической формулы, есть не что иное, какъ совокупность отличеній его отъ не тожественныхъ съ нимъ, но подобящихся или противупоставляемыхъ въ подобіе ему предметовъ. Появленіе новаго сравниваемаго предмета, отличнаго отъ вліявшихъ на составъ опредѣленія, уясняетъ и нѣкоторую неполноту и недостаточность самого опредѣленія. Въ виду этого и появленіе новыхъ, по существу своему ересей, вызывало и необходимость новой, излишней въ прежнее время опредѣленности, иначе ересь, какъ то и оказывалось на дѣлѣ, могла свободно подводить себя подъ общую съ православіемъ формулу. Относительная неполнота и недостаточность Никео-Константинопольскаго сvмвола, опредѣлялась между прочимъ и тѣмъ, что послѣдователи Евтихія и позднѣйшіе монофизиты доказывали въ противовѣсъ православію абсолютную его достаточность и замкнутость и хранятъ его до сего время совершенно наравнѣ съ православною Церковью. Сvмволъ вѣры Никео-Цареградскій до сихъ поръ читается въ часословѣ коптовъ монофизитовъ безусловно такъ, какъ читаемъ его и мы. И Несторій и несторіанцы отнюдь не отрицали первенствующее значеніе Никео-Константинопольскаго сvмвола, неизмѣнно сохраняя его и въ богослуженіи, что не препятствовало имъ имѣть и болѣе подробныя исповѣданія или своего рода толкованія его, соотвѣтственно толкованіямъ противуположныхъ имъ по ученію соборовъ. Въ абиссинскомъ, коптскомъ и армянскомъ богослуженіи употребляется кромѣ того еще и древній Никейскій сvмволъ безъ сдѣланныхъ вторымъ вселенскимъ соборомъ добавленій и улучшеній. Сvмволъ вѣры Никео-Константинопольскій исповѣдуется нами наравнѣ съ армянами, несторіанами и монофизитами, но только сочетаніе его съ разъясненіями, сдѣланными на Халкидонскомъ и второмъ Константинопольскомъ соборѣ (о двухъ естествахъ и о двухъ воляхъ), равносильныхъ сvмволу, хотя и не вошедшихъ въ составъ его, представляетъ наше отличное отъ нихъ исповѣданіе. Сvмволъ, по самой природѣ своей и по самому значенію слова, есть знакъ или знамя нашего отличія отъ проявившихся уже ересей, запись затронутой ересями части преданія, а не изложеніе всей его совокупности во всѣхъ его подробностяхъ. Впервые возникли сvмволы для отличенія христіанства отъ язычества, а объединились они въ одинъ сvмволъ и получили развитіе и дополненіе— для отличенія отъ возникавшихъ наряду съ Церковью ересей, въ той

именно мѣрѣ, въ которой это требовалось содержаніемъ самихъ ересей. Церковному преданію напримѣръ, равно присущи были всѣ таинства, признаваемыя въ настоящее время Церковью, но упоминается въ символѣ только о вѣрѣ въ единство крещенія потому, что только это единство оспаривалось въ то время ересью, требующею повторяемости крещенія.

Практическій поводъ возникновенія 7-го правила Ефесскаго собора, — прямо указуется намъ самыми дѣяніями собора. Поводомъ этимъ явилось сообщеніе пресвитера Харизія о новой формулѣ исповѣданія, сочиненной единомышленниками Несторія пресвитерами Антоніемъ и Іаковомъ и предложенной ими къ подписанію многихъ клириковъ и епископовъ Лидійскихъ, а затѣмъ предлагаемую ими къ подписанію всѣмъ, „кои желали считать себя въ числѣ правовѣрныхъ, *соблюдающихъ церковные догматы* и кои желали перейти отъ какого-нибудь еретическаго заблужденія къ истинѣ“. „Когда православный пресвитеръ Харизій все это объяснилъ отцамъ Св. собора и разъяснивъ, представилъ на разсмотрѣніе самое исповѣданіе, какое распространяютъ несторіане при помощи Іакова, то соборъ поелику усмотрѣлъ въ разсматриваемомъ исповѣданіи очевидные признаки несторіанства, постановилъ, чтобы на будущее время никому не позволено было ни произносить, ни слагать иную вѣру, (т.-е. иное исповѣданіе вѣры, кромѣ той, которая опредѣлена Св. отцами, со Св. Духомъ, сошедшимися въ городѣ Никеѣ); кто же дерзнетъ составлять иное исповѣданіе и предлагать свое новосоставленное исповѣданіе желающимъ обращаться къ православію отъ язычества или отъ іудейства, или отъ иной какой ереси,— ежели они епископы или принадлежатъ клиру—да будутъ чужды—епископы епископства, клирики—клира; а ежели міряне, то да будутъ анаѳема“. (Исторія Св. Вселенскихъ соборовъ Еп. Іоанна. I стр. 233). Самый канонъ начинается словами: „По прочтеніи сего“. Изъ актовъ мы видимъ, что прочитаны были символъ Никейскій и поврежденное изложеніе символа, представленное собору филадельфійскимъ пресвитеромъ Харизіемъ. Отсюда ясно слѣдуетъ, что соборъ воспрещаетъ частнымъ лицамъ, хотя бы они были епископами или клириками или хотя бы и заручалися подписями, какъ одобреніемъ со стороны епископовъ и клириковъ, сочинять для богослужебныхъ или вообще церковныхъ цѣлей и примѣнять къ богослужебнымъ или вообще церковнымъ цѣлямъ иныя изложенія вѣры (символы), кромѣ утвержденныхъ признанными Церковью соборами, т.-е. въ данномъ случаѣ Никео-цареградского символа. Отсюда, конечно, отнюдь не слѣдуетъ, чтобы не могли слагаться и писаться, а также и скрѣпляться подписями отдѣльныхъ епископовъ и клириковъ, въ качествѣ своего рода рекомендаціи, частныя изложенія вѣры, не

заявляющія притязаній на церковно-обязательное значеніе, ибо иначе не имѣлось бы въ богословской литературѣ нашей ни изложеній вѣры Іоанна Дамаскина, патріарха Геннадія, Досиѳея и др., ни исповѣданія Петра Могилы или Катихизиса митрополита Филарета, заключающихъ въ себѣ отнюдь не одинъ только сѵмволъ. Отсюда не слѣдуетъ и подавно, чтобы Церковь въ борьбѣ съ иноученіями не могла выходить за предѣлы установленнаго сѵмволомъ, разумѣется, не противорѣча тому, что черезъ нихъ уже установлено, ибо иначе она и отвергающихъ таинство причащенія не могла бы отвергать потому только, что о томъ въ сѵмволѣ не говорится. Слѣдуетъ изъ вышеприведеннаго правила только то, о чемъ непосредственно въ немъ говорится, т. е. только то, что *никто* въ Церкви не долженъ сочинять или слагать или предлагать (προφέρειν) иного изложенія вѣры кромѣ опредѣленнаго, придавая ему церковное значеніе, сѵмволу только одному подобающее.

Изъ всего до сихъ поръ изложеннаго нами слѣдуетъ, что исходящее отъ партіи Евтихія и Діоскора требованіе, чтобы довольствовалась и удовлетворялась Церковь не только въ учительской, но и въ полемической дѣятельности своей безусловно только содержаніемъ изложеннаго и установленнаго для отраженія предшествовавшихъ ересей въ сѵмволѣ никео-цареградскомъ, и не выражала учительскимъ словомъ всей остальной еще части живого своего преданія, а также и логическихъ послѣдствій, изъ сего преданія проистекающихъ,—было посягательствомъ на свободу Духа, живущаго въ Церкви, стремленіемъ заковать этотъ Духъ и обречь его на молчаніе, а черезъ то и сдѣлать Церковь беззащитною отъ наступающихъ на нее иноученій. Уже самое это посягательство на живую еще самодѣятельность Церкви и на живое еще самоопредѣленіе Церкви исходило изъ непризнаванія истиннаго значенія Церкви или ложнаго представленія о ней. Такимъ образомъ, и не внося никакого новаго положительнаго ученія, евтихіанство, какъ протестъ противъ Церкви и жизнедѣятельности ея, исходило изъ ложнаго взгляда на Церковь, ея суть и значеніе, частію потому, что желало заковать Церковь и обречь ее на догматическое бездѣйствіе, почитая въ этомъ отношеніи задачу ея истощенною и исчерпанной разъ навсегда тремя первыми соборами, частію потому, что самый протестъ свой стремилося оно привести къ осуществленію внѣцерковными средствами, т.-е., при помощи отрѣшенной отъ Церкви и самостоятельной по отношенію къ ней силѣ монастырскаго множества, частію при содѣйствіи царскаго стола и отдѣльныхъ, почему-либо тяготѣющихъ къ монастырямъ царедворцевъ.

Уже и на помѣстный Константинопольскій соборъ Евтихій появляется облеченнымъ этою внѣ-церковною своею силою, или точнѣе, во все-

оружiи этой силы. Обвинитель его Евсевiй Дорилейскiй, смѣло выступившiй, будучи еще простымъ мiряниномъ, противъ ереси патрiарха Несторiя, теперь и въ званiи епископа чувствуетъ страхъ передъ обличаемымъ. „Я боюсь, говоритъ онъ, его сношенiй... Я бѣденъ, а онъ богатъ; онъ угрожаетъ мнѣ ссылкою и живописуетъ уже ту пустыню, въ которую буду заточенъ я". Мы уже говорили о томъ, какъ высокомѣрно принималъ онъ посланныхъ отъ собора, какъ отказывался явиться, ссылаясь на свое правило, какъ намѣревался послать на соборъ своего представителя, и какъ наконецъ предсталъ передъ соборомъ окруженный множествомъ воиновъ и монаховъ, въ сообществѣ представителя царской власти. Но, будучи вождемъ вышепомянутаго ополченiя, Евтихiй въ совершенномъ ничтожествѣ представляется передъ соборомъ. Онъ не проповѣдникъ ученiя, хотя бы и ложнаго; онъ уклоняется отъ заявленiя какого бы то ни было положительнаго исповѣданiя, стремится избѣжать всякой, какой бы то ни было опредѣленности. Неохотно, повинуясь собору, прочитываетъ онъ заранѣе имъ изготовленное письменное изложенiе вѣры, но такое, въ которомъ вовсе и не касается спорнаго вопроса. Спрошенный Флавiаномъ, исповѣдуетъ ли онъ, что Христосъ единосущенъ Отцу по Божеству и единосущенъ Матери по человѣчеству?—Евтихiй отвѣчаетъ: я уже сказалъ, какъ я мыслю объ Отцѣ, Сынѣ и Св. Духѣ (въ своемъ исповѣданiи); ни о чемъ другомъ еще меня не спрашивайте. (*Лебедевъ.* Истор. Вс. Собор. II, 161). Не выступая учителемъ, онъ не является и обвинителемъ отцовъ помѣстнаго собора въ неправославiи, не протестуетъ на соборѣ, какъ протестовалъ до него и будетъ протестовать послѣ. Онъ сохраняетъ на соборѣ тоже самое равнодушiе къ вѣрѣ церковной и къ самой Церкви, которое проявилъ и передъ явившимися звать его уполномоченными собора. „Пусть архiепископъ и соборъ, сказалъ онъ тогда, отказываясь идти, дѣлаютъ со мной, что угодно, и пусть не хлопочутъ болѣе о новомъ вызовѣ". Это не было подвигомъ; соборъ могъ только низложить его, но Евтихiй зналъ, что имѣется сила способная защитить его. Соборъ да и вся вообще Церковь не представлялись ему поприщемъ для дѣятельности; онъ относился къ нимъ съ полнымъ пренебреженiемъ и только извнѣ чувствовалъ себя способнымъ дѣйствовать и на отцовъ собора и на самую Церковь. Находящаяся въ распоряженiи его численность монашествующихъ, расположенный къ тому же дѣлу протеста патрiархъ Дiоскоръ и сочувствующiй евнухъ Хризафiй представлялись ему гораздо болѣе заслуживающею уваженiя силой. Оттого-то на соборѣ онъ ничего не высказываетъ опредѣленно, и даже самое рѣшительное выраженiе протеста сдѣлано было не на соборѣ, а еще до собора, въ качествѣ вызова собора передъ его уполномоченными. „Да

не будетъ того, чтобы я говорилъ, что Христосъ состоитъ изъ двухъ естествъ; если же хотятъ низложить меня, если хотятъ что-либо сдѣлать со мною, пусть дѣлаютъ". Въ этихъ словахъ выражается несогласіе вѣровать заодно съ Церковью, протестъ противъ ученія церковнаго, но никакого положительнаго ученія, положительной вѣры еще не выражается. На самомъ соборѣ Евтихій неоднократно желаетъ выставить себя человѣкомъ, насилуемымъ въ своихъ убѣжденіяхъ и, пожалуй, готовымъ даже подчиниться насилію. „До сего дня я не признавалъ этого; въ началѣ я не училъ такъ, а теперь говорю это, потому что ваша святость такъ говоритъ". Замѣчательно и отношеніе собора къ этой, не однократно высказанной готовности подчиниться насилію. „Весь соборъ возставши воскликнулъ: по принужденію нѣтъ вѣры, истинная вѣра всегда побѣждаетъ!" (Лебедевъ, 20).

Евтихій, постановленіемъ мѣстнаго собора, былъ лишенъ пресвитерскаго достоинства и начальства надъ монастыремъ, а также и отлученъ отъ общенія.

Но тутъ-то и начинается настоящая дѣятельность его, не проявлявшаяся на соборѣ. Черезъ евнуха Хрисафія Евтихій поднимаетъ на ноги расположенную къ нему, къ его монастырю и къ другимъ монастырямъ придворную партію, приноситъ императору жалобу на соборъ и добивается того, что императоръ пишетъ на жалобѣ его требованіе, чтобы „изслѣдовалась истина дѣла". Вскорѣ императоръ становится уже явнымъ сторонникомъ Евтихія. Тогда Евтихій самъ съ своей стороны повсюду въ церкви ищетъ себѣ сторонниковъ и покровителей. Онъ приноситъ жалобу Римскому первосвященнику, разсчитывая на соперничество его съ Константинопольскимъ патріархомъ и на время склоняетъ его на свою сторону. Сношенія съ Діоскоромъ и александрійцами продолжались, конечно, своимъ чередомъ. И вотъ плодомъ и послѣдствіемъ всѣхъ этихъ сношеній является созванный Ѳеодосіемъ младшимъ въ качествѣ вселенскаго, Ефесскій соборъ 449 года, Церковью не признанный и извѣстный въ исторіи подъ именемъ разбойничьяго собора. Мы не станемъ развертывать черныхъ страницъ этого собора, на которомъ православіе представлялось только осуждаемымъ меньшинствомъ, а большинство добровольно или, какъ оно завѣряло впослѣдствіи, подъ вліяніемъ страха, явно держало сторону сильныхъ, т.-е. Евтихія, императора и Діоскора. Для насъ существенно важнымъ является только то, что и на этотъ разъ со стороны Евтихія и многочисленныхъ его приверженцевъ и споспѣшниковъ не выражено было никакого положительнаго ученія, не построено никакой положительной формулы исповѣданія; все ограничивалось только отрицаніемъ ученія православныхъ, протестомъ противъ него, какъ про-

тивъ отступничества отъ вѣры соборной. Самый указъ императорскій уже заключалъ въ себѣ явную двусмысленность. „Такъ какъ нынѣ,“ говорилось въ немъ, „опять возбуждено новое недоумѣніе касательно св. вѣры, то мы опредѣлили быть въ Ефесѣ собору, поспѣшая совершенно уничтожить корень зла.“ (Дѣян. III 154). Подъ этимъ корнемъ зла могло въ равной степени подразумѣваться и евтихіево отрицаніе и православіе, а потому можно было бы предположить, что императоръ желаетъ предоставить собору свободу выбора, если не слишкомъ явны были бы усилія составить большинство изъ явныхъ приверженцевъ протеста и имъ предоставить всѣ льготы. Неопредѣленность выраженія произошла отъ того, что и подготовленный сторонниками протеста указъ не желалъ и не могъ выразить положительнаго содержанія протеста, котораго въ дѣйствительности и не существовало.

И опять на соборѣ со стороны противниковъ православія все ограничивается однимъ только голословнымъ отрицаніемъ и голословнымъ протестомъ; собственнаго ученія и собственнаго убѣжденія протестующихъ ни въ чемъ ни разу не выражается. Оно ограничивается только признаніемъ отступничества православныхъ. Слѣдуя императорскому указу, прежде всего на соборѣ, по заявленію нѣкоторыхъ членовъ, надо было разсуждать о вѣрѣ. На это предсѣдательствовавшій на соборѣ Діоскоръ замѣтилъ: „не о вѣрѣ собственно нужно вести разсужденія, потому что вѣра уже утверждена прежними соборами, а нужно изслѣдовать: согласны ли или нѣтъ съ объясненіями св. отцовъ вновь возникшія мнѣнія“. „Каноны, говоритъ онъ, и соборы опредѣлили ясно вѣроученіе; ихъ мы не должны переступать. Когда возникли нѣкоторые вопросы въ Церкви, императоръ велѣлъ собраться собору не для того, чтобы излагали вѣру, которая изложена св. отцами, но чтобы мы изслѣдовали поднятые вопросы, согласны ли они съ опредѣленіями св. отцовъ нашихъ. Или вы хотите обновить вѣру святыхъ отцовъ“.—На этотъ вопросъ предсѣдательствующаго послѣдовалъ дружный отвѣтъ большинства членовъ собора: если кто обновитъ вѣру, тотъ анаѳема; если кто поколеблетъ, тотъ анаѳема! (Дѣянія III 177—178). Не трудно замѣтить, что здѣсь подъ обновителями вѣры явно подразумѣваются православные. Поэтому Діоскоръ, выдавая себя за ревностнаго охранителя цѣлости и неприкосновенности вѣры, говорилъ еще: „вѣра утверждена въ Никеѣ и Ефесѣ и, хотя говорятъ два собора, но они содержатъ одну вѣру. Если кто вопреки ученію и дѣяніямъ отцовъ, собравшихся въ Никеѣ и въ Ефесѣ будетъ изъискивать или преслѣдовать или перестраивать вѣру, да будетъ анаѳема.“ Кто нарушаетъ эти постановленія, тотъ анаѳема! согласился соборъ.—Слѣдующее за симъ показаніе самого Евтихія въ свою очередь не заключаетъ въ себѣ ни-

какого положительнаго изложенія вѣроученія касательно спорнаго вопроса. Евтихій завѣряетъ только, что онъ подвергся навѣту за то, что по опредѣленію Ефесскаго собора не согласился мудрствовать противъ вѣры, изложенной отцами въ Никеѣ. (Дѣян. III 184). Въ дальнѣйшемъ изложеніи, не высказываясь прямо о томъ, какъ онъ учитъ о соединеніи двухъ естествъ во Христѣ, онъ приводитъ вполнѣ символъ вѣры Никейскій, утверждаетъ, что онъ держится постановленія собора Никейскаго и Ефесскаго, говоритъ что онъ проклинаетъ еретиковъ Манеса, Валентина, Аполинарія, Несторія и всѣхъ, начиная съ Симона волхва (Дѣян. III 185. 186. 188). Знаменательнымъ въ данномъ случаѣ является проклятіе Аполинарія. Евтихій, разумѣется, не могъ не знать сущности ученія Аполинарія, составлявшаго прямую противуположность тому самому ученію православному, которое отвергалъ онъ въ данномъ случаѣ, какъ новшество, какъ отступленіе отъ старины. Но, отвергая ученіе православныхъ, слѣдовало либо признавать цѣликомъ ученіе Аполинарія, не соглашаясь съ нимъ развѣ только въ ничтожныхъ подробностяхъ, либо утверждать, что никакого рѣшенія даннаго вопроса не существуетъ, что въ данномъ случаѣ не имѣется вовсе положительнаго ученія Церкви. Все это доказываетъ только, что Евтихіемъ и его послѣдователями и сторонниками никакого положительнаго ученія православному не противуполагалось, вслѣдствіе чего они не опознавали даже и тожественности своей съ аполинаризмомъ.

Православные обвиняемые, т.-е. Флавіанъ, Евсевій Доринейскій и другіе члены осудившаго Евтихія Константинопольскаго собора, обречены были на молчаніе; имъ не дали даже говорить на соборѣ.

Когда же читались дѣянія подсуднаго Константинопольскаго собора и когда дѣло дошло до того мѣста въ нихъ, гдѣ говорится: „мы вѣруемъ въ Единаго Господа Іисуса Христа въ двухъ естествахъ послѣ воплощенія и воспріятія плоти отъ св. Маріи; кто мудрствуетъ иначе, того объявляемъ чуждымъ Церкви“,—при чтеніи этихъ словъ изъ дѣяній соборъ или лучше сказать партія Діоскорова подняла страшный шумъ. Посыпались съ разныхъ сторонъ замѣчанія, клонившіяся къ обвиненію въ ереси защитниковъ православія. Одни говорили: „Никто не признаетъ Господа за двухъ, послѣ соединенія; не раздѣляетъ нераздѣлимаго,—такъ мудрствуетъ Несторій“. Діоскоръ съ своей стороны еще сдержанно замѣтилъ: „помолчите немного, выслушаемъ другія хулы. Зачѣмъ мы обвиняемъ Несторія, Несторіевъ много.“ Другіе говорили: „изъ прочитаннаго мы замѣчаемъ, что здѣсь изложена другая вѣра, отличная отъ той, которая изложена въ Никеѣ и Ефесѣ“. Одинъ изъ епископовъ даже прямо возгласилъ: если подобная вѣра имѣетъ свое начало въ этихъ

дѣяніяхъ, то анаѳема тѣмъ, которые дали такое начало для нея. Но полный взрывъ негодованія противъ православія проявился въ особенности при чтеніи вопроса, который заданъ былъ Евсевіемъ Евтихію: „исповѣдуешь ли ты два естества послѣ воплощенія?“ Многіе изъ членовъ собора закричали при этомъ: „возьмите, зажгите Евсевія, пусть онъ живой горитъ, пусть обратится въ двухъ; какъ раздѣлилъ онъ Христа, пусть онъ самъ раздѣлится!“ (Лебедевъ 35). Мы не станемъ останавливаться подробно на возмутительномъ рядѣ насилій, произведенныхъ по истинѣ „разбойническимъ“ соборомъ; не будемъ мы говорить ни о жалобѣ монаховъ Евтихіева монастыря на Флавіана, заслушанной соборомъ, ни о томъ, что для подписанія несоглашавшіеся епископы до самой ночи были заперты въ церкви и ни на минуту не оставлялись наединѣ, при чемъ тягостное общество имъ составляли солдаты съ мечами и палками и *монахи*, приверженцы Діоскора, которые должны были убѣждать епископовъ къ требуемой подписи. (Дѣян. III 180). Епископъ Василій Селевкійскій и Онисифоръ Иконійскій впослѣдствіи на Халкидонскомъ соборѣ свидѣтельствовали, что Діоскоръ производилъ насиліе какъ своими угрожающими рѣчами, такъ и еще болѣе черезъ бывшую въ его распоряженіи толпу людей, которые присутствовали и въ храмѣ, гдѣ совершалось соборное засѣданіе, и внѣ его. Это были вооруженные солдаты, монахи частію прибывшіе съ Діоскоромъ, частію приведенные изъ Сиріи архимандритомъ Варсумою, и параболане, т.-е. клирики—прислужники при церковныхъ больницахъ, которыхъ въ одной Александріи въ то время насчитывалось до 600 человѣкъ. Такимъ образомъ въ распоряженіи Діоскора и единомышленныхъ съ нимъ епископовъ имѣлось именно то „скопище“ монаховъ и клириковъ, тотъ скрѣпленный клятвами союзъ или тѣ братчины, о которыхъ потомъ пришлось создавать особый канонъ Халкидонскому собору и которые наряду съ солдатами и слугами префекта и составляли всю силу и весь внѣшній оплотъ протестующей партіи. Явствуетъ изъ всего этого одно, а именно то, что протестующая партія никакого самостоятельнаго положительнаго ученія въ спорномъ вопросѣ не имѣла и не возвѣщала, а довольствовалась однимъ только отрицаніемъ, однимъ только голымъ протестомъ, ревнуя прежде всего только о новомъ распредѣленіи и раздѣленіи или перемѣщеніи властей церковныхъ. Главная ересь заключалась только въ самомъ воззрѣніи на Церковь, о которой, впрочемъ, тоже не излагалось никакого опредѣленнаго ученія.

Окончательный судъ надъ приверженцами и послѣдователями евтихіанства произнесенъ былъ роковымъ для нѣкоторыхъ церквей востока Халкидонскимъ соборомъ. И на этомъ соборѣ протестующее евтихіанство не противуполагало православію никакой положительной формулы ученія въ спорномъ

вопросѣ, хотя и были сомнѣвающіеся въ правильности и православности предлагаемой формулы ученія, почти дословно извлекаемой изъ посланія Льва папы римскаго къ патріарху Флавіану, писаннаго еще до „разбойничьяго собора"; но по упорству Діоскора не прочитаннаго на немъ, не смотря на требованія легатовъ. Такими сомнѣвающимися были иллирійскіе, палестинскіе и египетскіе епископы. Послѣ долгихъ препирательствъ, въ которыхъ, однако, съ ихъ стороны никакого положительнаго ученія всетаки не выражалось, они просили нѣкотораго срока на размышленія и по истеченіи даннаго имъ пятидневнаго срока всѣ вмѣстѣ съ остальными епископами поклялись передъ святымъ евангеліемъ, что они дѣйствительно считаютъ посланіе Льва согласнымъ съ вѣроученіемъ соборовъ Никейскаго и Константинопольскаго. Возникшія, однако, тотчасъ же несогласія и недоразумѣнія побудили отцовъ собора составить новую формулу исповѣданія вѣры по спорному вопросу, существенно не отличавшуюся отъ изложенія римскаго первосвященника, каковая формула и была принята всѣми. Соборъ исполнилъ свою задачу и разошелся. Но дѣятельность собора въ нѣкоторомъ отношеніи представлялась какъ бы не заключенною; тринадцать епископовъ египетскихъ отказались подписать посланіе собора подъ предлогомъ, что, по дѣйствительно существовавшему, обычаю александрійской церкви, не могутъ дѣйствовать безъ согласія архіепископа, котораго, за низложеніемъ Діоскора, у церкви ихъ въ настоящее время не имѣлось.

Монашеская партія приверженцевъ Евтихія и Діоскора — начала свою дѣятельность противъ мира церковнаго еще до окончанія дѣятельности собора. Смута церковная проявилась прежде всего въ Іерусалимѣ, куда прибылъ присутствовавшій на соборѣ александрійскій монахъ Θеодосій, а также и другіе монахи, бывшіе свидѣтелями торжества православія въ Халкидонѣ (Evagr. H. E. II, 5). Тотчасъ по прибытіи въ Палестину они стали распространять клевету о соборѣ, утверждая, что соборъ возвратился къ ереси Несторія, исказилъ правую вѣру и провозгласилъ новую, отличную отъ той, которую отцы изложили въ символахъ, призналъ въ Христѣ двухъ сыновъ, раздвоилъ Христа и т. д. Проповѣдуя по монастырямъ палестинскимъ, Θеодосій собираетъ около себя, по словамъ Евагрія, до десяти тысячъ монаховъ и склоняетъ на свою сторону живущую въ Іерусалимѣ императрицу Евдокію, вдову Θеодосія Младшаго, со всѣмъ дворомъ ея. О сочувствіи со стороны народа историкъ не говоритъ ни слова, но не подлежитъ сомнѣнію, что и часть мѣстнаго населенія должна была смутиться распространяемыми о соборѣ клеветами, въ особенности подъ вліяніемъ двора Евдокіи и полчища монаховъ и пустынниковъ. При возвращеніи съ собора патріарха іерусалимскаго Юве-

налія, недовольные, руководимые Ѳеодосіемъ, употребляли всѣ усилія, чтобы побудить его добровольно отказаться отъ епископства, но, встрѣтивъ отпоръ съ его стороны, объявили его низложеннымъ, а на мѣсто его провозгласили патріархомъ самого Ѳеодосія. Подъ вліяніемъ угрозъ Ювеналій еще до низложенія бѣжалъ къ императору. Тотчасъ же Ѳеодосій началъ поставлять сочувствующихъ ему діаконовъ, священниковъ и епископовъ, убивая тѣхъ, которые рѣшалися противустать ему и употребляя всяческія насилія, чтобы вынуждать у всѣхъ анаѳематствованіе собора. Управлявшій Палестиною намѣстникъ Дороѳей воевалъ въ то время съ сарацинами. Услыхавъ о возмущеніи, онъ поспѣшно прибылъ въ Іерусалимъ, но сторонники Ѳеодосія и преданная Евдокіи часть войска закрыли передъ нимъ городскія ворота и впустили его только послѣ обѣщанія, что онъ станетъ на ихъ сторону. Монахи пыталися письмами найти поддержку и у императрицы Пульхеріи, но та отвѣчала имъ рѣшительнымъ отказомъ. Императоръ съ своей стороны писалъ къ монахамъ, уговаривая ихъ подчиниться. Но Ѳеодосій въ Іерусалимѣ былъ сильнѣе, чѣмъ императоръ. Около двухъ лѣтъ продолжалось такое положеніе дѣлъ. Наконецъ Дороѳей получилъ предписаніе арестовать лже-патріарха. Ѳеодосій бѣжалъ на Синай. Главные изъ его сторонниковъ подверглись наказанію. Спокойствіе было водворено. Но, покинувъ съ сторонниками своими Іерусалимъ, Ѳеодосій не оставался бездѣятельнымъ и по пути распространялъ свою смуту, продолжая клеветать на соборъ. Достигнувъ синайскаго монастыря Ѳеодосій и его соучастники нашли себѣ сочувствіе у простодушныхъ монаховъ и продолжали свою дѣятельность. Императоръ грамотами старался вразумить уловляемыхъ Ѳеодосіемъ синаитовъ, разъясняя имъ, что въ дѣйствительности было сдѣлано соборомъ, и просилъ всѣхъ содѣйствовать поимкѣ бунтовщика. (*Le Beau.* Histoire du Bas Empire VIII, 365—368. *Neander* K. G. II, 749. *Henke* K. G. I. 378. *Лебедевъ,* 87, 88).

Такими же послѣдствіями должно было сопровождаться и въ Александріи и вообще въ Египтѣ окончаніе Халкидонскаго собора. Мы уже видѣли, какую вели борьбу съ православіемъ монахи и клирики Діоскора на разбойничьемъ соборѣ, низложившемъ Флавіана и оправдавшемъ Евтихія. Теперь гордыня этихъ монаховъ была еще уязвлена тѣмъ поучительнымъ значеніемъ, которое указывалъ имъ своими канонами вселенскій соборъ. Естественно, эти именно каноны и возжигали въ особенности ненависть ихъ къ собору. Во всякомъ случаѣ въ Александріи, какъ и въ Палестинѣ зерно бунтовавшихъ составили монахи. Въ Египтѣ черезъ этихъ монаховъ усиленно распространялась молва, что соборъ Халкидонскій измѣнилъ древней вѣрѣ и вводилъ какую-то но-

вую вѣру; заблуждающіеся упорствовали въ этой мысли и „накопляли зло ко злу“ (Дѣян. Вс. Соб. IV, 409) Александрійскій народъ легко поддался вліянію протестантовъ, такъ какъ по самой природѣ своей склоненъ былъ къ возмущеніямъ и безпорядкамъ. Къ тому же измѣна православію, опасность для православія со стороны государства или многочисленнаго собора отнюдь не представлялась ему чѣмъ-либо невозможнымъ и небывалымъ. Напротивъ, болѣе столѣтія привыкалъ онъ къ постоянному отрицанію такого рода опасностей и къ отраженію ихъ. Памятна была еще судьба Аѳанасія Великаго, многократно низлагаемаго, многократно отторгаемаго отъ Александрійской паствы; памятны были усилія, которыя приходилось предпринимать тому же народу ради того, чтобы отстоять православнаго пастыря своего, а въ лицѣ его и самое свое православіе. Наконецъ еще такъ недавно Кириллъ Александрійскій призывалъ тотъ же народъ къ борьбѣ за православіе, которому угрожала опасность со стороны еретичествующаго константинопольскаго патріарха и поддерживающаго его государства. Не трудно, стало-быть, было и теперь убѣдить народъ, что православію вновь угрожаетъ опасность и притомъ именно съ той стороны, откуда уже привыкли всегда ожидать ее, что новый соборъ отступилъ отъ православія, какъ отступали римилійскій, селевкійскій, антіохійскій и многіе другіе, непризнанные соборы, что Діоскоръ, хотя и не пользовавшійся въ Александріи особымъ сочувствіемъ народа, именно за охрану православія низложенъ отступившимъ отъ православія соборомъ. Оттого-то отзывъ Евагрія объ александрійскомъ народѣ по отношенію къ этому его возмущенію и представляется, можетъ быть, не совсѣмъ справедливымъ. „Чернь, говоритъ онъ, всегда такова, что легко воспламеняется яростью и пользуется всякимъ поводомъ къ произведенію безпорядковъ, но преимущественно передъ всякою другою, такова была чернь александрійская; она была многочисленна, состояла изъ людей грубыхъ, *разноплеменныхъ*, дерзкихъ и склонныхъ къ порывамъ. Всякій желающій, ухватившись за малѣйшій случай, могъ возбудить этотъ городъ къ народному возстанію и двигать его, куда угодно“ (Евагрій. Ц. Ист. II, 8). Отнюдь не отрицая всѣхъ этихъ исчисленныхъ историкомъ особенностей александрійскаго населенія, обратимъ вниманіе только на подчеркнутую нами разноплеменность, а слѣдовательно и разноязычность. Какъ ни былъ распространенъ въ Александріи греческій языкъ въ связи съ греческою культурою, но не-греческая часть населенія, во всякомъ случаѣ, съ трудомъ могла постигать едва уловимое, тонкое различіе терминовъ, которое не всегда правильно понималося не только природными греками, но даже и самими членами соборовъ. Оттого-то клевета на Халкидонскій соборъ и могла дѣйствовать съ особен-

ною силой. Первымъ поводомъ къ возмущенію явилося то, что на мѣсто низложеннаго Діоскора назначенъ былъ архіепископомъ александрійскимъ Протерій. Какъ именно былъ назначенъ и кѣмъ именно былъ назначенъ Протерій, доподлинно мы не знаемъ; ясно только то, что онъ былъ назначенъ откуда-то со стороны, хотя и принадлежалъ къ мѣстному клиру, а не былъ свободно избранъ мѣстною церковью, какъ избирались прежніе іерархи Александріи. Одно уже это обстоятельство могло возбуждать значительное недовольство. Какъ теперь оторванъ отъ паствы и сосланъ въ Паѳлагонію Діоскоръ, такъ ровно сто лѣтъ тому назадъ префектомъ Сиріаномъ отправлялся въ ссылку низложенный соборомъ Аѳанасій, и какъ теперь водворяютъ властно Протерія, такъ сто лѣтъ тому назадъ та же власть водворяла на епископскій престолъ аріанина Григорія. Не трудно было повѣрить словамъ смущающихъ монаховъ, что несторіанствующій соборъ при помощи несторіанствующаго государства сажаетъ на каѳедру несторіанствующаго епискона. Городъ раздѣлился; одни приняли Протерія, другіе, протестантски настроенные и слышать не хотѣли о новомъ архипастырѣ, продолжали считать архіепископомъ Діоскора и даже требовали его возвращенія. Расположенные къ Діоскору толпами отправились къ дому градоначальника. Отрядъ войска хотѣлъ остановить или предотвратить возмущеніе; мятежники начали бросать въ воиновъ камнями и обратили ихъ въ бѣгство. Войско принуждено было запереться въ храмѣ, передѣланномъ изъ Сераписова капища, но народъ поджегъ зданіе, и воины сдѣлались добычею пламени. Префектъ далъ знать императору, а самъ закрылъ для народа театры, бани и лишилъ народъ обычной даровой раздачи хлѣба. Императоръ Маркіанъ прислалъ двѣ тысячи войска для уничтоженія смуты. Войска эти только еще болѣе увеличили безпорядокъ, производя насилія надъ женщинами и дѣвушками и вообще ведя себя, какъ во взятомъ съ приступа городѣ. По распоряженію императора весь хлѣбъ по Нилу направленъ былъ въ Пелузу съ мпнованіемъ Александріи. Въ городѣ начался голодъ. Жители должны были молить о пощадѣ. Волненія затихли, хотя, разумѣется, только на время; все это только увеличивало и умножало недовольство, побуждая съ ненавистью относиться и къ новому архіепископу.

Четыре года длилось это недовольство и нашло себѣ выходъ по смерти Маркіана. Въ это время нѣкій монахъ, а по другимъ свѣдѣніямъ пресвитеръ Тимоѳей, прозванный Элуромъ, или кошкою, сталъ во главѣ протестующихъ монаховъ и подбиралъ себѣ приверженцевъ въ клирѣ. Онъ собралъ около себя нѣсколько протестующихъ епископовъ, вошелъ въ связь со многими изъ монаховъ, въ особенности, изъ подгородныхъ монастырей. Существуетъ разсказъ, что онъ по ночамъ подбирался къ

кельямъ монаховъ и пустынниковъ и черезъ пустой камышъ говорилъ съ ними, оставаясь для нихъ невидимымъ, при чемъ требовалъ, чтобы они признали Протерія низложеннымъ и избрали епископомъ его, Тимоѳея Элура. Такъ въ отсутствіе префекта Діониссія, бывшаго въ Ѳиваидѣ, онъ достигъ избранія и былъ рукоположенъ двумя низложенными отъ собора епископами. Послѣдствіемъ явился цѣлый рядъ церковныхъ и общественныхъ безпорядковъ въ Александріи. Тимоѳей посвятилъ новыхъ епископовъ и клириковъ для церквей египетскихъ, изъ числа приверженныхъ ему клириковъ и монаховъ. Протерій былъ убитъ; когда онъ въ видахъ безопасности скрылся въ крещальнѣ, какія обыкновенно устраивались при храмахъ христіанъ въ древности, нѣсколько человѣкъ изъ партіи Тимоѳея напали на беззащитнаго святителя и умертвили, не принимая во вниманіе святость убѣжища, которое уважалось и язычниками. Прошло много времени, а безпорядки не прекращались и борьба въ Церкви Александрійской между православными и протестующими продолжалась. Наконецъ, обѣ партіи обратились къ императору Льву, каждая прося себѣ защиты и покровительства. Императоръ на этотъ разъ явился защитникомъ православія, изгналъ Тимоѳея изъ Александріи и сослалъ его въ бѣдный городъ Галеры въ Пафлагонію. Этимъ и закончилась на этотъ разъ борьба съ православіемъ въ Египтѣ и Александріи (Lebau H. d. B. Empire VII 423—427, *Henke* I 379, Лебедевъ 91—93). На мѣсто низложеннаго Тимоѳея Элура назначенъ былъ православный епископъ Тимоѳей Сфакіонъ.

Изъ всего этого перечня событій никоимъ образомъ нельзя сдѣлать заключенія о томъ, чтобы какое бы то ни было положительное и притомъ отличное отъ церковнаго ученія проповѣдывалось народу и народомъ воспринималось. Событія говорятъ сами за себя. Если даже и предполагать участіе народа церковнаго во всѣхъ описанныхъ выше событіяхъ, то участіе это объясняется только страхомъ и опасеніемъ народа за сохранность и цѣлость воспринятаго имъ православнаго преданія. Ему говорятъ, что соборъ несторіанствуетъ, измѣняетъ вѣру, — и, не имѣя возможности провѣрить актовъ собора, онъ довѣрчиво относится къ клеветѣ или ошибочному завѣренію и отказывается признавать соборъ. Ему говорятъ, что большинство отдаленной отъ него іерархіи, несторіанствуетъ, отступаетъ отъ вѣры отцовъ, вводитъ новую вѣру—и онъ относится къ этой іерархіи съ недовѣріемъ, довѣряя между прочимъ представителямъ той же самой іерархіи, находящимся въ непосредственной отъ него близости. Правильно ли или неправильно, справедливо ли или несправедливо само по себѣ такое недовѣрчивое отношеніе къ собору? Если заслугу народа церковнаго составляетъ непризнаніе имъ аріанствующихъ

соборовъ антіохійскаго, селевкійскаго и другихъ, если одобрительно съ его стороны отверженіе разбойничьяго собора, то и недовѣріе къ собору, о которомъ распространяются слухи самаго зловѣщаго свойства, является по меньшей мѣрѣ вполнѣ понятнымъ. Такъ поступалъ и такъ относился не одинъ только церковный народъ. Пустынножитель Св. Авксентій, вызванный императоромъ Маркіаномъ именно для того, чтобы подтвердить соборъ своимъ признаніемъ, начинаетъ съ отказа, говоря, что не можетъ признавать собора, не исповѣдующаго Пресвятую Дѣву Богородицей. Онъ вѣритъ той же клеветѣ, которая возмущаетъ народъ и отталкиваетъ его отъ собора, и, только по тщательномъ изслѣдованіи всѣхъ дѣяній собора, признаетъ его вполнѣ православнымъ. Но этого тщательнаго изслѣдованія и разсмотрѣнія не могъ производить народъ, возбуждаемый клириками и монахами. Имъ не исповѣдывалось никакое новое ученіе; никакая положительная ересь не дѣлалась его достояніемъ; онъ только отрицалъ соборъ и поставленную соборомъ іерархію, полагая ихъ отступившими.

Но о прямомъ и непосредственномъ участіи народа церковнаго во всемъ дѣлѣ протеста мы можемъ говорить только совершенно условно. Источники не упоминаютъ о народѣ съ такою же опредѣленностью, съ какою говорятъ о нѣкоторыхъ епископахъ, о значительной части недовольнаго клира и о насильствѣ великаго множества монашествующихъ. Если Евагрій и говоритъ о легковѣрной александрійской черни, то эта чернь могла бы состоять и изъ однихъ только поддонковъ населенія, изъ болѣе или менѣе случайной толпы, составлявшей даже и совершенно ничтожную часть народа. Не слѣдуетъ упускать изъ вида того обстоятельства, что численность клира со временъ Константина, благодаря льготамъ и привиллегіямъ, которыя предоставлялись клиру со стороны государства, стремилася достигнуть такихъ размѣровъ, что императоры цѣлымъ рядомъ послѣдовательныхъ указовъ должны были полагать препятствія къ переходу въ клиръ, (т.-е. къ зачисленію въ клирики) изъ обремененныхъ государственными повинностями курій, т.-е., населенія городовъ. Замѣчателенъ въ этомъ отношеніи указъ, воспрещающій принятіе въ клиръ декуріоновъ, для которыхъ даровая служба ихъ, представляла обязательную и непривлекательную повинность. Если императорскимъ указомъ отчасти и умѣрялось усиленное, такъ сказать, перепроизводство клира, то сама частая повторительность указовъ служитъ уже доказательствомъ того, что цѣль ихъ достигалась далеко не вполнѣ.

Н. Аксаковъ.

(Продолженіе будетъ).

Пѣснь о Святославѣ.

Жалѣютъ ли чудный покинутый край
Иль темнымъ предчувствіемъ полны,
О чемъ это плачутъ, повѣдай, Дунай,
Твои неспокойныя волны?
Зачѣмъ изъ далекихъ и ближнихъ сторонъ
Сбираются стаи голодныхъ воронъ
И съ крикомъ злорадно-веселымъ
Надъ бѣлымъ летятъ Доростоломъ?—

О краѣ забытомъ не плачетъ волна,
И море ее не пугаетъ:
О Руси погибшей жалѣетъ она,
Сраженныхъ бойцовъ поминаетъ.
А стаи вороньи летятъ на поля,
Гдѣ вся почернѣла отъ крови земля,
Гдѣ русскіе, рядомъ съ врагами,
За князя легли головами....

У витязей нашихъ сердца горячи.
Крѣпки Доростольскія стѣны,
На камнѣ наточены остро мечи,
А князь не боится измѣны;

Но кто же въ неравной борьбѣ устоитъ?
И голодъ въ осадѣ кого не смутитъ?!—
Разбиты полки Святослава,
Прошла его прежняя слава!

Хотѣлъ бы уйти онъ изъ этой земли,
Напитанной русскою кровью,
Да вражьи у моря стоятъ корабли,
Пути ему нѣтъ къ Приднѣпровью!
И гордой душой поневолѣ смирясь,
Слагаетъ оружье воинственный князь,
Въ Царьградъ онъ гонца посылаетъ,
Цимисхію миръ предлагаетъ.

И грековъ давно давно утомила война,
Имъ душно подъ вѣчной бронею,
Уныло и глухо шумятъ знамена
Надъ ихъ разоренной землею...
На царскомъ престолѣ, въ сіяньи вѣнца
Лукавый Цимисхій встрѣчаетъ гонца;
Хитры его красныя рѣчи,
И съ княземъ желаетъ онъ встрѣчи:

«Воителю-князю мой братскій привѣтъ!
«Привѣтъ его храброй дружинѣ!—
«Вражды между Русью и греками нѣтъ
«И вѣчно не будетъ отнынѣ.
«Великъ предводитель славянскихъ дружинъ!
«Отъ Кіевскихъ стѣнъ до Дунайскихъ равнинъ
«Сопутствуетъ храброму слава.—
«Я видѣть хочу Святослава!»

И вотъ Іоаннъ, подъ пурпурнымъ плащемъ
Броней драгоцѣнной сверкая,
Съ копьемъ золотымъ, на конѣ боевомъ
Пріѣхалъ на берегъ Дуная;
И латами ярко на солнцѣ горя,
Тѣснилась по берегу свита царя,
А волны у ногъ ихъ бѣжали
И блескъ шишаковъ отражали.

Но гдѣ Святославъ?—Къ Цареградской странѣ
Въ долбленной ладьѣ подплываетъ
Самъ князь и съ дружиной своей наравнѣ
Тяжелымъ весломъ управляетъ.
У русскаго князя одежда проста,
Рубаха надѣта на немъ изъ холста,
Тесемка у стана простая,
Да въ ухѣ серьга золотая.

Расчесанный чубъ на могучихъ плечахъ;
Какъ тополь, князь гибокъ и строенъ;
И сумракъ, и пламень въ лазурныхъ очахъ,
Но взглядъ его гордъ и спокоенъ;
Движенья надменны, суровы уста;
При немъ ни стрѣлы, ни меча, ни щита.....
Махнулъ онъ дружинѣ рукою,
А грекамъ кивнулъ головою:

«Прощай, императоръ! напрасно хотѣлъ
«Бороться я съ высшею силой,
«Напрасно я въ край твой чудесный летѣлъ,—
«Онъ сталъ моей славы могилой.
«Не бойся,—да будетъ спокоенъ Царьградъ!—

«Сегодня же мы отплываемъ назадъ
«Подъ бѣлаго Кіева стѣны,
«Не бойся, Цимисхій, измѣны!»

И снова въ ладью онъ съ достоинствомъ сѣлъ,
Ладья, какъ стрѣла, полетѣла...
Цимисхій во слѣдъ ему долго глядѣлъ,
И пышная свита глядѣда.—
Разбитый, безъ войска, войну проигравъ,
«Не бойся!» царю говорилъ Святославъ,
И греки, дивяся, внимали,
Какъ будто бы даръ принимали.

Дунай далеко. Передъ княземъ бѣгутъ
Днѣпра тихоструйныя воды
И острымъ порогамъ въ дремотѣ поютъ
Про чудные старые годы;
Зеленая степь утопаетъ вдали,—
Заря занялась, и отъ влажной земли
Плывутъ голубые туманы,
Лаская степные курганы.

Но князю не легче въ родной сторонѣ,
Стоитъ на кормѣ онъ угрюмый,—
О славѣ былой, о грядущей войнѣ
Тѣснятся въ немъ мрачныя думы.
Все тихо. Товарищи князя молчатъ,
Ладьи межъ пороговъ безшумно скользятъ,—
Но вдругъ сонный Днѣпръ всколыхнулся,
И князь отъ раздумья очнулся.

Съ неистовымъ крикомъ, какъ стая орловъ,
На Русь Печенѣги напали:—

Давно на Днѣпрѣ своихъ старыхъ враговъ
Они въ камышахъ поджидали......
И бой закипѣлъ!—какъ косые лучи,
При свѣтѣ зари засверкали мечи,
Съ жужжаніемъ стрѣлъ отравленныхъ
Смѣшалися вопли сраженныхъ.....

«Мы гибнемъ!» дружинѣ сказалъ Святославъ:
«Но мертвый не знаетъ позора!
«И, кровью своей нашу степь напитавъ,
«Мы будемъ въ ней спать безъ укора!..
«Погибшимъ за славу во вѣки хвала!».......
Но тутъ ему въ сердце вонзилась стрѣла
Своимъ остріемъ ядовитымъ,
И палъ онъ на землю убитымъ. . .

Надъ степью прошли незамѣтно вѣка,
Все такъ же она зеленѣла,
У темныхъ пороговъ все такъ же рѣка
Неясно и чудно шумѣла.
Забылъ Святослава безпечный народъ,
Баянъ ему въ пѣсняхъ хвалы не поетъ,
Лишь Днѣпръ въ непогоду взыграетъ
И плачетъ, его поминаетъ.

В. Глумова.

Три дня въ Гроднѣ.

Нѣсколько словъ вмѣсто предисловія.

Предлагая нашимъ читателямъ переводъ романа, съ котораго собственно началась литературная слава талантливой польской писательницы, и который почему-то не былъ переведенъ на русскій языкъ до сихъ поръ, я считаю не лишнимъ сказать вмѣсто предисловія нѣсколько словъ о нашей встрѣчѣ съ нею въ прошломъ году и о неизгладимыхъ впечатлѣніяхъ, вынесенныхъ мною изъ этой встрѣчи.

Болѣе пяти лѣтъ продолжалась моя переписка съ Елизой Ожешковой, переписка, сначала затрогивавшая вопросы литературные и общественные, но постепенно принимавшая болѣе дружескій и нѣжный характеръ, и письма талантливой польской писательницы, простыя, дружескія, полныя горячей любви къ родинѣ и ко всему человѣчеству, такъ отзывчивыя на всѣ свѣтлыя явленія общественной жизни, преисполненныя такой чуткости пониманія, пробудили во мнѣ глубокую привязанность къ ней; являлись для меня въ моей работѣ живительной и бодрящей струей.

Обстоятельства не позволили мнѣ ѣхать на двадцатипятилѣтній юбилей ея литературной дѣятельности, который показалъ, какъ глубоко чтитъ эту талантливую писательницу не только ея родина, но и Краковъ, и Прага, и Россія, гдѣ ея произведенія расходятся съ необычайной быстротой и пользуются глубокимъ сочувствіемъ читателей.

Только прошлою весной удалось мнѣ выбраться въ Гродно, и, признаюсь, не безъ нѣкоторой тревоги ожидала я встрѣчи съ писательницей, большинство произведеній которой я перевела на русскій языкъ, съ женщиной, письма которой стали мнѣ столь дорогими и необходимыми.

Пріѣхавъ въ маленькое, утопающее въ зелени садовъ и живописно раскинутое на берегахъ Нѣмана Гродно, и встрѣченная въ вокзалѣ милой молодой дѣвушкой, воспитанницей Елизы Ожешковой, я не безъ сердечнаго трепета вышла изъ экипажа и вошла въ подъѣздъ красиваго деревяннаго дома, передъ которымъ мы остановились. Я боялась, что пер-

вое впечатлѣніе развѣетъ то чувство, которое я берегла въ уголкѣ своей души, какъ нѣчто святое, не будничное. Въ переднюю ко мнѣ вышла на встрѣчу пожилая женщина невысокаго роста, въ черномъ шерстяномъ платьѣ, съ сѣдыми, какъ лунь, высоко зачесанными назадъ волосами и большими черными глазами, освѣщающими не только все лицо, но и все окружающее. Я видѣла нѣсколько похожіе глаза только у нашей покойной Н. Д. Крестовской - Хвощинской. Это была Елиза Ожешкова. Мы обмѣнялись нѣсколькими словами и поцѣловались и съ перваго же взгляда этихъ теплыхъ свѣтящихся глазъ, съ перваго звука этого мягкаго, ложащагося прямо въ душу голоса, у меня стало легко и тепло на сердцѣ, я почувствовала себя дома, и это чувство не ослабѣло, а усиливалось во время всего моего пребыванія.

Я видѣла всѣ поднесенные ей подарки—и золотыя, украшенныя драгоцѣнными камнями перья, и браслетъ, роскошный и изящный, поднесенный отъ города Гродна, и двѣ картины польскихъ художниковъ, изъ которыхъ одна изображаетъ заключительную сцену романа, предлагаемаго нами теперь читателямъ, и адресы, поднесенные ей. Я провела вечеръ въ дружескомъ кружкѣ, собравшемся у нея вечеромъ, въ кружкѣ ея домашнихъ, отличающихся рѣдкой простотой и радушіемъ.

Поговоривъ съ Елизой Ожешковой, я поняла, почему она являлась ангеломъ хранителемъ бѣдняковъ во время пожара въ Гроднѣ, почему чужіе, совершенно незнакомые ей люди обращались къ талантливой писательницѣ за совѣтомъ и помощью.

Елиза Ожешкова не только талантливая писательница, но и женщина съ широкимъ, можно сказать, материнскимъ сердцемъ, отзывающаяся на призывъ всего, что страдаетъ и нуждается въ помощи.

Основательно и широко образованная, зорко слѣдящая за всѣми новыми явленіями и теченіями въ искусствѣ и общественной жизни, она отличается простотой, чуждой всякой чопорности, всякой ходульности, горячая патріотка —она чужда всякой нетерпимости и съ любовію слѣдитъ за русской литературой, съ которою она основательно знакома.

Вокругъ нея собирается кружокъ умныхъ и образованныхъ людей, ея гостиная служитъ средоточіемъ умственной жизни маленькаго Гродна, а въ ея домѣ находятъ пріютъ и радушное гостепріимство, совѣтъ и помощь многіе бездомные бѣдняки.

Съ необычайной чуткостью относится Елиза Ожешкова къ сердечному горю и умѣетъ вывѣдать его, утѣшить, успокоить, не бередя сердечныхъ ранъ изстрадавшагося.

Свѣтлое, отрадное впечатлѣніе вынесла я, проведя въ ея гостепріимномъ, радушномъ домѣ три дня, среди дружескаго тѣснаго кружка людей образованныхъ и искреннихъ; сердечная тревога, свойственная мнѣ застѣнчивость исчезли, и я уѣзжала изъ Гродна, унося въ душѣ дорогой мнѣ образъ, свѣтлыя стороны котораго, что очень рѣдко случается въ нашей будничной жизни, выступали еще ярче, послѣ встрѣчи и дружеской бесѣды.

А. Сахарова.

Елиза Ожешкова.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 24 октября 1895 года.

МАРТА.

Повѣсть Елизы Ожешковой.

Переводъ съ польского, съ разрѣшенія автора, А. Г. Сахаровой.

Жизнь женщины, это—неугасимое пламя любви, говорятъ одни.

Жизнь женщины, это—самоотверженье, утверждаютъ другіе.

Жизнь женщины, это—материнство, восклицаютъ нѣкоторые.

Жизнь женщины, это—забава, подшучиваютъ еще иные.

Добродѣтель женщины, это—слѣпая вѣра, хоромъ соглашаются всѣ.

Женщины вѣруютъ слѣпо, любятъ, жертвуютъ собой, воспитываютъ дѣтей, забавляются... слѣдовательно выполняютъ все, чего общество требуетъ отъ нихъ; однако же общество поглядываетъ на нихъ какъ-то косо, и отъ времени до времени, заявляетъ въ качествѣ упрека или увѣщанья: плохо живется вамъ!

Среди самихъ женщинъ, болѣе проницательныя, болѣе разсудительныя, или болѣе счастливыя, всматриваясь въ себя, или оглядываясь вокругъ, повторяютъ: плохо живется намъ!

Для всякаго зла должно существовать лѣкарство; одни усматриваютъ его въ томъ, другіе въ другомъ; но болѣзнь не поддается рецепту.

Недавно одинъ изъ весьма справедливо уважаемыхъ въ нашей странѣ писателей (панъ Захаріясевичъ въ повѣсти подъ заглавіемъ „Альбина") заявилъ обществу, что женщины страдаютъ физически и нравственно потому, что въ нихъ нѣтъ сильной любви (конечно, къ мужчинѣ).

Боги! какая же это вопіющая несправедливость!

Пусть розовый божокъ этотъ слетитъ къ намъ на помощь и засвидѣтельствуетъ, что вся наша жизнь не что иное, какъ кадило, непрестанно возжигаемое въ честь его!

Едва выросшія отъ земли, мы уже слышимъ, что нашимъ назначеньемъ будетъ любить одного изъ владыкъ мірозданья; подростки, мы

мечтаемъ объ этомъ господинѣ и владыкѣ каждый вечеръ, когда на небѣ мѣсяцъ свѣтитъ, или мерцаютъ звѣзды, каждое утро, когда бѣлоснѣжныя лиліи повертываютъ къ солнцу свои благоухающія чашечки; мечтаемъ и вздыхаемъ. Мы вздыхаемъ о минутѣ, когда намъ будетъ дозволено, какъ лиліямъ къ солнцу, обернуться къ тому, который изъ тумана утреннихъ облаковъ или изъ потока луннаго свѣта вырисовывается передъ нашимъ воображеньемъ въ образѣ Адониса, спящаго на тайнѣ... Потомъ... что же потомъ? Адонисъ нисходитъ съ облаковъ, воплощается, мы обмѣниваемся съ нимъ кольцами и выходимъ замужъ... Это также поступокъ, совершаемый изъ любви, и хотя вышеупомянутый писатель въ своихъ, впрочемъ очень хорошихъ повѣстяхъ, желаетъ утверждать, что это всегда и неизмѣнно остается дѣломъ расчета, мы не соглашаемся съ нимъ такъ безусловно. Это бываетъ дѣломъ расчета въ исключительныхъ обстоятельствахъ, но въ большинствѣ случаевъ это—дѣло любви. Какой любви? Это уже совершенно другая, и очень тонкая и требующая обширнаго обсужденія тема; достаточно однакоже, что когда мы идемъ къ алтарю въ бѣлыхъ прозрачныхъ платьяхъ, стыдливо закрывая лицо тюлевою фатой, прелестный Эротъ летитъ передъ нами и потрясаетъ надъ нашей головой факеломъ съ розовыми огоньками.

Потомъ... что же потомъ? Мы любимъ опять... если не того изъ владыкъ мірозданья, который является подростку въ мечтахъ, а дѣвушкѣ надѣлъ на палецъ обручальное кольцо, то другаго; если же наконецъ мы не любимъ никого, то жаждемъ любить... изсыхаемъ, наживаемъ себѣ чахотку, часто становимся вѣдьмами изъ жажды любить...

А что выходитъ изъ всего этого? Однѣ изъ насъ, защищенныя крыльями божка любви, правда, всю жизнь проживаютъ честно добродѣтельно и счастливо; другія, однакоже, гораздо болѣе многочисленныя окровавленными ногами ходятъ по землѣ, борясь изъ за хлѣба, изъ за спокойствія, изъ-за добродѣтели, проливая обильныя слезы, страшно страдая, жестоко грѣша, падая въ бездны позора, умирая отъ голода...

Слѣдовательно, рецептъ заключающійся въ словѣ: любите! пригоденъ не для всѣхъ болѣзней.

Мы можемъ прибавить къ нему еще одинъ составъ, чтобы онъ былъ дѣйствительнѣе.

Какой?

Это намъ скажетъ, можетъ быть, страница, вырванная изъ жизни женщины.

* *
*

Граничная улица, одна изъ довольно оживленныхъ улицъ Варшавы. Года два тому назадъ, въ одинъ прекрасный осенній день, по этой улицѣ ѣхало и шло множество людей, изъ которыхъ каждый спѣшилъ или по дѣламъ своимъ, или на какія-нибудь удовольствія, не оглядывался ни налѣво, ни направо и вовсе не обращалъ вниманія на то, что происходило въ глубинѣ одного изъ дворовъ, соприкасающихся съ улицей.

Это былъ дворъ чистый, довольно обширный, съ четырехъ сторонъ окруженный высокими каменными зданіями. Зданіе, стоявшее въ глубинѣ, было меньше всѣхъ, но по большимъ окнамъ, широкому входу и красивому крылечку, украшавшему этотъ входъ, можно было заключить, что помѣщающіяся въ немъ квартиры удобны и хороши.

На крыльцѣ стояла молодая женщина въ траурномъ платьѣ съ очень блѣднымъ лицомъ. Такая же блѣдная и одѣтая въ трауръ четырехлѣтняя дѣвочка цѣплялась за ея руки, которыхъ она не ломала, правда, но которыя свѣшивались безпомощно, придавая фигурѣ женщины печать глубокой скорби и унынія.

Съ чистой, широкой лѣстницы, ведущей въ верхній ярусъ зданія, непрерывно сходили люди въ грубой одеждѣ и грубой запыленной обуви. Это были носильщики, носившіе самую разнокалиберную мебель, какою только можетъ быть наполнена и убрана квартира, хотя и не слишкомъ обширная и изящная, то по крайней мѣрѣ красиво и удобно обставленная. Тамъ были кровати краснаго дерева, диваны и кресла, обитые пунсовымъ шерстянымъ штофомъ, красивые шкафы и комоды, пара консолей даже съ мраморными досками, пара большихъ зеркалъ, два большія олеандровыя дерева въ горшкахъ и датура, съ вѣтвей которыхъ свѣшивалось еще нѣсколько не совсѣмъ отцвѣтшихъ бѣлыхъ цвѣтовъ.

Носильщики носили всѣ эти предметы съ лѣстницы и, проходя мимо стоявшей на крыльцѣ женщины, ставили ихъ на мостовую на дворѣ, или укладывали на двѣ телѣги, стоявшія близъ воротъ, или же выносили на улицу. Женщина стояла неподвижно и провожала глазами каждую вещь изъ выносимой мебели. Эти вещи, съ которыми она разставалась, очевидно, имѣли для нея не только имущественную цѣнность, она прощалась съ ними, какъ прощаются съ видимыми знаками, чертящими передъ нашими глазами исторію безвозвратно исчезнувшаго прошлаго, какъ прощаются съ безмолвными свидѣтелями утраченнаго счастья.

Блѣдный черноглазый ребенокъ сильнѣе дернулъ мать за платье.

— Мама! прошептала дѣвочка,— взгляни, письменный столъ отца!

Носильщики несли съ лѣстницы и ставили на возъ большой мужской письменный столъ, съ зеленымъ сукномъ и красивыми рѣзными перилами. Женщина въ траурѣ долгимъ взглядомъ окинула столъ, на который ей указывалъ крохотный пальчикъ ребенка.

— Мама! прошептала дѣвочка,—видишь ли ты это большое черное пятно на письменномъ столѣ отца?.. Я помню, какъ это случилось... Отецъ сидѣлъ у письменнаго стола и держалъ меня на колѣняхъ; ты, мама, пришла и хотѣла взять меня отъ отца. Отецъ смѣялся и не отпускалъ меня, я шалила и пролила чернила. Отецъ не сердился. Отецъ былъ добрый, никогда не сердился ни на меня, ни на тебя...

Малютка шептала эти слова, пряча личико въ складки траурнаго платья матери, всѣмъ крохотнымъ тѣльцемъ своимъ прижимаясь къ ея колѣнямъ. Видно и на это дѣтское сердце уже вліяли воспоминанья, заставляя его сжиматься безсознательной, щемящей скорбью. Изъ сухихъ до этой поры глазъ женщины выкатились двѣ крупныя слезы; минута, вызванная въ ея памяти словами ребенка, когда-то затерявшаяся среди милліоновъ подобныхъ, обыденныхъ минутъ, улыбнулась теперь несчастной чарующей горечью утраченнаго рая. Быть можетъ, она подумала также, что непринужденность веселости той минуты сегодня была оплачена потерей одного изъ послѣднихъ кусковъ хлѣба, оставшихся ей и ея ребенку, завтра будетъ оплачена—голодомъ; чернильное пятно, образовавшееся при смѣхѣ ребенка и поцѣлуяхъ родителей, уменьшило на нѣсколько десятковъ рублей цѣнность вещи. Послѣ письменнаго стола на дворѣ показалось хорошее краковское фортепіано; но женщина въ траурѣ проводила его уже болѣе равнодушнымъ взглядомъ. Видно она вовсе не была артисткой; музыкальный инструментъ возбуждалъ въ ней менѣе всего сожалѣній и воспоминаній, зато маленькая кроватка краснаго дерева, покрытая одѣяломъ, связаннымъ изъ цвѣтной шерсти, вынесенная изъ дома и поставленная на возъ, приковала къ себѣ взглядъ матери, наполнила слезами глаза ребенка.

— Кроватка моя, мама! воскликнула дѣвочка,—эти люди и кроватку мою уносятъ и то одѣяльце, которое ты мнѣ сама связала! Я не хочу, чтобы они это уносили! Отними, мама, у нихъ мою кроватку и одѣяльце!

Вмѣсто всякаго отвѣта, женщина крѣпче прижала къ колѣнямъ голову плачущаго ребенка; ея черные, красивые, слегка впалые глаза были опять сухи; блѣдныя, изящныя губы сжаты и безмолвны.

Эта хорошенькая дѣтская кроватка была уже послѣдней вещью изъ вынесенной мебели. Ворота отворили настежь, нагруженныя мебелью телѣги

выѣхали на красивую улицу, за ними шли носильщики, неся на плечахъ остальныя вещи; а изъ сосѣднихъ оконъ исчезли головы людей, до тѣхъ поръ съ любопытствомъ поглядывавшихъ на дворъ.

Съ лѣстницы сошла молодая дѣвушка въ накидкѣ и шляпкѣ и стала передъ женщиной въ траурѣ.

— Пани, сказала она,—я уже все устроила... заплатила кому слѣдовало... вотъ остальныя деньги...

Говоря это, молодая дѣвушка подавала женщинѣ въ траурѣ небольшую пачку кредитныхъ билетовъ. Женщина медленно обернулась къ ней.

— Благодарю тебя, Зося, сказала она тихо,—ты была очень добра ко мнѣ.

— Это вы, пани, были всегда добры ко мнѣ, воскликнула дѣвушка:— я служила у васъ четыре года, пани, и нигдѣ мнѣ не было и не будетъ лучше, чѣмъ у васъ.

Сказавъ это, она провела по увлаженнымъ слезами глазамъ рукой, на которой были замѣтны слѣды иглы и утюга, но женщина въ траурѣ схватила эту огрубѣлую руку и крѣпко сжала ее въ своихъ бѣлыхъ крохотныхъ ручкахъ.

— А теперь, Зося, сказала она — прощай...

— Я отвезу васъ, пани, на новую квартиру, воскликнула дѣвушка, — сейчасъ найму извощика.

Черезъ четверть часа послѣ этого разговора двѣ женщины и дѣвочка сходили съ дрожекъ у одного изъ каменныхъ домовъ, на Пивной улицѣ.

Спереди это былъ узкій, но высокій трехъэтажный каменный домъ, онъ смотрѣлъ старымъ и довольно печальнымъ.

Маленькая Янтя широко открытыми глазами смотрѣла на стѣны и окна зданія.

— Мама, развѣ мы тутъ будемъ жить?

— Тутъ, мое дитя, все тѣмъ же тихимъ голосомъ отвѣтила женщина въ траурѣ и обратилась къ стоящему въ воротахъ дворнику:

— Пожалуйста, дайте мнѣ ключъ отъ квартиры, которую я наняла два дня тому назадъ.

— А, въ мезонинѣ, навѣрно? отвѣтилъ дворникъ и прибавилъ,— идите наверхъ, пани, сейчасъ отворю.

Съ маленькаго квадратнаго двора, съ двухъ сторонъ окруженнаго сплошной стѣной кирпичнаго цвѣта, а съ двухъ другихъ старыми деревянными сараями и амбарами, женщина и ребенокъ попали на узкую, темную и грязную лѣстницу, дѣвушка взяла ребенка на руки и пошла впереди, женщина въ траурѣ медленно слѣдовала за нею.

Комната, двери въ которую отворилъ дворникъ, была довольно велика, но низка и темна, одно небольшое окошко, отворяющееся надъ крышей, плохо освѣщало ее; потолокъ, спускающійся сверху внизъ косой линіей, казалось сдавливалъ стѣны, отъ которыхъ вѣяло сырымъ запахомъ извести, вѣроятно потому, что онѣ были недавно выбѣлены.

Въ углу подлѣ печи изъ простого кирпича была небольшая плита для стряпни, напротивъ у одной изъ стѣнъ стоялъ небольшой шкафъ, далѣе еще кровать безъ перилъ, диванъ, обитый ободраннымъ ситцемъ, столъ, окрашенный черной краской, и нѣсколько желтыхъ стульевъ съ соломеннымъ переплетомъ, частью оборваннымъ и провалившимся.

Женщина въ трaурѣ остановилась на минуту на порогѣ, окинула комнату медленнымъ взглядомъ, потомъ, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, опустилась на диванъ.

Ребенокъ сталъ подлѣ матери, и, неподвижный, блѣдный водилъ вокругъ глазами, въ которыхъ выражались удивленіе и ужасъ.

Молодая дѣвушка отпустила извощика, который внесъ въ комнату два маленькіе чемодана, и начала приводить въ порядокъ вещи, вынутыя изъ чемодановъ.

Ихъ было немного, и потому это занятіе продолжалось недолго; дѣвушка, не снимая накидки и шляпы, уложила въ одинъ изъ чемодановъ два дѣтскихъ платьица и немного бѣлья, другой же, пустой, запрятала въ уголъ, постлала на постель двѣ подушки и шерстяное одѣяло, на окно повѣсила бѣлую занавѣску, въ шкафъ поставила нѣсколько тарелокъ, горшечковъ, глиняный кувшинъ для воды, такой же тазъ, мѣдный подсвѣчникъ и маленькій самоваръ. Разставивъ все это, она взяла еще изъ-за печки охапку дровецъ и развела подъ плитой веселый огонь.

— Вотъ такъ—сказала она, вставая съ колѣнъ съ лицомъ, зарумянившимся отъ раздуванія огня, обращаясь къ неподвижно сидящей женщинѣ,—я развела огонь, и вамъ, пани, сейчасъ будетъ тутъ веселѣе и свѣтлѣе. Дрова для отопленья—продолжала она—вы, пани, найдете за печкой, ихъ навѣрно хватитъ на какія-нибудь двѣ недѣли, платья и бѣлье въ чемоданѣ, кухонная и столовая посуда въ шкафу, свѣча, вставленная въ подсвѣчникъ, тоже тамъ.

Говоря это, честная служанка, очевидно, силилась говорить веселымъ тономъ, но улыбка исчезала съ ея губъ, а глаза наполнялись слезами.

— А теперь—сказала она тише, складывая руки,—а теперь, барынька моя, мнѣ уже пора идти!

Женщина въ трaурѣ подняла голову.

— Тебѣ уже пора идти, Зося,—повторила она,—это правда, взглянувъ за окно, добавила она:—уже начинаетъ смеркаться... тебѣ будетъ страшно вечеромъ идти черезъ городъ.

— О, нѣтъ, это не то, дорогая барыня!—воскликнула дѣвушка. —Я бы для барыни въ самую темную ночь пошла на край свѣта, но... мои новые господа завтра очень рано выѣзжаютъ изъ Варшавы, и велѣли мнѣ прійти до сумерекъ. Я должна идти, потому что еще сегодня буду нужна имъ...

При послѣднихъ словахъ молодая служанка нагнулась и, взявъ бѣлую руку женщины, намѣревалась поднести ее къ губамъ. Но женщина вдругъ поднялась и закинула обѣ руки на шею дѣвушки. Обѣ плакали, малютка расплакалась также и обѣими руками ухватилась за суконную накидку служанки.

— Не уходи, Зося!—кричала Янтя,—не уходи! Тутъ, такъ какъ-то страшно, какъ-то грустно.

Дѣвушка цѣловала плечо и руки своей прежней барыни, прижимала къ груди плачущаго ребенка.

— Надо! надо идти!—повторяла она рыдая:—у меня бѣдная мать и маленькія сестры; я должна работать для нихъ...

Женщина въ траурѣ подняла блѣдное лицо и выпрямила гибкій станъ.

— И я тоже буду работать, Зося,—произнесла она голосомъ болѣе увѣреннымъ, нежели тотъ, которымъ она говорила прежде; — и у меня есть ребенокъ, для котораго я обязана трудиться...

— Да не покинетъ и да благословитъ тебя Богъ, дорогая барыня моя!—воскликнула молодая служанка и, еще разъ разцѣловавъ руки матери и заплаканное личико ребенка, не оглядываясь выбѣжала изъ комнаты.

По уходѣ дѣвушки въ комнатѣ воцарилась мертвая тишина, прерываемая только трескомъ дровъ, горящихъ подъ плитой, и уличнымъ шумомъ, глухо и неясно доносящимся на чердакъ. Женщина въ траурѣ сидѣла на диванѣ, малютка сначала плакала, потомъ прижалась къ груди матери, затихла и заснула утомленная. Женщина, подперевъ голову ладонью, обвила другой рукой хрупкое тѣльце спящей на ея колѣняхъ малютки и пристально всматривалась въ мигающій отблескъ пламени. Съ уходомъ вѣрной и преданной служанки, отъ нея отдалилось послѣднее человѣческое лицо, которое было свидѣлемъ ея прошлаго, послѣдняя опора, уцѣлѣвшая у нея по исчезновеніи всего, что прежде было для нея опорой, помощью и услугой. Она осталась теперь одна,

предоставленная на произволъ судьбы, тяжелой одинокой долѣ, силѣ собственныхъ рукъ и головы, а съ нею было только это маленькое, слабое существо, которое могло только на ея груди искать отдыха, отъ ея губъ ожидать ласки, изъ ея рукъ ожидать пищи. Ея жилище, когда-то устроенное для нея любящей рукой мужа, покинутое ею, привѣтствовало теперь въ своихъ стѣнахъ новыхъ обитателей; добрый, любимый человѣкъ, который до сихъ поръ окружалъ ее любовью и довольствомъ, уже нѣсколько дней почивалъ въ могилѣ...

Все миновало... любовь, довольство, спокойствіе и ясность жизни, а единственнымъ слѣдомъ исчезнувшаго, какъ сонъ, прошлаго, были для несчастной женщины скорбныя воспоминанія и эта блѣдная хрупкая малютка, которая теперь, открывъ глаза отъ минутнаго сна, закинула ей ручонки на шею и, прижимаясь крошечнымъ ротикомъ къ ея лицу, прошептала:

— Мама! дай мнѣ поѣсть!

Теперь еще въ просьбѣ этой не было ничего такого, что могло бы пробудить опасеніе или печаль въ сердцѣ матери.

Вдова полѣзла въ карманъ и вынула бумажникъ, заключающій въ себѣ нѣсколько бумажекъ,—все имущество ея и дочери.

Она накинула на плечи платокъ и, сказавъ дѣвочкѣ, чтобы она спокойно ожидала ея возвращенія, вышла изъ комнаты.

На половинѣ лѣстницы она встрѣтила дворника, который несъ вязанку дровъ въ одну изъ квартиръ, находящихся въ первомъ этажѣ.

— Послушайте,—сказала вдова привѣтливо и нѣсколько робко,— не могли ли бы вы мнѣ принести изъ какой-нибудь лавки поблизости молока и булокъ для ребенка?

Дворникъ, не останавливаясь, выслушалъ эти слова, потомъ отвернулся и отвѣтилъ съ едва скрытымъ неудовольствіемъ.

— А есть тутъ время ходить за молокомъ и за булками... я тутъ не для того, чтобы жильцамъ ѣду разносить.

Произнося послѣднія слова, онъ исчезъ за поворотомъ стѣны. Вдова спустилась ниже.

— Не хотѣлъ оказать мнѣ услуги—думала она,—потому что догадывается, что я бѣдная... тѣмъ, отъ которыхъ онъ надѣется получить вознагражденіе, онъ понесъ тяжелую вязанку дровъ.

Она сошла на самый дворъ и оглядывалась вокругъ.

— А чего это вы, пани, такъ оглядываетесь вокругъ?—раздался подлѣ нея женскій голосъ, хриплый и непріятный.

Вдова увидѣла стоящую у низенькихъ дверей, находящихся по близости отъ воротъ женщину, лица которой она не могла разглядѣть

въ сумракѣ, но короткая юбка, большой холщевый чепецъ и грубый платокъ, криво накинутый на плечи, а также звукъ голоса и манера говорить изобличали въ ней женщину изъ простонародья.

— Голубушка,—сказала она,—не найдется ли тутъ кого-нибудь, кто бы мнѣ принесъ молока и булокъ?

Женщина задумалась на минуту.

— А изъ котораго это этажа?—спросила она:—что-то я васъ еще не знаю, пани.

— Я сегодня переѣхала въ мезонинъ!

— А, въ мезонинъ! Такъ зачѣмъ же ты, сударушка, толкуешь о томъ, чтобы тебѣ принесли чего-нибудь? Не можешь развѣ сама пойти въ городъ?

— Я заплатила бы за трудъ,—прошептала вдова,—но дворничиха не слышала, или притворилась, что не слышитъ ея словъ, окуталась плотнѣе платкомъ и исчезла за маленькими дверями.

Вдова стояла съ минуту неподвижно, очевидно, не зная, что дѣлать и къ кому уже обратиться; вздохнула и опустила руки; минуту спустя, однако, подняла голову и, войдя въ ворота, отворила калитку, ведущую на улицу.

Вечеръ былъ еще не поздній, но довольно темный; рѣдкіе фонари плохо освѣщали улицу, узкую и наполненную толпами людей; на тротуарахъ были широкія пространства, погруженныя почти въ непроглядный мракъ. Волна осенняго вѣтра ворвалась въ ворота черезъ открытую калитку, хлестнула въ лицо вдовы и завертѣла кончиками ея чернаго платка; стукъ дрожекъ и гулъ несвязнаго говора оглушилъ ее. Она отступила нѣсколько шаговъ въ глубину воротъ и опять простояла съ минуту съ опущенной головой;—однако, вдругъ она выпрямилась и шагнула впередъ. Можетъ быть она припомнила своего ребенка, ожидающаго пищи, или почувствовала, что она должна добиться силою воли и смѣлостью того, чего ей отнынѣ придется добиваться ежедневно, ежечасно. Она накинула платокъ на голову и переступила черезъ порогъ калитки. Она, не знала, въ какой сторонѣ слѣдуетъ искать лавки, гдѣ продаютъ съѣстные припасы. Она прошла порядочное пространство, присматриваясь къ выставленнымъ въ окнахъ лавокъ товарамъ, прошла двѣ табачныя лавки, какую-то кофейную, какую-то лавку, торгующую шелковыми матеріями, и вернулась, не отваживаясь пускаться далѣе по улицѣ, ни просить у кого нибудь объясненья. Она направилась въ другую сторону и черезъ четверть часа возвращалась съ нѣсколькими булками въ бѣломъ платочкѣ.

Молока не принесла, потому что его въ булочной не было а она не хотѣла, не могла искать дольше, безпокоилась о ребенкѣ; возвращалась быстро, почти бѣжала. Была уже въ нѣсколькихъ шагахъ отъ воротъ, когда тутъ же позади себя услышала мужской голосъ, напѣвающій пѣсенку:

— Стой; подожди, моя душечка; откуда шагаешь крохотной ножкой?

Она старалась въ душѣ увѣрить себя, что пѣсенка не относится къ ней; ускорила шагъ и была близко калитки, когда голосъ, напѣвающій, превратился въ говорящій:

— Куда такъ поспѣшно, куда? Вечеръ прекрасный; можно бы чуточку прогуляться.

Задыхающаяся, вся трепещущая отъ тревоги и оскорбленья, молодая вдова вбѣжала въ ворота и захлопнула за собой калитку. Минуты черезъ двѣ, Янтя, видя мать, входящую въ комнату, бросилась къ ней, гнѣздясь въ ея объятія.

— Ты такъ долго не возвращалась, мама! воскликнула она, но вдругъ умолкла и всмотрѣлась въ мать,—мама, ты опять плачешь и опять выглядишь такъ... такъ, какъ тогда, когда отца выносили въ гробу изъ нашей квартиры.

Молодая женщина дѣйствительно дрожала всѣмъ тѣломъ, слезы обильно текли по ея разгорѣвшимся щекамъ. То, что она перенесла въ теченіи четверти часа своей ходьбы по городу: борьба съ собственной трусливостью, быстрая бѣготня по скользкой улицѣ, среди толпы людей и холодныхъ волнъ вихря, главное же оскорбленіе, нанесенное ей человѣкомъ незнакомымъ, правда, но нанесенное въ первый разъ въ жизни, видно потрясли ее до глубины души. Однако, было замѣтно, что она рѣшила побѣждать себя на каждомъ шагу, потому что она быстро успокоилась, отерла слезы, поцѣловала ребенка и, разведя огонь подъ плитою сказала:

— Я принесла тебѣ булокъ, Янтя, а теперь я поставлю самоваръ и заварю чай.

Она взяла изъ шкафа глиняный кувшинъ и, наказавъ дѣвочкѣ быть осторожнѣе съ огнемъ, пошла снова на дворъ къ колодцу. Она вскорѣ вернулась, задыхающаяся и усталая, съ плечомъ сгибающимся подъ тяжестью кувшина, наполненнаго водой; однако, она ни минуты не отдыхала, а сейчасъ же принялась ставить самоваръ. Эта обязанность, которую она, очевидно, выполняла въ первый разъ въ жизни, стоила ей многаго труда, тѣмъ не менѣе, однако, не прошло и часа, какъ чай былъ выпитъ, Янтя раздѣта и спала. Ровное, тихое дыханіе ребенка изобличало

спокойный сонъ, съ блѣднаго личика исчезли слѣды слезъ, въ такомъ изобиліи проливавшихся ею цѣлый день.

Но молодая мать не спала; въ траурномъ платьѣ своемъ, съ распущенными черными косами, подперевъ лицо ладонью, она сидѣла неподвижно противъ угасающаго огня и думала. Сначала жгучая скорбь смяла бѣлый лобъ ея въ нѣсколько глубокихъ морщинъ, глаза наполнились слезами, грудь вздымалась отъ тяжелыхъ вздоховъ. Минуту спустя, однако, она тряхнула головой, какъ бы желая отогнать толпами надвигающіяся на нее сожалѣнья и опасенья, встала, выпрямилась и сказала тихо:

— Новая жизнь!

Да, эта женщина, молодая, красивая, съ бѣлыми руками и гибкимъ станомъ вступала въ новую для себя жизнь. Этотъ день долженъ былъ быть для нея началомъ неизвѣстнаго будущаго.

Какое же было у нея прошлое?

*
* *

Прошлое Марты Свицкой было краткимъ по годамъ, простымъ по событіямъ.

Марта родилась въ помѣщичьей усадьбѣ не особенно роскошной и богатой, но красивой и удобной.

Помѣстье ея отца, расположенное въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Варшавы, состояло изъ нѣсколькихъ десятковъ десятинъ плодородной земли, цвѣтущей, занимающей изрядное пространство лужайки, красивой березовой рощи, доставляющей топливо зимою и служащей мѣстомъ для привлекательныхъ прогулокъ лѣтомъ, изъ обширнаго сада, переполненнаго плодовыми деревьями, и хорошенькаго домика, съ шестью окнами на лицевой сторонѣ, выходящими на круглый, застланный гладкой муравой дворъ съ зелеными, весело высматривающими жалюзи, съ крылечкомъ на четырехъ столбахъ, обвитыхъ плющемъ съ пунцовыми цвѣтами и вьюнкомъ, съ роскошными лиловыми колокольчиками.

Тогда надъ колыбелькой Марты распѣвали соловьи и старыя липы покачивали кудрявыми головами, цвѣли розы и хлѣбные колосья колыхались золотой волной. Склонялось надъ ней также красивое лицо матери и осыпало горячими поцѣлуями чернокудрую головку ребенка.

Мать Марты была женщина красивая и добрая, отецъ человѣкъ образованный и также добрый. Единственное дитя этихъ родителей выростало, окруженное любовью и нѣгою довольства.

Первымъ горемъ, обрушившимся на безоблачную до тѣхъ поръ жизнь красивой, веселой, пригожей дѣвушки была утрата матери. Мартѣ было тогда лѣтъ шестнадцать; она отчаявалась нѣкоторое время, тосковала долго, но молодость приложила цѣлительный бальзамъ къ первой ранѣ ея сердца, румянецъ снова расцвѣлъ на ея лицѣ, веселость, надежды и мечты вернулись.

Однако, вскорѣ настали другія бѣды. Отецъ Марты, частью благодаря собственной неосторожности, а главное вслѣдствіе свершившихся въ странѣ хозяйственныхъ переворотовъ, увидѣлъ, что ему грозила потеря помѣстья. Здоровье его пошатнулось, онъ предвидѣлъ одновременнно, какъ потерю своего состоянія, такъ и близкую кончину. Однако, участь Марты казалось-уже тогда обезпеченной. Она любила и была любима.

Янъ Свицкій, молодой чиновникъ, занимающій уже довольно видную должность въ одномъ изъ правительственныхъ учрежденій Варшавы, полюбилъ красивую, черноглазую барышню и возбудилъ въ ней въ свою очередь чувство уваженія и любви. Свадьба Марты едва только нѣсколькими недѣлями опередила смерть ея отца. Разоренный помѣщикъ, который, когда-то, можетъ быть мечталъ о болѣе блестящемъ замужествѣ для своей единственной дочери, съ радостью вложилъ ея руку въ руку человѣка не богатаго, но трудолюбиваго, думая, что какъ только Марта постоитъ у алтаря и будетъ обвѣнчана, то будущее ея будетъ достаточно обезпечено отъ страданій одиночества и опасностей бѣдности... и умеръ спокойно.

Марта второй разъ въ жизни испытала великую скорбь; на этотъ разъ, однако, ее исцѣляла уже не одна только молодость, но и любовь жены, а потомъ матери. Хорошенькій, родной уголокъ ея былъ для нея навсегда потеряннымъ, перешелъ въ руки чужихъ людей, но зато любимый и любящій мужъ, среди городского шума, устроилъ ей мягкое теплое гнѣздо, въ которомъ вскорѣ послышался серебристый голосъ ребенка.

Среди семейныхъ утѣхъ и обязанностей пять лѣтъ протекли для молодой женщины счастливо и быстро.

Янъ Свицкій былъ работникомъ добросовѣстнымъ и умѣлымъ; онъ получалъ порядочное жалованье, достаточное для того, чтобы окружить любимую женщину всѣмъ, къ чему она привыкла съ колыбели, всѣмъ, что придавало прелесть каждой минутѣ, обезпечивало каждое завтра. Каждое?... Нѣтъ! Ближайшее только. Янъ Свицкій не былъ достаточно осмотрительнымъ, чтобы думать о болѣе отдаленномъ будущемъ, хотя бы въ малѣйшій ущербъ настоящему.

Молодой, сильный, трудолюбивый, онъ разсчитывалъ на свою молодость, силу и трудолюбіе, думая, что эти сокровища никогда не исто-

щатся. Однако онѣ истощились слишкомъ быстро. Мужъ Марты сталъ жертвой тяжкой и внезапной болѣзни, отъ которой его не спасли ни совѣты докторовъ, ни усилія отчаявающейся жены. Онъ умеръ. Съ его смертью окончилось не только семейное счастье Марты, но изъ-подъ ногъ ея ускользнула опора ея матеріальнаго существованія.

Значитъ не на всегда спасъ свадебный алтарь молодую женщину отъ страданій одиночества и опасностей бѣдности. Древняя какъ міръ истина, гласящая, что на свѣтѣ нѣтъ ничего прочнаго, подтвердилась на ней на столько, на сколько она вѣрна. Вѣдь ее нельзя признать вполнѣ вѣрной. Все, что человѣкъ получаетъ извнѣ, исчезаетъ и измѣняется вокругъ него подъ вліяніемъ тѣхъ тысячи разнообразныхъ стремленій и усложненій, посредствомъ которыхъ складываются общественныя отношенія и уставы, и часто подъ самымъ страшнымъ,—потому что его менѣе всего можно предвидѣть и предположить,—вліяніемъ слѣпого случая. Но участь человѣка на землѣ была бы дѣйствительно достойна сожалѣнія, если бы вся сила, все благосостояніе и обезпеченіе его заключались только въ этихъ внѣшнихъ условіяхъ, измѣнчивыхъ и ускользающихъ, какъ волны воды, подчиненныя вѣяніямъ вѣтровъ. Да, на землѣ нѣтъ ничего прочнаго, кромѣ того, чѣмъ человѣкъ обладаетъ въ собственной груди и головѣ; кромѣ знанія, которое указываетъ пути и учитъ ходить по нимъ, кромѣ работы, которая освѣщаетъ одиночество и отгоняетъ нужду, кромѣ опыта, который наставлетъ и возвышенныхъ чувствъ, которыя оберегаютъ отъ дурного. И тутъ еще прочность конечно относительная—ее сокрушаетъ еще болѣе прочная, и непреодолимая власть болѣзни и смерти. Но пока это явленіе движенія, мысли и чувствъ человѣческихъ, которое называется жизнью, продолжается непрерывно и правильно, и развивается,—до тѣхъ поръ человѣкъ не разстается самъ съ собою, служитъ себѣ самому; помогаетъ, постоянно опирается на то, что онъ умѣлъ накопить себѣ въ прошломъ, что служитъ ему оружіемъ въ борьбѣ съ осложненіями жизни, съ измѣнчивостью судьбы, съ жестокостью случая.

Марту обмануло и покинуло все, что, при входѣ извнѣ, до сихъ поръ благопріятствовало и покровительствовало ей. Судьба, выпавшая ей на долю, вовсе не была чѣмъ нибудь исключительнымъ; несчастіе ея не имѣло источникомъ какого-нибудь страннаго необыкновеннаго событія, какой-нибудь изумительной, рѣдко повторяющейся въ лѣтописяхъ человѣческихъ катастрофы. Разореніе и смерть до сихъ поръ являлись въ ея жизни разрушительницами спокойствія и счастья. Что же болѣе обыденнаго всюду и вездѣ? Что же именно въ нашемъ обществѣ обыденнѣе перваго? Что неизбѣжнѣе, чаще, неотложнѣе второй?

Марта столкнулася лицомъ къ лицу съ тѣмъ, съ чѣмъ сталкиваются милліоны женщинъ. Кто же въ жизни своей не встрѣчалъ нѣсколько разъ людей, плачущихъ на рѣкахъ Вавилонскихъ, омывающихъ развалины потеряннаго состоянія? Кто сосчитаетъ, сколько онъ разъ въ жизни своей смотрѣлъ на вдовій нарядъ, на блѣдныя лица и увлаженные слезами глаза сиротъ?

И такъ все, до сихъ поръ сопровождавшее жизнь молодой женщины, разсталось съ ней, ускользнуло отъ нея, но она не разсталась сама съ собой. Чѣмъ она могла быть для себя самой? Что сумѣла она скопить себѣ въ прошломъ? Какія орудія знанія, воли, опыта могли ей служить въ борьбѣ съ общественными осложненіями, бѣдностью, случаемъ, одиночествомъ? Въ этихъ вопросахъ заключалась загадка ея будущаго, вопросъ жизни и смерти ея, и не только ея, но еще и ея ребенка.

Что касается до имущества, то у молодой матери не было почти ничего. Сотни двѣ рублей, оставшіяся отъ продажи мебели по уплатѣ мелкихъ долговъ и стоимости похоронъ мужа; немного бѣлья, два платья: вотъ все ея состояніе. Дорогихъ украшеній у нея не было никогда; тѣ, которыя у нея были, проданныя ею во время болѣзни мужа, оплатили безполезные докторскіе совѣты и одинаково безполезныя лѣкарства. Даже жалкая мебель, стоявшая въ ея новомъ жилищѣ, не была ея собственностью. Она наняла ее вмѣстѣ съ комнатой на чердакѣ, а за пользованіе ею, такъ же, какъ и за комнату обязалась платить каждое первое число каждого мѣсяца.

Это было настоящее, печальное, конечно, начало, но уже ясно опредѣлившееся. Неопредѣленнымъ оставалось будущее. Надо было его завоевать, чуть ли не создать.

Обладала ли эта молодая, красивая женщина, съ стройнымъ станомъ, бѣлыми руками и шелковистыми, черными волосами, обвивающими красивую голову, какой-нибудь завоевывающей силой? вынесла ли она изъ своего прошлаго что нибудь, изъ чего она могла бы создать будущее? Она раздумывала объ этомъ, сидя на низенькомъ, деревянномъ табуретѣ, передъ искрящимися подъ плитой угольями. Глаза ея, взглядомъ полнымъ невыразимой любви, устремлялись на дѣтское личико, спокойно спящее среди бѣлыхъ подушекъ.—Для нея — проговорила она минуту спустя—для себя я буду зарабатывать хлѣбъ, кровъ, спокойствіе!

Она встала у окна. Ночь была темная, Марта не видала ничего: ни покатыхъ крышъ, казавшихся съ высокаго чердака множествомъ лѣстницъ и изворотовъ, ни темныхъ, закоптѣлыхъ трубъ, торчащихъ надъ крышами, ни уличныхъ фонарей, тусклый отблескъ которыхъ недостигалъ до вышины ея окна. Она не видала даже неба, потому что

оно было покрыто тучами и не сіяло ни одной звѣздой. Но шумъ большого города доносился до ушей ея, непрерывный, хотя и ночной, оглушительный, хотя и ослабляемый разстояніемъ. Время было не слишкомъ позднее; на роскошныхъ широкихъ улицахъ, точно такъ же, какъ въ тѣсныхъ и темныхъ переулкахъ, люди ходили еще, ѣздили, гнались за удовольствіемъ, искали барыша, бѣжали туда, куда ихъ призывала любознательность мысли, наслажденіе сердца, или надежда пріобрѣтенія.

Марта опустила голову на сплетенныя руки и закрыла глаза. Она вслушивалась въ тысячи голосовъ, сливавшіеся въ одинъ гигантскій голосъ и, хотя неясный, однообразный, однако же полный лихорадочныхъ порывовъ, внезапнаго затиханія, глухихъ восклицаній и таинственнаго шороха. Большой городъ предсталъ передъ ея воображеніемъ въ видѣ гигантскаго улья, въ которомъ двигалось, кипѣло жизнью и гналось за добычей множество человѣческихъ существъ. У каждаго изъ этихъ существъ было мѣсто, на которомъ оно работало и такое, гдѣ оно отдыхало, цѣли къ какимъ оно стремилось, орудія, которыми оно пролагало путь въ толпѣ. Какое найдется для нея, для бѣдной, повергнутой въ безбрежное одиночество женщины, мѣсто работы и отдыха? гдѣ та цѣль, къ которой она будетъ стремиться? откуда возьмутся орудія, которыя проложатъ путь бѣдной и покинутой? А также, какими окажутся по отношенію къ ней эти существа человѣческія, которыя копошатся тамъ такъ неугомонно, изъ дыханій которыхъ образуется этотъ лихорадочный шепотъ, въ приливающія, и отливающія волны котораго она теперь погрузилась слухомъ? Разомкнутся ли передъ нею эти тѣсно сплоченныя ряды, тѣснящіеся къ счастью и благосостоянію, или сомкнутся еще плотнѣе, чтобы новоприбывшая не сузила имъ мѣста, не перегнала кого нибудь изъ нихъ въ утомительной погонѣ? Какіе уставы и обычаи будутъ ей благопріятными, а какіе враждебными, и которыхъ будетъ больше—первыхъ или вторыхъ? Но прежде всего, прежде всего, сумѣетъ ли она сама побѣждать враждебныя стихіи, пользоваться благопріятными? сумѣетъ ли каждую минуту, каждое біеніе сердца, каждую мысль, пролетающую въ головѣ, каждую дрожь, пронизывающую фибры тѣла, сосредоточить въ одну силу разумную, выносливую, неистощимую, въ такую силу, какая единственно можетъ отогнать нужду, обезпечить отъ униженія человѣческое ея достоинство, охранить отъ безплодныхъ страданій, отчаянія и—голодной смерти?

На этихъ вопросахъ сосредоточилась теперь вся душа Марты. Воспоминанія сладостныя и вмѣстѣ съ тѣмъ горькія воспоминанія женщины, которая когда-то, будучи веселой и красивой дѣвушкой, легкой поступью шагала по свѣжей муравѣ и яркимъ цвѣтамъ родимой деревни,

потомъ подлѣ любимаго мужа проводила дни счастливые, свободные отъ заботъ и печалей, а теперь во вдовьемъ нарядѣ, стояла у маленькаго оконца чердака, съ блѣднымъ лбомъ, опущеннымъ на сплетённыя руки; воспоминанія женщины, которыя весь минувшій день окружали ее роемъ заманчивыхъ видѣній, для того чтобы терзать и разрывать ея сердце, улетѣли теперь отъ нея передъ грознымъ, таинственнымъ, но осязательнымъ, какъ дѣйствительность, созерцаніемъ настоящаго. Это созерцаніе поглощало ея мысли, но незамѣтно было, чтобы оно ее ужасало. Черпала ли она свое мужество въ материнской любви, наполняющей ея сердце? обладала ли она той гордостью, которая гнушается боязни? или... не знала жизни и себя самой? Она не трусила.—Когда она подняла лицо, на немъ были слѣды слезъ, проливаемыхъ въ изобиліи въ теченіе нѣсколькихъ дней, на немъ было выраженіе скорби и тоски, но опасенія и сомнѣнія не было.

(Продолженіе будетъ).

НЕУВЯДАЮЩIЕ ЦВѢТЫ.

Веселая, какъ солнце,
Несла безпечно ты
На головѣ въ корзинѣ
Душистые цвѣты.

Никто пути-дороги
Не заграждалъ тебѣ,
Была ты благодарна
За каждый шагъ судьбѣ.

Впередъ свободно, смѣло,
Довольная судьбой,
Ты шла, всѣ любовались
Цвѣтами и тобой.

Но разбрелися люди,
Безумный врагъ цвѣтовъ
На торжище явился
И ликовать готовъ...

Злорадствуетъ... хохочетъ,
Кривляется, глумясь...
Въ тебя бросаетъ грязью,
Цвѣты-же топчетъ въ грязь.

А ты съ нѣмой тоскою
На торжищѣ стоишь,
Закрывъ лицо руками,
Ты плачешь и грустишь...

Не плачь, малютка! будешь
Опять съ цвѣтами ты:
Вѣдь истребилъ безумецъ,
Повѣрь, не всѣ цвѣты!

Н. Пановъ.

ВОПРОСЫ ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ РОССІИ.

Наши тарифы.

(Продолженіе).

Въ своемъ докладѣ я говорю: „за перевозку рогатаго скота (исключая телятъ) поштучно, т.-е. менѣе 8 головъ на вагонъ, въ поѣздахъ малой скорости платится по 3 коп. [1]) съ головы-версты, т.-е. гораздо дороже, чѣмъ за пассажира 1-го класса, перевозимаго на бархатномъ раскидномъ креслѣ; такъ, напримѣръ, за 1,600 верстъ пассажиръ платитъ 28 руб., а за 1 шт. скота платится 48 руб. Мѣсто для каждой штуки скота опредѣляется въ 3 фута ширины и 9 футъ длины, остальное же свободное мѣсто въ вагонѣ можетъ загружаться другими товарами.

При этомъ нельзя не замѣтить, что пассажиръ 1-го класса совершаетъ свой путь въ 1600 верстъ въ теченіе двухъ сутокъ, а скотина тотъ же путь, согласно приведеннымъ правиламъ, продѣлаетъ лишь въ 12 сутокъ. Если же пожелать сократить мученіе скота и перевезти его съ большою скоростью, то за это установлена двойная плата, т.-е. по 6 коп. $+1^1/_2$ коп. государственнаго сбора, а всего по $7^1/_2$ коп. съ головы-версты, причемъ плата эта не уменьшается даже при нагрузкѣ полнаго вагона скотомъ, и выходитъ, что за провозъ не только поштучно, но даже и при повагонной перевозкѣ скота большой скоростью на 1600 верстъ придется заплатить по 120 руб. за штуку, то-есть, слишкомъ въ 4 раза дороже, чѣмъ за пассажира 1 класса, платящаго всего 28 руб.

Полагаю, что несправедливость въ данномъ случаѣ очевидна, такъ какъ мѣсто, занимаемое скотиной, нисколько въ общей сложности не болѣе мѣста занимаемаго пассажиромъ 1 класса; если же принять во вниманіе, что вагоны товарные, въ которыхъ возится скотъ, стоятъ несравненно дешевле пассажирскихъ 1-го класса, и, кромѣ того, скотъ не требуетъ ни отопленія, ни освѣщенія, то едва ли справедливо установить за провозъ штуки скота четверной тарифъ противъ первоклассного пассажирскаго".

[1]) По тарифамъ всѣхъ дорогъ до уничтоженія скотопрогонныхъ трактовъ и вообще до принятія тарифнаго дѣла въ вѣдѣніе тарифныхъ правительственныхъ учрежденій рогатый скотъ перевозился поштучно по $2^1/_2$ коп. со штуки и версты, слѣдовательно этотъ тарифъ повышенъ на $^1/_2$ коп. съ головы и версты.

Не имѣя возможности отвергать этого, авторъ возраженія мѣняетъ тонъ возраженія: „Начать съ того“, говоритъ онъ, что „въ вину дѣйствующихъ тарифовъ ставится то, что перевозка скота въ пассажирскомъ поѣздѣ стоитъ по $7^1/_2$ коп. съ головы и версты, тогда какъ пассажиръ 1 класса, который перевозится „на бархатномъ креслѣ“, уплачиваетъ только $3^1/_4$ к. съ версты. Прежде всего, можно ли говорить объ этомъ серьезно? Если предположить, что тутъ была бы даже какая-нибудь тарифная непослѣдовательность, то имѣла ли бы она значеніе? Кто же перевозитъ скотъ въ пассажирскомъ поѣздѣ и какое отношеніе можетъ имѣть подобная перевозка къ сельскому хозяйству?“

Во первыхъ, я совсѣмъ не говорилъ о перевозкѣ скота пассажирскими поѣздами, это—обычное у моего противника извращеніе моихъ словъ. Скотъ, отправляемый большою скоростью, перевозился раньше всегда или въ особыхъ существующихъ на нѣкоторыхъ дорогахъ ускоренныхъ товарныхъ поѣздахъ или же въ товаро-пассажирскихъ поѣздахъ, которые состоятъ главнымъ образомъ изъ товарныхъ вагоновъ, наполняемыхъ товаромъ какъ большой, такъ и малой скорости, съ нѣсколькими прицѣпленными пассажирскими вагонами, такъ какъ съ этими поѣздами рѣдко кто ѣздитъ, по причинѣ ихъ крайне медленнаго движенія (около 20 верстъ въ часъ). Но собственно говоря желѣзныя дороги могли возить и возили скотъ несравненно медленнѣе, такъ какъ по правиламъ обязательно было перевозить грузы большой скорости только не менѣе 250 верстъ въ сутки или по $10^1/_2$ верстъ въ часъ. Вообще скорость не Богъ вѣсть какая сравнительно съ передвиженіемъ пассажировъ 1-го класса въ почтовыхъ и скорыхъ поѣздахъ!

Во-вторыхъ, неужели мой противникъ, принимаясь обсуждать этотъ вопросъ, никогда не слыхалъ и не знаетъ хотя изъ газетъ, что сельское хозяйство постоянно нуждается въ значительномъ количествѣ племенныхъ животныхъ, которыя покупаются частью за границей, а частью въ различныхъ образцовыхъ хозяйствахъ въ Россіи, и всѣ эти животныя, а въ данномъ случаѣ быки и коровы, перевозились обязательно всегда съ большою скоростью, дабы облегчить имъ трудности пути. Разумѣется, ни одинъ торговецъ убойнымъ скотомъ не возилъ его большою скоростью, потому что сама скотина того не стоитъ, во что обошлась бы ея перевозка, но сельскіе хозяева не могли такъ разсуждать, нуждаясь въ производительныхъ качествахъ покупаемыхъ ими животныхъ, а потому они-то и были исключительными отправителями скота большою скоростью и плательщиками этого непомѣрно высокаго тарифа. Въ этомъ-то и заключается отношеніе этого тарифа къ сельскому хозяйству.

Далѣе мой противникъ, стараясь какъ бы оправдать взиманіе столь высокой платы за провозъ скота большою скоростью, говоритъ слѣдующее: „Именно вслѣдствіе того, что подобная перевозка представляется очень рѣдкою, она сопряжена съ большими хлопотами, а главное—приходится для одной штуки скота взять цѣлый вагонъ, такъ какъ вмѣстѣ съ нею нагрузить еще что-нибудь невозможно въ виду необходимости оставлять вагонъ со скотомъ открытымъ (непломбированнымъ); поэтому понятно, что и плата за такую перевозку очень высока“.

Съ этимъ также невозможно согласиться вполнѣ и слѣдуетъ различать перевозку единичныхъ животныхъ отъ перевозки партій въ 4—7 головъ, что нашими тарифами не дѣлается. При погрузкѣ въ вагонъ одного животнаго, занимающаго никакъ не болѣе $^1/_4$ всего пространства, всегда могутъ найтись такіе громоздкіе грузы, которыми не опасаясь ихъ расхищенія, можно было бы заполнить остальное пространство; наконецъ, пустое приспособленіе, въ видѣ щита или рѣшетки съ запоромъ, могло бы отдѣлить цѣлую половину вагона, которую можно было бы нагрузить чѣмъ угодно и даже запломбировать. При такомъ простомъ приспособленіи, въ половину вагона всегда можно было бы поставить 2 и 3 головы скота, удешевляя сообразно ихъ количеству стоимость провоза; но по существующимъ правиламъ этого нѣтъ и имѣютъ право заставить погрузить въ вагонъ до 7 головъ скота, взыскивая за каждую изъ нихъ туже несообразно высокую плату. Въ іюнѣ мѣсяцѣ прошлаго 1894 года, желая послать со станціи Екатеринославъ цѣлый вагонъ, т.-е. 8 племенныхъ коровъ большою скоростью, я обратился въ коммерческій отдѣлъ управленія Екатерининской дороги съ просьбою опредѣлить мнѣ стоимость провоза этого скота, но такъ какъ не было точно установлено въ тарифѣ платы за провозъ скота большою скоростью повагонно, то телеграммой просили Департаментъ желѣзнодорожныхъ дѣлъ разъяснить этотъ вопросъ. На это послѣдовалъ отвѣтъ телеграммой-же, что плата должна быть взыскана по тарифу, опредѣленному для поштучной отправки скота, а вслѣдъ затѣмъ въ „Сборникѣ тарифовъ“ № 547 отъ 9 іюля 1894 года появился тарифъ № 6721 такого содержанія: „Съ 30 іюля 1894 года, впредь до отмѣны. Пунктъ А общихъ правилъ разсчета провозныхъ платъ (стр. 7 Свода № 4744) дополняется нижеслѣдующимъ: „А поштучныя и повагонныя отправки крупнаго рогатаго скота съ большою скоростью таксируются по удвоеннымъ поштучнымъ ставкамъ съ головы и версты, указаннымъ въ п. А, съ прибавленіемъ 25% Госуд. сбора“.

Развѣ и при полной погрузкѣ вагона скотомъ, дороги вынуждены брать подобную плату? Поэтому я и настаивалъ въ своемъ докладѣ на

томъ, что непомѣрно высокая плата берется за провозъ скота большою скоростью не только поштучно, но и повагонно. По этому расчету выходитъ слѣдующая несообразность. Предположимъ, компанія въ 8 человѣкъ желаетъ проѣхать съ полнымъ удобствомъ куда-нибудь за 1600 вер. Для этого они могутъ просить себѣ отдѣльный вагонъ I-го класса, заплативъ за 12 билетовъ I класса по 28 руб. всего 336 руб., за эту плату они получатъ роскошно отдѣланный, съ зеркальными окнами вагонъ съ 15—16 раскидными креслами или диванами, умывальникомъ и другими приспособленіями, съ освѣщеніемъ, отопленіемъ и прислугой. Вѣроятно, плата за это такъ разсчитана, что желѣзныя дороги имѣютъ отъ этого хорошій доходъ, хотя въ общей сложности выходитъ по 21 коп. съ вагона и версты. Площадь такого вагона почти вдвое больше, чѣмъ товарнаго и вѣсомъ онъ около 1500—1800 пудовъ. Въ то же время, положимъ, нѣсколько сельскихъ хозяевъ сообща купили 8 головъ племенного скота и желаютъ его перевезти, если не съ пассажирскимъ, то хотя съ товаропассажирскимъ поѣздомъ. Для этого имъ дадутъ безъ всякихъ приспособленій, даже безъ стока для нечистотъ, простой досчатый товарный вагонъ вѣсомъ около 500 пудовъ, въ который едва можно втиснуть 8 головъ скота, такъ что ему нельзя будетъ даже повернуть голову, а не только что лечь,—о прислугѣ, отопленіи и освѣщеніи даже и думать нечего,—и за это взыскали бы 960 руб., да кромѣ того за провозъ прислуги тоже придется заплатить. Вѣсъ 8 головъ скота долженъ быть не болѣе 320 пудовъ, а весь вагонъ со скотомъ будетъ вѣсить около 800 пудовъ, т. е. вдвое менѣе, чѣмъ вагонъ I-го класса, такъ что для тяги совершенно одинаково будетъ два вагона со скотомъ или одинъ вагонъ I-го класса.

Теперь спрашивается: почему за провозъ вагона со скотомъ, который требуетъ затраты вдвое меньшей силы для его передвиженія, при меньшей скорости доставки, сравнительно ничтожныхъ затратахъ на обзаведеніе и при полномъ отсутствіи расходовъ на отопленіе, освѣщеніе, прислугу, ремонтъ мебели и т. п., взыскивалась почти втрое высшая плата, чѣмъ за перевозку вагона I-го класса съ пассажирами? Я думаю, что на это никто мнѣ удовлетворительнаго отвѣта не дастъ. Взявши мѣриломъ плату за пробѣгъ вагона I го класса, слѣдовало бы брать съ вагона, нагруженнаго скотомъ, при перевозкѣ его съ пассажирскимъ поѣздомъ вдвое меньшую плату, чѣмъ за вагонъ I-го класса, или на разстояніе 1600 верстъ всего только 168 руб., вмѣсто 960 руб., тогда, разумѣется, такая перевозка скота сдѣлалась бы общедоступной, и дороги ничего не потеряли бы.

Хотя газеты протрубили пониженіе платы за провозъ скота большою скоростью въ настоящее время, какъ объ особомъ знакѣ вниманія къ нуждамъ сельскихъ хозяевъ, но, по моему мнѣнію, вглядываясь глубже въ суть дѣла, едва-ли это пониженіе провозной платы можетъ имѣть существенное значеніе для сельскихъ хозяевъ, такъ какъ все это пониженіе платы заключается въ слѣдующемъ.

Съ 6 мая сего года послѣдовало измѣненіе условій перевозки скота большою скоростью, и плата уменьшена въ слѣдующихъ размѣрахъ: при перевозкѣ скота въ товаропассажирскихъ поѣздахъ теперь взимается 6,9 коп. съ головы-версты, вмѣсто $7^1/_2$ коп. Это произошло потому, что въ силу Высочайше утвержденнаго мнѣнія Государственнаго Совѣта отъ 6 іюня еще прошлаго 1894 года, государственный сборъ пониженъ съ 25% на 15%, такъ что въ этомъ случаѣ тарифъ собственно остался тотъ-же—по 6 коп. съ головы-версты,—а только, наконецъ, исполнено Высочайшее повелѣніе, послѣдовавшее 11 мѣсяцевъ тому назадъ. Согласно этому пониженію въ вышеприведенныхъ примѣрахъ, плата за провозъ вагона скота понизится съ 960 руб. до 883 руб. 20 коп., а для одной головы съ 120 руб. до 110 руб. 40 коп. На перевозку скота особыми ускоренными товарными поѣздами плата понижена до $4^1/_2$ коп. съ головы-версты, но движеніе грузовъ этими поѣздами будетъ еще медленнѣе, чѣмъ раньше, такъ какъ скорость движенія (250 вер. въ сутки) уменьшена прибавленіемъ 8 часовъ на передачу груза съ одной дороги на другую, чего раньше не было.

Что касается этого послѣдняго удешевленнаго способа перевозки скота большою скоростью, то едва ли будетъ смыслъ сельскимъ хозяевамъ имъ пользоваться, въ виду того, что эти ускоренные товарные поѣзда будутъ ходить ни въ какомъ случаѣ не быстрѣе 250 верстъ въ сутки, а малой скоростью скотъ перевозится 200 вер. въ сутки; при этихъ условіяхъ за ускореніе движенія скота на 50 верстъ въ сутки придется переплачивать за эти 50 верстъ, при поштучной перевозкѣ, по 3 р. 75 к. со штуки или выше, чѣмъ оберъ-офицерскіе прогоны на пару лошадей, а при повагонной перевозкѣ—по 8 р. $12^1/_2$ к. со штуки, что составитъ уже чуть не генеральскіе прогоны. Быстрѣе будетъ и дешевле обойдется перевозка скота, если часть пути онъ пройдетъ малой скоростью, а другую часть товаропассажирскимъ поѣздомъ, который все-таки двигается около 400 верстъ въ сутки.

Далѣе противникъ не доволенъ мною за сказанное, что лошади большою скоростью перевозились дешевле, чѣмъ скотъ,—говоря, что я сдѣлалъ ссылку на тарифъ, по которому лошади перевозятся только спеціально на выставки, и что такой же тарифъ существуетъ для рогатаго скота.

Это совершенно невѣрно. Во-первыхъ, я ссылался на существовавшій постоянный тарифъ [1]) на перевозку лошадей для бѣговъ и скачекъ и, между прочимъ, на выставки и то только всероссійскія, но, вѣроятно, мой противникъ настолько знаетъ все-таки сельское хозяйство, что сообразилъ, что коровъ и быковъ для бѣговъ и скачекъ пока еще не возятъ, а потому о настоящемъ назначеніи этого тарифа умолчалъ и вспомнилъ только о выставкахъ; вовторыхъ, никакого постояннаго тарифа на перевозку скота на выставки я не знаю, потому что его въ дѣйствительности не существуетъ, а для нѣкоторыхъ выставокъ иногда предоставляются особыя льготы на перевозку экспонатовъ, но они ничего опредѣленнаго не имѣютъ.

Наконецъ, мой противникъ находитъ одно только изъ моихъ указаній касающимся существа дѣла—это относительно того, что при перевозкѣ всѣхъ грузовъ у насъ принята скидка съ провозной платы извѣстныхъ процентовъ, сообразно съ увеличеніемъ разстоянія (въ настоящее время эта скидка дѣлается не только для всѣхъ грузовъ большой и малой скорости, но даже и для пассажировъ), чего лишены при перевозкѣ одни только животныя.

Но уклоняясь, видимо, отъ возраженія мнѣ на эту приведенную мною, очевидную несправедливость, онъ переходитъ къ тому мѣсту изъ моего доклада, гдѣ сказано, что, кромѣ обычныхъ скидокъ, у насъ еще существуютъ особо пониженные тарифы даже на грузы I-го класса, по которому перевозятся предметы роскоши и вообще цѣнныя вещи, и для примѣра беру стоимость провоза этихъ предметовъ отъ Москвы до Оренбурга безъ скидки—1 руб. 42 коп., со скидкой—1 руб. 14.08 коп. и по исключительному тарифу—60 коп. за пудъ (въ докладѣ 50 коп., но это опечатка, которой обрадовался мой противникъ и поставилъ мнѣ на видъ),—и начинаетъ весьма неудачно оправдывать установленіе этого исключительнаго тарифа.

Онъ, напримѣръ, говоритъ, что этотъ исключительный тарифъ „не распространяется именно на цѣнности и предметы роскоши", но это совершенно не вѣрно: за эту плату въ 60 коп. съ пуда не перевозятся только жемчугъ, брилліанты и другіе драгоцѣнные камни, а также золотыя и серебряныя издѣлія, отнесенныя къ одной группѣ въ классификаціи товаровъ, но развѣ этимъ ограничиваются предметы роскоши и цѣнные? Какъ же можно назвать шелковыя ткани, кружева, издѣлія изъ слоновой кости, янтаря, черепахи и т. п.? Далѣе, доказывая необходимость этого пониженнаго тарифа, мой противникъ говоритъ: „Тарифъ этотъ

[1]) Стр. XXIII, Тарифъ I и II группъ, № 5304, введенный въ дѣйствіе съ 1 октября 1893 года.

дѣйствительно примѣняется къ большей части предметовъ, отнесенныхъ къ I классу, т. е. наиболѣе дорогимъ, но онъ имѣетъ свое оправданіе. Изъ московскаго промышленнаго раіона отправляется не мало мануфактурныхъ товаровъ въ Среднюю Азію; для нихъ наиболѣе удобный путь— водный до Узунъ-Ада, и далѣе по Закаспійской дорогѣ; и вотъ, въ конкурренцію съ этимъ путемъ, чтобы не уничтожать вовсе верблюжьяго промысла въ Средней Азіи, установленъ, между прочимъ, и по ходатайству военнаго вѣдомства пониженный тарифъ до Оренбурга, откуда московскія издѣлія слѣдуютъ далѣе караванами. Статистика показываетъ, что этотъ тарифъ своей цѣли вполнѣ достигаетъ: такъ перевозка мануфактурныхъ издѣлій изъ московскаго раіона составляла:

	1890 г.	1891 г.	1892 г.
	тысячи пудовъ.		
Въ Самаркандъ	284,4	357,2	273,1
„ Оренбургъ	236,1	181,3	209,3

Такимъ образомъ, этотъ исключительный тарифъ имѣетъ свое основаніе, смыслъ его совершенно понятенъ, а къ тарифу на перевозку рогатаго скота онъ не имѣетъ никакого отношенія“.

Слѣдовательно этотъ тарифъ установленъ съ цѣлью покровительства верблюдоводства въ Средней Азіи и предоставленія возможности верблюдамъ конкуррировать по доставкѣ товаровъ въ Самаркандъ съ проложенной туда желѣзной дорогой и пароходствомъ по Волгѣ и Каспійскому морю, для каковой цѣли желѣзныя дороги соглашаются терять на перевозкѣ однихъ мануфактурныхъ товаровъ въ Оренбургъ по 54 коп. съ пуда, что, въ среднемъ, составляетъ почтенную сумму въ 113 тыс. рублей въ годъ. Вѣроятно, и другихъ товаровъ I класса везется въ Оренбургъ не меньшее количество, такъ что жертвы желѣзныхъ дорогъ въ пользу верблюдовъ должны исчисляться сотнями тысячъ рублей. Такой же тарифъ въ пользу верблюдовъ существуетъ и къ Уральску, и, наконецъ, этотъ верблюжій тарифъ опредѣленъ также къ Челябинску, хотя оттуда едва ли повезутъ товары въ Самаркандъ. Все это прекрасно для верблюдовъ, хотя не дешево обходится желѣзнымъ дорогамъ, но вотъ вопросъ, который я безъ поясненій моего противника рѣшительно отказываюсь понять: почему этотъ верблюжій тарифъ назначенъ также отъ Москвы къ Царицыну, Саратову, Сызрани, Самарѣ, Казани и Свіяжску, да еще на навигаціонное время? Хотя верблюды и называются кораблями пустыни, но они имѣютъ мало общаго въ особенности въ интересахъ—съ кораблями, плавающими по Волгѣ, и, мнѣ кажется, этими

тарифами къ волжскимъ пристанямъ подведена интрига противъ настоящихъ кораблей пустыни, и ими пользуются волжскіе пароходы въ ущербъ верблюдамъ для доставки товаровъ черезъ Узунъ-Ада въ Самаркандъ.

Я не думаю, чтобы мой противникъ перемѣшалъ понятія верблюдъ— корабль пустыни и волжскій пароходъ, а выходитъ что-то странное. Пониженный тарифъ устанавливается, съ одной стороны, для покровительства верблюдовъ съ цѣлью дать имъ возможность успѣшно соперничать въ перевозкѣ грузовъ до Самарканда съ пароходами и Закаспійской желѣзной дорогой, а съ другой—такой-же пониженный тарифъ устанавливается къ волжскимъ пристанямъ съ цѣлью дать возможность пароходамъ и желѣзной дорогѣ соперничать съ доставкой грузовъ въ Самаркандъ на верблюдахъ. Хотя мой противникъ и говоритъ, что смыслъ этого тарифа, „совершенно понятенъ", но для меня онъ настолько замысловатъ, что я совершенно отказываюсь его понимать въ томъ смыслѣ, какъ этого хочетъ мой противникъ. Полагаю, что объясняя исключительные наши тарифы покровительствомъ верблюдамъ, авторъ недостаточно обдумалъ этотъ вопросъ, да и вообще, по моему мнѣнію, едва ли верблюдъ можетъ быть опаснымъ соперникомъ пароходству и желѣзнымъ дорогамъ. Я же объясняю эти тарифы гораздо проще, а именно только тѣмъ, что наши желѣзныя дороги находятъ свои доходы слишкомъ обильными и потому дѣлаютъ пониженія тарифовъ на излюбленные предметы, не стѣсняясь, повидимому, даже сотнями тысячъ рублей; жаль только, что это не на предметы, обезпечивающіе народное благосостояніе.

Возвращаясь къ тарифамъ на повагонную перевозку скота малой скоростью по $1^1/_4$ коп. съ головы и версты, мой противникъ поучаетъ меня, что тарифъ этотъ установленъ при условіяхъ исключительныхъ— закрытія скотопригонныхъ трактовъ—и получилъ законодательную санкцію. Еще раньше, во время моихъ докладовъ по этому вопросу въ Обществѣ содѣйствія торговлѣ и промышленности и въ Вольномъ экономическомъ обществѣ, нѣкоторыя лица, близко причастныя къ тарифному дѣлу, мнѣ говорили, что ставокъ этихъ нельзя ни понизить, ни касаться потому, что размѣръ ихъ установленъ законодательнымъ порядкомъ. Какъ тогда, такъ и теперь я говорю, что это не вѣрно и совершенно не согласно съ истиной. Въ доказательство привожу самый текстъ Высочайше утвержденнаго 11 мая 1882 года мнѣнія Государственнаго совѣта объ обязательномъ провозѣ гуртовъ крупнаго скота по желѣзнымъ дорогамъ.

I. Министру внутреннихъ дѣлъ, по соглашенію съ министромъ путей сообщенія, предоставлено:

1) Вводить обязательный провозъ гуртовъ крупнаго рогатаго скота по линіямъ тѣхъ желѣзныхъ дорогъ, общества коихъ: а) изъявятъ согласіе на установленіе тарифной ставки за провозъ означеннаго скота въ размѣрѣ *не свыше* одной съ четвертью копѣйки съ головы и версты и б) примутъ всѣ необходимыя мѣры къ правильному и безопасному передвиженію онаго.

2) Прекращать прогонъ гуртоваго скота по трактамъ, соотвѣтствующимъ тѣмъ желѣзнодорожнымъ линіямъ, по которымъ откроется перевозка скота на указанныхъ основаніяхъ.

II. Приведеніе въ дѣйствіе означенныхъ въ статьѣ I мѣръ начать съ мѣстностей, лежащихъ на сѣверъ отъ линіи, опредѣляемой желѣзнодорожными станціями: Нижній-Новгородъ, Муромъ, Моршанскъ, Козловъ, Грязи, Липецкъ, Елецъ, Верховье, Орелъ, Брянскъ, Городня, Жлобинъ и Бобруйскъ.

III. Министрамъ внутреннихъ дѣлъ, путей сообщенія и финансовъ, предоставлено, принявъ во вниманіе указанія опыта, издать, по взаимному между собою соглашенію, подробныя правила о порядкѣ, который долженъ быть соблюдаемъ относительно перевозки гуртоваго скота по желѣзнымъ дорогамъ.

Выше $1^1/_4$ коп. съ головы и версты въ силу этого закона брать нельзя при перевозкѣ скота, но ниже возможно сколько угодно. Когда этотъ вопросъ обсуждался въ Государственномъ совѣтѣ, то желѣзныя дороги обѣщали и пастбищныя мѣста около станцій для отдыха скота, и водопои, и вообще всякія удобства и приспособленія, почему и согласились на столь высокій предѣльный тарифъ, а въ концѣ концовъ оказалось, что дѣло перевозки скота и по сей день стоитъ въ самомъ жалкомъ положеніи, что выяснилось особенно выпукло въ засѣданіяхъ коммиссіи по этому вопросу въ маѣ и іюнѣ мѣсяцахъ сего года.

Обращаясь къ размѣру платы за провозъ скота, мой противникъ говоритъ: „Жаловаться на высоту этого тарифа едва ли основательно: взимая по $1^1/_4$ коп. съ головы и версты, дороги выручаютъ по $11^1/_4$ коп. съ вагона (большая часть скота перевозится не болѣе 9 головъ въ вагонѣ), что составляетъ около $^1/_{55}$ коп. съ пуда подъемной силы вагона—ставка далеко не высокая, особенно, если принять во вниманіе, что перевозка скота сопряжена съ необходимостью особыхъ расходовъ на погрузку и выгрузку, на приспособленія вагоновъ, на чистку и дезинфекцію и т. п.“.

Я же полагаю совершенно наоборотъ,—что такая провозная плата на мясной скотъ несообразно дорога. Почему, напримѣръ, мой противникъ, говоря о перевозкѣ изъ Москвы въ Оренбургъ товаровъ I класса, въ

числѣ которыхъ везутся модные и галантерейные товары въ коробочкахъ и картонкахъ, которыхъ едва ли помѣстить въ вагонъ болѣе 150 — 200 пудовъ, не вспоминаетъ о грузоподъемной силѣ вагона, а вѣдь они провозятся за попудную пониженную плату, которую если разсчитать по грузоподъемной силѣ вагона, то окажется, что они перевозятся не болѣе какъ за $^1/_{72}$ коп. съ пудо-версты, а говоря о перевозкѣ скота, прибѣгаетъ именно къ этому способу исчисленія провозной платы. Во-первыхъ, какое мы имѣемъ доказательство, что плата въ $^1/_{55}$ коп. съ пуда и версты не высока, а во-вторыхъ, зачѣмъ запугивать людей, не посвященныхъ въ тарифныя дѣла, такимъ образомъ вычисленной платой? Принялъ ли мой противникъ въ соображеніе, что одинъ и тотъ же паровозъ, при одинаковой затратѣ силы, можетъ везти пустыхъ товарныхъ вагоновъ 40 и даже 50 штукъ, а съ полной нагрузкой, по 610 пудовъ едва ли повезетъ даже 20. Съ облегченіемъ нагрузки количество вагоновъ, перевозимыхъ однимъ паровозомъ, увеличивается сообразно съ вѣсомъ груза, а потому стоимость доставки вагона съ полнымъ грузомъ въ 610 пуд. обходится желѣзнымъ дорогамъ гораздо дороже, чѣмъ съ погрузкой въ вагонъ половиннаго или и того меньшаго количества пудовъ. При перевозкѣ скота вагонъ нагружается отъ 200 до 320 пудовъ, а слѣдовательно никакого нѣтъ основанія высчитывать плату по грузоподъемной силѣ вагоновъ, такъ какъ ихъ гораздо большее число входитъ въ составъ поѣздовъ.

Обращаясь къ платѣ за провозъ скота въ $1^1/_4$ коп. съ головы и версты, оказывается, что, при перевозкѣ животныхъ въ 40 пуд. вѣсомъ, провозная плата будетъ въ $^1/_{32}$ коп. съ пудо-версты живаго вѣса скота, а такъ какъ мяса получается вдвое менѣе, то перевозка мяса значитъ обойдется по $^1/_{16}$ коп. съ пудо-версты, что при разстояніи, напримѣръ, въ 1,600 верстъ составитъ плату въ 1 руб. съ пуда, то-есть мясо это какъ бы было перевезено по II классу. Если же перевозилась скотина вѣсомъ въ 20 пуд., то доставка мяса обошлась бы на 1,600 верстъ по 2 руб. съ пуда, каковой платы у насъ за провозъ грузовъ малой скоростью не существуетъ, такъ какъ по I классу пришлось бы заплатить всего 1 руб. 20 коп. за пудъ и только за перевозку груза большой скоростью пришлось бы заплатить 2 руб. за пудъ. При цѣнѣ мяса на мѣстахъ покупки скота отъ 2 руб. 50 коп. до 3 руб. за пудъ провозная плата въ первомъ случаѣ составитъ около 33—40% стоимости товара, а во второмъ—около 66—80%.

Кажется, приведенныя данныя достаточно убѣдительны для того, чтобы признать существующій тарифъ на перевозку скота непомѣрно дорогимъ.

Относительно указанія моего противника, что плата взимается въ такомъ размѣрѣ потому еще, „что перевозка скота сопряжена съ необходимостью расходовъ на погрузку и выгрузку и на приспособленія вагоновъ“, то это одна авторская фантазія, такъ какъ приспособленій *никакихъ для перевозки скота не дѣлается, нагрузка же производится всегда средствами отправителей скота, да наконецъ взимается по 20 коп. съ головы на покрытіе станціонныхъ расходовъ.*

Одно только, наконецъ, мое замѣчаніе признается основательнымъ— это несправедливость взимать поштучную одинаковую плату при повагонной перевозкѣ скота за крупныхъ животныхъ, вѣсомъ до 40 пудовъ, которыхъ можетъ помѣститься въ вагонъ не болѣе 8 головъ, и за мелкій скотъ вѣсомъ до 20 пудовъ, которыхъ можно было бы помѣстить, хотя тѣсно, до 11 головъ въ вагонъ. На эту несправедливость мнѣ, наконецъ, удалось послѣ двухлѣтнихъ усилій обратить вниманіе тарифныхъ учрежденій, и комиссія, о которой я говорилъ раньше, рѣшила сдѣлать нѣкоторыя облегченія для перевозки мелкаго скота установленіемъ повагонной платы въ $11^1/_2$ коп. съ версты съ произвольнымъ количествомъ нагрузки [1]). Но и тутъ мой критикъ не могъ обойтись безъ преувеличеній, говоря, что такихъ сравнительно мелкихъ животныхъ вѣсомъ отъ 20 пуд. можно погрузить 14, 15 и болѣе штукъ. Если это дѣлается для того, чтобы превознести заботы комиссіи объ облегченіи перевозки мелкаго скота, то это даже смѣшно, потому что на 36 кв. арш., составляющихъ площадь вагона, совершенное ребячество предполагать умѣстить 15 и болѣе хотя и небольшихъ коровъ, но все-таки около 20-ти пудовъ вѣса, если мой критикъ не имѣлъ въ виду игрушечныхъ, продаваемыхъ въ гостиномъ дворѣ.

Далѣе мой противникъ начинаетъ снова увѣрять читателей въ незнаніи моемъ тарифовъ, не приводя ровно никакихъ фактовъ или ошибокъ или же дѣлая ссылки, въ родѣ слѣдующей: я, напримѣръ, говорю въ докладѣ, что столь высокая стоимость перевозки скота лишаетъ возможности развить вывозъ отъ насъ мяса, такъ какъ скотъ необходимо доставлять къ границамъ и портамъ живымъ и тамъ его бить, иначе если его бить на мѣстахъ покупки и посылать уже мясомъ, то оно придетъ къ мѣсту отправленія за границу или промерзшимъ—зимою — или

---

[1]) До уничтоженія скотопригонныхъ трактовъ и подчиненія тарифовъ тарифнымъ учрежденіямъ министерства финансовъ по всѣмъ почти дорогамъ скотъ перевозился повагонно за извѣстную установленную за цѣлый вагонъ плату, причемъ предоставлялось право грузить по 8 головъ крупнаго скота и по 10 мелкаго безъ особой приплаты.

испорченнымъ—лѣтомъ. На это мой противникъ, какъ-бы возражая, говоритъ, что у насъ есть специальные, кстати сказать, почти не дающіе пониженій, тарифы на перевозку къ одному только порту Либавѣ овецъ и свиней. Я говорю о рогатомъ скотѣ, а мнѣ говорятъ о свиньяхъ и овцахъ. Такъ построены всѣ возраженія моего противника.

Обращаясь къ стоимости перевозки у насъ мяса, мой противникъ приходитъ въ полное раздраженіе, вслѣдствіе моего сравнительнаго способа доказательства слишкомъ высокой стоимости перевозки мяса, но, не имѣя никакой возможности мнѣ основательно объяснить, почему устрицы, различные предметы гастрономіи, лакомства и т. п. перевозятся дешевле, чѣмъ мясо, хватается какъ утопающій за соломинку и выбираетъ пять предметовъ изъ списка, помѣщеннаго на трехъ страницахъ, доказывая, что они дѣйствительно должны перевозиться по дешевому тарифу: арбузы и дыни должны, по его мнѣнію, дешево перевозиться потому, что на мѣстѣ они дешево стоятъ. На Явѣ и Суматрѣ ананасами даже свиней кормятъ, но изъ этого не слѣдуетъ, что ананасы должны перевозиться по нашимъ желѣзнымъ дорогамъ чуть не даромъ. Они всетаки для насъ останутся предметомъ роскоши. Стеклянныя и фарфоровыя издѣлія, по его мнѣнію, должны потому перевозиться по дешевому тарифу, что они крестьянскія вещи, хотя это совершенно не вѣрно, такъ какъ по этому тарифу перевозится стеклянная столовая и лабораторная посуда, причемъ послѣднюю никакъ нельзя назвать принадлежностью крестьянскихъ хозяйствъ, за отсутствіемъ у нихъ лабораторій. Фарфоровыя же и маіоликовыя издѣлія тоже не составляютъ принадлежность крестьянскихъ хозяйствъ. Наконецъ онъ утверждаетъ, что свинину въ вывозномъ сообщеніи потому нужно перевозить вдвое дешевле, чѣмъ мясо, что объ этомъ хлопотало министерство государственныхъ имуществъ?!..

Но вѣдь я даже не касался въ своемъ докладѣ того, дешево или дорого перевозятся эти предметы. Я говорилъ, что не понятно, почему мясо—предметъ *первой пищевой потребности населенія*—перевозится дороже, чѣмъ множество предметовъ даже роскоши, перечисленныхъ мною на трехъ страницахъ, и что мясо гораздо справедливѣе было бы перевозить за плату, назначенную для приблизительно подходящихъ предметовъ, вродѣ масла, сыра, всякихъ молочныхъ скоповъ, свинины и т. п.

Въ виду объясненія моимъ противникомъ дешеваго тарифа на арбузы и дыни незначительной стоимостью ихъ на мѣстахъ произростанія нужно полагать, что онъ защищаетъ необходимость высокаго тарифа на мясо вслѣдствіе его болѣе высокой стоимости на мѣстахъ заготовки, какъ будто-бы это можетъ служить основаніемъ для того, чтобы и возить его дорого. Мнѣ кажется такое возрѣніе совершенно неправильнымъ: чѣмъ

дороже на мѣстахъ производства цѣнятся предметы первой жизненной потребности и необходимости (но только эти предметы, а не предметы роскоши или прихоти), тѣмъ дешевле они должны перевозиться, чтобы быть доступными нуждающимся въ нихъ потребителямъ, большинство которыхъ народъ бѣдный, почему всякій лишній расходъ можетъ для нихъ оказаться непосильнымъ и во всякомъ случаѣ ляжетъ на нихъ тяжелымъ бременемъ. Лучшее подтвержденіе этой мысли мы находимъ въ томъ, что когда былъ голодъ въ 1891 году и цѣна на хлѣбъ поднялась чрезвычайно, то доставка его въ голодающія мѣстности производилась или даромъ или за ничтожную плату. Если же придерживаться воззрѣній моего противника, то слѣдовало бы въ то время по крайней мѣрѣ утроить или учетверить тарифы на хлѣбные грузы. Впрочемъ, можетъ быть, мой противникъ признаетъ арбузы, дыни, ананасы и т. п. предметами первой необходимости, а мясо—предметомъ роскоши... Но объ этомъ вступать съ нимъ въ споръ я считаю излишнимъ.

Если мой противникъ не признаетъ возможнымъ доказательство слишкомъ дорогой стоимости перевозки мяса сравненіемъ съ провозными платами на другіе предметы, то я желалъ бы знать, что онъ можетъ сказать о тѣхъ основаніяхъ, которыя приняты были для повышенія тарифа на мясо съ $^1/_{24}$ коп. до $^1/_{18}$ коп. съ пуда и версты при попудной перевозкѣ и съ $^1/_{30}$ до $^1/_{24}$ коп. съ пуда и версты при повагонной перевозкѣ. До 1893 года мясо по большинству дорогъ [1]) перевозилось попудно по $^1/_{24}$ к. съ пуда и версты, а по Московско-Курской даже по $^1/_{25}$ к. съ п. и в.; повагонно-же по всѣмъ дорогамъ I группы и многимъ другимъ по $^1/_{30}$ к. съ п. и в. Кому мѣшали эти тарифы? Неужели это сдѣлано „съ цѣлью огражденія интересовъ населенія, промышленности, торговли и казны“, что составляетъ задачу тарифныхъ учрежденій?! Спрашивается, кто оплачиваетъ это повышеніе тарифа? Разумѣется, не торговцы и посредники, а слѣдовательно все это повышеніе тарифа легло всецѣло новымъ бременемъ на потребителей и на сельское населеніе, и безъ того уже разоренное низкими цѣнами на всѣ сельскохозяйственныя произведенія.

Представленныя моимъ противникомъ цифры перевозки мяса по нашимъ желѣзнымъ дорогамъ тоже ничего ни радостнаго, ни утѣшительнаго не говорятъ, а тѣмъ болѣе не доказываютъ, что тарифъ на мясо

[1]) Ростово-Владикавказской, Лозово-Севастопольской, Грязе-Царицынской, Оренбургской, Самаро-Уфимской, Московско-Брестской, Либаво-Роменской, Орловско-Грязской, Орловско-Витебской, Динабурго-Витебской, Риго-Динабургской, Митавской, Псково-Рижской, Балтійской, Николаевской, Рыбинско-Бологовской, Новоторжской, Ряжско-Вяземской, Сызрано-Вяземской и друг.

дешевъ или что онъ соотвѣтствуетъ своему назначенію. Неужели Россія, при ея пространствѣ и 120 милліонномъ населеніи, можетъ удовлетворяться общей перевозкой мяса въ количествѣ до $4^1/_2$ мил. пуд., которыхъ недостаточно для прокормленія населенія даже одного изъ большихъ городовъ, какъ Петербургъ, Москва, Варшава и т. п., тогда какъ при другихъ условіяхъ мясо могло бы перевозиться десятками милліоновъ пудовъ.

Что касается указанія на труды комиссіи, признавшей тарифы на перевозку скота и мяса удовлетворительными, то, зная прекрасно какъ составъ ея такъ и ходъ ея занятій, я предпочитаю пока умолчать объ этомъ заключеніи, которое во всякомъ случаѣ еще рѣшающаго значенія не имѣетъ. Одно только могу сказать, что представители сельскаго хозяйства находили эти тарифы слишкомъ дорогими, но ихъ заявленія оставлены безъ вниманія.

Дойдя до вопроса о тарифахъ на овечью шерсть, беззастѣнчивость моего противника переступила всякую мѣру и границы. Въ своемъ докладѣ я говорю о тѣхъ пониженіяхъ тарифа на шерсть, которыхъ мнѣ удалось достигнуть личнымъ ходатайствомъ предъ г. Министромъ Финансовъ, и докладами въ ученыхъ и экономическихъ обществахъ, причемъ указываю, что раньше фабрикантамъ перевозка иностранной шерсти обходилась въ 8, 10 и даже 12 разъ дешевле, чѣмъ русской, а при существующемъ тарифѣ можетъ обходиться лишь въ четыре раза дешевле, что однако происходитъ отъ неправильности и неточности допущенной въ редакціи тарифа; затѣмъ я говорилъ и о другихъ недостаткахъ тарифа. По этому поводу мой противникъ говоритъ слѣдующее: „Если бы все дѣйствительно было такъ какъ указывается въ брошюрѣ, конечно, пришлось-бы пожалѣть о безплодныхъ усиліяхъ тарифныхъ учрежденій, которыя не съумѣли достигнуть намѣченной цѣли. Но, къ счастью, и тутъ вся скорбь вытекаетъ единственно изъ малаго знакомства съ дѣломъ автора брошюры. Дѣло въ томъ, что по дѣйствующему тарифу (См. № 619 „Сборника тарифовъ“) установлена демаркаціонная тарифораздѣльная линія, которою устраняется всякая возможность переотправокъ, а потому иностранная шерсть можетъ по русскимъ дорогамъ перевозиться не иначе, какъ по $^1/_{12}$, а пряденая и чесаная шерсть—по $^1/_{10}$ коп. съ пуда и версты. Да и до этого переотправки шерсти на пограничныхъ станціяхъ и въ портахъ не были возможны, такъ какъ повагонный тарифъ отъ этихъ пунктовъ не былъ допущенъ. Такимъ образомъ и здѣсь мы встрѣчаемся не съ серьезными фактами, а съ утвержденіями ни на чемъ не основанными“.

Докладъ свой я дѣлалъ 11 марта сего 1895 года публично и при значительномъ стеченіи слушателей, въ числѣ которыхъ были и лица, непосредственно стоящія у тарифнаго дѣла. Ровно черезъ недѣлю послѣ моего доклада въ „Сборникѣ Тарифовъ", на который указываетъ мой противникъ, за № 619, отъ 18 марта сего года, дѣйствительно появляется маленькое, въ нѣсколько строкъ дополненіе, устраняющее до нѣкоторой степени тотъ вредъ, который могъ произойти отъ неправильнаго изложенія самого тарифа, но это дополненіе, безъ измѣненія редакціи тарифа, съ одной стороны, окончательно стѣсняетъ торговлю нашей русской шерстью въ западныхъ и сѣверозападныхъ губерніяхъ, а съ другой—нисколько не препятствуетъ провозить иностранную шерсть по удешевленному тарифу, или вчетверо дешевле русской, чрезъ Черноморскую границу, такъ какъ послѣднее замѣчаніе моего противника, что отъ портовъ нельзя везти повагонно, ничего общаго съ истиной не имѣетъ, такъ какъ нигдѣ въ тарифѣ не говорится, чтобы нельзя было везти шерсть отъ портовъ и повагонно.

По этому примѣру можно судить, къ какимъ пріемамъ прибѣгаетъ мой критикъ для извращенія смысла моего доклада.

Переходя далѣе къ вывознымъ тарифамъ нашихъ прямыхъ международныхъ сообщеній, мой противникъ приходитъ въ совершенную ярость по поводу моего мнѣнія, что, къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ общности дѣйствій между департаментомъ желѣзнодорожныхъ дѣлъ, вѣдающимъ желѣзнодорожные тарифы, и другими департаментами министерства финансовъ, вѣдающими таможенную политику всего государства, что было мною доказано въ частности раньше относительно ввоза къ намъ мякоти кокосовыхъ орѣховъ или копры.

Мой противникъ въ этомъ случаѣ уже совершенно заговаривается. Во-первыхъ, онъ мнѣ ставитъ въ вину, что я ссылаюсь на наши ввозные тарифы, обнародованные 1 марта 1892 года, говоря, что эти тарифы составлены были нашими тарифными учрежденіями еще въ 1890 году.

Дѣйствительно, съ переходомъ тарифнаго дѣла окончательно въ правительственныя руки — въ вѣдѣніе министерства финансовъ, наши тарифныя учрежденія первымъ дѣломъ занялись пересмотромъ тарифовъ нашихъ международныхъ сообщеній и съ 1890 года начали появляться въ сборникѣ тарифовъ разрозненные тарифы нашихъ международныхъ сообщеній для различныхъ нашихъ пограничныхъ мѣстъ, и подобныхъ тарифовъ наплодилось такое множество самыхъ разнохарактерныхъ тетрадокъ съ различными дополненіями и измѣненіями, что въ нихъ трудно было даже разобраться, вслѣдствіе чего всѣ эти тарифы были, нако-

нецъ, собраны въ отдѣльные своды, составившіе 3 толстыхъ книги большихъ размѣровъ, введенные въ дѣйствіе съ 1 марта 1892 года. Вотъ почему я и указалъ эти своды 1892 года, вмѣсто десятковъ разновременно выходившихъ, начиная съ 1890 года, тарифовъ международныхъ сообщеній. Я думаю, что это нисколько не измѣняетъ сути дѣла и только позволяетъ строже относиться къ этимъ тарифамъ, потому что за три года (1889, 1890 и 1891 года) они могли быть лучше обдуманы и исправлены сообразно обще-государственному направленію нашей таможенной политики и внѣшней торговли.

Я не буду теперь говорить о достоинствахъ или недостаткахъ той или иной системы внѣшнихъ торговыхъ сношеній между государствами, но полагаю, что разъ высшими правительственными учрежденіями избрана какая-либо система — будь она фритредерская, охранительная, покровительственная или запретительная — но разъ она утверждена Высочайшею властью, то естественно ожидать, что всѣ правительственныя учрежденія и органы будутъ неукоснительно ей слѣдовать, отрѣшившись въ дѣловомъ отношеніи отъ тѣхъ или иныхъ личныхъ взглядовъ людей, завѣдующихъ исполнительными учрежденіями или органами, иначе это были бы не государственныя учрежденія, преслѣдующія общія цѣли, а Крыловскіе лебедь, ракъ и щука, взявшіеся везти возъ.

Въ серединѣ этого столѣтія, напримѣръ, у насъ въ полной силѣ существовала покровительственная таможенная политика. Съ 60-хъ годовъ у насъ начало процвѣтать запоздавшее, но нѣкогда всюду модное фритредерство; съ конца 70-хъ годовъ начало замѣчаться обратное движеніе въ этомъ отношеніи, которое достигло своего полнаго развитія въ 1886—1890 годахъ, и, наконецъ, съ 1891 года у насъ окончательно укоренилась снова покровительственная таможенная политика.

Совершенно заслуженно раньше укоряли наши частныя желѣзнодорожныя общества въ томъ, что они противодѣйствуютъ нашимъ таможеннымъ предпріятіямъ, уничтожая вліяніе таможенныхъ пошлинъ пониженіемъ желѣзнодорожныхъ тарифовъ, это было одною изъ причинъ взятія правительствомъ тарифнаго дѣла въ свое вѣдѣніе.

Стоило только сдѣлать повышеніе пошлинъ на какой-либо ввозимый къ намъ предметъ, чтобы немедленно послѣдовало пониженіе провозной платы при ввозѣ его къ намъ въ Россію по желѣзнымъ дорогамъ.

Обращаясь къ исторіи нашихъ тарифовъ, нельзя не замѣтить, что первоначально наши желѣзнодорожныя общества прилагали всякое стараніе къ тому, чтобы привлекать возможно большее количество внутреннихъ грузовъ для перевозки по ихъ дорогамъ, для чего стремились

также вступать въ самыя разнообразныя между собою соглашенія. Затѣмъ, далѣе замѣчалась склонность къ соглашеніямъ съ примыкающими иностранными желѣзными дорогами о перевозкѣ грузовъ какъ въ вывозномъ, такъ и ввозномъ сообщеніяхъ, причемъ эти соглашенія съ иностранцами составлялись на основаніяхъ равноправности, въ смыслѣ передвиженія грузовъ и обоюдныхъ болѣе или менѣе безобидныхъ уступокъ за обезпеченіе извѣстными перевозками.

Но съ развитіемъ сѣти русскихъ желѣзныхъ дорогъ выступаетъ на сцену соперничество не только отдѣльныхъ дорогъ между собою, но даже цѣлыхъ группъ дорогъ, перевозящихъ грузы въ соперничающихъ направленіяхъ. Особый характеръ это соперничество пріобрѣтаетъ въ восьмидесятыхъ годахъ, когда болѣе или менѣе замѣтно началъ стѣсняться ввозъ къ намъ иностранныхъ товаровъ повышеніемъ таможенныхъ пошлинъ. Всякое повышеніе пошлинъ на какой-либо товаръ несомнѣнно вызывало замѣшательство въ торговлѣ имъ и побуждало иностранцевъ изыскивать соотвѣтственныя мѣры противодѣйствія, чтобы не потерять нашъ рынокъ. Въ этомъ отношеніи они нашли себѣ союзниковъ въ лицѣ нашихъ желѣзнодорожныхъ обществъ.

Не будучи связаны между собою общностью имущественныхъ выгодъ, всѣ наши желѣзныя дороги, идущія отъ нашихъ границъ, одна передъ другой предлагали иностранцамъ пониженія провозной платы и всякія льготы, съ цѣлью привлеченія ихъ грузовъ. Эти пониженія предлагались съ особенной охотой въ виду того, что убытки отъ этого менѣе всего заботили наши желѣзнодорожныя общества, обезпеченныя правительственной гарантіей доходовъ. Выходила полная нелѣпость и самообманъ въ нашей таможенной политикѣ, и въ финансовомъ значеніи таможенныхъ мѣропріятій. Съ одной стороны, правительство взимало пошлину съ ввозимыхъ къ намъ товаровъ для повышенія цѣны ихъ въ Россіи, а съ другой—приплачивало болѣе значительныя суммы, чѣмъ выручалось отъ повышенія пошлинъ, по гарантіи доходовъ дорогъ, которыя несомнѣнно несли убытки вслѣдствіе крайняго пониженія тарифовъ на ввозимые къ намъ иностранные товары, тѣмъ самымъ удешевляя ихъ въ Россіи.

Такое положеніе дѣлъ, разумѣется, не могло быть терпимо въ благоустроенномъ государствѣ и, съ цѣлью прекращенія подобной неурядицы, тарифное дѣло взято было въ 1889 году въ вѣдѣніе правительственныхъ тарифныхъ учрежденій, состоящихъ при министерствѣ финансовъ.

Трудно было сомнѣваться, что дѣло это приметъ иной оборотъ. Дѣйствительно, наши тарифныя учрежденія съ самаго открытія дѣйствій

немедленно же приступили къ пересмотру всѣхъ тарифовъ нашихъ международныхъ сообщеній.

Въ предисловіи „Свода ввозныхъ тарифовъ русскихъ желѣзныхъ дорогъ 1892 года“, о которомъ я уже говорилъ, находимъ мы слѣдующее:

„Въ 1885 году министерствомъ путей сообщенія былъ возбужденъ вопросъ о несоразмѣрности тарифовъ русскихъ желѣзныхъ дорогъ на грузы, привозимые изъ-за границы, въ сравненіи съ тарифами, примѣняемыми на соотвѣтственные предметы отечественнаго производства, и о необходимости упорядоченія ввозныхъ тарифовъ черезъ различные порты и сухопутныя пограничныя станціи. Съ тѣхъ поръ сей вопросъ представлялъ предметъ обсужденія нѣсколькихъ совѣщаній представителей министерства путей сообщенія и желѣзныхъ дорогъ и засимъ въ 1888 году совѣтомъ по желѣзнодорожнымъ дѣламъ были выработаны общія основанія, на которыхъ должны составляться впредь ввозные тарифы. Окончательно вопросъ о ввозныхъ тарифахъ разсматривался въ тарифномъ комитетѣ, который, исходя, въ общемъ, изъ тѣхъ же основаній, кои выработаны были совѣтомъ по желѣзнодорожнымъ дѣламъ, предложилъ желѣзнымъ дорогамъ составить означенные тарифы на новыхъ началахъ, ниже подробно изложенныхъ“.

Предложенныя тарифнымъ комитетомъ начала, на которыхъ преобразованы перечисленные тарифы, заключаются въ слѣдующемъ:

Платы „за перевозку иностранныхъ товаровъ на протяженіи отъ Новаго Порта до Москвы образованы путемъ сложенія ставокъ, причитающихся за перевозку отъ названнаго порта до станціи С.-Петербургъ Николаевской ж. д. (20 верстъ) по тарифу Портовой вѣтви отъ 20 декабря 1890 г. съ соотвѣтственными ставками отъ ст. С.-Петербургъ до ст. Москва (604 версты) по новому тарифу мѣстнаго сообщенія Николаевской ж. д.

Составленный по такому расчету тарифъ считается *основнымъ ввознымъ тарифомъ* за разстояніе въ 625 верстъ. Платы за перевозку иностранныхъ товаровъ отъ другихъ портовъ (кромѣ С.-Петербурга) до Москвы, при разстояніяхъ менѣе 1000 верстъ, разсчитаны путемъ сложенія ставокъ основного ввознаго тарифа за 625 верстъ съ надбавками на излишекъ разстоянія сверхъ 625 верстъ съ пуда и версты: для грузовъ, отнесенныхъ по основному ввозному тарифу къ 1 разряду $^1/_{80}$ коп., для грузовъ, отнесенныхъ ко II, III, IV, V разрядамъ,—по $^1/_{100}$ коп. и для грузовъ, отнесенныхъ къ VI, VII, и VIII разрядамъ,—$^1/_{125}$ коп.

Классы основнаго ввознаго тарифа (совпадающіе съ классами тарифовъ Николаевской ж. д. и Портовой вѣтви).	Пудо-верстныя ставки Николаевской жел. дор. [1].	Провозныя платы за все протяженіе Николаевской жел. дор.	Провозная плата за все протяженіе Портовой вѣтви.	Провозныя платы основнаго ввознаго тарифа за протяженіе Новый Портъ—Москва (625 вер.).
	Въ копѣйкахъ съ пуда.			
I	1/10	51,34	1,25	52,59
II	1/12	42,78	1,25	44,03
III	1/15	34,23	1,25	35,48
IV	1/18	28,52	1,00	29,52
V	1/24	21,39	1,00	22,39
VI	1/30	17,11	0,75	17,86
VII	1/36	14,26	0,75	15,01
VIII	1/40	12,84	0,50	13,34

Независимо отъ изложенныхъ общихъ началъ, при подробной разработкѣ отдѣльныхъ тарифовъ, былъ принятъ рядъ частныхъ постановленій, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и отступленій отъ общихъ началъ".

Вотъ именно эти частныя постановленія, отступленія и ничѣмъ необъяснимый способъ подобнаго исчисленія платы за разстоянія, превышающія 625 верстъ, которыми тарифный комитетъ дополнилъ общія основанія, выработанныя совѣтомъ по желѣзнодорожнымъ дѣламъ въ 1888 году, на которыхъ должны были впредь составляться ввозные тарифы, и были причиной того, что вновь пересмотрѣнные ввозные тарифы, оказались не только не согласными съ цѣлями, для которыхъ предпринятъ былъ ихъ пересмотръ, но даже не имѣющими ничего общаго съ основнымъ ввознымъ тарифомъ, такъ какъ по новому ввозному тарифу послѣдовало опять новое, почти огульное, пониженіе ставокъ на провозъ иностранныхъ товаровъ въ Россіи, за исключеніемъ лишь нѣсколькихъ группъ и то въ различныхъ направленіяхъ, на которыя или оставлены старыя ставки или сдѣланы ничтожныя повышенія платы. Странно только,

[1]) Эти ставки понижаются на разстояніяхъ свыше 200 верстъ на 10% и свыше 500 верстъ на 15%.

Сравнительная таблица таможеннаго обложенія и стоимости провоза различныхъ иностранныхъ предметовъ, ввозимыхъ въ Россію за періодъ времени съ 1884 по 1895 года.

Станція отправленія.	Станція назначенія.	НАИМЕНОВАНІЕ ВВОЗИМЫХЪ КЪ НАМЪ ПРЕДМЕТОВЪ.	Размѣръ таможенной пошлины въ 1877 году.	Размѣръ таможенной пошлины въ 1884 году.	Размѣръ таможенной пошлины въ 1895 году. Основной.	Размѣръ таможенной пошлины въ 1895 году. Конвенціонной.	Разница въ размѣрѣ основной пошлины въ 1884 и 1895 гг.	Разница въ размѣрѣ основной въ 1884 г. и конвенціонной въ 1895 г. пошлины.	Стоимость провоза 1 пуда въ 1884 г.	Стоимость провоза 1 пуда въ 1895 г.	Разница въ стоимости провоза.	Премія, даваемая желѣзнодорожными тарифами при ввозѣ иностранныхъ товаровъ по основной таможенной пошлинѣ сравнительно съ 1884 годомъ.	Премія, даваемая желѣзнодорожными тарифами при ввозѣ иностранныхъ товаровъ по конвенціоннымъ таможеннымъ пошлинамъ сравнительно съ 1884 годомъ.
			коп.	коп.	коп.	коп.	коп.	коп.	коп.	коп.	коп.	коп.	коп.
Въ прямомъ международномъ южномъ заморскомъ отъ иностранныхъ портовъ сообщеніи.													
Одесса.	С.-Петербургъ.	Хромъ-пикъ	200	220	265	215	45	— 5	50	30,82	—19,18	—	24,18
		Сода попудно	10	15	55	—	40	—	45	36,52	— 8,48	—	—
		Сода самоосадочная повагонно	10	15	55	—	40	—	45	27,39	—17,61	—	—
		Цементъ	3[1])	7	10	8	3	+ 1	45	25,28	—19,72	16,72	18,72
		Цикорій	Безпошлинно.	10	40	—	30	—	50	34,24	—15,76	—	—
		Черносливъ въ мѣшкахъ и ящикахъ	100	150	180	100	30	— 50	50	34,24	—15,76	—	65,76
		Сливы сушеныя и вяленыя въ мѣшкахъ и ящикахъ	100	150	180	100	30	— 50	50	34,24	—15,76	—	65,76
		Яблоки сушеные	100	150	180	100	30	— 50	50	34,24	—15,76	—	65,76
		Канаты, веревки, бичевки	40	44	70	—	26	—	50	41,08	— 8,92	—	—
		Половики, ковры веревочные	30	300	390	—	90	—	60	41,08	—18,92	—	—
		Изразцы	20	22	75	50	53	+ 28	45	27,39	—17,61	—	—
		Черепица	Безпошлинно.	Съ 1886 г. 3	4	—	1	—	45	34,24	—10,76	9,76	—
		Кирпичъ	Безпошлинно.	Съ 1886 г. 3	4	—	1	—	45	34,24	—10,76	9,76	—
		Амміакъ сѣрнокислый повагонно	20	22	55	—	33	—	60	27,39	—32,61	—	—
		Вассерглясъ	20	30	55	—	25	—	50	34,24	—15,76	—	—
		Глауберова соль повагонно	10	15	20	—	5	—	45	27,39	—17,61	12,61	—
		Дектринъ	55	100	140	115	40	+ 15	60	30,82	—29,18	—	14,18
		Квасцы	20	25	30	—	5	—	50	30,82	—19,18	14,18	—
		Охра	5	6	10	—	4	—	50	34,24	—15,76	11,76	—
		Сѣра	Безпошлинно.		5	—	5	—	50	34,24	—15,76	10,76	—
		Свинецъ	5	10	10	—	—	—	45	27,39	—17,61	17,61	—
		Цинкъ	30	40	50	45	10	+ 5	45	27,39	—17,61	7,61	12,61
		Стекло оконное	110	120	150	—	30	—	50	34,24	—15,76	—	—

[1]) Въ порта Чернаго моря допускается провозъ цемента безпошлинно.

Станція отправленія.	Станція назначенія.	НАИМЕНОВАНІЕ ВВОЗИМЫХЪ КЪ НАМЪ ПРЕДМЕТОВЪ.	Размѣръ таможенной пошлины въ 1877 году.	Размѣръ таможенной пошлины въ 1884 году.	Размѣръ таможенной пошлины въ 1895 году. Основной.	Размѣръ таможенной пошлины въ 1895 году. Конвенціонной.	Разница въ размѣрѣ основной пошлины въ 1884 и 1895 гг.	Разница въ размѣрѣ основной въ 1884 г. и конвенціонной въ 1895 г. пошлины.	Стоимость провоза 1 пуда въ 1884 г.	Стоимость провоза 1 пуда въ 1895 г.	Разница въ стоимости провоза.	Премія, даваемая желѣзнодорожными тарифами при ввозѣ иностранныхъ товаровъ по основной таможенной пошлинѣ сравнительно съ 1884 годомъ.	Премія, даваемая желѣзнодорожными тарифами при ввозѣ иностранныхъ товаровъ по конвенціоннымъ таможеннымъ пошлинамъ сравнительно съ 1884 годомъ.
			коп.	коп.	коп.	коп.	коп.	коп.	коп.	коп.	коп.	коп.	коп.
Въ прямомъ международномъ сѣверномъ заморскомъ отъ иностранныхъ портовъ сообщеніи. Рига.	Москва.	Посуда стеклянная столовая повагонно.	110	120	200	—	80	—	60	25,28	—34,72	—	—
		Бутылки повагонно	50²)	55²)	60²)	—	5	—	60	25,28	—34,72	29,72	—
		Сѣмя рициновое повагонно.	Безпошлинно.	10	15	—	5	—	45	19,17	—25,83	20,83	—
		Анисъ повагонно	Безпошлинно.	40	50	—	10	—	60	39,39	—20,61	10,61	—
		Бадьянъ	150	200	300	—	100	—	50	39,39	—10,61	—	—
		Орѣхи лѣсные и кедровые	50	80	100	—	20	—	50	34,24	—15,76	—	—
		Хлопокъ повагонно	Безпошлинно.	45	210	—	165	—	45	40,58	— 4,42	—	—
		Изразцы (кафли) печные, кромѣ маіоликовыхъ.	20	22	75	50	53	+ 28	25	19,70	— 5,30	—	—
		Трубы дренажныя и всякія глиняныя.	Безпошлинно.	Съ 1886 г. 3	6	—	3	—	25	22,90	— 2,10	—	—
		Аспидныя (грифельныя) доски	45	50	90	—	40	—	38	27,45	—10,55	—	—
		Сыръ всякій	400	500	600	5—50	100	+ 50	38	32,96	— 5,04	—	—
		Бѣлила свинцовыя, въ томъ числѣ и кремзерскія.	50	55	60	50	5	— 5	30,5	27,48	— 3,12	—	8,12
		Бѣлила цинковыя	50	55	60	50	5	— 5	30,5	27,48	— 3,12	—	8,12
		Глиноземъ сѣрнокислый	20	25	35	—	10	—	25	22,00	+ 3,00	—	—
		Кверцитронъ, въ неизмельченномъвидѣ.	5	6	6	—	—	—	30,5	27,48	— 3,12	—	—
		Купоросъ зеленый (желѣзный)	20	22	22	—	—	—	25	24,73	— 0,27	—	—
		Деревца и деревца живыя попудно. .	Безпош	линно.	50	—	50	—	50	34,35	—15,65	—	—
		» » » повагонно .	Безпош	линно.	50	—	50	—	50	18,32	—31,68	—	—
		Кусты живыя попудно.	Безпош	линно.	50	—	50	—	50	34,35	—15,65	—	—
		» » повагонно.	Безпош	линно.	50	—	50	—	50	18,32	—31,68	—	—
		Прививки и черенки попудно	Безпош	линно.	10	—	10	—	50	30,91	—19,09	9,09	—
		» » повагонно. . . .	Безпош	линно.	10	—	10	—	50	18,32	—31,68	21,68	—
		Сажанцы (молодыя деревья) попудно .	Безпош	линно.	50	—	50	—	50	30,91	—19,09	—	—
		» » » повагонно.	Безпош	линно.	50	—	50	—	50	18,32	—31,68	—	—
		Сажанцы хмѣлевые попудно	Безпош	линно.	50	—	50	—	50	30,91	—19,09	—	—
		» » повагонно	Безпош	линно.	50	—	50	—	50	18,32	—31,68	—	—

²) Въ порты Чернаго и Азовскаго морей бутылки допускаются къ провозу безпошлинно.

Станція отправленія.	Станція назначенія.	НАИМЕНОВАНІЕ ВВОЗИМЫХЪ КЪ НАМЪ ПРЕДМЕТОВЪ.	Размѣръ таможенной пошлины въ 1877 году.	Размѣръ таможенной пошлины въ 1884 году.	Размѣръ таможенной пошлины въ 1895 году. Основной.	Размѣръ таможенной пошлины въ 1895 году. Конвенціонной.	Разница въ размѣрѣ основной пошлины въ 1884 и 1895 гг.	Разница въ размѣрѣ основной въ 1884 г. и конвенціонной въ 1895 г. пошлины.	Стоимость провоза 1 пуда въ 1884 г.	Стоимость провоза 1 пуда въ 1895 г.	Разница въ стоимости провоза.	Премія, даваемая желѣзнодорожными тарифами при ввозѣ иностранныхъ товаровъ по основной таможенной пошлинѣ сравнительно съ 1884 годомъ.	Премія, даваемая желѣзнодорожными тарифами при ввозѣ иностранныхъ товаровъ по конвенціоннымъ таможеннымъ пошлинамъ сравнительно съ 1884 годомъ.
			коп.	коп.	коп.	коп.	коп.	коп.	коп.	коп.	коп.	коп.	коп.
Рига.	Москва.	Голенда цинковая попудно	Безпошлинно.	2	7	—	5	—	30,50	18,32	12,18	7,18	—
		» » повагонно	Безпошлинно.	2	7	—	5	—	25	10,93	14,07	9,07	—
		Блескъ желѣзный (желѣзная руда) попудно	—	2	7	—	5	—	30,50	18,32	12,18	7,18	—
		Блескъ желѣзный (желѣзная руда) повагонно	—	2	7	—	5	—	25	10,93	14,07	9,07	—
		Блескъ свинцовый (свинцовая руда) попудно	—	2	7	—	5	—	30,50	18,32	12,18	7,18	—
		Блескъ свинцовый (свинцовая руда) повагонно	—	2	7	—	5	—	25	10,93	14,07	9,07	—
		Гальлеей (цинковая руда) попудно	Безпошлинно.	2	7	—	5	—	30,50	18,32	12,18	7,18	—
		» » повагонно	Безпошлинно.	2	7	—	5	—	25	10,93	14,07	9,07	—
		Свинецъ листовой	5	20	30	25	10	5	25	19,70	5,30	—	0,30
		Свинецъ не въ дѣлѣ, въ свинкахъ, плиткахъ, роликахъ, головкахъ, чушкахъ и т. п.	5	10	10	—	—	—	25	19,70	5,30	5,30	—
		Цинкъ (шпіаутеръ) въ свинкахъ, чушкахъ, плиткахъ и т. п. не въ дѣлѣ.	30	40	50	45	10	5	25	19,70	5,30	—	0,30
Вержболово.	Борисоглѣбскъ.	Сѣмя рициновое повагонно	Безпошлинно.	10	15	—	5	—	21	17,87	3,13	—	—
		Чугунъ въ штыкахъ (свинкахъ), лому и стружкахъ	5 [1])	9	35	30	26	21	32,13	21,15	10,98	—	—
		Желѣзо черновое въ крицахъ и пудлинговыхъ болванкахъ	35 [1])	40	60	50	20	10	32,13	21,15	10,98	—	0,98
		Желѣзо полосовое и сортовое	35 [1])	40	60	50	20	10	32,13	24,10	8,03	—	—
		Желѣзо листовое до № 25 по Бирмингамскому калибру	50	55	85	65	30	10	32,13	24,10	8,03	—	—
		Сталь полосовая и сортовая	Съ 1881 г. 38½	40	60	50	20	10	32,13	24,10	8,03	—	—
		Сталь листовая до № 25 по Бирмингамскому калибру	Съ 1881 г. 55	Съ 1885 г. 60	85	65	25	5	32,13	24,10	8,03	—	3,03
		Рельсы желѣзные	20	50	60	50	10	—	31,97	19,67	12 30	2,30	12,30
		Рельсы стальные	45	50	60	50	10	—	31,97	19,67	12,30	2,30	12,30
		Желѣзо въ лому	Съ 1881 г. 22	22	60	50	38	28	32,13	24,10	8,03	—	—
		Сталь въ лому	Съ 1881 г. 22	22	60	50	38	28	32,13	24,10	8,03	—	—
		Втулки колесныя	Съ 1881 г. 88	Съ 1885 г. 90	170	140	80	50	67,21	29,84	37,37	—	—
		Зубья желѣзныя для боронъ	Съ 1881 г. 88	Съ 1885 г. 90	170	140	80	50	50,33	29,84	20,49	—	—
		Петли желѣзныя грубой отдѣлки для воротъ и дверей	Съ 1881 г. 88	Съ 1885 г. 90	170	140	80	50	41,80	29,84	11,96	—	—

[1]) Для машиностроительныхъ заведеній безпошлинно.

что на одни и тѣ же товары допускались совершенно различныя пониженія провозной платы для разныхъ городовъ и направленій. Такъ, напримѣръ, кофе, чай, галантерейныя вещи, игрушки, канцелярскія принадлежности, мануфактурный товаръ и т. п., гораздо дешевле стоило провезти отъ Одессы до Петербурга за 1824 версты, чѣмъ до Москвы за 1553 версты, хотя другіе товары перевозились въ Петербургъ дороже, чѣмъ въ Москву. Неужели и это надо объяснять по мнѣнію моего противника *„хорошо мотивированнымъ“* ходатайствомъ заинтересованныхъ сторонъ?!.. Видно въ этомъ случаѣ стороны такой вѣскій доводъ представили, противъ котораго никакая логика не могла устоять и поневолѣ пришлось понизить провозную плату на 40, 50 и 60%.

Такимъ образомъ, предпринятый пересмотръ ввозныхъ тарифовъ ни сколько ихъ не исправилъ и въ итогѣ не только не получилось согласованія тарифныхъ задачъ съ таможенными, но тѣ и другія стали въ полное противорѣчіе. Въ этомъ можно убѣдиться, прослѣдивъ движеніе таможенныхъ пошлинъ на иностранные товары съ 1877 года по настоящее время и перемѣны, послѣдовавшія въ желѣзнодорожныхъ тарифахъ на иностранные же товары съ 1884 года, т. е. съ того времени, когда правительствомъ сознана была настоятельная необходимость въ повышеніи этихъ тарифовъ, уничтожавшихъ вліяніе таможенныхъ пошлинъ, тоже до 1 іюля сего 1895 года включительно, когда уже вступили въ дѣйствіе всѣ сдѣланныя даже въ этомъ году тарифными учрежденіями повышенія провозной платы на иностранные грузы. Только такимъ путемъ можно будетъ ясно видѣть послѣдствія дѣятельности нашихъ тарифныхъ учрежденій въ этомъ отношеніи.

Приведенная таблица едва ли даже нуждается въ поясненіяхъ. Хотя въ ней перечислена лишь незначительная часть ввозимыхъ изъ-за границы къ намъ предметовъ, на которые пониженъ въ настоящее время желѣзнодорожный тарифъ сравнительно съ размѣромъ его въ 1884 году, но и эти немногіе приведенные примѣры даютъ полную возможность судить о вліяніи, которое имѣютъ желѣзнодорожные тарифы на нашу торговую политику. На нѣкоторые предметы, напримѣръ, желѣзнодорожные тарифы въ возныхъ изъ-за границы сообщеніяхъ настолько понижены сравнительно съ уровнемъ ихъ въ 1884 году, что не только уничтожено вліяніе сдѣланныхъ повышеній за это время таможенныхъ пошлинъ, но товары эти нынѣ получаютъ даже премію при ввозѣ ихъ въ Россію. Въ остальныхъ же случаяхъ оказывается, что вліяніе повышенія таможенной пошлины если не совсѣмъ устранено, то во всякомъ случаѣ въ большей или меньшей степени ослаблено сдѣланными пониженіями желѣзнодорожныхъ тарифовъ на эти предметы.

Кромѣ того, эти таблицы даютъ возможность сдѣлать нѣсколько любопытныхъ выводовъ. Такъ, напримѣръ, изразцы, черепица и кирпичъ, принадлежа къ одному и тому же роду предметовъ, въ 1884 году перевозились за одинаковую плату, съ повышеніемъ же таможенной пошлины для изразцовъ на 53 коп., а для черепицы и кирпича на 1 коп., желѣзнодорожный тарифъ былъ пониженъ для изразцовъ на 18,61 коп., а для кирпича и черпицы всего на 10,76 коп., такимъ образомъ оказалось, что изразцы, несмотря на свою большую цѣнность сравнительно съ кирпичемъ, перевозятся дешевле послѣдняго. Этотъ примѣръ прямо свидѣтельствуетъ, что при назначеніи ввозныхъ тарифовъ принимался въ соображеніе размѣръ повышенія таможенной пошлины, иначе не было смысла назначать болѣе низкій тарифъ на изразцы, чѣмъ на кирпичъ, тѣмъ болѣе, что во внутреннемъ сообщеніи кирпичъ перевозится дешевле изразцовъ.

Нельзя также не отмѣтить слѣдующаго случая: въ 1884 году пошлина на бутылки, привозимыя моремъ въ Петербургъ, взималась въ размѣрѣ 55 коп. золотомъ съ пуда, въ Одессу же бутылки пропускались безпошлинно. Провозъ бутылокъ отъ Одессы до Петербурга обходился 60 коп. съ пуда. Въ настоящее время пошлина на бутылки, привозимыя въ Петербургъ, повышена до 60 коп., а въ Одессу онѣ допускаются по прежнему безпошлинно, стоимость же провоза бутылокъ отъ Одессы до Петербурга понижена съ 60 коп. до 25,28 коп. Слѣдовательно мы поощряемъ теперь ввозъ бутылокъ въ Петербургъ черезъ Одессу 34,72 копѣйками на пудъ.

Особенно неблагопріятное вліяніе имѣетъ это пониженіе ввозныхъ желѣзнодорожныхъ тарифовъ при примѣненіи конвенціоннаго таможеннаго тарифа, въ этомъ случаѣ двойное облегченіе доступа къ намъ иностранныхъ товаровъ одновременнымъ пониженіемъ какъ таможеннаго, такъ и желѣзнодорожнаго тарифовъ можетъ очень печально отразиться на нѣкоторыхъ отрасляхъ нашей промышленности.

На основаніи всего изложеннаго, я никакъ не могу отказаться отъ высказаннаго мнѣнія, что дѣйствія тарифныхъ учрежденій и департамента желѣзнодорожныхъ дѣлъ, состоящихъ въ вѣдѣніи министерства финансовъ не только не согласуются съ общимъ направленіемъ нашей таможенной политики и дѣйствіями департамента торговли и мануфактуръ того же министерства финансовъ, но прямо уничтожаютъ значеніе всѣхъ мѣропріятій въ этомъ отношеніи министерства финансовъ и высшихъ государственныхъ учрежденій, принимаемыхъ въ огражденіе внутренней нашей промышленности.

Обращаясь къ возраженію противъ сказаннаго мною по этому поводу, снова приходится заняться самымъ непроизводительнымъ трудомъ— обличеніемъ моего противника въ умышленномъ, съ предвзятой цѣлью, извращеніи истины. Онъ утверждаетъ, что моя таблица № 8, въ которой указана разница тарифовъ въ международномъ и внутреннемъ сообщеніяхъ, не вѣрна, и говоритъ это совершенно голословно, не указывая ни одной невѣрной цифры, а только ссылается единственно на то, что въ одной изъ многихъ графъ ошибочно набранъ заголовокъ. Моя вина въ томъ, что я упустилъ изъ виду, во время корректуры, описку или ошибку наборщика, поставившаго вмѣсто словъ „отъ Вержболово до Рыбинска 1375 верстъ“ направленіе отъ „Одессы до Вержболово 1375 верстъ“; но тѣмъ не менѣе и разстояніе и всѣ цифры, находящіяся даже въ этой графѣ, совершенно вѣрны. Опечатка не есть ошибка или незнаніе вопроса, при подобной же работѣ, напримѣръ въ „Сборникѣ тарифовъ“, мы видимъ цѣлыя приложенія и весьма крупныхъ размѣровъ, указывающія самыя разнообразныя опечатки, сдѣланныя въ сборникѣ.

Мой противникъ говоритъ, что я неправильно опредѣляю ставку $^1/_{10}$ коп. съ пуда и версты и неправильно называю ее нормальной для грузовъ, отнесенныхъ къ I классу. Но это утверждать можно не только не зная подробностей, но даже не имѣя вовсе представленія о нашихъ тарифахъ вообще и въ частности о тарифахъ I и II группъ нашихъ желѣзныхъ дорогъ, на которые такъ часто ссылается мой противникъ.

Не говоря уже о томъ, что ставка въ $^1/_{10}$ коп. съ пуда и версты введена въ основной ввозной тарифъ 1892 года, параграфъ 8-й отдѣленія 2, части I тарифа I и II группъ, введеннаго въ дѣйствіе въ 1 октября 1893 года, гласитъ слѣдующее: „Съ товаровъ отнесенныхъ по классификаціи къ I нормальному классу, при перевозкѣ ихъ въ прямомъ непрерывномъ сообщеніи по дорогамъ I и II группъ, провозная плата взимается по суммѣ платъ: а) за провозъ по *частнымъ* дорогамъ (кромѣ Николаевской и Орловско-Витебской)—по II *нормальному классу*, съ расчетомъ за разстояніе перевозки по каждой изъ этихъ дорогъ отдѣльно, и б) за провозъ по *казеннымъ, Николаевской* и *Орловско-Витебской* дорогамъ, какъ при непрерывномъ слѣдованіи груза по этимъ дорогамъ, такъ и при передачѣ груза между поименованными казенными, Николаевской и Орловско Витебской дорогами, при посредствѣ другихъ дорогъ,—по I *нормальному классу*, съ расчетомъ—въ первомъ случаѣ за общее непрерывное разстояніе перевозки по казеннымъ, Николаевской и Орловско-Витебской дорогамъ, а во второмъ—за разстояніе перевозки по тѣмъ же дорогамъ до или отъ пунктовъ передачи на другія дороги. *Исчисленная такимъ способомъ провозная плата не должна пре-*

вышать платы по I нормальному классу за общее разстояніе перевозки по всѣмъ казеннымъ и частнымъ дорогамъ I и II группъ". То же самое говорится въ № 508 „Сборника тарифовъ".

„§ 8. Съ товаровъ, отнесенныхъ по классификаціи къ I нормальному классу, при перевозкѣ ихъ въ прямомъ непрерывномъ сообщеніи по дорогамъ I и II группъ, провозная плата взимается по суммѣ платъ: а) за провозъ по частнымъ дорогамъ и казеннымъ С.-Петербурго-Варшавской и Московско-Нижегородской по II нормальному классу, съ расчетомъ за разстояніе перевозки по каждой изъ этихъ дорогъ отдѣльно, и б) за провозъ по казеннымъ дорогамъ: Николаевской, Балтійской, Псково-Рижской, Риго-Двинской, Митавской, Риго-Больдерааской, Орловско-Витебской, Либаво-Роменской, Полѣсскимъ, Брестъ-Холмской, Сѣдлецъ-Малкинской, Варшаво-Тереспольской, Принаревскій, Джанкой-Ѳеосійской, Екатерининской, Харьково-Николаевской, Курско-Харьково-Азовской, Московско-Курской, Муромской, Ржево-Вяземской и Самаро-Златоустовской съ вѣтвями Оренбургской и отъ Златоуста до Челябинска, какъ при непрерывномъ слѣдованіи груза по этимъ дорогамъ, такъ и при посредствѣ другихъ дорогъ,—по I нормальному классу, съ расчетомъ въ первомъ случаѣ—за общее непрерывное разстояніе перевозки по казеннымъ дорогамъ, а во второмъ—за разстояніе перевозки по тѣмъ же дорогамъ до или отъ пунктовъ передачи на другія дороги. Исчисленная такимъ способомъ провозная плата не должна превышать платы по I нормальному классу за общее разстояніе перевозки по всѣмъ казеннымъ и частнымъ дорогамъ I и II группъ".

Такой же точно параграфъ правилъ раньше былъ и въ тарифѣ III группы желѣзныхъ дорогъ, введенномъ въ дѣйствіе съ 1 января 1893 года. Николаевская же дорога взимаетъ за грузы I класса по $^1/_{10}$ коп. съ пуда и версты, начиная съ 1890 года. Еслибы мой противникъ ближе познакомился съ тарифами, то, разумѣется, зналъ бы, что, во-первыхъ, плата въ $^1/_{10}$ коп. съ пуда и версты примѣняется на большинствѣ дорогъ, а во-вторыхъ, что провезти какой-либо грузъ по нѣсколькимъ дорогамъ по II классу или по $^1/_{12}$ коп. съ пуда и версты и взыскать за него плату, согласно приведенному правилу, за пройденное разстояніе по каждой дорогѣ отдѣльно, это обойдется дороже, чѣмъ если бы заплатить по I классу за все пройденное грузомъ разстояніе въ совокупности, такъ какъ при существующемъ дифференцированіи платы стоимость провоза груза по I классу можетъ доходить до $^1/_{15}$ коп. съ пуда и версты, а при короткихъ пробѣгахъ по II классу эта плата будетъ около $^1/_{12}$ коп. съ пуда и версты. Кажется, ясно, какъ день, что я правильно взялъ въ своихъ таблицахъ провозную плату для I класса въ $^1/_{10}$ коп. съ

пуда и версты съ соотвѣтствующимъ дифференцированіемъ и, наоборотъ, впалъ бы въ громадную ошибку, если бы таксировалъ грузы I класса по II, т. е. по $^1/_{12}$ коп. съ пуда и версты.

Можетъ быть мой противникъ предполагаетъ, что наши отечественнаго происхожденія грузы, условія перевозки которыхъ я сравниваю съ иностранными, передвигаются у насъ только въ тѣхъ же направленіяхъ, въ которыхъ идутъ къ намъ иностранные грузы, но это показываетъ только коренное непониманіе имъ дѣла. Если я сравниваю, напримѣръ, стоимость провоза иностраннаго товара отъ Ревеля до Петербурга за 347 верстъ со стоимостью провоза такого же груза во внутреннемъ сообщеніи, то это нельзя понимать буквально, что именно такой же грузъ отечественнаго производства везется непремѣнно изъ Ревеля въ Петербургъ и происходитъ между ними соперничество. Въ этомъ случаѣ для внутренняго сообщенія играетъ роль только разстояніе въ 347 верстъ, а не станціи отправленія или назначенія. Несправедливость заключается въ томъ, что, положимъ, кожевенныя издѣлія и шорный товаръ иностраннаго производства везутся къ намъ на разстояніе 347 верстъ, изъ Ревеля въ Петербургъ, за плату въ 14 коп. съ пуда (безъ дополнительныхъ сборовъ), а за провозъ такого же товара русскаго производства на такое же приблизительно разстояніе въ 347 верстъ, напримѣръ, отъ ст. Вышній-Волочекъ до Петербурга, отъ Орла до Москвы, отъ Орла до Харькова или, проще сказать, отъ всякой станціи на разстояніе 347 верстъ, придется заплатить 31, 23 коп. за пудъ, т. е. въ два слишкомъ раза дороже. То же самое можно сказать и о всѣхъ другихъ направленіяхъ движенія иностранныхъ грузовъ по удешевленнымъ тарифамъ отъ Риги, Либавы, Одессы до Петербурга, Москвы, Харькова, Кіева и всѣхъ станцій, лежащихъ за ними. Въ виду этого и ссылка моего противника на заявленіе Ревельскаго биржевого комитета, что пониженіе провозной платы на нѣкоторые иностранные товары отъ Ревеля до Петербурга не подрываетъ мѣстную промышленность города Ревеля, не имѣетъ никакого значенія. Ревель естественно желаетъ привлечь къ себѣ возможно большее количество иностранныхъ грузовъ для полученія портовыхъ доходовъ и оживленія своей торговли, и наконецъ въ дѣйствительности Ревель можетъ быть не поставляетъ въ Петербургъ такихъ именно товаровъ, которые провозятся черезъ него въ Петербургъ изъ-за границы, но этого нельзя сказать о всей Россіи, а тѣмъ болѣе на основаніи этого нельзя отрицать несправедливости сдѣланнаго пониженія тарифовъ для иностранныхъ грузовъ.

Заявленіе о томъ, что черезъ Ревель ввозятся къ намъ по удешевленному тарифу только хлопокъ, копра, апельсины и т. п., совер-

шенно не вѣрно, такъ какъ множество различныхъ предметовъ, начиная съ желѣзныхъ, мѣдныхъ, кожевенныхъ и т. п. издѣлій, мѣхового товара и до взрывчатыхъ веществъ, провозятся въ этомъ направленіи въ значительномъ количествѣ. То же самое можно сказать и о другихъ направленіяхъ ввоза къ намъ иностранныхъ товаровъ.

Далѣе, слова моего противника: „Затѣмъ не только не всѣ иностранные грузы перевозились вдвое и даже втрое дешевле, чѣмъ такіе же русскіе грузы, но даже и въ отношеніи самой малой части ихъ этого сказать нельзя: нѣсколько дешевле извѣстная часть грузовъ перевозилась, по причинамъ, о которыхъ скажемъ ниже, но не вдвое или втрое. При этомъ авторъ ссылается на составленную имъ таблицу (№ 8), но именно эта таблица ни малѣйшимъ образомъ не подтверждаетъ сказаннаго имъ, что нѣтъ ни одной цифры, которая подтверждала бы, что иностранный товаръ перевозился втрое дороже, чѣмъ соотвѣтственный русскій“,—могутъ привести только въ полное недоумѣніе. Нужно или быть слѣпымъ, или же читать не то, что напечатано, чтобы говорить подобное. Въ таблицѣ № 8 на четырехъ страницахъ приведенъ цѣлый рядъ примѣровъ стоимости перевозки различныхъ грузовъ во внутреннемъ и ввозномъ сообщеніяхъ и изъ нихъ видно, что всѣ предметы, отнесенные къ I классу нашей классификаціи, перевозятся отъ Петербурга до Ревеля за 347 верстъ по 14 коп. [1]) съ пуда, вмѣсто 31, 23 коп. или въ $2^1/_4$ раза дешевле, изъ Одессы до Петербурга за 1824 версты по 65.57 к., вмѣсто 1 руб. 36,80 коп. за пудъ или въ 2 раза дешевле. Кромѣ того, иностранная шерсть, напримѣръ, перевозилась по 39,90 коп. за пудъ вмѣсто 1 руб. 14 коп. или почти втрое дешевле, а кофе по 39,90 коп. вмѣсто 1 руб. 36,80 коп., т.-е. почти въ $3^1|_2$ раза дешевле. Трудно даже себѣ представить такое беззастѣнчивое извращеніе истины, какое позволяетъ себѣ мой противникъ, и тѣ жалкіе пріемы, къ которымъ онъ прибѣгаетъ для возраженія мнѣ.

Наконецъ, мой противникъ говоритъ, что тарифныя учрежденія не имѣли даже права устанавливать для иностранныхъ грузовъ I класса провозную плату $^1/_{10}$ коп. съ пуда и версты безъ особаго разрѣшенія этого въ законодательномъ порядкѣ, почему и было сдѣлано примѣчаніе къ тарифамъ международныхъ сухопутныхъ сообщеній о томъ, что всѣ грузы, отнесенные къ I классу, впредь до особаго извѣщенія должны перевозиться за плату, соотвѣтствующую II классу, т.-е. по $^1/_{12}$ к.

---

[1]) Въ таблицѣ указаны ставки съ дополнительными сборами для иностранныхъ грузовъ, которые составляютъ 1,03 коп. съ пуда, а въ приведенныхъ цифрахъ дополнительные сборы исключены для большей точности.

съ пуда и версты, причемъ ссылается на № 508 „Сборника тарифовъ".

Для меня это возраженіе остается совершенно непонятнымъ. По основному ввозному тарифу еще 1892 года, который я привелъ выше, плата за провозъ грузовъ I класса установлена была въ $^1/_{10}$ коп. съ пуда и версты; согласно № 508 „Сборника Тарифовъ", дословную выписку, изъ котораго я выше также привелъ, видно, что эта плата примѣняется на большинствѣ русскихъ желѣзныхъ дорогъ, наконецъ, плата въ $^1/_{10}$ коп. съ пуда и версты примѣняется въ Сѣверномъ заморскомъ, черезъ Новый-портъ, сообщеніи и это вводилось безъ новыхъ законодательныхъ мѣропріятій, а когда дѣло коснулось привилегированныхъ направленій ввоза къ намъ иностранныхъ товаровъ, то потребовалось разрѣшеніе этого вопроса Государственнымъ совѣтомъ. Во всякомъ случаѣ правила, изложенныя въ № 508 „Сборника тарифовъ" отъ 28 февраля 1894 года, для перевозки грузовъ I класса во внутреннемъ прямомъ сообщеніи обязательно должны были быть распространены и на международныя сообщенія.

Наконецъ, вопросъ объ уничтоженіи предѣльныхъ тарифовъ рѣшенъ въ законодательномъ порядкѣ, что обнародовано еще 20 декабря 1894 года, а повышеніе провозной платы на иностранные грузы I класса послѣдовало лишь съ 1 іюля 1895 года, причемъ за эти полгода не мало милліоновъ рублей потеряно нашими желѣзными дорогами на этихъ перевозкахъ...

Нѣтъ, видно мой критикъ, говоря это, совершенно не знакомъ съ сутью дѣла. Причины такого направленія дѣла, вѣроятно, совершенно иныя и быть можетъ весьма существенныя, но они, вѣроятно, составляютъ сокровенную канцелярскую тайну, которую ни мнѣ, ни моему критику не постичь, а потому, говоря на эту тему, мы больше будемъ витать въ области воображенія. Мы можемъ считаться съ распоряженіями, а доискиваться ихъ причинъ, не имѣя для этого даже источниковъ, значитъ терять даромъ время.

Относительно необходимости столь значительнаго пониженія тарифа отъ Ревеля до Петербурга въ Сѣверномъ заморскомъ сообщеніи я также совершенно не могу согласиться. Съ 1877 года по 6 октября 1891 г. это ввозное сообщеніе пользовалось слѣдующими льготами:

Грузы, отнесенные къ I классу, перевозились по 23 коп., вмѣсто 26,02 коп. за пудъ, II класса—по 15 коп., вмѣсто 17,35 коп. за пудъ, III класса—по 11,5 коп., вмѣсто 13,01 коп. за пудъ и, наконецъ, IV класса — по 10,5 коп., вмѣсто 11,57 коп. за пудъ, товары же принадлежащіе къ остальнымъ классамъ, перевозились безъ

всякой скидки. Другими словами, для грузовъ I и II классовъ скидка дѣлалась по 3 коп. съ пуда, для III класса въ $1^1/_2$ коп. и IV класса въ 1 коп. съ пуда, причемъ за разстояніе отъ Балтійскаго порта до Ревеля, если приходилось разгружать пароходы въ Балтійскомъ портѣ, взималось по I классу 3 коп., по II—2 коп., по III—$1^1/_2$ коп. съ пуда и т. д.

Надо имѣть въ виду, что въ то время Балтійская дорога принадлежала частному обществу, которое, какъ и всѣ остальныя общества, старалось всѣми силами привлечь грузы къ своей дорогѣ, не стѣсняясь необходимыми для этого пониженіями тарифовъ, и никогда не допустило бы возможности отвлеченія грузовъ на Петербургъ финляндскими дорогами, но дальнѣйшихъ пониженій для этого заморскаго сообщенія не дѣлало, вѣроятно, находя это совершенно лишнимъ.

Совсѣмъ иначе взглянули на это наши тарифныя учрежденія и въ 1891 году, подъ предлогомъ соперничества финляндскихъ желѣзныхъ дорогъ по перевозкѣ иностранныхъ грузовъ въ Петербургъ, черезъ Ганге, тарифъ былъ пониженъ для грузовъ I класса отъ Ревеля до Петербурга съ 23 коп. до 14 коп. съ пуда, а отъ Балтійскаго порта—съ 26 коп. до 14,9 коп. съ пуда и по всѣмъ другимъ классамъ сдѣланы были соотвѣтствующія пониженія.

Обращаясь къ свѣдѣніямъ о внѣшней торговлѣ за 1888, 1889, 1890, 1891 и 1892 года рѣшительно нельзя найти въ нихъ даже тѣни соперничества финляндскихъ дорогъ по перевозкѣ иностранныхъ грузовъ въ Петербургъ, да, наконецъ, зная сколько-нибудь торговыя условія и отношенія Финляндіи къ Россіи и тѣ льготы, которыми она пользуется, нельзя даже допустить, чтобы финляндскія дороги пошли на перекоръ желаніямъ нашего министерства финансовъ и предприняли бы цѣлую тафифную войну съ Балтійской дорогой, едва-ли даже выгодную, потому что разстояніе отъ Ревеля до Петербурга всего только 347 верстъ, а отъ Ганге 495 верстъ или на 148 верстъ длиннѣе. Какое же пониженіе тарифовъ они должны бы были сдѣлать для соперничества съ Балтійской дорогой.

Наконецъ, лучшимъ доказательствомъ, что застращиваніе соперничествомъ финляндскихъ дорогъ ни болѣе ни менѣе какъ неудачная выдумка, и что никакого пониженія тарифа въ этомъ направленіи не надо, служитъ то, что далеко не всѣ иностранные грузы, идущіе изъ Ревеля въ Петербургъ, перевозятся по удешевленному тарифу. Наоборотъ, во многихъ случаяхъ даже большинство ихъ идетъ по мѣстному тарифу Балтійской дороги безъ всякихъ скидокъ и льготъ. Приведу для примѣра хотя нѣсколько такихъ товаровъ и стоимость ихъ провоза отъ Ревеля до Петербурга.

Сравнительная таблица количества грузовъ, перевезенныхъ изъ Ревеля въ Петербургъ, на разстояніе 347 верстъ, по пониженному тарифу прямого заморскаго сообщенія и по нормальному тарифу I и II группъ.

№№ группъ классификаціи.	НАИМЕНОВАНІЕ ПРЕДМЕТОВЪ.	Количество груза, перевезеннаго изъ Ревеля въ прямомъ заморскомъ сообщеніи.	Тарифъ прямого заморскаго сообщенія.	Количество груза, перевезеннаго изъ Ревеля loco.	Тарифъ I и II группъ.
		Пуды.	Коп.	Пуды.	Коп.
5 д.	Сушеные и вяленые: абрикосы, айва, вишни, изюмъ, кишмишъ, кишнецъ, коринка, персики, рожки, собза, собла, урюкъ, финики, шептала и винныя ягоды	310	14,00	253	19,46 / 17,35
5 з.	Чай	2,117	14,00	616	31,23
5 и.	Кофе	5,478	14,00	3,445	31,23
5 л.	Бакалейный, гастрономическій, колоніальный и кондитерск. товары и прянности. Остальные предметы этой группы	973	14,00	1,609	31,23
12 а.	Бумага и картонъ въ ящикахъ	191	14,00	2,575	17,35
12 в.	Бумага и картонъ без укупорки	11	14,00	458	17,35
13	Веревки и канаты и веревочныя издѣлія	55	14,00	56	17,35
15	Вина виноградныя	708	14,00	1,052	31,23
16	Водки, ликеры и др. напитки	643	14.00	4,695	31,23
19	Войлокъ и войлочныя издѣлія	101	14,00	252[1])	26,03
20	Воскъ, кромѣ земляного, медъ сотовый и соды	1,413	14,00	27	31,23
24	Галантерейный, мелочный, игольный товары	5	14,00	442	31,23
25 д.	Гончарныя, глиняныя и терракотовыя издѣлія (остальн. предметы этой группы)	699	12,98	1,363	20,82
26	Графитъ не въ дѣлѣ и издѣліяхъ	116	10,0	771	13,01
28	Дерево всякое	1,897	14,00	714	17,35
29	Деревянныя издѣлія	11,716	14,00	4,785	26,03
33 в.	Болты, винты, шурупы, гайки и пр.	57	14,00	7,093	17,35
33 г.	Проволка всякая	1,728	14,00	4,640	17,35
33 з.	Желѣзныя издѣлія грубой отдѣлки: багры, бандажи (кр. желѣзн.), втулки, колеса и проч.	5,655	14,00	333	17,35
33 ж.	Чугунное литье, чугунныя издѣлія грубой отдѣлки и чугунная посуда.	215	14,00	574	17,35

[1]) Кромѣ того, по нормальному тарифу перевезено изъ Балтійск. порта 560 пуд.

№ № группъ классификаціи.	НАИМЕНОВАНІЕ ПРЕДМЕТОВЪ.	Количество груза, перевезеннаго изъ Ревеля въ прямомъ заморскомъ сообщеніи.	Тарифъ прямого заморскаго сообщенія.	Количество груза, перевезеннаго изъ Ревеля loco.	Тарифъ I и II группъ.
		Пуды.	Коп.	Пуды.	Коп.
33 м.	Желѣзныя, жестяныя, стальныя и чугунныя издѣлія. Остальные предметы этой группы.	15,370	14,00	5,421	26,03
40	Инструменты (кр. ремесленн., поименован. въ 33 гр.), аппараты, приборы, части и ихъ принадлежности.	354	14,00	901	31,23
46	Клей, агретъ и гилихта	117	14,00	515	17,35
48 а.	Кожи и шкуры невыдѣланныя. . . .	1,444	14,00	13,084	17,35
49	Кожанныя издѣлія и шорный товаръ.	459	14,00	311	31,23
53	Ламповый товаръ	53	14,00	45	31,23
57	Мануфактурный товаръ и ткацкія издѣлія.	1,548	14,00	2,826	31,23
58	Масло деревянное (оливковое) прованское	63	14,00	401	26,03
61	Машины, машинныя части и принадлежности	25,249	14,00	6,998	20,82
65 б.	Сыръ	113	14,00	405	18,23
70 б.	Мѣдь, латунь, томпакъ и бронза въ издѣліяхъ.	3,344	14,00	657	31,23
70 а.	Мѣдь. Томпакъ. Бронза. — Не въ дѣлѣ, въ лому, опилкахъ и стружкахъ.	3,252	14,00	40,438	20,82 20,82 26,03
71 б.	Мѣховой (пушной) товаръ.	1,097	14,00	126	31,23
79	Олово не въ дѣлѣ, въ лому и издѣліяхъ.	345	14,00	314	31,23
81	Оружіе огнестрѣльное и холодное . .	69	14,00	2,567	31,23
85	Платье готовое и предметы одѣянія; бѣлье	69	14,00	257	31,23
88 а.	Пряжа бумажная	667	14,00	425	26,03
	Пряжа и нитки (остальные предметы этой группы)	383	14,00	130	31,23
91	Резина, гуммиэластикъ, гуттаперча и каучукъ, а также издѣлія изъ нихъ.	22,981	14,00	17,605	31,23
104	Стекло (кр. битаго и жидкаго), зеркала.	341	14,00	122	31,23
105	Стеклянная и хрустальная посуда и издѣлія (кр. бутылокъ и стеколъ ламповыхъ).	216	14,00	347	31,23
114	Фарфоровая, фаянсовая и маіоликовая посуда и издѣлія	340	14,00	210	20,82
115 а.	Апельсины и лимоны.	6,704	14,00	922[2])	26,03
116	Хлопокъ.	54,952	14,00	67,253	17,35
116 б.	Вата (остальные предметы этой группы)	345	14,00	848	26,03

[2]) Кромѣ того, по нормальному тарифу перевезено изъ Балтійск. порта 12,256 пуд.

Если бы существовало хотя какое-либо предвзятое соперничество финляндскихъ дорогъ по перевозкѣ этихъ грузовъ въ Петербургъ, черезъ Ганге, то, разумѣется, ни одинъ фунтъ этихъ товаровъ не могъ бы итти по Балтійской дорогѣ, безъ льготнаго прямого заморскаго сообщенія; а такъ какъ товары идутъ, и въ значительномъ количествѣ, по обыкновенному тарифу, то вся скидка съ тарифовъ не имѣетъ основанія.

Все это объясняется, однако, гораздо проще, чѣмъ кажется. Сначала Балтійская дорога вступила въ соглашеніе съ извѣстной группой иностранныхъ пароходовладѣльцевъ о перевозкѣ грузовъ изъ иностранныхъ портовъ до Ревеля для дальнѣйшаго слѣдованія въ Петербургъ, теперь же, съ переходомъ Балтійской дороги въ казну, контракты съ пароходовладѣльцами заключаются правительственными учрежденіями. Такимъ образомъ, нѣсколько иностранныхъ пароходовладѣльцевъ получаютъ своеобразную монополію на ввозъ къ намъ иностранныхъ товаровъ и выхлопатываютъ себѣ въ тарифныхъ учрежденіяхъ скидку съ дѣйствующихъ тарифовъ. Разумѣется, эти пароходовладѣльцы готовы придумать какую угодно конкурренцію не только финляндскихъ дорогъ для того, чтобы хотя подъ такимъ предлогомъ получить наибольшую скидку съ тарифа, какъ напримѣръ, въ настоящее время по 17 коп. съ пуда. Разумѣется, скидка эта съ тарифовъ дѣлится, и часть ея идетъ на удешевленіе перевозки иностранныхъ товаровъ, а большинство въ пользу тѣхъ счастливыхъ иностранцевъ-пароходовладѣльцевъ, которымъ удалось вступить въ это соглашеніе, такъ какъ они почти на весь размѣръ тарифной скидки повышаютъ фрахты, что при грузѣ около 60 тыс. пуд. на пароходъ можетъ, смотря по грузу, доставить выгоды счастливому параходовладѣльцу сравнительно съ другими до 6 и даже до 10 тыс. руб. за каждый рейсъ.

Это составляетъ какъ бы подарокъ отъ государственнаго казначейства каждому пароходовладѣльцу, вступившему въ это соглашеніе.

Доступъ новыхъ пароходовладѣльцевъ въ это соглашеніе стѣсненъ, во-первыхъ, согласіемъ тѣхъ пароходовладѣльцевъ, которые уже раньше заключили условіе, а во-вторыхъ, заключеніемъ контракта съ правительственными учрежденіями. Такимъ образомъ, все это сообщеніе по удешевленному тарифу между Ревелемъ и Петербургомъ сводится къ подарку десятковъ тысячъ рублей изъ суммъ государственнаго казначейства небольшой группѣ исключительно иностранныхъ пароходовладѣльцевъ, вѣроятно, въ цѣляхъ развитія отечественнаго, но не нашего русскаго, а нѣмецкаго или англійскаго торговаго флота.

Также точно объясняются скидки съ тарифа и въ заморскомъ сообщеніи изъ Одессы въ Петербургъ, въ которомъ принимаютъ участіе

исключительно иностранные пароходовладѣльцы, а не добровольный флотъ, какъ это не вѣрно указываетъ мой противникъ [1]). Добровольный флотъ если и участвуетъ въ этомъ сообщеніи, то только на правахъ случайныхъ суденъ, приходящихъ изъ-за границы подъ русскимъ флагомъ.

Вообще же русскій торговый флотъ можно и даже должно поощрять, о чемъ я когда-нибудь обязательно поговорю, но совсѣмъ не тарифами, такъ какъ этимъ путемъ на 100 иностранныхъ судовъ поощряется одно русское, и это одно судно является только, какъ благовидный предлогъ для льготъ иностранцамъ.

На этомъ можно и покончить съ фактической стороной нашихъ ввозныхъ тарифовъ и остается лишь сказать нѣсколько словъ о принципіальной сторонѣ этого дѣла.

Въ исторіи, кажется, нельзя найти примѣра, чтобы какая либо страна заботилась главнымъ образомъ о ввозѣ въ свои предѣлы иностранныхъ товаровъ, не мало не безпокоясь о вывозѣ своихъ произведеній. Наоборотъ, всегда и всѣ болѣе или менѣе культурные народы исключительно заботились о подысканіи рынковъ сбыта для своихъ произведеній, что достигалось иногда даже силой оружія, на ввозъ же иностранныхъ товаровъ смотрѣли лишь какъ на неизбѣжное зло, которое если и терпится, то въ той мѣрѣ, на сколько оно необходимо для поддержанія торговыхъ сношеній и развитія вывоза своихъ произведеній. Одни дикари, находящіеся на низшей степени развитія, не понимаютъ значенія и цѣли торговыхъ сношеній или понимаютъ ихъ своеобразно, какъ средство для удовлетворенія нѣкоторыхъ своихъ прихотей, но это не составляетъ у нихъ какую либо государственную систему торговли и, наконецъ, они не могутъ даже ничего сдѣлать существеннаго для развитія вывоза своихъ произведеній.

Въ Россіи еще при великихъ князьяхъ и царяхъ совершенно здраво уже понимались условія и цѣль сношеній съ иностранными государствами, причемъ если дозволяли къ намъ ввозить какіе либо товары, то на условіяхъ весьма выгодныхъ для вывоза нашихъ произведеній. Однимъ словомъ, Россія слишкомъ далеко ушла отъ негровъ, папуасовъ и т. п. народовъ въ понятіяхъ о торговыхъ сношеніяхъ съ иностранцами, но, повидимому, теперь мы начинаемъ возвращаться къ первобытному состоянію. Полагаю, что у насъ однихъ во всемъ мірѣ существуютъ особыя ввозныя, съ громадной преміей, одностороннія сооб-

---

[1]) Заглавный листъ за второе полугодіе 1894 года къ сборнику тарифовъ.

щенія для иностранныхъ произведеній. До подчиненія тарифнаго дѣла вѣдѣнію правительственныхъ учрежденій мы имѣли множество соглашеній о вывозѣ нашихъ произведеній на льготныхъ условіяхъ за границу или къ пограничнымъ мѣстамъ, каковыя льготы во многихъ случаяхъ давались и при ввозѣ къ намъ иностранныхъ товаровъ, но со времени передачи этого дѣла въ вѣдѣніе тарифныхъ учрежденій начинается якобы для упрощенія тарифовъ уничтоженіе всѣхъ льготъ для вывоза нашихъ произведеній и даже самихъ соглашеній и оставленіе только льготъ по ввозу иностранныхъ товаровъ въ Россію.

Въ настоящее время только нѣкоторые товары пользуются льготой при вывозѣ изъ Москвы, Тулы, Харькова, Кіева и Варшавы исключительно черезъ одну Одессу, во всѣхъ же другихъ вывозныхъ направленіяхъ не только нѣтъ никакихъ льготъ нашимъ произведеніямъ, но даже вывозъ ихъ стѣсняется. Такъ, напримѣръ, въ сообщеніяхъ по нашей западной сухопутной границѣ мы умудрились вступить въ такое, я думаю, даже не бывалое въ истеріи соглашеніе, что за наши товары при вывозѣ изъ Россіи установлена вдвое или втрое высшая плата, чѣмъ при ввозѣ къ намъ иностранныхъ товаровъ, для которыхъ мы еще давали льготу до 1 іюля сего года, перевозя грузы I класса за пониженную плату. Сѣверное же заморское сообщеніе служитъ для ввоза къ намъ по льготному тарифу только иностраннаго товара, и наши произведенія ни этимъ льготнымъ тарифомъ, ни удобствами прямого сообщенія пользоваться не имѣютъ права. Всѣ наши льготныя вывозныя прямыя сообщенія на Севастополь, Либаву, Ригу и т. п. теперь уничтожены, а если къ этому присоединить еще повышеніе тарифовъ на вывозъ хлѣбныхъ грузовъ, то поневолѣ приходится ставить вопросы: куда мы идемъ и къ чему стремимся?!..

Странное дѣло, что мы не жалѣемъ никакихъ затратъ на то, чтобы предоставить хотя бы въ Сѣверномъ заморскомъ сообщеніи возможность иностранному купцу или фабриканту сдать свой товаръ въ любомъ портѣ западной Европы для доставки его въ Россію и больше о немъ не заботиться, такъ какъ онъ гарантированъ чуть не всѣмъ достояніемъ Россіи, русскій же купецъ или фабрикантъ, во-первыхъ, долженъ дороже заплатить за провозъ своего товара до порта, не имѣя права пользоваться льготами, данными исключительно иностранцамъ, а затѣмъ еще долженъ каждый разъ искать какого либо пароходнаго общества и договариваться о фрахтахъ, причемъ отдавать свой товаръ безъ всякаго обезпеченія. Если же самъ онъ не пожелаетъ принять эти всѣ заботы на себя, то можетъ обратиться въ транспортную контору, которая, разумѣется, не преминетъ взять себѣ львиную долю барышей.

Вообще это вопросъ, который требуетъ и достоинъ внимательнаго обсужденія, я же полагаю, что всякія соглашенія, льготы и даже жертвы для облегченія и упорядоченія вывоза нашихъ произведеній за границу могли бы имѣть чрезвычайно важное народо-хозяйственное и государственное значеніе, одностороннее же поощреніе ввоза къ намъ иностранныхъ товаровъ, да еще съ жертвами со стороны государственнаго казначейства, въ корнѣ подтачиваетъ благосостояніе страны.

Неужели кто-нибудь можетъ предполагать, что безъ поощренія съ нашей стороны иностранцы къ намъ не будутъ ввозить своихъ товаровъ? Вѣдь нужно же принять во вниманіе и разсудить, что мы гораздо менѣе нуждаемся во внѣшней торговлѣ съ иностранцами, чѣмъ они нуждаются въ торговыхъ сношеніяхъ съ нами. Запри сегодня же всѣ наши границы хотя на нѣсколько лѣтъ, и мы будемъ сыты и пьяны, одѣты и обуты и всѣмъ этимъ будемъ располагать въ изобиліи, а $^3/_4$ населенія Россіи навѣрное не замѣтитъ и даже не заподозритъ, что у насъ почему либо прервались внѣшнія торговыя сношенія. Если же запереть границы любого западнаго Европейскаго государства, хотя на нѣсколько мѣсяцевъ, то оно несомнѣнно очутится въ безвыходномъ положеніи, не имѣя даже средствъ къ пропитанію населенія.

Имъ для существованія необходимы хлѣбъ и всякое сырье, т. е. предметы первой жизненной потребности, и они должны ихъ во что бы то ни стало добыть изъ другихъ странъ, обильныхъ этими произведеніями. Взамѣнъ они могутъ дать произведенія своей фабрично-заводской промышленности, такъ какъ если бы вздумали расплачиваться наличными деньгами, скопленными у нихъ, то обанкротились бы въ самое короткое время. Слѣдовательно имъ нужно искать такія страны, гдѣ необходимые имъ продукты жизненной потребности были бы въ изобиліи и которыя нуждались бы въ ихъ произведеніяхъ.

Сѣверная Америка, напримѣръ, весьма обильна всякими жизненными произведеніями, но она почти не нуждается въ произведеніяхъ Европы; Россія же вполнѣ удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ западной Европы, имѣя съ одной стороны неисчерпаемое изобиліе жизненныхъ произведеній, а съ другой—представляя громадный рынокъ сбыта для иностранныхъ произведеній. При такихъ условіяхъ, какая нужна сила, чтобы удержать стремленіе и наплывъ къ намъ иностранныхъ товаровъ. Даже высокія наши таможенныя пошлины не могутъ удержать этого наплыва, а потому всякое поощреніе съ нашей стороны ввоза иностранныхъ товаровъ къ намъ совершенно безцѣльно и непонятно.

Во времена фритридерства ратовали за свободу торговли, но никто не осмѣлился бы даже подумать возвысить голосъ или даже высказаться

за поощреніе ввоза къ намъ иностранныхъ товаровъ и стѣсненіе или угнетеніе вывоза нашихъ произведеній за границу. Это было бы уже не фритредерство, а прямо самоѣдство, понимая это слово въ точномъ смыслѣ. Его заклеймили бы вѣчнымъ позоромъ сами фритридеры, проводившіе мысль о равноправности и свободѣ въ торговлѣ. Въ настоящее же время, когда вопросъ о внѣшней торговой политикѣ неоднократно разсматривался въ высшемъ правительственномъ учрежденіи—Государственномъ Совѣтѣ и Высочайшею властью утверждено и точно указано направленіе этой нашей политики къ огражденію страны отъ чрезмѣрнаго наплыва иностранныхъ товаровъ высокими таможенными пошлинами, трудно даже допустить, чтобы у насъ могло существовать вмѣстѣ съ этимъ большее покровительство ввоза къ намъ иностранныхъ товаровъ, чѣмъ вывоза нашихъ произведеній за границу. Между тѣмъ это въ дѣйствительности существуетъ.

С. Короленко.

(Окончаніе будетъ).

По Бѣлоруссіи.

I.

Вернувшіеся изъ лѣтнихъ поѣздокъ, петербургскіе образованные люди, которымъ удалось побывать въ теченіи лѣта поближе къ деревнѣ, единогласно передаютъ свои впечатлѣнія о ростущемъ оскуденіи крестьянства въ нашихъ внутреннихъ губерніяхъ.

Важныя улучшенія и разнообразныя воспособленія сельскому хозяйству, предпринимаемыя теперь министерствами земледѣлія и финансовъ, сельскохозяйственныя школы, *курсы*, ссуды подъ хлѣбъ, мѣры къ развитію садоводства, удешевленіе тарифовъ и др. мѣры идутъ мимо крестьянскаго міра и поддерживаютъ лишь состоятельныхъ людей деревни: деревенскихъ купцовъ, кабатчиковъ, міроѣдовъ, ростовщиковъ и т. п., въ поддержкѣ не нуждающихся и таковой не заслуживающихъ. Самая благодѣтельная для крестьянства мѣра — отдача въ наемъ безъ торговъ и по мелочамъ *сельскимъ обществамъ* казенно-оброчныхъ статей — до сихъ поръ не примѣняется: она все „обсуждается", по газетнымъ извѣстіямъ. Намъ пришлось въ этомъ мѣсяцѣ проѣхать изъ Петербурга въ сѣверо-западный край. По дорогѣ, въ вагонахъ третьяго класса, наполненныхъ главнымъ образомъ торговцами и перекупщиками хлѣба, разговоры шли почти исключительно о хлѣбѣ и урожаѣ.

По ихъ словамъ и по словамъ бывшихъ въ вагонѣ хозяевъ-землевладѣльцевъ, рожь въ нынѣшнемъ году дала, въ предѣлахъ между Тверью и Тулою, Рязанью и Смоленскомъ, по 50 пудовъ съ десятины и пудъ ржи обошелся самимъ хозяевамъ по 40 коп., а продавать имъ тотъ же пудъ ржи приходится по рыночнымъ цѣнамъ, отъ 30 до 36 к., т.-е. прямо себѣ въ убытокъ; а продавать необходимо тотчасъ для скорѣйшей выручки денегъ: мужикамъ на подати, помѣщикамъ для платежей въ банкъ.

Разоблаченный въ газетахъ поступокъ баронессы Корфъ, которая ухитрилась получить ссуду подъ хлѣбъ, не имѣя таковаго въ налич-

ности, также живо занималъ наше торговое общество въ вагонѣ. Всего больше занимаетъ торгующихъ вопросъ, какъ поступитъ съ баронессой министерство финансовъ. Большинство увѣрено, что дѣло будетъ погашено.—Приводятся примѣры, что ссуду подъ хлѣбъ по новому закону получили многіе помѣщики, искони продающіе хлѣбъ на корню.

Чѣмъ ближе къ Смоленску, тѣмъ количество евреевъ, хлѣбныхъ перекупщиковъ въ вагонахъ, замѣтно увеличивается. Оказывается, что пока русскій хлѣбъ перейдетъ отъ производителя за границу, черезъ Рижскій портъ, онъ побываетъ въ рукахъ четырехъ перекупщиковъ, если хлѣбная операція производится русскими торговыми домами; а если она ведется еврейскими фирмами, то—въ рукахъ семи перекупщиковъ, и каждый изъ нихъ при этомъ заработаетъ по нѣсколько копѣекъ съ пуда. Евреи въ хлѣбномъ дѣлѣ сильнѣе русскихъ не своими торговыми талантами и оборотливостью, напротивъ у нихъ дѣло еще рутиннѣй ведется, чѣмъ у русскихъ, а своею сплоченностью: еврей еврею никогда не подставитъ ножки, а русскіе хлѣбные торговцы постоянно другъ другу „пакостятъ“, по ихъ собственному выраженію.

Кстати замѣтить, что и при новомъ министерствѣ путей сообщенія обращеніе желѣзнодорожныхъ служащихъ съ простыми сѣдоками мало улучшилось. Мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ такого зрѣлища: Мужики просятъ кондуктора отвести имъ мѣстечко среди расположившихся и занявшихъ по цѣлой лавкѣ торговцевъ. — „Можете и на платформѣ постоять, вамъ не очень далеко“! отвѣчаетъ небрежно кондукторъ просителямъ, покорно потащившимъ свои мѣшки на платформу, гдѣ, какъ гласятъ вывѣшенныя тамъ объявленія, стоять запрещается.

II.

Самые важные вопросы Западнаго края, это, конечно, чиншевой и еврейскій вопросы, и въѣзжая въ Западный край сразу же и наталкиваешься и видишь первостепенное, государственное значеніе и трудность этихъ вопросовъ. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ это не остатокъ крѣпостного права: не только большая часть мѣстечекъ, но и цѣлые кварталы въ уѣздныхъ и даже въ губернскихъ городахъ построены на частновладѣльческихъ земляхъ. Напримѣръ въ губернскомъ городѣ Витебскѣ болѣе 2000 домовъ построены на землѣ наслѣдниковъ Коссова. Дома эти принадлежатъ обыкновенно бѣднѣйшимъ городскимъ жителямъ, съ которыми землевладѣльцы заключаютъ кратковременные арендные договоры на землю подъ домами, постоянно увеличивая наемную плату и выговариваютъ по

договорамъ себѣ право выселять не уплатившихъ впередъ съемщиковъ и даже забирать себѣ ихъ убогіе домишки. Эти городскіе участки, состоящіе изъ никуда не годнаго сыпучаго песку, приносятъ ежегодно наслѣдникамъ Коссова болѣе 12,000 руб. Но землю они домовладѣльцамъ витебскимъ не продаютъ, или просятъ за нее несоразмѣрную цѣну (по 8 руб. за сажень), вдесятеро превышающую стоимость домовъ. Какое бы величайшее, безцѣнное и незабвенное благодѣяніе оказало правительство нѣсколькимъ милліонамъ самыхъ бѣдныхъ городскихъ жителей Западнаго края выкупомъ частновладѣльческихъ городскихъ земель у ихъ собственниковъ. Чѣмъ скорѣе, тѣмъ этотъ неизбѣжный выкупъ обойдется правительству дешевле. Въ сущности онъ не только не будетъ стоить правительству большихъ жертвъ, но принесетъ ему со временемъ милліонныя выгоды, разумѣется, если городскія частновладѣльческія земли будутъ выкуплены по справедливой казенной ихъ оцѣнкѣ, а не по тѣмъ сумашедшимъ цѣнамъ, какія запрашиваютъ теперь частные землевладѣльцы съ домовладѣльцевъ, пользуясь крайностью и безвыходнымъ положеніемъ послѣднихъ.

Выкупъ легко произвести путемъ внутренняго займа; въ успѣхѣ займа нельзя и сомнѣваться, такъ какъ облигаціи будутъ на расхватъ раскуплены арендаторами-домовладѣльцами.

Послѣдніе сдѣлаются такимъ образомъ, арендаторами казны, и если они будутъ платить ей даже вдвое меньше, чѣмъ теперь платятъ частновладѣльцамъ, то и тогда въ какіе-нибудь десять лѣтъ они съ лихвой вознаградятъ казну за всѣ издержки по выкупу, и могутъ превратиться въ собственниковъ-домовладѣльцевъ.

Такое великое дѣло, такое, какъ принято теперь оффиціально выражаться, воспособленіе простому и самому бѣдному многомилліонному бѣлорусскому народу могло бы сдѣлаться лучшимъ украшеніемъ настоящаго царствованія.

Съ выполненіемъ этого дѣла насколько бы поднялось обаяніе русской государственности въ Западномъ краѣ!

Крестьянамъ чиншевикамъ правительство хотя и оказало нѣкоторую поддержку и защиту ихъ правъ противъ пановъ, но далеко не всѣмъ, а лишь такъ называемымъ, вѣчно-чиншевымъ крестьянамъ. Крестьяне же, которые не могутъ доказать своего вѣчно-чиншеваго владѣнія, остались беззащитны и, по первому требованію пановъ, такихъ крестьянъ выселяютъ иногда цѣлыми деревнями, существовавшими уже нѣсколько сотъ лѣтъ. Передаваемые очевидцами картины такого выселенія по своей трагичности не поддаются описанію и напоминаютъ картины татарскаго нашествія. Выгнанные днемъ съ помощію судебнаго

пристава и военной силы, крестьяне возвращаются ночью въ свои полуразрушенныя хаты съ вынутыми рамами и заколоченными дверями, прячутся въ нихъ и воютъ, не въ силахъ будучи разстаться съ роднымъ пепелищемъ, пока ихъ не замѣтятъ; тогда начинается новое выселеніе, болѣе строгое и кончающееся иногда арестантскими отдѣленіями за сопротивленіе, хотя и пассивное, выселенію [1]). Особенную извѣстность пріобрѣли своей, неумолимой, настойчивостью, съ которою они выселяютъ крестьянъ съ своихъ земель, паны-милліонеры: Когновицкій, Мацянскіе и князь Гогенлое.

Паны нанимаютъ лучшихъ присяжныхъ адвокатовъ вести дѣла о выселеніи ихъ чиншевиковъ. Извѣстный польскій и русскій писатель онъ же и знаменитый адвокатъ, можетъ похвалиться, что своими трудами на пользу пановъ онъ лишилъ родныхъ гнѣздъ и пустилъ по міру нѣсколько десятковъ селеній и нѣсколько сотъ чиншевиковъ-крестьянъ.

III.

Обиліе евреевъ въ Западномъ краѣ поразительно для вновь пріѣзжаго; они встрѣчаются въ городахъ и деревняхъ буквально на каждомъ шагу, поэтому еврейскій вопросъ выступаетъ тамъ на первый планъ. По наружности бѣлорусскіе крестьяне живутъ съ евреями въ добромъ мирѣ и согласіи. Мѣстные знающіе люди, старожилы, приписываютъ это тому, что евреи хотя и обираютъ кругомъ простодушныхъ крестьянъ, но хорошо, побратски съ ними обращаются, лучше чѣмъ русскіе и нѣмцы, не говоря уже о полякахъ-помѣщикахъ, считающихъ простой народъ „быдломъ“, т.-е. скотомъ. А еврей и руку мужику подастъ, и крючокъ водки съ нимъ разопьетъ, и братомъ его назоветъ. Въ Петербургѣ и по Россіи столько ярыхъ противниковъ разрѣшенія евреямъ пріобрѣтать недвижимыя имѣнія въ Западномъ краѣ, а вотъ крестьяне Витебской губерніи на вопросы объ этомъ неизмѣнно отвѣчали мнѣ: „Чи не позволить—т.-е., покупать евреямъ имѣнія,—коли который добрый жидъ“!.. Хотя и сами они думаютъ, что черезъ годъ послѣ такого разрѣшенія всѣ имѣнія Витебской губерніи перейдутъ къ евреямъ. О добродушіи бѣлорусскаго крестьянина разсказывали мнѣ въ Витебскѣ такой случай изъ современной жизни. Недалеко отъ этого города уговорились мужи-

---

[1]) Польскіе магнаты не стѣсняются опровергать на судѣ вѣчно-чиншевое владѣніе своихъ чиншевиковъ иногда самыми сомнительными, чтобы не сказать прямо подложными арендными договорами.

чекъ со своимъ приходскимъ батюшкой картошку пополамъ сѣять. Картошка уродилась, мужикъ съ попомъ цѣлый день ее копали и накопали цѣлую кучу, которую порѣшили на другое утро раздѣлить. А у того батюшки была матушка корыстна. Она взяла да ночью весь крупный картофель изъ кучи и выбрала. Пришли на утро попъ съ мужикомъ, видитъ послѣдній, что только мелочь въ кучѣ осталась, что на кормъ свиньямъ даютъ, покачалъ головой и сказалъ батюшкѣ: „Чи кто крупный взялъ, нехай тому и мелкій остается!" и ушелъ домой, ничего не взявши и пристыдивши попа.

Въ Западномъ краѣ, по субботамъ, какъ извѣстно, почти ничего нельзя купить, такъ какъ евреи, забравшіе всю торговлю, свято чтутъ свой праздникъ и закрываютъ въ субботу лавки. Но замѣчательно, что этимъ пользуются и самымъ безсовѣстнымъ образомъ существующія въ крайне незначительномъ числѣ по губернскимъ городамъ края русскія лавки, значительно увеличивая цѣны на все по субботамъ. Русскіе обыватели ропщутъ на такое обирательство, но терпятъ.

Нигдѣ нельзя такъ наглядно убѣдиться въ безсиліи нашихъ нѣкоторыхъ запретительныхъ законовъ, какъ въ Западномъ краѣ.

Тамъ безсильны запретительные законы о евреяхъ. По закону, напримѣръ, безусловно запрещено тамъ евреямъ заниматься винокуреніемъ и содержать корчмы и всякаго рода питейныя заведенія. Въ дѣйствительности все винокуреніе, всѣ корчмы въ деревняхъ и питейныя заведенія въ городахъ Западнаго края находятся въ рукахъ евреевъ. Еврейская корчма есть, кромѣ кабака, и лавка, безпатентная, разумѣется, и съ свободнымъ пріемомъ краденаго.

По закону евреямъ запрещается жить въ деревняхъ. Въ дѣйствительности, первое что бросается вамъ въ глаза рѣшительно во всякой даже самой маленькой деревушкѣ края,—это куча грязныхъ, босоногихъ и курчавыхъ еврейчиковъ.

По закону евреями, въ духовномъ отношеніи, завѣдуетъ въ каждомъ городѣ раввинъ, утверждаемый правительствомъ. Въ дѣйствительности этотъ для формы избираемый и утверждаемый „казенный" раввинъ ничѣмъ и никѣмъ у евреевъ не завѣдуетъ и не управляетъ, не имѣетъ ни малѣйшаго значенія, только получаетъ жалованье и подписывается подъ оффиціальными бумагами. А всѣмъ вѣдаетъ и управляетъ настоящій, „духовный", раввинъ, предсѣдатель кагала, избираемый евреями въ каждомъ городѣ и мѣстечкѣ. Этому незаконному, духовному раввину евреи подчиняются безпрекословно.

Витебская губернія, гдѣ мнѣ пришлось пробыть больше чѣмъ въ другихъ мѣстахъ Западнаго края, начинаетъ мало-по-малу оправляться. Новый губернаторъ усердно занятъ ревизіями.

Въ мой проѣздъ Витебскую губернію и вообще весь Западный край волновало дѣло ксендза витебскаго уѣзда Бурницкаго, обвиняемаго въ убійствѣ православнаго чеха Покорнаго. Убійство, по собраннымъ властями свѣдѣніямъ, совершено въ самомъ костелѣ, причемъ убійца сначала повѣсилъ трупъ своей жертвы на органѣ, затѣмъ вмѣстѣ съ органистомъ и мальчикомъ, которыхъ силой и угрозами заставилъ помогать ему въ сокрытіи трупа, убійца вывезъ трупъ за нѣсколько верстъ отъ костела и тамъ затопталъ его въ грязь подъ мостомъ. На другой или третій день трупъ нашли собаки и преступленіе обнаружилось. Обвиняемый ксензъ—онъ уже взятъ на поруки съ залогомъ въ 50,000 руб., а органистъ и мальчикъ въ витебской тюрьмѣ — извѣстный богачъ, имѣющій въ банкѣ нѣсколько сотъ тысячъ рублей; а все это дѣло разоблачаетъ крайне прискорбныя отношенія, существующія иногда въ Западномъ краѣ между католическимъ духовенствомъ и его паствой. Всѣ, нападающіе на поборы нашего православнаго сельскаго духовенства лепешками и курами съ прихода, удивились бы, узнавши, хотя бы вещи, разоблаченныя теперь передъ властями прихожанами обвиняемаго ксендза, до сихъ поръ не осмѣливавшимися на него жаловаться, такъ какъ помѣщики-поляки завѣрили ихъ, что по первой ихъ жалобѣ на ксендза, правительство тотчасъ закроетъ костелъ.

Замѣчательную особенность дворянскихъ имѣній Западнаго края составляютъ кабаки, корчмы по мѣстному, имѣющіяся обязательно въ каждомъ имѣніи и составляющія доходную арендную статью, сдаваемую евреямъ. Въ Великороссіи дворянство въ большинствѣ еще стыдится, не смотря на оскуденіе, такихъ арендныхъ статей и тамъ кабаки при дворянскихъ имѣніяхъ встрѣчаются только какъ очень рѣдкое исключеніе.

Происхожденіе одной корчмы близъ деревенской церкви въ Витебской губ. мнѣ на мѣстѣ передавали такъ. Прежде эта церковь была бѣдная и рѣдко посѣщалась крестьянами. Въ одно воскресенье батюшка, опечаленный и возмущенный довольно пустымъ видомъ церкви съ немногими молящимися, сказалъ присутствующимъ горячую проповѣдь, въ которой громилъ не посѣщающихъ церкви прихожанъ и сулилъ имъ въ будущей жизни геенну огненную, уготованную діаволу и его ангеламъ.

Мужички были растроганы и возвратясь въ деревню тронули своими разсказами о грозной проповѣди остальныхъ своихъ не усердныхъ къ церкви земляковъ, затѣмъ всѣ собрались обсуждать этотъ вопросъ на сельскій сходъ, и въ концѣ-концовъ батюшкѣ былъ преподнесенъ вы-

борными общественный приговоръ, въ которомъ говорилось: что такіе-то крестьяне, бывъ на сельскомъ сходѣ, подъ предсѣдательствомъ своего сельскаго старосты, имѣли сужденіе о причинѣ нерадиваго посѣщенія ими своего приходскаго храма, каковая причина заключается, по ихъ убѣжденію, въ томъ, что близъ ихъ церкви нѣтъ корчмы, а потому постановили устроить, съ благословенія батюшки, корчму на дорогѣ близъ церкви;—что и было исполнено и повело къ увеличенію молящихся по праздникамъ.

Въ одной изъ церквей недалеко отъ Витебска есть въ иконостасѣ большой образъ Христа, работы нашего знаменитаго художника Рѣпина, написанный въ такомъ свѣтломъ, жизнерадостномъ стилѣ, такъ не похожемъ на темныя лики угодниковъ, что онъ невольно приковываетъ къ себѣ вниманіе посѣтителей храма и служитъ драгоцѣннымъ его украшеніемъ.

Влад. Вельскій.

Борьба съ песками.

Общій экономическій и хозяйственный строй страны нерѣдко вызываетъ неумѣренную эксплоатацію естественной производительности природы. Въ такихъ именно условіяхъ находится Россія, являющаяся на европейскихъ рынкахъ поставщицею хлѣба, пищевыхъ продуктовъ и всяческаго сырья. Съ переходомъ отъ натуральнаго хозяйства къ мѣновому, наша сельская промышленность получила чисто коммерческое основаніе. Землепашецъ производитъ хлѣбъ уже не для своего личнаго и семейнаго потребленія, а для продажи на рынкѣ и находится въ такой же зависимости отъ мірового и мѣстнаго сбыта, какъ и всякій другой предприниматель. Не только крупный землевладѣлецъ, но даже и мужикъ производитъ хлѣбъ почти спеціально для обмѣна на деньги, которыя необходимы ему для уплаты податей и для удовлетворенія различныхъ потребительныхъ и хозяйственныхъ нуждъ. Личныя потребности хлѣбопашца при натуральномъ хозяйствѣ удовлетворялись запашкою опредѣленнаго количества десятинъ, при мѣновомъ же хозяйствѣ, при хозяйствѣ „на продажу“, „на сбытъ“, размѣры возможнаго производства становятся безграничными. Такимъ образомъ одною изъ главныхъ особенностей денежнаго хозяйства служитъ тенденція къ безмѣрному расширенію производства, которая въ области добывающей промышленности непремѣнно приводитъ къ хищнической растратѣ естественныхъ богатствъ и естественнаго плодородія страны.

Для земледѣльческой Россіи невыгоды такого положенія усугубляются еще тѣмъ обстоятельствомъ, что продукты хищнически эксплуатируемаго плодородія ея почвы не остаются въ предѣлахъ страны, но вывозятся за границу въ сотняхъ милліоновъ пудовъ нашего ежегоднаго экспорта въ обмѣнъ за получаемые изъ-за границы фабрикаты, служащіе почти сплошь предметомъ потребленія культурныхъ классовъ населенія. Господствующая у насъ экономическая политика стремится всѣми возможными мѣрами развивать нашъ экспортъ, но по самому существу отношеній естественнымъ и непреложнымъ послѣдствіемъ такихъ

успѣховъ нашей промышленности можетъ быть только неминуемое оскудѣніе всѣхъ производительныхъ силъ страны въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ!

Опытъ перваго тридцатилѣтія хищническаго вывознаго хозяйства въ значительной степени уже выяснилъ всѣ невыгоды такого господства коммерческаго элемента въ сельскомъ хозяйствѣ государства. Съ первыхъ же лѣтъ послѣ крестьянской реформы площадь запашекъ значительно возросла; а дальнѣйшее усиліе вывоза хлѣба повлекло за собою истребленіе и распашку лѣсовъ, лѣтніе засухи, весенніе водоразливы, смываніе черноземнаго слоя, выпаханность почвы и наконецъ образованіе громадныхъ песчаныхъ пространствъ. Въ этомъ процессѣ систематическаго расхищенія естественныхъ богатствъ почвы, наши желѣзныя дороги, вывозящіе хлѣбъ за границу, играли роль насосовъ, выкачивающихъ всѣ соки Русской земли въ бездонную бочку міроваго рынка. Непомѣрная эксплоатація естественной производительности стремится превратить наши нѣкогда тучныя и плодородныя нивы въ мертвую, безводную и безлѣсную пустыню, покрытую сыпучими песками и перерѣзанную быстро растущими оврагами. „По мѣрѣ увеличенія населенія“, говорится въ лежащемъ передъ нами оффиціальномъ документѣ — „быстраго развитія промышленности и улучшенія дорогъ, растительность безпощадно уничтожалась: лѣса расчищались, склоны, охраняемые травянымъ покровомъ, распахивались, степи обращались въ поля, вездѣ допускалась неумѣренная пастьба скота, вслѣдствіе чего площадь сыпучихъ песковъ, а также ростъ овраговъ чрезвычайно увеличились“. „Пески эти, подверженные изсушающему дѣйствію солнца, легко переносятся на другія мѣста и засыпаютъ сосѣднія угодья“. „Въ послѣдніе годы на югѣ Россіи все чаще и чаще стали повторяться такъ называемые пыльные смерчи и бураны, переносящіе пески и почву съ полей и мѣстами заносящіе даже желѣзныя дороги, такъ что *югъ и юговостокъ Россіи* во многихъ мѣстностяхъ *сталъ уже* кое въ чемъ *походить на сухія нагорья центральной Азіи*“. Оффиціальный документъ, изъ котораго мы приводимъ эти слова,— докладъ лѣсного д-та министерства земледѣлія—трудно заподозрить въ преувеличеніяхъ. Земскіе люди выражаются несравненно рѣшительнѣе. Они говорятъ о движущихся пескахъ, какъ о грозномъ народномъ бѣдствіи, а дѣйствительность вполнѣ оправдываетъ такой взглядъ на дѣло. Такъ въ Черниговской губ. за послѣдніе 30 лѣтъ площадь песковъ возросла на 37 тысячъ десятинъ. При сравненіи данныхъ настоящаго времени съ данными топографической съемки, производившейся въ началѣ 50-хъ годовъ, получается такая, въ высшей степени поучительная, таблица.

НАЗВАНІЕ УѢЗДОВЪ.	Песковъ. Въ 50-хъ годахъ.	Песковъ. Теперь.	Во сколько разъ увеличилась площадь песковъ.
Новозыбковскій	639	5,308	Почти въ 9 разъ
Суражскій	433	3,146	„ „ 8 „
Сосницкій	421	2,802	„ „ 7 „
Черниговскій	1,411	10,000	„ „ 7 „
Конотопскій	19	603	„ „ 32 „
Городницкій	598	11,646	„ „ 20 „
Остерскій	5,737	10,355	„ „ 2 „
Новгор.-сѣверскій	500	1,888	„ „ 4 „
Козелецкій	620	1,322	болѣе чѣмъ въ 2 раза
Нѣжинскій	504	1,115	„ „ 2 „
Итого	10,822	48,185	болѣе чѣмъ въ 4 раза

Разность. . . . . =37,303 десятинамъ.

Изъ этого сравненія мы видимъ, что по отдѣльнымъ мѣстностямъ площадь песковъ увеличилась за 30 лѣтъ на 200% а кое-гдѣ даже на 3000%.

Если за послѣднія тридцать лѣтъ ростъ песковъ былъ столь значителенъ, то въ будущемъ быстрота ихъ распространенія должна все быстрѣе и быстрѣе возрастать соразмѣрно увеличивающейся площади раздуваемыхъ вѣтрами песковъ, а также по мѣрѣ вырубки сдерживавшихъ ихъ лѣсовъ, по мѣрѣ увеличенія площади запашекъ и степени выпаханности земель. Несомнѣнно, что въ настоящее время движеніе песковъ представляетъ несравненно большую опасность, чѣмъ 10—20—30 лѣтъ назадъ, когда общія климатическія культурно-хозяйственныя и географическія условія Россіи были менѣе благопріятны для ихъ роста—и въ случаѣ дальнѣйшаго „непротивленія" этому злу мы, съ нашими перепаханными безлѣсными и безводными пажитями, должны со временемъ ожидать, при естественномъ теченіи обстоятельствъ, благополучнаго превращенія всего нашего юга въ сплошную мертвую Сахару.

По самымъ послѣднимъ даннымъ министерства земледѣлія площадь сыпучихъ песковъ въ европейской Россіи составляетъ около 4,672 тысячъ десятинъ. Изъ этой площади 3,517 т. дес. находятся въ Калмыцкой и Киргизской степяхъ, изъ остальныхъ 1,154 т. д. 995 т. д. принадлежатъ крестьянскимъ обществамъ, а 159 т. д.—частнымъ владѣльцамъ. При этомъ оказывается, что большая часть этихъ песковъ новѣйшаго происхожденія: они—говорится въ документѣ—„образовались

послѣ вырубки лѣсовъ на легкихъ песчаныхъ почвахъ, которыя вслѣдствіе распашки и неумѣренной пастьбы скота превратились въ сыпучіе пески".

Посословное распредѣленіе песчаныхъ угодій (995 т. дес. крестьянскихъ обществъ и 159 т. д. частныхъ владѣльцевъ) даетъ основаніе считать ростъ песковъ преимущественно горемъ мужицкимъ. Это обстоятельство объясняетъ многое изъ исторіи борьбы съ песками въ прошломъ и должно имѣть рѣшающее значеніе при дальнѣйшемъ обсужденіи вопроса.

Чуть ли не впервые укрѣпленіе песковъ по почину правительства стало примѣняться у насъ на дюнахъ балтійскаго побережья около Либавы и Виндавы въ 1835 г. По сіе время по всему побережью (включая и позднѣйшія работы въ предѣлахъ Петербургской губ.) облѣсено около 4000 т. десятинъ. Начавшіяся еще при министрѣ финансовъ графѣ Канкринѣ въ 1834 г. заботы объ облѣсеніи днѣпровскихъ песковъ, занимающихъ огромную площадь въ 139 т. дес., привели къ тому, что въ теченіе 33 лѣтъ было обсажено шелюгою около 11 т. десятинъ.

Въ 1887 г. Министерство государственныхъ имуществъ въ видахъ болѣе успѣшнаго хода дѣлъ стало безплатно раздавать сѣмена шелюги населенію и черезъ три года число укрѣпленныхъ разсадкою лозы десятинъ песковъ съ 11 т. достигло 30 т. д.

Этимъ ограничиваются почти всѣ мѣры министерства, если не считать предпринятаго въ 1893 году переселенія киргизовъ съ Нарынскихъ песковъ, которые вскорѣ, не вытаптываемые стадами, покрылись легкою растительностью и были укрѣплены такимъ образомъ съ самыми незначительными затратами. Кромѣ того министерство за послѣдніе годы устроило во многихъ лѣсничествахъ питомники, изъ 23 лѣсничествъ роздало $8^1/_2$ милліоновъ посадочнаго матеріала и 8,148 фунтовъ сѣмянъ разныхъ древесныхъ породъ, удешевивъ тарифъ для ихъ перевозки. Къ этимъ мѣрамъ должно быть отнесено также и установленіе закономъ 1888 г. такъ называемыхъ защитныхъ лѣсовъ, сдерживающихъ сыпучіе пески. По 1894 г. объявлено защитными 376 т. д. лѣсу и кустарниковъ въ 1253 дачахъ.

Въ земствахъ о пескахъ заговорили съ начала 80-хъ годовъ. Первый примѣръ подали Новозыбковское и Остерское земства Черниговской губерніи, ходатайствовавшія въ 1882 г. о предоставленіи имъ права издавать обязательныя постановленія по укрѣпленію песковъ. Днѣпровское земство въ 1884 г. просило содѣйствія правительства въ укрѣпленіи песковъ, засыпающихъ сельскохозяйственныя угодья. Богучарское

земство предложило владѣльцамъ песковъ передать ихъ земству для облѣсенія и, получивъ согласіе, ходатайствовало о содѣйствіи по укрѣпленію 4 т. дес. со стороны министерства земледѣлія. Черниговское губ. земство ввело премированіе засадокъ по 3 р. за десятину. Тульское ходатайствовало о воспрещеніи корчеванія пней послѣ вырубки лѣсовъ. Наконецъ, херсонское просило учредить при министерствѣ Г. И. комиссію для разработки программы работъ по облѣсенію. Таковы итоги дѣятельности земствъ.

Не смотря на то, что частный починъ сдѣлалъ по облѣсенію днѣпровскихъ песковъ въ 3 года несравненно больше, чѣмъ министерство Гос. Имущ., тѣмъ не менѣе возлагать на него особыя надежды нѣтъ достаточныхъ основаній. Прежде всего въ облѣсительныхъ работахъ необходимъ общій планъ, охватывающій всѣ песчаныя пространства данной мѣстности, а частный починъ отдѣльныхъ владѣльцевъ едва ли самъ собою сольется въ общую стройную систему борьбы. При томъ же мы, русскіе, вообще очень не богаты частною предпріимчивостью и для того, чтобы дождаться отъ нея чего-нибудь крупнаго и значительнаго нужно запастись упорнымъ оптимизмомъ и громаднымъ терпѣніемъ. Даже опытъ искусственнаго пробужденія ея премированіемъ посадокъ далъ въ Черниговской губ. самые жалкіе итоги. Въ Черниговской губ., какъ и вездѣ, большая часть песковъ, именно: изъ 70 т. д. 62 тысячи, находится во владѣніи крестьянскихъ обществъ, а крестьянское населеніе, къ сожалѣнію, не сознаетъ еще съ достаточной ясностью угрожающей ему опасности отъ разноса песковъ и относится къ ней совершенно безучастно. Кромѣ того, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ ростъ песчаныхъ пространствъ находится въ тѣснѣйшей зависимости отъ непомѣрнаго пользованія землей въ видѣ черезъ-чуръ частыхъ запашекъ и выгономъ скота. Несомнѣнно, что тамъ даже ясное пониманіе всѣхъ послѣдствій такого неумѣренно-хищническаго использованія земли не можетъ предостеречь отъ нихъ крестьянъ, такъ какъ суровая нужда малоземелья не позволяетъ имъ давать землѣ отдыхъ, придерживаться раціональнаго сѣвооборота и т. д. При такихъ условіяхъ нѣтъ ничего удивительнаго, что всѣ попытки крестьянскихъ обществъ бороться со зломъ собственными средствами крайне ничтожны и ограничиваются, по отзывамъ даже склонныхъ къ преувеличенію земскихъ начальниковъ, всего на всего облѣсеніемъ какой-нибудь тысячи десятинъ на всю губернію. Да и эти болѣе чѣмъ скромные результаты въ большинствѣ случаевъ достигнуты крестьянами не по собственному почину, но по настоянію и подъ давленіемъ ближайшаго начальства. Послѣ двухлѣтней практики земскихъ поощреній земскіе дѣятели сознали безплодность этой системы.

Одинъ гласный прекрасно выразилъ это сознаніе словами: „нѣтъ обязательности—нѣтъ успѣха“. Если господство личныхъ и частныхъ интересовъ въ хозяйствѣ страны складывается при современномъ экономическомъ порядкѣ такимъ образомъ, что приводитъ къ общему оскудѣнію почвы, то странно было бы ожидать, чтобы таже частная предпріимчивость, которая хозяйничаетъ такимъ опустошительнымъ образомъ, сама же удачно и боролась бы съ своими опустошеніями.

Много ли можетъ сдѣлать въ этомъ направленіи земство? Несомнѣнно, оно очень много могло бы сдѣлать, но, во-первыхъ, къ сожалѣнію земскія учрежденія введены не во всѣхъ мѣстностяхъ Россіи, во-вторыхъ они, и до послѣднихъ преобразованій, и въ еще большей степени послѣ нихъ, не представляютъ пропорціональнаго представительства всѣхъ группъ населенія, а главное, отражая общія теченія переживаемаго нами времени, стали въ послѣднее время замѣтно сбиваться съ широкаго пути общеземскихъ нуждъ населенія.

Довольно печальною подтвержденіемъ сказаннаго можетъ служить хотя бы исторія того же вопроса о борьбѣ съ песками въ черниговскомъ губернскомъ земствѣ.

Въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ черниговская губернская земская управа, понимая всю важность вопроса, настойчиво предлагала проэкты дѣйствительныхъ мѣръ обязательнаго засажденія песковъ подъ руководствомъ лѣсныхъ инструкторовъ и по плану, выработанному спеціальными „охранительными коммиссіями“, съ разсчетомъ, что закрѣпленіе всѣхъ песчаныхъ пространствъ губерніи—при обязательномъ трудѣ крестьянъ и при даровомъ снабженіи черенками лозы отъ министерства земледѣлія—обойдется всего въ 80 т. руб.—но губернское земское собраніе не менѣе настойчиво изъ года въ годъ проваливало подъ разными предлогами всѣ предложенія управы. Получившіе замѣтное преобладаніе въ собраніи представители крупнаго землевладѣнія, прикрывали свое равнодушіе къ крестьянской бѣдѣ тысячью благородныхъ мотивовъ—даже любовью къ свободѣ и нерасположеніемъ къ обязательному труду, какъ напр. гласный Ѳ. Лизогубъ; но тотъ же гласный Лизогубъ, когда обсуждался вопросъ: вознаграждать ли крестьянъ, привлекаемыхъ къ натуральной повинности по истребленію саранчи и на крестьянскихъ и на частно-владѣльческихъ земляхъ?—очень горячо высказывался не только за обязательный, но даже и за обязательно даровой трудъ. Въ 1892 г., по предложенію проэктной коммиссіи, управѣ было отказано въ 10 т. р. на производство работъ по облѣсенію песковъ за счетъ несостоятельныхъ владѣльцевъ (въ видѣ долгосрочнаго кредита). Само собою разумѣется, что собраніе могло находить проэктъ управы неудобнымъ, невыполнимымъ, несостоятельнымъ

и т. д., но въ такомъ случаѣ взамѣнъ отвергнутаго оно должно было бы выработать другой планъ борьбы, а не оставлять губернію безъ помощи и защиты передъ движущимися песками, ежегодно засыпающими болѣе тысячи десятинъ крестьянскихъ угодій. Въ такомъ важномъ дѣлѣ оно нашло возможнымъ ограничиться назначеніемъ премій и ассигновкой на покупку и облѣсеніе на счетъ земства участка въ 1000 дес. песковъ. Въ слѣдующемъ году даже и это послѣднее постановленіе о покупкѣ 1000 дес. песку оно рѣшило „въ исполненіе не приводить" и свело все дѣло борьбы съ песками къ перепискѣ съ министерствомъ на счетъ устройства питомниковъ красной лозы. Не смотря на то, что въ теченіе двухъ лѣтъ премированіе не оказало никакого вліянія, тѣ же витіи все таки не хотѣли допустить болѣе дѣйствительныхъ мѣропріятій. Проэктная комиссія предлагала остаться при прежнихъ мѣрахъ, которыя дали въ итогѣ нуль, и которыя многіе ораторы называли „младенческими", „паліативными", „закрываніемъ глазъ и успокоеніемъ совѣсти". Передъ затратою на охрану крестьянскихъ полей 80-ти т. р. гласный Лизогубъ, по его собственнымъ словамъ, „пришелъ въ ужасъ". Несравненно болѣе бережливой была, конечно, система премій, которыхъ никто не бралъ, и, оставшись при ней, собраніе фактически отказалось отъ всякой борьбы съ песками. Тридцать три губернскихъ гласныхъ потребовали пересмотра вопроса и на слѣдующемъ собраніи 1894 г. упорное сопротивленіе крупновладѣльческаго большинства было наконецъ сломлено, настойчивыя предложенія управы приняты цѣликомъ, и въ распоряженіе ея назначено, къ вящему ужасу гг. Лизогубовъ, не 80, а 120 т. рублей.

Исторія этихъ земскихъ преній и постановленій крайне поучительна. Если равнодушіе крестьянъ къ распространенію песковъ объясняется недостаточно яснымъ пониманіемъ угрожающаго зла и, часто, имущественною невозможностью бороться съ нимъ, то сознательное равнодушіе земскаго собранія можно объяснить только тѣмъ обстоятельствомъ, что почти всѣ песчаныя пространства губерніи расположены не во владѣльческихъ, а въ крестьянскихъ дачахъ, вслѣдствіе чего ближайшая опасность отъ засыпанія пескомъ угрожаетъ не владѣльческимъ, а крестьянскимъ же удобнымъ землямъ. Требуемая на облѣсеніе всѣхъ песковъ губерніи сумма съ лихвою покрывается стоимостью крестьянскихъ земель, ежегодно засыпаемыхъ въ количествѣ болѣе чѣмъ тысяча десятинъ, и несомнѣнно, что крестьянство, какъ главный земскій плательщикъ, имѣло полное право требовать отъ земства затраты этой суммы на защиту своихъ угодій. Черниговское земство послѣ трехлѣтнихъ увиливаній наконецъ признало для себя этотъ расходъ нравственно обязательнымъ и

приняло его, но могло и не принять: при обнаружившихся въ немъ стремленіяхъ это постановленіе является быть можетъ слѣдствіемъ случайнаго перевѣса нѣсколькихъ голосовъ, а отнюдь не дѣломъ естественнаго представительства земскихъ нуждъ. Вслѣдствіе неразвитости крестьянства у насъ нѣтъ — и никогда не было — непосредственнаго земскаго представительства; почти всюду гласными отъ крестьянъ были мѣстные землевладѣльцы. Въ лучшую пору земства, когда русское образованное общество было проникнуто человѣчными идеалами, интересы всѣхъ сословій сливались въ общеземскихъ задачахъ и передовой баринъ самоотверженно ратовалъ за мужика. Но теперь, въ переживаемую нами пору нравственнаго и умственнаго приниженія общества, искусственно насаждаемый культъ сословности рѣзко отразился и на земствѣ: въ настоящее время дѣла и пренія земскихъ собраній часто представляютъ собою грустную картину сословнаго раздѣленія интересовъ. Хозяйничаетъ все тотъ же баринъ, но, переставъ быть передовымъ, онъ уже не стыдится похлопотать иной разъ и за себя самого, хотя бы и на счетъ „меньшого брата“. Между тѣмъ при двойномъ представительствѣ и за себя и за крестьянъ, господствующіе въ земскихъ собраніяхъ элементы должны бы усиленно держаться за обще-земскую точку зрѣнія, потому что всякое постановленіе, выгодное только рѣшающему въ земствѣ сословію, всякій ложный шагъ, всякое ошибочное рѣшеніе представляетъ собою корыстное злоупотребленіе довѣріемъ. Какъ просвѣщенный попечитель мѣстныхъ народныхъ нуждъ, земское собраніе, прислушиваясь къ голосу ораторовъ, проповѣдующихъ сословную обособленность интересовъ, поступаетъ и вопреки справедливости и вопреки патріотизма, а въ такихъ важныхъ вопросахъ, какъ вопросъ о борьбѣ съ песками, близорукая извращенно-сословная корысть дѣлаетъ земство отвѣтственнымъ передъ государствомъ попустителемъ общенароднаго бѣдствія. Всѣ эти условія, въ общей совокупности, не позволяютъ намъ возлагать на земство большихъ надеждъ въ дѣлѣ борьбы съ песками, отъ которыхъ преимущественно страдаютъ не частные владѣльцы, а крестьянство [1]).

---

[1]) Когда эти укоры черниговскому губернскому земскому собранію были высказаны нами въ журналѣ «Хозяинъ» г. Ментеоло послѣ вторичнаго отклоненія собраніемъ проектовъ управы по борьбѣ съ песками, одинъ изъ представителей крупновладѣльческой группы черниговскаго земства гл. Лизогубъ напечаталъ въ томъ же «Хозяинѣ» возраженіе «Въ защиту черниговскаго земства». Отрицая указанныя нами сословныя мотивы земскаго попустительства, онъ доказывалъ, что пески не только мужицкое, но такъ сказать всесословное горе, въ подтвержденіе чего привелъ имена нѣсколькихъ владѣльцевъ, въ имѣніяхъ которыхъ значатся песчаныя угодья. Редакція «Хозяина», имѣющая своими подписчиками тѣхъ же частныхъ владѣльцевъ, которые отстаиваютъ свои групповые интересы, устраивая очистку владѣльческой земли отъ саранчи съ помощью обязательнаго и дарового крестьянскаго труда и не допуская

Несомнѣнно, что государство гораздо ближе заинтересовано, хотя бы изъ чисто фискальныхъ побужденій, въ сохраненіи хозяйственной и податной правоспособности крестьянства, чѣмъ представители крупнаго землевладѣнія, и обладаетъ несравненно большими средствами, чѣмъ земство. Уже одно это обстоятельство дѣлаетъ его естественнымъ руководителемъ въ охранѣ крестьянскихъ полей отъ заносовъ движущимися песками. Какъ мы видѣли, почти всѣ земства возлагаютъ въ этомъ случаѣ надежды на государство и разсчитываютъ на его косвенное и непосредственное содѣйствіе. Безусловно необходимымъ оно является особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда приходится прибѣгать къ охранительнымъ мѣрамъ, изъемля изъ крестьянскаго пользованія перепаханныя или вытоптанныя земли, грозящія обратиться въ сыпучіе пески. Земства хлопочутъ о предоставленіи имъ полномочія воспрещать въ случаѣ надобности владѣльцамъ право пользованія ихъ угодьями, а проэктъ министерства земледѣлія предлагаетъ сверхъ того въ подобныхъ случаяхъ въ замѣнъ изъятыхъ отводить крестьянамъ новые участки государственныхъ земель. Принимая во вниманіе общія условія крестьянской жизни, не трудно понять, что безъ этого возмѣщенія и самая охрана использованныхъ земель отъ окончательнаго превращенія въ песчаную площадь была бы невозможна. Въ виду того, что частныя лица и земства не имѣютъ въ своемъ распоряженіи необходимыхъ для успѣшнаго веденія этого дѣла достаточныхъ денежныхъ и техническихъ средствъ (а также и свободныхъ земель для возмѣщенія крестьянскимъ обществамъ) и такъ какъ сыпучіе пески нерѣдко заносятъ культурныя угодья не только тѣхъ уѣздовъ и губерній, въ которыхъ расположены, но также и сосѣднихъ съ ними, то по заключенію лѣсного департамента министерства земледѣлія въ роли хозяина въ этомъ дѣлѣ должно выступить въ интересахъ общественнаго благоустройства государство и принять на себя руководство этими работами, а также вполнѣ или частью и сопряженныя съ ними расходы; земствамъ же, которыя стоятъ ближе, чѣмъ центральный органъ къ народному хозяйству и лучше знаютъ мѣстныя нужды и условія, должно быть предоставлено такъ сказать мѣстное руководительство дѣломъ — право удо-

---

затраты общеземскихъ денегъ на охрану крестьянскихъ земель отъ песковъ, сдѣлала видъ, что повѣрила г. Лизогубу и убѣдилась приведеннымъ имъ спискомъ въ равномѣрномъ распредѣленіи песковъ между крестьянами и владѣльцами. Но насколько рискованно было вѣрить г. Лизогубу — можно видѣть изъ того, что по оффиціальнымъ даннымъ М. З. и Г. И. изъ 70 т. д. черниговскихъ песковъ 62 т. принадлежатъ *крестьянскимъ обществамъ* и только 8 т. д. частнымъ лицамъ (въ томъ числѣ надо полагать и крестьянамъ собственникамъ). Г. Лизогубъ, какъ мѣстный дѣятель, долженъ знать истинный характеръ посословнаго распредѣленія песковъ въ своей губерніи и, выступая въ печати съ своимъ возраженіемъ, не вводить въ заблужденіе и редакцію и читателей «Хозяина».

стовѣрять въ подлежащихъ случаяхъ необходимость работъ, указывать мѣстности, гдѣ онѣ должны быть произведены въ первую очередь и вообще служить посредствующимъ звеномъ между правительствомъ, крестьянскими обществами и частными лицами, владѣющими песками. Въ этихъ предѣлахъ земское содѣйствіе должно дать самыя благія послѣдствія: даже тѣ земства, въ которыхъ преобладаютъ крупные владѣльцы всегда готовы будутъ оказать самую дѣятельную поддержку правительству разъ оно возьметъ расходы по борьбѣ съ песками вполнѣ или въ значительной части на себя. Введеніе охранительныхъ мѣръ — воспрещеніе пастьбы скота и распашки—проэктъ министерства тоже предлагаетъ возложить на земства, при чемъ изъятій изъ необходимыхъ въ интересахъ общественнаго благосостоянія ограниченій правъ владѣльца на пользованіе своими землями не дѣлается ни для казенныхъ, ни для удѣльныхъ дачъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда препятствіемъ къ принятію охранительныхъ мѣръ на крестьянскихъ дачахъ служитъ малоземелье, губернскія земства должны возбуждать ходатайства объ обмѣнѣ взятыхъ въ охрану крестьянскихъ земель на свободныя казенныя земли, или же дозволять пользованіе не всей площадью земли сразу, а по отдѣльнымъ участкамъ по очереди, упорядочивая землепользованіе по мѣрѣ возможности и въ зависимости отъ большей или меньшей способности песковъ къ успокоенію. Если владѣльцы сыпучихъ песковъ, признаваемыхъ мѣстными земствами опасными для общественнаго благосостоянія, не только не примутъ на себя расходовъ по укрѣпленію своихъ песковъ, но и откажутъ въ допущеніи производства охранительныхъ работъ на счетъ казны, то министерству земледѣлія предоставляется законодательнымъ путемъ право отчуждать такія площади въ казну по оцѣнкѣ, съ сохраненіемъ, однакоже за владѣльцами песковъ права обратнаго выкупа въ теченіи 10 лѣтъ, при уплатѣ выкупной суммы и расходовъ по облѣсенію съ 6% годовыхъ. Воспрещеніе въ видахъ охраны отъ песковъ распашки и выпаса, а также насильственное отчужденіе опасныхъ песковъ въ казну, составляетъ извѣстное ослабленіе правъ свободнаго распоряженія владѣльца своимъ имуществомъ, но въ этихъ ограниченіяхъ права личной собственности на землю министерство видитъ „развитіе начала, уже принятаго нашимъ законодательствомъ и подтвержденнаго при изданіи лѣсоохранительнаго закона 1888 г.“ Впрочемъ, къ мѣрамъ отчужденія министерство предлагаетъ обращаться только въ крайнихъ, исключительныхъ случаяхъ, расчитывая многаго достигнуть въ борьбѣ съ песками своимъ содѣйствіемъ частнымъ лицамъ, обществамъ и установленіямъ, причемъ преимущество должно быть предоставлено тѣмъ изъ владѣльцевъ, которые примутъ на себя обязательство участвовать въ расходахъ поставкою

рабочихъ натурою или денежными взносами, соотвѣтственно своимъ силамъ и средствамъ. Для этого предполагается 1) посылать, по желанію владѣльцевъ, на казенный счетъ должностныхъ лицъ опытныхъ въ дѣлѣ укрѣпленія песковъ, для подачи совѣтовъ, составленія смѣтъ и плановъ работъ, а равно для руководства этими работами, съ тѣмъ, чтобы такое техническое воспособленіе производилось безъ всякаго вознагражденія командированныхъ лицъ со стороны землевладѣльцевъ; 2) отпускать безплатно, по мѣрѣ возможности, съ казенныхъ дачъ, питомниковъ и складовъ саженцы и сѣмена, а также лѣсные матеріалы, камень и гравій, на основаніи смѣтныхъ исчисленій, составленныхъ командированными спеціалистами и утвержденныхъ министерствомъ; 3) доставлять посадочный матеріалъ и сѣмена къ мѣсту работъ на казенный счетъ и въ случаѣ отдаленности казенныхъ дачъ закладывать питомники на земляхъ владѣльцевъ песковъ; 4) относить на средства казны часть денежныхъ расходовъ на наемъ рабочихъ и пр. въ тѣхъ случаяхъ, когда о томъ поступятъ ходатайства губернскихъ земскихъ собраній, при чемъ участіе казны въ денежныхъ расходахъ допускается лишь въ размѣрахъ необходимыхъ для прекращенія общественныхъ бѣдствій, причиняемыхъ распространеніемъ песковъ; 5) причислять площади, на которыхъ будутъ производиться работы, къ разряду дачъ защитныхъ; и наконецъ, 6) для охраны дачъ, принадлежащихъ частнымъ лицамъ, обществамъ и разнымъ установленіямъ, учредить казенную лѣсную стражу, усиливъ взысканія за нарушеніе защитныхъ и охранныхъ мѣръ, за распашку полей, объявленныхъ земствами не подлежащими пользованію, за недозволенный выпасъ скота и т. д. Въ первую очередь признано необходимымъ приступить къ облѣсенію и укрѣпленію наиболѣе подвижныхъ и опасныхъ песковъ въ 29-ти внутреннихъ губерніяхъ Россіи въ размѣрѣ 282 тысячъ десятинъ, принадлежащихъ обществамъ, и 94 тысячъ десятинъ, принадлежащихъ частнымъ лицамъ.

Изложенный проэктъ въ общихъ чертахъ одобренъ сельскохозяйственнымъ совѣтомъ и съ нѣкоторыми несущественными измѣненіями переданъ въ Государственный совѣтъ.

Должно сознаться, что въ своихъ предложеніяхъ министерство земледѣлія пошло далеко впереди самыхъ передовыхъ земствъ. Послѣ тридцатилѣтняго равнодушія къ пескамъ оно дѣятельно выступило на рѣшительную борьбу съ успѣвшимъ разростись зломъ. Такими мѣрами, какъ обмѣнъ принимаемыхъ въ охрану и для укрѣпленія крестьянскихъ песчаныхъ дачъ на свободные казенные участки и ограниченіе частнаго права распоряженія и пользованія землею со стороны ея владѣльца требованіями общественнаго благополучія, министерство, смѣло

схватило что называется „быка за рога“, направивъ свою дѣятельность на устраненіе главной и основной причины хозяйственнаго разстройства страны. Устраненіе крестьянскаго малоземелья, разумное устройство мелкаго мужицкаго хозяйства, правильное разселеніе крестьянъ по казеннымъ землямъ и, наконецъ, послѣдовательно проведенное начало охраны производительности земли какъ общегосударственнаго достоянія, которымъ предстоитъ пользоваться многимъ поколѣніямъ, отъ коммерческаго хищничества, злоупотребленій частныхъ владѣльцевъ, — можетъ значительно задержать дальнѣйшее развитіе песковъ—и этими мѣрами ограничивается все, что можетъ сдѣлать министерство земледѣлія въ предѣлахъ своего вѣдомства. Какъ бы ни были дѣйствительны всѣ эти мѣры, но нельзя скрывать отъ себя, что экономическій строй нашей жизни и вся постановка нашего отпускнаго сельскаго хозяйства, вывозящаго ежегодно сотни милліоновъ пудовъ хлѣба, льна, мяса и всяческаго сырья, прямо или косвенно добываемаго изъ почвы, на заграничные рынки, не можетъ не приводить роковымъ и непреложнымъ образомъ къ оскудѣнію земли, къ выпаханности нивъ, къ образованію новыхъ песковъ рядомъ съ засаженными шелюгою и т. д. Подобно тому, какъ организмъ съ нарушеннымъ обмѣномъ веществъ, не возмѣщающій ослабленнымъ питаніемъ всѣхъ своихъ тратъ, рано ли, поздно ли долженъ умереть, такъ точно и усиленный сельскохозяйственный вывозъ при нерасчетливомъ истощеніи почвы, не возмѣщаемый ничѣмъ кромѣ заграничныхъ фабрикатовъ, идущихъ на потребу культурныхъ русскихъ интеллигентовъ, рано ли, поздно ли долженъ привести къ сельскохозяйственной смерти страны. Изъ исторіи мы знаемъ, что всѣ больныя, экономически не уравновѣшенныя цивилизаціи умирали, оставляя послѣ себя пустыни и развалины. Симптомы все возрастающаго экономическаго худосочія Россіи настоятельно предостерегаютъ насъ о грозномъ будущемъ и для того, чтобы предупредить его остается только одинъ путь: систематическое развитіе во всемъ строѣ и во всѣхъ областяхъ экономической жизни принятаго начала — господства верховнаго государственнаго, обще-національнаго интереса надъ частнымъ, личнымъ и коммерческимъ...

И. Гофштеттеръ.

Что у кого болитъ.

Въ отвѣтъ Московскому комитету грамотности.

(Продолженіе).

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

„Подземная Россія“.

I.

Не взирая на искреннее горячее увлеченіе народничествомъ въ высшихъ слояхъ нашего образованнаго общества, не перевелись еще, однако, на Руси искренніе и горячіе ненавистники простонародья.

Все это или восточники (азіаты по свирѣпости), или отребье западничества (западниковъ-баръ), западничества въ самомъ пошломъ значеніи этого слова.

Эти господа относятся къ „лапотнику“ прежде всего съ точки зрѣнія англоманской брезгливости и фарисейской чистоплотности. Для нихъ русскій крестьянинъ не хранитель и кормилецъ всей Русской Земли, а „разбойникъ земли“. Беззавѣтно отдаваясь злопыхательству на меньшаго брата, много бѣдъ несутъ они родному краю. Утопая по вся дни въ лукулловской роскоши, они на своихъ продолжительныхъ, обильныхъ пиршествахъ бойко толкуютъ: „свѣтъ знанія—роскошь; бѣдняки не должны разрѣшать себѣ роскоши ни въ чемъ... наши крестьяне бѣдняки, стало быть... и т. д.

Живы, преблагополучно здравствуютъ до сегодня „человѣки нѣкоторые“... (Ужъ право не сумѣю опредѣлительно сказать, какъ по всей справедливости такихъ людей учтивѣй, вѣжливѣй зовутъ?!.) Мудреные люди: обезумѣвъ отъ разврата и отъ постоянныхъ упражненій въ человѣконенавистничествѣ, они возмнили о себѣ, что будто бы они смогутъ задержать ростъ жизнепониманія въ освобожденныхъ рабахъ. Они воз-

стали противъ духа кротости, противъ воспитанной христіанствомъ человѣчности. Они открыто ополчились противъ всѣхъ истинныхъ друзей человѣчества, друзей свѣта, друзей меньшаго брата, противъ ревнителей евангельскихъ завѣтовъ и древняго святорусскаго духа, противъ искони ставшаго извѣстнымъ всему міру русскаго великодушія. Они возмнили о себѣ, вожди слѣпые, что могутъ уподобиться вождю Израильскому Іисусу Навину... только, только не восклицали: стой солнце! (солнце просвѣщенія умственнаго и нравственнаго), подожди свершать свой всеозаряющій путь, пока мы не доканаемъ нашихъ враговъ. Позабыли, что только „Богъ есть творяй чудеса". Но „Богъ гордымъ противится, а смиреннымъ даетъ благодать"... И вотъ чудо свершилось: три милліона, какъ манна съ небесъ, ниспали на потребу „смиренныхъ".

Попритихли гордецы фарисеи, для которыхъ, какъ для современныхъ Христу фарисеевъ, „этотъ народъ—невѣжды въ законѣ прокляты они"; попритихли угрюмые сластолюбцы съ своею пѣснью торжествующей ненависти къ обездоленному, „трудящемуся и обремененному" меньшому брату, попритихли, но живутъ и втайнѣ дѣйствуютъ, подвизаются во славу князя тьмы, исподтишка ковнодѣйствуя, вмѣшиваются въ дѣло обученія народа православнаго книжному искусству и глаголу живота вѣчнаго, изрѣдка только пуская шипъ по змѣиному.

Нехотя, противъ души, съ насупленными бровями, безсильной злобой пламенѣя и „чернокнижнымъ языкомъ усердно демонамъ молясь", собрались подъ знамя, на которомъ начертано: *Да умножатся и да процвѣтутъ церковно приходскія школы.*

Само собой разумѣется, обскуранты ухватились за это знамя только оттого, что церковныя школки, по ихъ мнѣнію, допустятъ наименьшую „роскошь"... бѣдняки получатъ минимальныя дозы знанія и на этомъ па долго остановится высвобожденіе умовъ отъ предразсудковъ. „Спасемъ, что можемъ", жужжатъ враги свѣта. Ошибутся въ своихъ сокровенныхъ соображеніяхъ и жалкихъ расчетцахъ ненавистники Божьяго свѣта! Ахъ какъ горько ошибутся. Стремленіе къ свѣту—великая всепоборающая силища. Посадите растеньице въ темномъ погребѣ, подвалѣ, въ разсѣлинѣ земли, или въ какой-либо мрачной пещерѣ, посмотрите какъ оно, возрастая, къ свѣту потянется, всѣмъ ствольцемъ своимъ направится къ той скважинѣ, къ той щели, чрезъ которую проникаетъ солнечный лучъ въ темное царство. И человѣкъ во всѣ времена всегда ищетъ для себя и по милости Божіей всегда находитъ такую скважину, откуда брезжетъ свѣтъ знанія.

II.

До девятнадцатаго февраля тысяча восемьсотъ шестьдесятъ перваго года самый вопросъ о школахъ для крестьянъ не входилъ въ число вопросовъ, имѣющихъ государственную важность, хотя не мало было государственныхъ крестьянъ.

Прошло тридцать пять лѣтъ, наша государственная роспись увеличилась втрое (Вмѣсто 400 милліоновъ сколько теперь?! Духъ захватываетъ выговорить); какія роскошные пути сообщенія быстро, словно по волшебному жезлу, появились, словно изъ земли выросли, какое освѣщеніе въ городахъ и столицахъ, какіе диковинные мосты черезъ обмелѣвшія русскія рѣки перекинуты, какіе дворцы воздвиглись подъ правленья и управленья желѣзнодорожныя, какія дорожныя палаты (вокзалы)...

Русь Владиміра Красна Солнышка и Владиміра Мономаха не похожа ты стала на Азію!

Но еще сильнѣе сгустился мракъ въ темномъ царствѣ. Не гораздо ли болѣе было свѣдущимъ наше простонародье въ стародавнія времена? Да вѣдь какія стародавнія, не во дни Запорожской Сѣчи, нѣтъ, во времена Новгородскихъ повольниковъ меньше было тьмы въ русскомъ темномъ людѣ. Я говорю про тѣ достославныя времена, когда впереди народа во главѣ духовнаго просвѣщенія шли бояре и князья русскіе и весь народъ бодро шелъ за ними въ борьбѣ не только съ печенѣгами и половцами, но и въ борьбѣ *съ княземъ тьмы и духами злобы поднебесной.*

Въ ту пору монастыри были очагами просвѣщенья, а въ монастыряхъ спасались въ тѣсномъ общеніи духовномъ съ простолюдинами многіе князья и бояре русскіе. Не только *изъ лепты трудовой выростали храмы Божіи полицу земли родной,*—князья и бояре были ихъ усердными щедрыми строителями и хранителями...

Оброшены, исковерканы пути сообщенія между боярами и народомъ очень давно, а съ 19 февраля заросла народная тропа изъ села на боярскій дворъ. И зажили народъ самъ по себѣ, а просвѣщенные сами по себѣ. Пусть „филантропы" какъ блины пекутъ книжицы для народа, продавая ихъ „въ большомъ количествѣ не дороже пятака, просвѣтить объ электричествѣ въ нихъ стараясь мужика"; но вѣдь это—крохи бросаемые псамъ, и только.

Пока тридцать пять лѣтъ судятъ-рядятъ господа *знатоки народнаго быта, народныхъ пользъ и нуждъ* (*Гдѣ* они у насъ? Есть ли хоть одинъ?!) чему *позволительно* обучать и чему отнюдь не пригоже,

не подобаетъ, излишне; пока идутъ безконечные споры-вздоры о томъ, что читать народу въ свободное отъ полевыхъ работъ время, какія *дозы знанія* допустить дѣтямъ народа,—у народа *душа мретъ съ голоду* и народъ давнымъ давно выдвигаетъ изъ себя тѣхъ, которые утоляютъ его „духовную жажду и „голодъ души“, утоляютъ живымъ словомъ, горячимъ словомъ убѣжденья и живымъ примѣромъ просвѣтленной одухотворенной жизни, и выходитъ по пословицѣ: „гони природу въ дверь, она влетитъ въ окно“.

О раздаятеляхъ духовной пищи народу самородками изъ среды народа я и намѣренъ теперь главнымъ образомъ рѣчь вести. Въ первой моей замѣткѣ въ іюльской книгѣ „Русской Бесѣды“ я писалъ, (можетъ быть читатель помнитъ): „Составители книжекъ для крестьянъ, повидимому, не подумали о томъ, что вѣдь не для сиротъ пишутъ они, что родители могутъ критиковать (контролировать) содержаніе книжечекъ. Встрѣчаются среди крестьянъ самородки съ философскимъ складомъ ума, съ ломоносовскимъ дарованіемъ. (Хотя, можетъ быть, не съ его „благородной упрямкой“). Сознаніе того, что „я человѣкъ и *ничто* человѣческое мнѣ не чуждо“, которымъ такъ кичился великій Гёте, бываетъ сродно и иному, богато одаренному „православному“. Вопросъ Шекспира устами датскаго принца „быть или не быть“ волнуетъ душу „нашего сѣятеля и хранителя“ въ юности, въ старости; и во Христѣ бодрствующій стремится къ положительному на него отвѣту... Если въ приходѣ съ тысячью душъ обывателей найдется хотя одинъ такой критикъ-самородокъ и заропщетъ на нигилизмъ въ преподаваніи школы и на всѣ порядки въ школѣ,—бѣда такой школѣ“.

„Новое Время“, сдѣлавъ выписку этихъ словъ моихъ, отозвалось: „нельзя отрицать, что въ этомъ есть значительная доля правды“. Постараюсь убѣдить, что тутъ не доля, а вся правда, нѣкоторыми примѣрами изъ жизни.

III.

Въ полумордовскомъ въ полурусскомъ селѣ Чингасахъ мнѣ приходилось много разъ ночевать, по пути въ Пензу, у очень умнаго мордвина Димитрія Ивановича Барышникова.

Самъ Димитрій Ивановичъ, младшій братъ его Михайло и всѣ сыновья—грамотные. Онъ добросовѣстно выполнялъ заповѣдь святыхъ: „богатство аще течетъ, не прилагай сердца“. А богатство дѣйствительно текло къ нему. Онъ держалъ за небольшую аренду „мірскую“ мельницу на двѣнадцати поставахъ и кромѣ того „шибко торговалъ“ пшеницей.

въ свободное время онъ не отставалъ отъ сохи, сыновья же постоянно работали въ полѣ. Никогда даже въ страду не начиналось дѣловое утро раньше прочтенія „утреннихъ молитвъ“, на что при неспѣшномъ благоговѣйномъ чтеніи уходило минутъ двадцать времени, столь драгоцѣннаго для каждаго хлѣбопашца въ покосъ, сѣвъ или жнитво. Въ длинные осенніе и зимніе вечера читались общесемейно не только вечернія молитвы, но и Златоуста страницу-другую или изъ Четьи Минеи. Помню еще была старенькая-престаренькая книжка, отпечатанная крупнымъ четкимъ шрифтомъ, это „О любви“ Максима Исповѣдника (рядъ афоризмовъ). На полкахъ я помню виднѣлось много другихъ книгъ въ кожаномъ переплетѣ, источенномъ какими-то букашками.

„Простой парень“ отзывались про Димитрія Ивановича односельчане и уважали его за умъ и доброту сердечную. „Къ нему всякій иди за чѣмъ спонадобится по хозяйству ровно въ свои закрома“... „Рука у него легкая... иной разъ у кого своего добра вдосталь идетъ, случалось кой-когда, къ Барышникову на сѣмена взаймы просить до новаго урожая;—дастъ, слова не скажетъ, хоша допряма знаетъ, что человѣкъ не отъ большой великой нужды приходилъ. Иной разъ, кто изъ дружьевъ урекнетъ его: кому даешь-то, другъ, вѣдь зря-же, онъ изъ одной жадности у тебя взялъ... Ухмыльнется только, скажетъ: чего мнѣ въ чужія дѣла путаться, аль мнѣ чужое хозяйство обслѣживать, не лазить же соглядатайствовать по чужимъ амбарамъ, у меня своего дѣла по горло; проситъ человѣкъ, стало надобность какая, его дѣло ему лучше знать; я и самъ на торговлю занимаю, отчего же не выручить малость и мнѣ кого-нибудь въ добрый часъ... И все богатѣлъ человѣкъ годъ отъ году... Разуменъ, расчетъ знаетъ всему, и всякому дѣлу времена и сроки наблюдаетъ; ну да къ тому же Божіе благословенье виднехонько“... Такъ толковали обрусѣлые мордва, односельчане Димитрія Ивановича.

Не помню въ какомъ году проникъ въ Чингасы расколъ безпоповщинскаго толка. Очень скоро половина села перестаетъ въ церковь ходить. Но другая половина села устояла и навсегда осталась вѣрной православію.

„А все отчего, родименькій, шарахнулись въ расколъ“, объясняла мнѣ жена Димитрія Ивановича, разговорившись однажды со мной по душѣ. „Все отчего туда идутъ? Все оттого больше, что у раскольниковъ-то въ артели душу спасаютъ... и наставники у нихъ... староверы соберутся, побесѣдуютъ насчетъ души спасенья, попоютъ, почитаетъ, кто грамоту знаетъ, остальные слушаютъ... кто-чего въ разумъ не возьметъ, спрашиваетъ, а кому Богъ далъ понятіе—отвѣчаетъ, и я грѣшнымъ дѣломъ бывала на бдѣніяхъ, разумильное дѣло... Да вѣдь самъ посуди, добрый человѣкъ, вѣдь и у мужика *душа мретъ съ голоду.*

А чѣмъ ты ее безъ Божьяго слова насытишь? къ кому пойдешь? Къ барину не пойдешь... священнику безперечь николи, приходъ больше тысячи душъ, требъ много, свое хозяйство донимаетъ; ну, да полъ у него замараешь лаптищами мордовскими, тоже вѣдь чистоту наблюдаетъ духовное званіе по господски... Онъ къ намъ въ гости ни къ кому не жалуетъ, да и насъ къ себѣ николи не зоветъ, такъ и мытарься какъ хошь, а у старовѣровъ всѣ подъ одно... Вотъ-те Христосъ Истинный, уйди нынче Димитрій Ивановичъ въ расколъ — заутро же за нимъ въ нашемъ селѣ, какъ есть всѣ до единаго перешли бы. Только на него взираючи, остальная половина стоитъ въ православной вѣрѣ. Да и по округѣ многіе неграмотные на него указываютъ уставникамъ: съ чего, дескать, Димитрій Ивановичъ за нашу вѣру стоитъ; не меньше вашего Слово Божіе знаетъ, а къ вамъ не уходитъ; съ нимъ вотъ споры водите. Моего хозяина всѣ знаютъ... Его и ребятишки не робятъ. Мало-ли онъ на своемъ вѣку переучилъ соплюнчиковъ и читать и писать, и на крылосѣ пѣть, и счету и календарю. Къ моему хозяину кто хошь иди, какъ ровно къ хрестному отцу къ собственному. Осенью или зимой, почитай кажинный вечеръ, сходятся къ моему старику шабры а частенника и сторонніе... и все про божественное, все про божественное гуторятъ. Димитрій-то Ивановичъ читаетъ, а всѣ слушаютъ и мужиковъ этихъ и бабъ... такъ вотъ какъ снопы стоймя стоятъ, биткомъ набита вся хата; неоднова случалось до самой до бѣлой зари не расходятся"...

Очень недавно въ глубокой старости умеръ Димитрій Ивановичъ. Всѣмъ селомъ жалѣли его. Опечалились его смертью иные въ дальнихъ селеніяхъ. Кто только по округѣ не зналъ его? Просвѣтительная его дѣятельность началась болѣе полувѣка тому назадъ. Онъ, говорили мнѣ, помнилъ „первую холеру" хорошо, такъ какъ еще мальчикомъ читалъ „каѳизмы" по умершимъ.

Почему не зачислить его въ сонмъ „культурныхъ одиночекъ" [1]? я можетъ быть смутно понимаю слово культура, но я всегда бы причислялъ такихъ дѣятелей по народному просвѣщенію, какимъ полвѣка былъ Димитрій Ивановичъ, къ сонму носителей cultа (культуртрегеровъ) гораздо скорѣе, чѣмъ напримѣръ такого педагога, какимъ былъ одержимый свѣтобоязнью Магницкій.

Поясню теперь, откуда я взялъ выраженіе „подземная Россія".

Я имѣлъ счастье знать дѣятельнаго защитника восточныхъ христіанъ, великаго ревнителя православія графа Александра Петровича

---

[1]) См. статью Кривенко «Русское Богатство», 1893 г.

Толстого, съ которымъ переписывался и въ домѣ котораго умеръ Николай Васильевичъ Гоголь. Это былъ святой жизни человѣкъ. За глубокаго христіанина почитали его при Дворѣ Императора Александра Втораго; Царица Марія Александровна, скорбя духомъ о суетности людей свѣтскихъ, по имени только христіанъ, спрашиваетъ Александра Петровича:

„Всѣ европейцы говорятъ: Россія отличается благочестіемъ, набожностью... гдѣ они благочестивые люди, подобные древнимъ Христіанамъ?“ Графъ отвѣтилъ: „Не скорби, матушка Царица: кромѣ Россіи надземной, есть Россія подземная, молитвами которой сильна и надземная-то“. Про эту бесѣду я слышалъ отъ графа Егора Петровича, родного брата графа Александра Петровича.

Благодатной сѣтью святыхъ изъ народа, живущихъ среди народа, покрыта вся Русь Святая.

Отчего никто не описалъ изъ беллетристовъ эти чисто русскіе типы? Ужели они меньшаго вниманія заслуживаютъ, чѣмъ напримѣръ типы изувѣровъ, выведенные изъ мрака неизвѣстности нѣкоторыми нашими якобы народными писателями.

О нѣкоторыхъ мнѣ извѣстныхъ, кромѣ Димитрія Ивановича Барышникова, сообщу немногое читателямъ въ одной изъ слѣдующихъ книгъ „Русской Бесѣды“, но предварительно повидаюсь кое съ кѣмъ изъ этихъ „культурныхъ одиночекъ“ изъ народа.

Павелъ Аристовъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Армянскій вопросъ.—На дальнемъ востокѣ.—Польское министерство въ Австріи и галиційскіе выборы.—Смерть Пастера.

Въ силу статьи 61-й Берлинскаго трактата —„Блистательная Порта обязуется осуществить безъ дальнѣйшаго замедленія улучшенія и реформы, вызываемыя мѣстными потребностями въ областяхъ, населенныхъ армянами, и обезпечить ихъ безопасность отъ черкесовъ и курдовъ. Она будетъ сообщать о мѣрахъ, принятыхъ ею для этой цѣли, державамъ, которыя будутъ наблюдать за ихъ примѣненіемъ". Весьма любопытно происхожденіе этой статьи: ея исторія представляетъ въ миніатюрѣ всю исторію восточнаго вопроса. Прежде всего вопль христіанъ, обращенный, конечно, къ Россіи, объ освобожденіи отъ турецкаго гнета и избавленіи отъ звѣрствъ, затѣмъ великодушная помощь державы-покровительницы и наконецъ европейское вмѣшательство съ цѣлью извлеченія для себя собственно всевозможныхъ выгодъ. Во время переговоровъ въ Адріанополѣ между графомъ Игнатьевымъ и турецкими уполномоченными, графу подана была петиція за подписью константинопольскаго армянскаго патріарха и всѣхъ епископовъ его патріархата; въ ней армяне просили о сліяніи въ одну область—Арменію—Эрзерумскаго, Ванскаго и Сиваскаго вилайетовъ, о дарованіи этой области самоуправленія, права учредить національную милицію подъ наблюденіемъ Россіи и т. д. Россія готова была оказать поддержку справедливымъ требованіямъ армянъ и принять ихъ подъ свою защиту (ст. 16 Свято-Стефанскаго договора), но дальновидные представители Англіи на Берлинскомъ конгрессѣ сумѣли настоять на замѣнѣ надзора одной Россіи совокупнымъ надзоромъ всей Европы, разсчитывая не безъ основанія, что армянскій вопросъ можетъ еще сослужить при такихъ условіяхъ не одну службу британскимъ интересамъ.

Съ тѣхъ поръ прошло семнадцать лѣтъ. Европа, занятая по горло собственными дѣлами, мало обращала вниманія на армянскія іереміады, достаточно-таки ей наскучившія, а Блистательная Порта, освобожденная на время отъ внушеній всякаго рода, успокоилась совершенно и первая,

должно быть, забыла объ обѣщаніи ввести какія-то реформы да еще для армянъ. Съ уходомъ русскихъ войскъ въ турецкой Арменіи водворились прежніе порядки...

Говорятъ, армянскимъ розсказнямъ довѣрять нельзя: армяне народъ хитрый, лукавый, лживый. Существуютъ, однако, показанія, въ достовѣрности которыхъ сомнѣваться нѣтъ ни малѣйшаго основанія и рисующія тѣмъ не менѣе положеніе армянъ ужасающими красками. Намъ недавно какъ-то попала въ руки книга академика Чихачева о Малой Азіи (на нѣмецкой языкѣ). Почтеный авторъ былъ *очевидцемъ* такой, напримѣръ, возмутительной сцены. Крестьяне армянской деревушки только-что убрали урожай, бѣдняки благодарятъ Бога, что тяжелый годичный трудъ ихъ не пропалъ даромъ. Но радость ихъ оказывается преждевременной. Въ одно прекрасное утро съ сосѣдней горы примчались верхомъ два курда, и именемъ какого-то шейха потребовали немедленнаго представленія половины всего урожая. Армяне не обнаружили даже попытки сопротивляться требованіямъ разбойниковъ. Когда возмущенный академикъ сталъ стыдить за такое поразительное малодушіе, армяне, плача, объяснили ему, что въ случаѣ малѣйшаго сопротивленія съ ихъ стороны, курды въ ту же ночь истребили бы деревню.

Одной этой картинки, кажется, достаточно, чтобы убѣдить всякаго въ основательности армянскихъ жалобъ. Пусть армянскіе журналисты и ходатаи въ европейскихъ столицахъ преувеличиваютъ несчастія ихъ народа; допустимъ, что въ такомъ-то городѣ зарѣзано не 300 армянъ, а 50, истреблено не десять деревень, а только двѣ, изнасилованo не все женское населеніе, а всего одна только дѣвушка. Измѣняютъ ли эти неточности сущность дѣла? Конечно, ничуть. Армянскую молодежь (образованную) упрекаютъ въ подпольной агитаціи, въ революціонныхъ замыслахъ, многіе, не стѣсняясь, указываютъ на эту молодежь, какъ на виновницу всѣхъ несчастій армянскаго народа. Намъ эти нареканія кажутся въ высшей степени несправедливыми. Европа, видимо, старѣетъ. Былая удаль, безотчетная готовность жертвовать всѣмъ ради свободы и чести— качества, такъ выгодно отличавшія европейскіе народы отъ азіатовъ, смѣнились старческой осторожностью. Тѣ самы явленія, которыя нѣкогда возбуждали горячее сочувствіе, заставляли учащенно биться сердца, вызываютъ теперь одно противное брюзжаніе... Армянскими революціонерами движетъ тотъ самый духъ, который нѣкогда подвигалъ на великія дѣла и Вильгельма Теля, и французскихъ дѣятелей конца прошлаго вѣка, и Гарибальди, и тысячи другихъ. Но то все было когда-то. Теперь лавочные интересы на первомъ планѣ, и потому-то эти бѣдные люди, самоотверженно идущіе на явную гибель, въ надеждѣ, что цѣною жизни

имъ удастся купить свободу и достойное существованіе своему многострадальному племени, вызываютъ одну досаду. Несправедливо было бы обвинять армянскую молодежь даже въ излишней горячности. Со времени ужасной рѣзни въ Сассунѣ прошелъ цѣлый годъ, и армяне терпѣливо ждали исхода переговоровъ представителей великихъ державъ съ турецкими министрами; только тогда, когда стало яснымъ, что переговоры эти могутъ длиться безконечное время или закончиться пустяками, они рискнули на извѣстную демонстрацію въ Константинополѣ, при чемъ рискнули опять-таки своими собственными головами. Въ чемъ заключались требованія манифестантовъ видно изъ нижеслѣдующаго меморандума, сообщеннаго армянами находящимся въ Константинополѣ посламъ великихъ державъ.

„Армянское населеніе Константинополя, а также и тѣ армяне изъ азіятскихъ провинцій, которые находятся въ столицѣ, составили, по единодушному согласію, эту манифестацію, чтобы выразить рѣшительный протестъ противъ порядка вещей, существующаго въ Арменіи, и чтобы представить высокой Портѣ требованія Армянскаго народа.

„Обращая еще разъ ваше вниманіе на насъ, мы этимъ желаемъ заявить сегодня цивилизованному міру наше твердое рѣшеніе больше не терпѣть причиняемыхъ нашему народу бѣдствій и несправедливостей.

Мы протестуемъ противъ систематическаго преслѣдованія нашего народа. Преслѣдованіе это предпринято высокой Портой особенно въ послѣдніе годы съ цѣлью удаленія армянъ изъ ихъ собственной страны, какъ это доказано, съ одной стороны, донесеніями консуловъ и сообщеніями корреспондентовъ европейскихъ газетъ, а съ другой — оффиціальными донесеніями и постоянными жалобами національному патріарху.

Мы протестуемъ противъ осаднаго положенія, въ которомъ находится страна въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, такъ какъ оно является источникомъ административнаго произвола и причиной бѣдности въ народѣ.

Мы простестуемъ противъ безчисленныхъ политическихъ арестовъ, противъ варварскихъ пытокъ и безчеловѣчныхъ жестокостей, причиняемыхъ арестованнымъ, — противъ звѣрскихъ дѣйствій курдовъ, какъ и противъ несправедливыхъ вымогательствъ чиновниковъ и сборщиковъ податей.

Мы протестуемъ противъ теперь уже никѣмъ не отрицаемой рѣзни въ Сассунѣ, гдѣ тысячи нашихъ братьевъ и сестеръ, осмѣлившихся просить объ обезпеченіи личной и имущественной безопасности, объ охранѣ чести и свободѣ богослуженія, были сочтены за мятежниковъ и разстрѣляны и перебиты.

Мы протестуемъ противъ непрестанныхъ и ежедневныхъ нападеній вооруженныхъ курдовъ и регулярнаго турецкаго войска,—противъ нападеній, отъ которыхъ до сихъ поръ, несмотря на всѣ обѣщанія, сдѣланныя послѣ сассунскихъ событій, мы, все-таки, еще не защищены.

Народъ нашъ нуждается въ мирѣ и безопасности, столь необходимыхъ всякому народу, желающему честными и законными средствами добиться своего благосостоянія и стать въ уровень съ другими прогрессивными и цивилизованными народами.

Во имя этихъ-то закономѣрныхъ желаній мы и требуемъ, чтобы законъ безусловно обезпечилъ намъ личную и имущественную безопасность. Мы требуемъ свободы слова и печати, свободы совѣсти и собраній и равенства предъ законами.

Мы требуемъ, чтобы всякій арестованный былъ немедленно представленъ на судъ, во избѣжаніе произвольныхъ и продолжительныхъ предварительныхъ заключеній, и чтобы намъ дано было право носить оружіе, если у курдовъ не будетъ отнято это право.

Мы требуемъ уменьшенія административныхъ участковъ въ шести армянскихъ провинціяхъ: Эрзерумѣ, Битлисѣ, Ванѣ, Сивасѣ, Мамурстъ-уль-Азисѣ и Діарбекирѣ, съ цѣлью возстановленія въ нихъ этнографическихъ границъ. Мы требуемъ назначенія одного губернатора для всѣхъ шести провинцій, причемъ онъ долженъ быть европейцемъ, назначеннымъ великими державами, по соглашенію съ Портой. Губернаторъ этотъ долженъ будетъ править провинціями при содѣйствіи мѣстнаго народнаго собранія, члены котораго избираются общей подачей голосовъ всего населенія, безъ различія племени, религіи и общественнаго положенія.

Въ нѣкоторыхъ-же участкахъ вилайетовъ Аданы и Алеппо, гдѣ армяне составляютъ значительную часть населенія, мы требуемъ введенія спеціальныхъ реформъ, соотвѣтствующихъ смыслу и общему духу настоящаго меморандума.

Мы требуемъ реформъ въ организаціи полиціи и жандарменіи и чтобы армія не имѣла никакого прикосновенія къ поддержанію общественнаго порядка.

Мы требуемъ экономическихъ реформъ, отвѣчающихъ мѣстнымъ потребностямъ, какъ уменьшеніе податей, уничтоженіе барщины и безплатныхъ работъ для беевъ и агъ, отмѣна откупа десятиннаго сбора, введеніе однообразной системы налоговъ во всей странѣ, прекращеніе незаконныхъ поборовъ, налагаемыхъ курдами („кіафирликъ“ и др.), прекращеніе лишенія армянъ земли въ пользу курдовъ, какъ это практикуется въ горныхъ округахъ; напротивъ, мы требуемъ, чтобы этими землями были надѣлены безземельные крестьяне изъ армянъ.

Мы требуемъ запрещенія курдамъ періодическихъ перекочевокъ, принужденія ихъ повиноваться существующимъ законамъ и обложенія ихъ тѣми-же налогами, какіе платитъ и остальное населеніе. Недавно заведенная иррегулярная кавалерія (гамадіе) должна быть распущена и курды должны отбывать воинскую повинность на равныхъ съ другими оттоманскими подданными началахъ.

Мы требуемъ, чтобы доходы съ армянскихъ провинцій шли главнымъ образомъ и раньше всего на мѣстныя нужды. Мы требуемъ, наконецъ, общей амнистіи, безъ исключенія, для всѣхъ политическихъ заключенныхъ, ссыльныхъ и эмигрантовъ.

Мы убѣждены, что изложенныя выше „desiderata“ необходимы не только ради безопасности и благосостоянія армянъ, но и для пользы всего прочаго населенія страны, съ которымъ у насъ общіе интересы. Съ другой стороны, мы убѣждены, что продолженіе настоящаго неестественнаго порядка вещей неминуемо станетъ источникомъ большихъ бѣдствій какъ для Арменіи и нашего несчастнаго народа, такъ и для всей Оттоманской имперіи.

Со времени сассунскихъ ужасныхъ событій прошелъ цѣлый годъ, въ теченіи котораго мы терпѣливо ждали быстраго и дѣйствительнаго разрѣшенія вопроса державами, подписавшими берлинскій трактатъ. Ожиданіе это—лучшее доказательство нашихъ мирныхъ намѣреній. Между тѣмъ, наступаетъ зима, время обыкновенно очень тяжелое для населенія, и принятіе немедленныхъ и рѣшительныхъ мѣръ дѣлается особенно настоятельнымъ.

Вотъ, почему мы и рѣшились напомнить серьезной демонстраціей высокой Портѣ и великимъ державамъ о безусловной необходимости немедленнаго и благопріятнаго рѣшенія армянскаго вопроса. Вотъ, почему мы считаемъ нужнымъ изложить въ общихъ чертахъ наши законныя требованія, исполненіе которыхъ можетъ лишь одно обезпечить мирное развитіе нашей страны, столь долго терпящей отъ несправедливыхъ преслѣдованій и отъ страшно кровавыхъ смутъ“.

Къ тому же въ Арменіи остаются и на будущее время турецкіе чиновники, турецкая полиція и турецкое войско, къ которымъ армяне не могутъ питать ни малѣйшаго довѣрія; при такихъ условіяхъ свобода печати, напримѣръ, вовсе не излишня. Какъ бы то ни было, армянская демонстрація возымѣла то дѣйствіе, на которое демонстранты, по ихъ собственному признанію, разсчитывали. Происшедшіе безпорядки въ Константинополѣ, а затѣмъ по всему турецкому побережью Чернаго моря дали поводъ англичанамъ двинуть свою броненосную эскадру къ самому входу въ Дарданеллы; Россія и Франція, первая въ особенности, не могли оставаться равно-

душными зрительницами англійской расправы съ упрямой и безсильной Портой. Пришлось дѣйствовать сообща, и дѣйствовать очень настойчиво. Султанъ уступилъ. По полученнымъ изъ Константинополя извѣстіямъ, за осуществленіемъ преобразованій, кромѣ султанскаго чрезвычайнаго комисара изъ мусульманъ, будетъ слѣдить еще его помощникъ изъ христіанъ, и такіе же помощники будутъ состоять при генералъ-губернаторѣ Арменіи и при губернаторахъ всѣхъ округовъ, въ составъ которыхъ входятъ христіанскія общины. Въ составъ управленій этихъ округовъ христіане войдутъ наравнѣ съ мусульманами, соразмѣрно численности ихъ населенія. Остальное предоставлено усмотрѣнію контрольной комиссіи, поставленной подъ надзоръ иностранныхъ делегатовъ, непосредственно сносящихся съ драгоманами посольства. Армяне будутъ, такимъ образомъ, удовлетворены въ главнѣйшей и справедливѣйшей части своихъ требованій. Можно ли, однако, считать въ настоящее время армянскій вопросъ окончательно порѣшеннымъ? Сомнѣваемся. Упорство, съ которымъ борьба велась до сихъ поръ, доказываетъ, что армянская народная (какъ она себя сама именуетъ) или революціонная (какъ ее называютъ турки) партія располагаетъ большими духовными и матеріальными средствами. Съ другой стороны придуманное теперь для турецкой Арменіи устройство едва ли окажется устойчивымъ. Магометане не могутъ вдругъ полюбить христіанъ; послѣдніе, ободряемые заступничествомъ европейскихъ державъ, не пожелаютъ больше переносить съ прежнимъ терпѣніемъ всевозможныя обиды. Отъ властей, составленныхъ изъ элементовъ другъ друга ненавидящихъ. тоже едва ли можно ждать чего-нибудь хорошаго. Европейскій контроль, ненавистный большинству населенія, чаще будетъ служить источникомъ раздраженія, чѣмъ началомъ примиряющимъ. Весьма, поэтому, вѣроятно, что черезъ нѣкоторое время смуты въ Арменіи возобновятся, и что ихъ не съумѣютъ предупредить ни новая администрація, ни европейскіе контролеры. На сцену снова выступитъ „генчакская“ партія и на этотъ разъ непремѣнно уже съ требованіемъ образованія самостоятельнаго армянскаго царства.

Мы глубоко убѣждены, что армянскій вопросъ будетъ служить яблокомъ раздора не только между Турціей и Европой, но и между двумя соперничающими на Востокѣ державами, — до тѣхъ поръ, пока рѣшеніе его не перейдетъ въ руки однихъ заинтересованныхъ въ немъ государствъ — Россіи и Турціи. Россія не дастъ въ обиду восточныхъ христіанъ, въ этомъ отношеніи Европа могла бы, кажется, положиться на нее. Для Англіи же, если она искренно озабочена судьбой „униженныхъ и оскорбленныхъ“, довольно было бы обязательныхъ для нея заботъ и въ однѣхъ принадлежащихъ ей колоніяхъ....

Нынѣшнее вмѣшательство въ пользу армянъ состоялось по почину Англіи; въ составленіи проэкта преобразованій для турецкой Арменіи наиболѣе дѣятельное участіе также принимала Англія и наконецъ въ послѣднемъ актѣ—понужденіе султана согласиться на предлагаемыя державами реформы — наиболѣе настойчивой опять-таки оказалась Англія. Будемъ надѣяться, что въ слѣдующій разъ мы съумѣемъ взять дѣло въ свои руки и устроимъ это высвобожденіе изъ подъ турецкаго ярма Арменіи такъ, что освобожденная Арменія не будетъ очагомъ смуты и направленнымъ противъ насъ орудіемъ въ рукахъ исконныхъ нашихъ недоброжелателей.

* * *

На долго ли, или на малое время, но съ армянскимъ вопросомъ пока покончено. И это весьма кстати, такъ какъ дѣла на дальнемъ Востокѣ требуютъ напряженнаго вниманія. Извѣстія оттуда получаются все болѣе и болѣе тревожнаго характера. Японцы все время старались увѣрить Европу, что они вовсе не думаютъ о присоединеніи Кореи. „Если японскія войска находятся въ Кореѣ, заявляли они, то только для того, чтобы охранять безопасность страны и защищать корейское правительство противъ многочисленныхъ недовольныхъ, стремящихся его ниспровергнуть. Страна очень плохо управлялась, и японское правительство полагаетъ, что если тамошніе порядки не будутъ преобразованы, само правительство распадется. Къ тому же самъ корейскій король настоятельно просилъ не отзывать японскихъ войскъ изъ Кореи“.

Послѣднія событія выяснили всю лживость японскихъ завѣреній. Хороши „защитники корейскаго правительства“, убивающіе королеву Кореи въ ея собственномъ дворцѣ! Послѣдняя провинилась тѣмъ, что была сторонницей Россіи и не желала для своей страны японской опеки. Какъ бы низко ни стоялъ уровень развитія корейскаго народа, но такое возмутительное преступленіе не можетъ не возбудить въ немъ негодованія и озлобленія противъ непрошенныхъ опекуновъ. Сами корейцы, конечно, слишкомъ слабы, чтобы собственными силами справиться съ японцами. Они обращаютъ свои взоры къ Россіи. „Новое Время“ сообщало недавно, что во Владивостокъ прибылъ корейскій мандаринъ Литайюнъ съ ходатайствомъ о русскомъ покровительствѣ. Не знаемъ, уполномочивалъ ли кто-нибудь Литайюна на такое ходатайство. Но едва ли мы ошибемся, если признаемъ этого мандарина правдивымъ выразителемъ желанія значительной части корейскаго населенія. Такое предположеніе оправдывается массовыми переселеніями корейцевъ въ сосѣднія съ ними

русскія области, не смотря на неохоту, съ которою ихъ допускали сюда до послѣдняго времени, и на драконовскіе законы противъ выселенцевъ, дѣйствовавшія въ Кореѣ.

Помимо того простой здравый смыслъ, котораго не лишены и варварскія племена, могъ подсказать корейцамъ, что наиболѣе выгоднымъ для нихъ будетъ покровительство Россіи, которая несравненно сильнѣе Японіи и Китая и никакихъ эксплоататорскихъ цѣлей въ своей политикѣ не преслѣдуетъ. Россія же, конечно, не откажется отъ того, что добровольно отдается ей въ руки и что другимъ державамъ стоитъ обыкновенно потоковъ крови и громадныхъ денежныхъ затратъ; тѣмъ болѣе, что корейцы, какъ оказывается, сравнительно очень легко усвоиваютъ русскій языкъ и перенимаютъ русскіе нравы.

Лѣтъ пятнадцать тому назадъ намъ стоило только протянуть руку, чтобы взять Корею. Мы потому только этого не сдѣлали, что присоединеніе Кореи казалось намъ возможнымъ въ любое время. Теперь обстоятельства значительно измѣнились, и если мы дальше будемъ ждать, то можемъ потерять Корею навсегда или вынуждены будемъ пріобрѣсти ее впослѣдствіи гораздо болѣе дорогою цѣною.

* *
*

Если бы кто-нибудь во времена Меттерниха или хотя бы Бейста, замѣчаетъ одна петербургская газета, вздумалъ предсказывать, что внѣшняя политика габсбургской монархіи будетъ поручена поляку, что министрами внутреннихъ дѣлъ и финансовъ будутъ также поляки, причемъ одинъ изъ нихъ будетъ выдвинутъ на важный и отвѣтственный постъ главы и руководителя всего внутренняго управленія,—то подобное пророчество, безъ сомнѣнія, вызвало бы общее недовѣріе или насмѣшку. Но то, что казалось невѣроятнымъ 40—50 лѣтъ тому назадъ, оказывается теперь живою дѣйствительностью: иностранная политика поручена графу Голуховскому, графъ Бадени находится во главѣ австрійскаго министерства и взялъ на себя портфель министра внутреннихъ дѣлъ, а портфель министра финансовъ достался Билинскому. Императоръ Францъ-Іосифъ питаетъ, видно, большое довѣріе къ своимъ польскимъ подданнымъ. Дѣйствительно галиційскіе поляки всегда оказывали поддержку австрійскому правительству и не разъ выручали его изъ затруднительнаго положенія, въ которое его постоянно ставятъ непримиримыя требованія разношерстнаго населенія. Но для того, чтобы управлять, одной лойяльности мало; надо прежде всего умѣть ставить общегосударственные интересы выше частныхъ. Способны ли на это поляки? До сихъ поръ, по крайней мѣрѣ,

поляки считались наиболѣе узкими націоналистами, и неудивительно, если появленіе польскихъ министровъ во главѣ австрійскаго управленія вызываетъ безпокойство въ угнетенныхъ народностяхъ Австріи, въ особенности же въ русскомъ населеніи Галичины. Насколько такое безпокойство основательно, нетрудно заключить изъ исторіи послѣднихъ выборовъ въ Галичинѣ, происходившихъ подъ высшимъ руководительствомъ графа Бадени. Вотъ какъ происходили напр. эти выборы въ м. Жидачевѣ, по словамъ галицко-русскихъ газетъ:

„Такихъ выборовъ не видѣла еще Галичина съ самаго начала своей конституціонной жизни. (Такія жалобы повторяются однако всякій разъ послѣ всякихъ выборовъ въ Галичинѣ! Ред.). Былъ это одинъ великій актъ насилія—насилія такого страшнаго, что при однихъ разсказахъ очевидцевъ объ этихъ выборахъ, мурашки пробѣгаютъ по тѣлу, кровь стынетъ въ жилахъ. Все тамъ было — одно издѣвательство власти надъ народомъ, попраніе человѣческой свободы—тамъ былъ разбой... Нужно было задавить волю народа—и ее задавили“...

И приводятся многіе случаи насилій и издѣвательствъ надъ выборщиками.

„Здѣсь борьба шла изъ-за кандидатовъ: Абанкура—партіи капиталистовъ—и доктора Олесницкаго—народной.

Аресты избирателей, запугиванья, подкупъ, дубинка закупленнаго агента-провокатора, Стефана Найды, vulgo Цыгана—буквально дубинка, которою этотъ ликторъ конца XIX вѣка колотилъ не только поселянъ-избирателей, но и священниковъ, рукопашныя схватки подкупленной толпы съ избирателями, кулачные бои въ самой выборной залѣ, — ничто не могло сломить народной стойкости, такъ что руководившій избіеніемъ избирателей староста Галецкій, отчаяваясь за своего кандидата, телеграфировалъ графу Бадени: „Wybór d'Abancourta niepewny“.

И, въ концѣ концовъ, все-таки насиліе восторжествовало.

Олесницкій осилилъ Абанкура девятью голосами, а провозгласили избраннымъ Абанкура!

Къ довершенію нахальнаго глумленія надъ правами народа пресловутый староста Галецкій, тотчасъ послѣ выборовъ, отправился въ мундирѣ въ ресторанъ Щербинскаго и въ присутствіи постороннихъ людей вручилъ ему собственноручно 100 гульденовъ—на угощеніе австрійскихъ ликторовъ“.

Польскимъ государственнымъ дѣятелямъ, волею Франца-Іосифа призваннымъ къ управленію Австріей, слѣдовало бы надъ своимъ положеніемъ глубоко призадуматься. Усиливаясь спасти для Габсбурговъ Австрію и сдѣлать ее орудіемъ своихъ польскихъ цѣлей, австропольскіе государственные дѣятели служатъ только въ рукахъ Габсбурговъ орудіемъ притѣсненія своихъ соплеменниковъ и, возбуждая общую ихъ къ себѣ ненависть, губятъ тѣмъ самымъ свое польское дѣло, — будущность польскаго народа, державныя

права и цѣлостность, котораго могли бы возстановиться только въ составѣ всеславянскаго союзнаго государства, а не Габсбургской лоскутной имперіи. Справедливое отношеніе властныхъ въ Австріи поляковъ къ русскому населенію въ Галичинѣ и Буковинѣ отозвалось бы и на русской Польшѣ и подготовило бы къ наиболѣе счастливому для поляковъ рѣшенію западнославянскаго вопроса, который будетъ поставленъ ребромъ возможнымъ не сегодня-завтра вооруженнымъ столкновеніемъ тройственнаго и двойственнаго союзовъ.

* *
*

29-го сентября н. с. скончался великій ученый нашего времени Луи Пастеръ. Французское правительство устроило ему торжественныя національныя похороны, въ которыхъ принимали участіе всѣ образованные народы. Его блестящія открытія сдѣлали переворотъ въ медицинской наукѣ; они открыли возможность успѣшной борьбы съ самыми ужасными бичами человѣческаго рода. Этотъ великій ученый былъ въ то же время и благороднѣйшимъ человѣкомъ. Въ печальную и тоскливую годину мертвящаго скептицизма, онъ сумѣлъ сохранить глубокую вѣру въ безсмертіе человѣческаго духа и въ науку. Онъ былъ по выраженію Дюпюи, „воплощеніемъ убѣжденія, вѣры, которая является матерью всѣхъ великихъ мыслей и бесмертныхъ произведеній“. Пастеръ горячо стремился сообщить эту вѣру и учащейся молодежи. „Молодые люди, молодые люди!“, говоритъ онъ своимъ ученикамъ,—„посвящайте себя методамъ точнымъ и могущественнымъ. Вы всѣ, какова бы ни была ваша карьера, не поддавайтесь позорному и безплодному скептицизму, не разочаровывайтесь въ тѣ несчастныя минуты, которыя бываютъ удѣломъ каждой націи. Живите въ свѣтломъ мірѣ лабораторій и библіотекъ. Прежде всего ставьте себѣ такой вопросъ: что я сдѣлалъ для моего образованія? Потомъ, по мѣрѣ того, какъ вы будете подвигаться впередъ, ставьте себѣ второй вопросъ: что я сдѣлалъ для моей страны? Итакъ далѣе до тѣхъ поръ, когда вы, быть можетъ, будете имѣть счастливую возможность думать, что вы, въ какомъ-либо отношеніи содѣйствовали преуспѣянію и благу человѣчества“.

Самъ Пастеръ, работая на пользу всего человѣчества, всегда оставался французомъ-гражданиномъ. Читатели, вѣроятно, помнятъ, какой шумъ произвелъ его отказъ отъ прусскаго ордена „Pour le merite“, предложеннаго ему берлинской академіей. И въ этомъ отношеніи великій ученый долженъ былъ бы служить образцомъ для нынѣшняго поколѣнія, лишеннаго идеаловъ и патріотизма.

Румынія и тройственный союзъ.

I.

Въ послѣднее время вся европейская, въ томъ числѣ и русская, печать не мало занималась Румыніей, точнѣе—ея отношеніями къ тройственному союзу. Поводомъ для этого послужила поѣздка румынской королевской четы въ Ишль, для посѣщенія австрійскаго императора, и свиданія короля Карла съ графомъ Голуховскимъ и княземъ Гогенлоэ—руководителями внѣшней политики Австро-Венгерской и Германской монархій. Уже одного этого достаточно было, чтобы породить всевозможные толки въ печати и политическихъ кружкахъ относительно характера и значенія этихъ таинственныхъ свиданій и обратить вниманіе Европы на Румынію, о которой въ послѣднее время совсѣмъ ничего не было слышно. По всей вѣроятности, однако, эти, не впервые уже предпринимаемыя, похожденія короля Карла Румынскаго не задержали-бы долго на себѣ вниманія Европы и о нихъ очень скоро перестали-бы говорить.

Но въ данномъ случаѣ общее вниманіе было возбуждено не столько самыми похожденіями иноземнаго властителя Румынскаго королевства, сколько тономъ и толками по поводу ихъ германской и особенно австрійской печати. Послѣдняя заговорила вдругъ такимъ восторженнымъ тономъ, какъ будто австрійскій дворъ удостоился посѣщенія какого-либо великаго и могущественнаго монарха, а не случайнаго правителя малозначительнаго и не играющаго сколько-нибудь замѣтной роли въ европейскомъ концертѣ—королевства. Даже офиціозные органы австрійской печати совсѣмъ недвусмысленно дали понять, что въ Ишлѣ происходили весьма важные политическіе переговоры, послѣдствіемъ которыхъ было, какъ объ этомъ тоже вполнѣ откровенно заявлялось, — *формальное присоединеніе Румыніи къ тройственному союзу.*

Привѣтствуя это „великое“ и „важное“ событіе и выражая свои восторги по поводу его, австрійская печать воспользовалась, конечно, этимъ случаемъ, чтобы, указавъ на „новѣйшую неудачу“ русской ди-

пломатіи на Востокѣ, прославить мудрость короля Карла, который, не смотря на тридцатилѣтнее управленіе восточно-православною страной, остается неизмѣнно вѣрнымъ прирожденнымъ ему политическимъ идеаламъ Запада, увлекая въ сторону ихъ и Румынскій народъ (?). Отнынѣ Румынія, благодаря мудрому управленію ею нѣмецкаго принца, будетъ-де играть видную роль въ европейскихъ дѣлахъ, являясь охранительницей законнаго (sic) порядка на Балканскомъ полуостровѣ, служа передовымъ постомъ тройственнаго союза и заграждая Балканы отъ русской агитаціи и панславистской пропаганды. Ни Болгарія, ни Сербія не оправдали въ достаточной степени ожиданія „Европы“ и потому вся надежда возлагается нынѣ на Румынію, которая является-де единственно надежнымъ и самымъ драгоцѣннымъ членомъ тройственнаго союза.

Какъ извѣстно, толки о присоединеніи Румыніи къ среднеевропейской тройной лигѣ идутъ уже давно. Посѣщенія королемъ Карломъ германскаго, австрійскаго и итальянскаго дворовъ и свиданія его съ передовыми политическими дѣятелями этихъ государствъ повторяются изъ года въ годъ въ теченіе уже цѣлаго ряда лѣтъ, и каждый разъ, послѣ такихъ похожденій его, возникаютъ толки о присоединеніи Румыніи къ тройственному союзу. Но никогда еще объ этомъ не заявлялось столь рѣшительно и опредѣленно, какъ въ послѣднее время, и такъ какъ дыма безъ огня не бываетъ, то нельзя не прійти къ заключенію, что присоединеніе Румыніи къ тройной лигѣ—дѣйствительно совершившійся фактъ,—нельзя не прійти къ такому заключенію тѣмъ болѣе, что, не смотря на рѣшительныя заявленія объ этомъ даже въ официозныхъ органахъ, ни одно заинтересованное правительство, въ ихъ числѣ и румынское, не сочло нужнымъ опровергнуть ихъ, что, несомнѣнно, они, особенно послѣднее, поспѣшили-бы сдѣлать, если-бы газетныя извѣстія были неосновательны.

Подобное превращеніе не является, впрочемъ, неожиданностію и врядъ-ли кого-нибудь удивитъ. Еще въ 1891 году объ этомъ говорила, какъ о совершившемся дѣлѣ, вся европейская печать и тогда же (въ октябрѣ 1891 года) король Карлъ объѣхалъ всѣ дворы державъ, входящихъ въ составъ пресловутой „лиги мира“; въ Монцѣ онъ посѣтилъ короля Италіи, въ Вѣнѣ — императора Австрійскаго и въ Потсдамѣ—Германскаго императора. Всѣмъ тогда же невольно бросилась въ глаза необычайная для правителя такого мелкаго государства, какъ Румынія, пышность встрѣчъ короля Карла и таинственные намеки по этому поводу официозной австрійской и германской печати, которою прямо указывалось между строкъ, что Румынія уже примкнула къ тройственному союзу. *Berliner Tageblatt*, напримѣръ, писала, что „пріемъ румын-

скаго короля не уступаетъ въ блескѣ и сердечности пріему въ Берлинѣ *союзниковъ Германіи*—императора Франца Іосифа и короля Гумберта"; Румынскіе министры Лаговари и Флореско тогда-же были награждены высшими австрійскими орденами и австрійская печать, не стѣсняясь, называла эти награжденія „оплатою услугъ" ихъ, разумѣется, Австріи и вообще тройственному союзу. Тогда же начались и укрѣпленія румынской границы со стороны Россіи, причемъ, при обсужденіи кредита на это въ парламентѣ, представитель парламентскаго большинства, неоднократно занимавшій постъ перваго министра короля Карла, юнимистъ Карпъ совершенно недвусмысленно заявилъ въ рѣчи своей, что укрѣпленіе границъ государства необходимо въ видахъ „защиты политическаго и культурнаго положенія Румыніи отъ завоевательныхъ замысловъ Востока. Это завоевательное движеніе Востока и противодѣйствіе ему Запада—сказалъ Карпъ—легко могутъ столкнуться на почвѣ Румыніи. Въ виду этого, Румынія не можетъ оставаться въ пассивномъ положеніи и, конечно (sic), станетъ на сторону Запада, естественнымъ представителемъ котораго, противъ угрожающаго Востока, является тройственный союзъ Германіи, Австро-Венгріи и Италіи, потому что своею нынѣшнею культурою Румынія обязана Западу (?). Между тѣмъ, вслѣдствіе странной проніи судьбы, именно отъ западныхъ государствъ Румынія отдѣлена горными хребтами, тогда какъ съ Востока она совершенно открыта. Отсюда очевидна (sic), необходимость укрѣпить эту восточную границу". Палата румынская, повидимому, вполнѣ раздѣлила эти взгляды г. Карпа, такъ какъ утвердила, большинствомъ 93 противъ 53 голосовъ, кредитъ въ размѣрѣ 15 милліоновъ франковъ на укрѣпленіе восточной границы, и съ тѣхъ поръ Румынія, оставляя безъ защиты австрійскую границу, начала ограждаться крѣпостями отъ освободительницы и покровительницы своей—единовѣрной Россіи, безумно тратя на это последніе гроши. Вся вообще политика Румыніи и ранѣе носила противонародный характеръ, но съ этого времени она особенно явно и рѣзко стала направляться не туда, куда тянутъ чувства румынскаго народа и государственная польза, а туда, куда тянетъ правящій ею гогенцолернскій принцъ и пріютившіеся подъ сѣнью его трона политиканы—Карпъ, Братіано, Лаговари и имъ подобные выродки румынскаго народа.

Такимъ образомъ, какъ это очевидно для всякаго, кто мало-мальски слѣдитъ за политикой, Румынія уже давно вступила въ весьма близкія отношенія къ тройственному союзу и нынѣшніе толки о присоединеніи ея къ этому союзу означаютъ лишь, что нынѣ Румынія лишь *оформила* свое участіе въ немъ, то-есть, формально вступила въ составъ среднеевропейской, одинаково враждебной какъ всему славянству, такъ и

ей, тройной лиги, подписавъ связанныя съ этимъ обязательства и закабаливъ себя на служеніе чуждымъ и противнымъ православному румынскому народу интересамъ и идеаламъ.

Таково явленіе, съ которымъ нельзя не считаться и котораго нельзя не признавать крайне прискорбнымъ, прискорбнымъ не потому, чтобы оно имѣло особенно угрожающее значеніе для насъ, а потому, что оно служитъ краснорѣчивѣйшимъ свидѣтельствомъ того, сколь глубоко укоренились въ близкой и единовѣрной намъ странѣ начала антинародной политики и по какому ложному, гибельному пути ведутъ ее ея нынѣшніе правители, во главѣ съ королемъ Карломъ Гогенцолернскимъ. Тридцатилѣтняя совмѣстная жизнь этого иноземнаго принца съ румынскимъ народомъ не создала никакой органической связи между нимъ и народомъ; оставаясь и понынѣ нѣмецкимъ принцемъ, король Карлъ не имѣетъ ничего общаго съ принявшимъ и доставившимъ ему высокое положеніе народомъ, цѣли и идеалы котораго ему не только совершенно чужды, но, какъ оказывается, и противны. Выходитъ такъ, какъ будто въ Румыніи не король существуетъ для народа, а народъ для короля, который вовсе не считаетъ обязательнымъ для себя и нужнымъ прислушиваться къ народнымъ чувствамъ и служить интересамъ управляемаго имъ народа и государства. Какъ прусскій принцъ, король Карлъ вѣрно служитъ германскимъ интересамъ, не обращая вниманія на то, насколько эта служба его согласуется съ его долгомъ по отношенію къ усыновившей его странѣ и отвѣчаетъ пользамъ и идеаламъ ея народа. Противонародная политика короля Карла клонится къ очевидному вреду Румыніи и находится въ принципіальномъ противорѣчіи съ истиннымъ настроеніемъ румынскаго народа. *„Король можетъ быть увѣренъ, что я вездѣ съумѣю сохранить достоинство имени Гогенцолерновъ“*—сказалъ въ 1866 году прусскому королю, впослѣдствіи императору германскому, Вильгельму I принцъ Карлъ, отправляясь подъ чужимъ именемъ (Карла Лемана) въ Румынію, чтобы сѣсть на ея престолъ [1]). Онъ крѣпко держитъ это свое обѣщаніе и, сохраняя *достоинство* имени Гогенцолерновъ, понынѣ остается чужимъ для румынскаго народа.

Это, впрочемъ, и совершенно понятно, такъ какъ ничего, рѣшительно ничего нѣтъ и не можетъ быть общаго между православнымъ румынскимъ народомъ и нѣмцемъ-католикомъ Карломъ Гогенцолерномъ.

---

[1]) См. книгу Шефера *Aus dem Leden des Königs Karl don Rumänien* (Штутгардъ, 1894 года), составленную на основаніи личныхъ записокъ короля Карла.

II.

Извѣстно, какимъ образомъ прусскій поручикъ Карлъ Гогенцолернъ очутился на румынскомъ престолѣ. Въ то время (шестидесятые годы) еще существовалъ предразсудокъ, въ силу котораго считалось, что свой, родной по духу и языку странѣ, правитель не можетъ быть безпристрастнымъ руководителемъ народа, что онъ всегда будетъ находиться подъ вліяніемъ партійныхъ происковъ, и что поэтому служить онъ будетъ не общегосударственнымъ нуждамъ, а интересамъ какой-либо одной партіи. Трудно понять, на чемъ былъ основанъ этотъ странный, непонятный предразсудокъ, но ему слѣпо слѣдовали въ Европѣ при всякомъ случаѣ, всегда стараясь, чтобы освободившіеся престолы замѣщались чужеземными принцами и то обстоятельство, что пришельцы эти совершенно чужды отдаваемымъ имъ въ управленіе странѣ и народу служило, по тогдашнимъ понятіямъ, лишь ручательствомъ за то, что, не причастные къ мѣстнымъ и партійнымъ проискамъ, они вѣрно будутъ служить общегосударственнымъ и народнымъ нуждамъ. Стремясь не отстать отъ „Европы“, мы тоже крѣпко держались этого принципа, хотя *никогда ни на одинъ престолъ не была выставлена кандидатура кого-либо изъ русскихъ великихъ князей, — и всѣ вакантные престолы, даже славянскихъ государствъ, замѣщались и замѣщаются принцами нѣмецкаго происхожденія* — прусскими и австрійскими поручиками.

Не избѣгла этой печальной участи и Румынія, когда престолъ ея, вслѣдствіе низложенія въ мартѣ 1865 года господаря Александра Кузы, сдѣлался свободнымъ. Палаты, собравшіяся для выбора новаго князя, рѣшили призвать къ себѣ какого-нибудь иноземнаго принца и выборъ ихъ палъ на графа Фландрскаго, младшаго брата Бельгійскаго короля Леопольда II. Но графъ Фландрскій отказался отъ предложенной ему чести и палатамъ предстояло избрать новаго князя. Этимъ ловко воспользовалась прусская дипломатія, руководимая уже Бисмаркомъ, тогда еще графомъ, который рѣшилъ облагодѣтельствовать соединенное княжества Молдавіи и Валахіи, возведя на престолъ его нѣмецкаго принца. Поручикъ прусской службы, 27-лѣтній принцъ Карлъ Гогенцолернскій, второй сынъ владѣтельнаго германскаго князя Антона Гогенцолернъ-Зигмарингенскаго, былъ избранъ для этой цѣли, и, поддавъ необдуманно вліянію закулисной интриги германской дипломатіи, румынскія палаты провозгласили его своимъ княземъ (20 апрѣля 1866 года).

Какъ только состоялось это избраніе, къ принцу Карлу тотчасъ-же, какъ разсказываетъ, на основаніи записокъ самого принца, воспитатель его Шеферъ въ своей вышедшей въ прошломъ году книгѣ *Изъ жизни короля Карла Румынскаго (Aus dem Leben des Königs Karl von Rumänien)*,—явился совѣтникъ посольства съ просьбою Бисмарка посѣтить его. Когда принцъ Карлъ явился на это приглашеніе, Бисмаркъ настоятельно сталъ ему совѣтывать тотчасъ-же, не дожидаясь даже согласія прусскаго короля, отправиться въ Румынію. „Вы не нуждаетесь въ прямомъ разрѣшеніи короля,—наставлялъ молодого принца Бисмаркъ. Потребуйте отпуска за границу,—*король достаточно тонкій человѣкъ, чтобы понять это и оцѣнить ваше намѣреніе*". На опасенія принца, что избраніе можетъ быть не одобрено другими державами, графъ Бисмаркъ ему заявилъ: „Географическое положеніе Пруссіи и вся наша политика всегда удерживали насъ вдали отъ Восточнаго вопроса. Мы всегда подавали нашъ голосъ только какъ великая держава, но не въ качествѣ заинтересованнаго лица. На этомъ основаніи какъ прусскій министръ-президентъ, я долженъ былъ-бы подавать свой голосъ противъ васъ, какъ-бы это мнѣ ни было тяжело. Но быстрое и произвольное дѣйствіе съ вашей стороны помогло-бы королю выйти изъ своего затруднительнаго положенія и я убѣжденъ, что онъ ничего не будетъ имѣть противъ *моей идеи*. Когда вы уже будете въ Румыніи, то рѣшать вопросъ будетъ, конечно, легче: тогда передъ конференціей будетъ уже совершившійся фактъ и державы, которыя наиболѣе заинтересованы въ этомъ вопросѣ, хотя, конечно, станутъ протестовать вначалѣ, но въ концѣ-концовъ всетаки должны будутъ признать фактъ, котораго измѣнить уже будетъ нельзя".

Затѣмъ Бисмаркъ посовѣтывалъ принцу Карлу увѣдомить Русскаго Императора письмомъ о томъ, что онъ, принцъ Карлъ, будетъ всегда служить для Россіи могущественною поддержкою въ Румыніи. Что-же касается Австріи, то ея нечего опасаться принцу, такъ какъ „ей будетъ дано въ скоромъ времени занятіе". Въ заключеніе Бисмаркъ прибавилъ, что, въ случаѣ, если бы даже весь этотъ замыселъ постигла неудача, то принцъ тутъ не потеряетъ ничего и будетъ впослѣдствіи вспоминать обо всемъ этомъ дѣлѣ, какъ о „пикантномъ приключеніи" изъ своей жизни, такъ какъ онъ вѣдь ничего тутъ серьезнаго не ставитъ на карту. „Ваши отношенія къ прусскому дому не измѣнились-бы: вы возвратились-бы и всегда вспоминали-бы съ удовольствіемъ о вашей поѣздкѣ" [1]).

[1]) См. книгу Шефера. *Изъ жизни короля Карла-Румынскаго.*

Тѣ-же пріемы были употреблены, какъ извѣстно, и впослѣдствіи, при избраніи на болгарскій престолъ прусскаго и австрійскаго поручиковъ—принцевъ Батенберг-

Все свершилось въ точности по плану Бисмарка: принцъ взялъ отпускъ, потомъ (изъ Дюссельдорфа) прислалъ просьбу объ отставкѣ и чрезъ Швейцарію направился въ Румынію. Надѣвъ (чтобы не быть узнаннымъ на пути) очки и споровъ съ бѣлья всѣ монограммы, принцъ ѣхалъ подъ мѣщанскимъ именемъ торговца Лемана. Въ Базіашѣ онъ сѣлъ на грязный пароходъ, наполненный рабочими и жидами; въ Турнъ-Северинѣ онъ вышелъ на берегъ и отсюда уже въ коляскѣ направился, все еще incognito, въ румынскую столицу. Только переѣхавъ границу Румыніи, онъ снялъ съ себя маску и, преобразившись изъ торговца Лемана въ князя Карла, издалъ манифестъ о своемъ прибытіи и вступленіи на румынскій княжескій престолъ „въ силу свободнаго народнаго избранія“, какъ говорилось въ манифестѣ, на самомъ-же дѣлѣ — просто въ силу закулисныхъ прусскихъ происковъ. Свободно избраннымъ народомъ правителямъ не приходится похищать престолъ, пробираясь къ нему тайкомъ и подъ чужимъ именемъ....

Какъ оказалось, впрочемъ, впослѣдствіи, вся эта „комедія съ переодѣваніемъ“ была разыграна напрасно: поставленный Бисмаркомъ на румынскій престолъ, принцъ Карлъ приходился сродни дому Бонапарте и потому встрѣтилъ поддержку со стороны Франціи. Австрія также не имѣла причинъ возражать противъ креатуры Бисмарка, который, къ тому-же, уже готовилъ ей „занятіе“. Что-же касается Россіи, интересы которой весьма существенно были затронуты румынскимъ плебисцитомъ, то и она не сочла нужнымъ поднять свой голосъ противъ захвата прусскимъ поручикомъ румынскаго престола, не желая вѣроятно, изъ-за такого, какъ казалось нашей близорукой дипломатіи, „пустяка“ портить отношенія съ Пруссіей.

Запротестовала одна только Турція, имѣвшая еще тогда верховныя права надъ Румыніей; не признавая законнымъ совершившійся въ вассальномъ ей княжествѣ переворотъ, она намѣревалась возстановить въ немъ прежній порядокъ и съ этою цѣлью двинула уже къ Дунаю значительную армію подъ командой Османа-паши. Однако, этому намѣренію Порты (что, какъ мы видѣли, предвидѣлъ и Бисмаркъ, отправляя принца Карла въ Румынію) воспротивились Пруссія и Франція, къ которымъ присоединилась и Россія (о, дружба, — это ты!); совокупными усиліями Порта была убѣждена (точнѣе — вынуждена) въ концѣ-концовъ отозвать выдвинутыя войска и признать

скаго и Кобургскаго: имъ также точно указывалось ихъ покровителями, что во всякомъ случаѣ они ничего не потеряютъ отъ попытки овладѣть чужимъ престоломъ и, въ случаѣ неудачи, у нихъ по крайней мѣрѣ сохранится пріятное воспоминаніе.

принца Карла румынскимъ княземъ; онъ лично прибылъ въ Царьградъ и здѣсь изъ рукъ султана получилъ фирманъ, утверждавшій его пожизненнымъ княземъ Молдавіи и Валахіи, причемъ онъ торжественно обязался исполнять свои вассальныя обязанности по отношенію къ султану.

Для Румыніи наступала, повидимому, новая жизнь; времена боярскихъ междоусобицъ миновали, раздады прекратилась, начиналась, казалось, болѣе свѣжая, здоровая жизнь, открывалась возможность политическаго, экономическаго и національнаго преуспѣянія румынскаго народа. Преисполненное радужныхъ надеждъ, боярство румынское дружно сплотилось вокругъ своего новоявленнаго князя, готовясь бодро работать вмѣстѣ съ нимъ на благо родной страны и народа.

Увы! случилось то, что должно было случиться, и что, конечно, имѣла въ виду Пруссія, ставя на румынскій престолъ своего принца.

Тотчасъ-же обнаружилось, что принцъ Карлъ не имѣетъ ни малѣйшаго намѣренія быть *румынскимъ* княземъ; занявъ престолъ Румыніи, онъ, какъ былъ ранѣе, такъ и остался чистокровнымъ нѣмцемъ и католикомъ, не чувствующимъ никакого расположенія ни къ румынскому народу, ни къ православію и признающимъ только западныя формы жизни. *Не князь для народа, а народъ для князя,*—слѣдуя этой формулѣ, князь Карлъ не только не проявлялъ ни малѣйшей склонности сродниться со своимъ „вторымъ отечествомъ" и ассимилироваться съ избравшимъ его народомъ, но, напротивъ, сталъ стремиться еще къ обратной ассимиляціи, видя въ своихъ подданныхъ лишь дикарей, которыхъ нужно отшлифовать по нѣмецкому образцу.

Вся политика князя, какъ внутренняя, такъ и внѣшняя, съ перваго-же дня его воцаренія приняла ярко противонародное направленіе и румынская ладья сразу-же очутилась на ложномъ, гибельномъ пути. Въ силу либеральной доктрины, князь Карлъ заявилъ себя даже покровителемъ евреевъ и еврейская эксплоатація стала быстро разростаться въ соединенномъ дунайскомъ княжествѣ. Не имѣя ни малѣйшаго понятія ни о потребностяхъ, ни о правахъ своего „второго отечества", и чувствуя себя въ немъ совершенно чужимъ, князь съ презрѣніемъ относился къ патріархальному быту румынскаго народа, на православіе взиралъ съ высоты величія...

Все это не могло, конечно, придтись по душѣ румынскому народу; боярство, содѣйствовавшее избранію прусскаго принца на румынскій престолъ, очень скоро наглядно убѣдилось въ своей роковой ошибкѣ. Вѣрное въ значительной части своей историческимъ преданіямъ и національнымъ интересамъ, оно возъимѣло даже мысль свергнуть недавно только

избраннаго имъ князя съ престола. Въ 1870 году былъ составленъ съ этою цѣлью заговоръ, однимъ изъ главныхъ участниковъ котораго былъ извѣстный впослѣдствіи политическій дѣятель Иванъ Братіано. Заговоръ, однако, не имѣлъ успѣха и Румынія и до сихъ поръ продолжаетъ слѣдовать по тому-же скользкому пути, уже причинившему ей столько зла и едва не приведшему къ полному банкротству.

Чѣмъ далѣе, тѣмъ все яснѣе и рѣзче обозначается противонародное направленіе румынской политики и все сильнѣе выступаетъ наружу плаваніе Румыніи на австро-германскомъ буксирѣ. Въ княженіе Карла, Румынія, правда, освободилась отъ вассальной зависимости отъ Турціи и сдѣлалась самостоятельнымъ государствомъ, возведеннымъ въ 1881 году на степень королевства. Въ австрійской и германской печати при всякомъ удобномъ случаѣ указывается на эти „величайшія заслуги" короля Карла. Но послѣдній, какъ увидимъ ниже, ни мало не повиненъ въ этомъ. Не королю Карлу обязаны румыны своею независимостью, а Россіи, одной только Россіи, которая, начиная съ Екатерины II, всегда проявляла отеческую заботливость о Молдавіи и Валахіи, устрояя постепенно самостоятельную политическую жизнь ея. Какъ Греція, Сербія и Болгарія, также точно и *Румынія всѣмъ своимъ политическимъ бытіемъ обязана Россіи*, ей только одной и больше никому. Если-бы не Россія, долго-бы еще оставались румыны подъ владычествомъ ненавистнаго полумѣсяца.

III.

Всякій, кто мало-мальски знакомъ съ исторіей послѣднихъ двухъ столѣтій, отлично знаетъ, что *каждая война Россіи съ Турціей имѣла своимъ послѣдствіемъ ослабленіе турецкаго владычества въ Дунайскихъ княжествахъ*. Уже послѣ первой турецкой войны, блистательно завершившейся Кучукъ-Кайнаджійскимъ миромъ (1774 г.), положеніе Молдавіи и Валахіи значительно улучшилось. Ясскій (1791 г.) и Букурештскій (1812 г.) договоры, а также Аккерманская конвенція 1826 года заключаютъ въ себѣ цѣлый рядъ статей о льготахъ и привиллегіяхъ для Молдавіи и Валахіи, выговоренныхъ имъ отъ Порты Россіей. Извѣстно затѣмъ, какія благодѣтельныя послѣдствія имѣла для румынъ наша турецкая война 1827—1828 гг.; по Адріанопольскому миру, которымъ она завершилась, Молдавія и Валахія получили, *по настоянію Россіи*, полную внутреннюю автономію на правахъ вассальныхъ владѣній султана. Съ этого времени, *благодаря Россіи*, Дунайскія княжества начали управляться своими выборными господарями (князьями), имѣли самостоятельное управленіе, отдѣльную армію,

даже дипломатическое представительство. Зависимость ихъ отъ Турціи была почти только номинальной, и на дѣлѣ преобладающимъ вліяніемъ въ нихъ было не турецкое, а русское. Румынія была надѣлена даже нами конституціей, причемъ органическій уставъ для княжествъ былъ выработанъ знаменитымъ нашимъ государственнымъ дѣятелемъ, графомъ Киселевымъ. Такимъ образомъ, *Россіи румыны обязаны не только возрожденіемъ своимъ къ самостоятельной политической жизни, но и первыми зачатками той гражданственности,* которая положила конецъ угнетавшему ихъ азіатскому правленію. Не окажи Россія всѣхъ этихъ благодѣяній Молдавіи и Валахіи и не пользуйся онѣ мощнымъ покровительствомъ ея, не могло-бы совершиться въ 1859 году и сліяніе ихъ въ одно государство—Румынію.

Не забыла Россія Румынію и въ 1878 году, когда разрабатывались условія мира съ Турціей послѣ побѣдоноснаго шествія русскихъ войскъ къ Царьграду. По XLIII статьѣ Берлинскаго договора Румынія получила независимость, и провозглашеніе ея королевствомъ послѣ этого не могло уже встрѣтить никакихъ препятствій. Такимъ образомъ, какъ это очевидно для всякаго, *самостоятельность Румыніи и возвышеніе ея на степень королевства были слѣдствіемъ русско-турецкой войны 1877—78 г.* и, слѣдовательно, король Карлъ тутъ совершенно не причемъ. Это одно изъ блестящихъ дѣяній Россіи на Балканскомъ полуостровѣ, въ освободительной войнѣ которой естественно приняли участіе и румыны, для короля же Карла это былъ подвигъ поневолѣ, и ему собственно принадлежитъ весьма скромная роль въ дѣлѣ возвышенія Румыніи; независимость ея, правда, добыта *при немъ, но не имъ,* а русскимъ и румынскимъ оружіемъ.

Помня всѣ эти благодѣянія Россіи, румынскій народъ, въ громадной своей части, всегда приверженъ къ Россіи, которая близка ему не только по исторіи, но и по вѣрѣ. Боярская партія въ Румыніи также, въ значительной части своей, привержена къ Россіи и слыветъ руссофильскою. Говорятъ, что намъ враждебна румынская молодежь, но и это вздоръ; молодежь румынская не только не враждебна намъ, но она давно уже лелѣетъ и проводитъ мысль о балканской федераціи, т. е. о союзѣ всѣхъ балканскихъ народовъ, *подъ покровомъ Россіи,* противъ австро-нѣмецкаго порабощенія Балканскаго полуострова. Можно-ли послѣ этого говорить о враждебности къ Россіи румынской молодежи, проникнутой къ тому-же еще крайнею враждебностью къ Австро-Венгріи, гдѣ такъ тяжело живется румынамъ подъ гнетомъ мадьяръ и нѣмцевъ?

Есть, правда, въ Румыніи и враждебная Россіи партія, — это, такъ называемые, юнимисты, т. е. западники. Но это не болѣе какъ

только партія и если ей удалось захватить нынѣ рѣшающее вліяніе въ государствѣ, то только благодаря тому, что во главѣ ея стоитъ король Карлъ. Это кучка политикановъ и карьеристовъ, получившихъ воспитаніе въ вѣнскихъ и парижскихъ кофейняхъ и не видящихъ ничего дальше собственнаго властолюбія и корыстолюбія. Правда, королю Карлу приходилось призывать къ власти представителей всѣхъ румынскихъ партій, но искреннимъ его расположеніемъ всегда пользовались и особенно въ послѣднее время пользуются одни только юнимисты, которые, какъ и король Карлъ, признаютъ, что Румынія всегда должна стоять на сторонѣ Запада, которому-де она обязана всей своей культурой, и идти за одно съ нимъ противъ Россіи.

Противъ Россіи у нихъ имѣется особенный зудъ, источникъ котораго заключается въ Берлинскомъ трактатѣ, XLV статьей котораго Россіи возвращена „часть бессарабской территоріи, отошедшей отъ нея по парижскому трактату 1856 года, ограниченная съ запада русломъ Прута, съ юга—русломъ Килійскаго рукава и устьемъ Стараго Стамбула“. Намъ ставится въ укоръ это пріобрѣтеніе, которое является-де актомъ вопіющей несправедливости. Но гг. румынскіе „патріоты“ забываютъ, что Россія ранѣе, съ 1812 г. владѣла этою частью Бессарабіи и румыны не считали это несправедливостью, такъ какъ ни словомъ не выражали своего неудовольствія по поводу этого. Въ 1856 году Россія принуждена была согласиться на насильственную урѣзку отъ ея территоріи этой пограничной области, но это, конечно, не могло лишить ее правъ на нее и *она только возвратила ее себѣ, давъ, взамѣнъ ея, Румыніи Добруджу и наградивъ ее за это независимостью.* Казалось, получая столь драгоцѣнный даръ отъ Россіи, пріобрѣтая благодаря ей, область несравненно цѣннѣе той части Бессарабіи, которая возвращена Россіи,—казалось бы румынамъ не за что жаловаться на Россію, обвиняя ее въ несправедливости и приписывая ей даже какую-то корысть (это въ послѣднюю-то турецкую кампанію!). Однако, румынскіе „патріоты“ сочли себя почему-то обиженными и, вознегодовавъ на Россію, пытались еще на берлинскомъ конгрессѣ заявить свой „протестъ“ противъ возвращенія намъ части Бессарабіи, ничего, впрочемъ, въ то же время не возражая противъ данныхъ имъ Россіею, взамѣнъ ея, Добруджи и полнаго освобожденія ихъ отъ османскаго владычества. По словамъ барона К. П. (одного нашего дипломата), въ девятомъ засѣданіи берлинскаго конгресса „представители отъ Румыніи, Б. Братіано и Когальничано, были допущены въ помѣщеніе засѣданія и имъ было предоставлено право слова. Румынскій министръ иностранныхъ дѣлъ сталъ развивать вопросъ о

правѣ. Графъ Шуваловъ заявилъ, что согласіе его правительства на признаніе самостоятельности Румыніи поставлено въ зависимость отъ согласія ея на переуступку, требуемую Россіей. Чтобы уладить дѣло, французскій уполномоченный, г. Ваддингтонъ, обратился къ русскимъ представителямъ, взывая къ чувству справедливости и доброжелательства ихъ правительства, съ предложеніемъ не будетъ ли возможнымъ найти какое-либо вознагражденіе румынамъ, считающимъ себя обиженными и этимъ успокоить совѣсть нѣкоторыхъ изъ его товарищей по конгрессу, находящихъ, что вознагражденіе, предназначаемое Румыніи, слишкомъ незначительно. Г. Ваддингтонъ предложилъ, чтобы, княжеству была прирѣзана мѣстность къ югу отъ Добруджи съ Силистріею на Дунаѣ и Мангаліею на Черномъ морѣ. Его предложеніе было поддержано представителями Австро-Венгріи и Италіи. Князь Горчаковъ возразилъ, что территоріальное увеличеніе къ югу отъ Добруджи въ пользу Румыніи не могло бы осуществиться безъ ущерба для Болгаріи, и безъ того уже обиженной. Румынія же получила все гирло Дуная. Съ своей стороны, графъ Шуваловъ добавилъ, что Россія уже достаточно щедро отнеслась къ Румыніи, предоставивъ ей *область, превышающую болѣе, чѣмъ на 3,500 квадр. верстъ переуступаемую ею Россіи часть Бессарабіи и, кромѣ того, еще 150 верстъ Дунайскаго берега и значительное пространство черноморскаго побережья.* Онъ полагаетъ, однако, что его правительство можетъ согласиться на нѣкоторую прирѣзку къ востоку отъ Силистріи, предложивъ слѣдующую редакцію: „въ виду присутствія румынскихъ элементовъ въ той мѣстности, россійскіе уполномоченные согласны продолжить румынскую границу вдоль Дуная, отъ Рассова по направленію къ Силистріи, оставшейся за Болгаріей. Пограничная черта на Черномъ морѣ не должна простираться за Мангалію“. Редакція графа Шувалова была принята конгрессомъ“ [1]).

Въ меморандумѣ, представленномъ конгрессу румынскими уполномоченными, говорится, что „никакая часть нынѣшней территоріи не должна быть отторгнута отъ Румыніи. Возвращеніе договоромъ 1856 года княжеству Молдавіи части Бессарабіи было дѣломъ справедливости со стороны Европы, такъ какъ раздробленіе Молдавіи, совершенное въ 1812 году, не могло быть оправдано ни фактомъ (sic), ни правомъ завоеванія. Бессарабія была румынская страна съ румынскими учрежденіями, ясно сохраненными императоромъ Александромъ I. Это уваженіе къ древ-

---

[1]) Б. К. П. *Путь къ Берлинскому трактату* (см. «*Наблюдатель*». 1894 г. май. стр. 204—205).

ней національности было выражено въ томъ императорскомъ рескриптѣ, которымъ обнародовалось административное и судебное устройство этой области, послѣ присоединенія ея къ Россіи, причемъ не было сдѣлано ни малѣйшей разницы между нижнею и верхнею Бессарабіей. Въ 1877 году, столь же, какъ и въ 1812, нельзя требовать Бессарабіи отъ Румыніи, опираясь на право завоеванія. Она принадлежитъ къ княжеству, которое сама Россія, во все время своей послѣдней войны съ Оттоманскою имперіей считала государствомъ независимымъ (?) и союзнымъ".

Румынскіе „патріоты" забыли, однако, что союзъ Румыніи съ Россіей щедро оплаченъ нами предоставленіемъ ей независимости, за Бессарабію же Румынія получила Добруджу, которая составляетъ столь значительное пріобрѣтеніе, что даже такой явный недоброжелатель Россіи, какъ Лавелэ, признаетъ, что Румынія „выиграла при обмѣнѣ" [1]).

Фанатики „румынской идеи" не желаютъ и до сихъ поръ понять этого и, тая въ себѣ глухую вражду противъ Россіи, носятся со вздорными мечтаніями о присоединеніи къ своему, призванному къ жизни Россіей, королевству не только области, отошедшей къ намъ въ 1878 году, но и всей остальной нашей Бессарабіи по Днѣстръ. Эти столь же задорныя, сколь и вздорныя мечтанія, безъ сомнѣнія являются одною изъ главнѣйшихъ причинъ, побуждающихъ извѣстную часть румынской интеллигенціи, въ очевидный вредъ своимъ государственнымъ и народнымъ интересамъ, оказывать дѣятельную поддержку королю Карлу въ его противонародной политикѣ, заставляющей государственную ладью Румыніи на всѣхъ парусахъ плыть въ австро-германскій фарватеръ.

IV.

Румынія—страна православная и естественно должна примыкать къ православному Востоку; историческое призваніе ея — раздѣлять судьбы православнаго Востока и жить съ нимъ одною общею жизнью. Это ея естественный путь и, только слѣдуя ему, Румынія можетъ бодро и безбоязненно смотрѣть въ глаза будущему.

Увы!—этого никакъ не могутъ понять румынскіе юнимисты и „патріоты", окружающіе тронъ короля Карла. Усвоивъ себѣ внѣшній лоскъ западной цивилизаціи, они презрительно относятся къ историческимъ ос-

---

[1]) См. его *Балканскій полуостровъ*, часть II, стр. 254.

новамъ бытія своей родины, пренебрегаютъ ея прошлымъ и, затаивъ въ себѣ предубѣжденіе противъ Россіи, слѣпо преклоняются предъ Европой, силясь безумно сдѣлать Румынію передовымъ постомъ австро-германской политики на Балканскомъ полуостровѣ. Имъ, повидимому, нѣтъ дѣла, что это идетъ на перекоръ историческимъ преданіямъ отечества, и противно интересамъ и симпатіямъ румынскаго народа. Они охотно отдаютъ свою родину въ прихвостни тройственнаго союза. Уже давно Румынія попала въ тяжелую экономическую зависимость отъ Австро-Венгріи; торговля и промышленность румынская захвачена евреями, мадьярами и нѣмцами, государственная казна обременена огромными расходами на вооруженіе и укрѣпленіе русской границы. Теперь Румынія отдаетъ себя и въ политическую кабалу тройственнаго союза, вступивъ въ число членовъ его и принявъ на себя обязательства, выполненіе которыхъ потребуетъ отъ румынскаго народа новыхъ жертвъ, на гибель себѣ, на прихоть его враговъ и на удовлетвореніе честолюбія Гогенцолернскаго принца, давно уже заявившаго себя ревностнымъ сторонникомъ онѣмеченія Балканскаго полуострова.

Не долго пришлось Румыніи попользоваться своею, добытою ей русскимъ оружіемъ, независимостью. Не прошло еще и двадцати лѣтъ, какъ она, благодаря Россіи, освободилась отъ турецкой зависимости, а уже она успѣла закабалить себя въ еще горшую зависимость отъ тройственнаго союза. Вотъ къ чему привела Румынію политика короля Карла и его вѣрныхъ слугъ изъ румынской интеллигенціи.

Такая политика его, въ которой личный династическій разсчетъ стоитъ на первомъ планѣ, не можетъ, конечно, вызывать сочувствія румынскаго народа; вѣрный своимъ историческимъ преданіямъ, онъ никогда ее не одобрялъ и никогда поэтому не чувствовалъ и не чувствуетъ ни малѣйшей привязанности къ своему иноземному правителю. О династическихъ привязанностяхъ въ Румыніи не можетъ быть и рѣчи; въ тридцать лѣтъ своего царствованія, король не успѣлъ привязать къ себѣ румынскій народъ и хотя сколько-нибудь сродниться съ своимъ „вторымъ отечествомъ"; въ свою очередь, и „второе отечество" совершенно равнодушно относится какъ къ чужому ему королю, такъ и къ еще болѣе чужому двоюродному брату его, принцу Фердинанду, еще такъ недавно провозглашенному наслѣдникомъ румынскаго престола, но уже успѣвшему обезславить себя въ новомъ отечествѣ своею позорною исторіей съ Еленою Вакареско...

Послѣдніе годы румынской жизни особенно ярко показали, какъ мало общаго между народомъ Румыніи и ея королемъ. Памятны всѣмъ

еще тѣ позорныя приключенія, которыми ознаменовался объѣздъ королемъ Карломъ своего „второго отечества“: населеніе повсемѣстно встрѣчало короля крайне недружелюбно, а въ Яссахъ, въ этой румынской Москвѣ, гдѣ сильны народныя преданія и православіе, — онъ былъ прямо закиданъ камнями и гнилыми яблоками. Это было какъ разъ въ то время, когда во главѣ румынскаго правительства стоялъ, по волѣ короля, извѣстный измѣнникъ историческимъ преданіямъ и интересамъ румынскаго народа Иванъ Братіано († 1891); сначала онъ былъ горячимъ народнымъ патріотомъ, однимъ изъ главныхъ участниковъ заговора 1870 года, имѣвшаго своею цѣлью свергнуть съ престола нѣмецкаго князя, поведшаго Румынію въ австро-германскія сѣти; измѣнивъ, однако, впослѣдствіи своимъ политическимъ взглядамъ, онъ сдѣлался вѣрнымъ слугой того же самаго князя, впослѣдствіи короля, и дѣятельнымъ пособникомъ его противонародныхъ стремленій. Народъ ненавидѣлъ его, какъ измѣнника, но не могъ онъ, конечно, чувствовать расположеніе и къ тому, кто старался всегда и нынѣ старается править имъ при помощи однихъ только измѣнниковъ. Въ 1888 году народъ румынскій открыто даже возсталъ противъ противонародной политики своихъ правителей, причемъ противодинастическое настроеніе народныхъ массъ достигло такой степени, что грозило королю Карлу потерею престола.

Настроеніе это и послѣ безпрестанно проявляется какъ въ народныхъ массахъ, такъ и въ печати. Особенно рѣзко выразилось оно во время празднествъ по случаю 25-лѣтія царствованія короля Карла (въ маѣ 1891 года). Празднества были устроены правительствомъ и молдаване и валахи отнеслись къ нимъ совершенно безучастно, какъ бы это ихъ вовсе и не касалось; „всенародное“ торжество носило чисто казенный характеръ и, не смотря даже на то, что отсутствующій народъ былъ изображенъ таки на нихъ искусственно, по театральному,—вышло весьма, даже слишкомъ скромнымъ. Печать румынская ограничилась нѣсколькими малозначащими фразами и риторическими похвалами, далеко отставъ въ этомъ отношеніи отъ германской и австрійской печати, которая посвятила юбиляру цѣлый рядъ напыщенныхъ статей, превозносившихъ его заслуги.

Въ Вѣнѣ и Берлинѣ, конечно, очень довольны королемъ Карломъ и той политикой, которую онъ ведетъ въ Румыніи, принуженной, на очевидную гибель себѣ, идти на буксирѣ тройственнаго союза. Но вѣдь Румынія создана Россіей не для потѣхи Вѣны и Берлина и королю Карлу и его прихвостнямъ слѣдовало бы прислушиваться болѣе къ чувствамъ и настроенію румынскаго народа. Панегирики вѣнскихъ и берлинскихъ „цейтунговъ“ и „блатовъ“ быть можетъ и льстятъ его само-

любію, но они не въ состояніи упрочить положенія его въ Румыніи, если недовольство румынскаго народа будетъ продолжаться и рости. А оно, несомнѣнно, не только продолжается, но и ростетъ, о чемъ сообщаетъ, напримѣръ, букурештскій сотрудникъ *Московскихъ Вѣдомостей*: „въ массахъ православнаго румынскаго населенія всегда существуетъ тяготѣніе къ единовѣрной сосѣдней Россіи,—и вдругъ народъ слышитъ, что ему придется, пожалуй, драться вмѣстѣ съ нѣмцами противъ единовѣрнаго могучаго русскаго государства! Народъ видитъ, что противъ Россіи сооружаются громадныя укрѣпленія, на которыя безполезно тратятся милліоны имъ же заработанныхъ, съ него же взятыхъ кровныхъ денегъ. Въ народѣ начинаетъ развиваться недовольство противъ короля-нѣмца, да еще родственника германскаго императора“. Далѣе корреспондентъ указываетъ, что въ послѣднее время „противодинастическое движеніе, въ которомъ интеллигенція, обманувшаяся въ своихъ надеждахъ, соединилась съ народомъ, быстро усилилось“.

Рядомъ съ этимъ въ населеніи растетъ недовольство и одной изъ союзницъ короля Карла Австро-Венгріей, гдѣ такъ тяжело живется тремъ милліонамъ семиградскихъ румынъ. Недовольство это особенно усилилось послѣ извѣстнаго, надѣлавшаго столько шума, Клаузенбургскаго судбища, въ которомъ судились мадьярами румынскіе посланцы, прибывшіе лѣтомъ 1893 года изъ Семиградіи въ Вѣну для представленія императору Францу-Іосифу памятной записки о претерпѣваемыхъ ихъ народностью гоненіяхъ отъ мадьярскихъ властей. Депутація, какъ извѣстно, императоромъ не была принята, какъ не была принята и ея записка. Но, кромѣ того, вожаки депутаціи, по возвращеніи домой, подверглись аресту и уголовному преслѣдованію за нарушеніе будто-бы ими обязанностей венгерскихъ подданныхъ попыткой принести жалобу носителю короны помимо будапештскихъ правителей. Обвинительный приговоръ по этому дѣлу, въ которомъ нельзя даже подыскать состава преступленія основанный исключительно на политической враждѣ, возмутилъ общественное мнѣніе всей Европы, въ Румыніи же до крайности обострилъ возбужденіе противъ Австро-Венгріи, что наглядно выразилось въ разныхъ враждебныхъ ей проявленіяхъ. И въ то время, когда король Карлъ и румынскіе политиканы подготовляли формальное вступленіе Румыніи въ составъ тройственнаго союза, улицы Букурешта, Яссъ и другихъ румынскихъ городовъ оглашались криками румынской молодежи и народа: *„Долой Венгрію! Долой тройственный союзъ“!..*

Измѣнниковъ народа клики эти не могли, конечно, смутить и они не задумались внести нынѣ свои подписи въ акты тройственнаго союза.

Давно уже нравственно примкнувшая къ нему, Румынія сдѣлалась нынѣ формальнымъ членомъ его, обязавшись служить преградою между Россіей и братскими ей народами Балканскаго полуострова.

Совершилось это, конечно, не по волѣ румынскаго народа и не только безъ участія, но даже и безъ вѣдома его. Воля народа, его желанія и интересы нисколько не занимаютъ правителей его; у нихъ свои интересы, свои желанія и они дѣйствуютъ сообразно имъ, не справляясь даже вовсе, насколько они, ихъ интересы и желанія отвѣчаютъ интересамъ и желаніямъ управляемаго ими румынскаго народа. Вѣрный себѣ, своей исторіи, преданіямъ и традиціямъ, послѣдній относится пока ко всему спокойно, продѣлки правителей какъ бы и не касаются его и онъ не считаетъ нужнымъ выражать на каждую изъ нихъ свое недовольство, ибо ко всѣмъ питаетъ одинаковое недовольство. Это не означаетъ, однако, чтобы онъ, въ угоду кучкѣ измѣнниковъ, предалъ забвенію свои кровные интересы и желанія; онъ ихъ отлично понимаетъ и, когда потребуютъ того обстоятельства, конечно, постоитъ за нихъ. Тогда-то враги его, тайные и явные, вольные и невольные, увидятъ на дѣлѣ и убѣдятся, какая громадная пропасть лежитъ между ними, правителями Румыніи, и Румыніей, т.-е. тѣми народными массами ея, которыя и представить не могутъ себя въ роли враговъ своихъ друзей и друзей своихъ враговъ.

Измѣнники и предатели народа полагаютъ, что онъ не съумѣетъ отличить своихъ враговъ отъ друзей и думаютъ, что въ этомъ народѣ всецѣло довѣрится имъ. Ужели же имъ неизвѣстна исторія? Развѣ они не знаютъ, какую проницательность проявлялъ всегда въ этомъ отношеніи румынскій народъ? Наконецъ, развѣ слѣпы они и не видятъ, какъ прекрасно и теперь румынскій народъ отличаетъ своихъ враговъ отъ друзей? Загляните въ Венгрію, какъ дружно рука-объ-руку дѣйствуютъ румыны съ своими друзьями-славянами противъ враговъ своихъ—мадьяръ и нѣмцевъ. Самъ король Карлъ, всегда держащій сторону послѣднихъ недавно еще съ грустью отмѣчалъ это явленіе [1]), заявивъ одному венгерскому магнату (въ бытность свою въ Ишлѣ, въ іюлѣ этого года), что онъ крайне сожалѣетъ (еще бы!) о томъ, что семиградскіе румыны идутъ рука-объ-руку съ славянскими народностями и сообща съ ними замышляютъ ковы противъ цѣльности и прочности венгерскаго госу-

[1]) Здѣсь не мѣсто распространяться о немъ, но мы имѣемъ въ виду въ недалекомъ будущемъ коснуться этого знаменательнаго явленія и подробно ознакомить читателей *Русской Бесѣды* съ жизнью и положеніемъ румынской и славянскихъ народностей въ Венгріи.

дарства. По его мнѣнію, румыны — сстественные (sic) союзники венгерцевъ и они дѣйствуютъ въ высшей степени безразсудно и противъ (?) своихъ-же собственныхъ интересовъ, желая пересоздать внутренній политическій строй Венгріи и превратить единоцѣлое венгерское государство въ федеративное и славянское. Король выразилъ мысль, что образъ дѣйствій закарпатскихъ румынъ противенъ идеѣ „Великой Румыніи", причемъ намекнулъ на возможность общеевропейской войны, изъ которой румынское королевство можетъ извлечь-де себѣ выгоды, (т.-е., говоря яснымъ языкомъ, увеличить свою страну на счетъ Россіи, отторженіемъ отъ нея Бассарабіи). „Если—присовокупилъ король Карлъ — трансильванскіе румыны хотятъ улучшить свою участь, они могутъ этого достигнуть, склонивъ (!) венгерское правительство къ нѣкоторымъ уступкамъ мѣстнаго характера въ пользу ихъ народности, тогда какъ, дѣйствуя сообща съ славянами противъ венгерскаго государства, они служатъ интересамъ враговъ (sic) румынской національности".

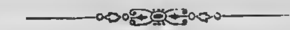
Румынскій народъ думаетъ иначе и потому королю Карлу никогда, конечно, не удастся сдѣлать его друзьями своихъ друзей, интересамъ которыхъ онъ служитъ. Фактъ отдачи имъ Румыніи въ кабалу тройственнаго союза, разумѣется, крайне печаленъ, ибо является новымъ свидѣтельствомъ того, сколь туго опутаны австро-германскими путами родственные намъ балканскіе народы; Болгарія и Сербія уже давно заплыли во вражій фарватеръ и Богъ вѣсть, когда удастся имъ выбраться къ родному берегу; туда же теперь несется на всѣхъ парусахъ и Румынія. Несомнѣнно, конечно, что союзъ Румыніи съ Австріей и Германіей, направленный противъ Россіи и меньшой славянской братіи,—искусственный и только формальный, ибо, какъ справедливо замѣтили недавно *Московскія Вѣдомости*, „далеко не все, что желательно гогенцолернскому королю, одобряется православнымъ румынскимъ народомъ". Сердце румынскаго народа никогда не будетъ въ тѣхъ актахъ, къ которымъ приложилъ только что свою руку король Румыніи. Но именно то и печально, что Румынія принуждена, волею ея враговъ, слѣдовать столь противному ей пути и что судьбы румынскаго народа находятся въ столь ненадежныхъ и невѣрныхъ рукахъ.

Никакихъ походовъ мы, какъ извѣстно, теперь не замышляемъ и намъ не страшны поэтому разставленныя врагами по историческому пути нашему преграды: когда Россіи понадобится двинуться по историческому пути своему, она сумѣетъ расчистить себѣ дорогу. Да тогда и преградъ никакихъ не окажется, такъ какъ несомнѣнно, что какъ Сербія и Болгарія, такъ и Румынія въ рѣшительную минуту, не взирая на отношенія ихъ правителей къ тройственной лигѣ, пойдутъ рука-объ-руку

съ Россіей. Такъ было всегда и иначе быть не должно и едва-ли можетъ. Припомнимъ, что и наканунѣ послѣдней русско-турецкой войны тайные и явные враги наши возлагали большія надежды на Румынію, которая, однако, не только не думала противиться намъ, но и тотчасъ же, не задумываясь, вступила съ нами въ союзъ.

Несомнѣнно, что и въ предстоящей войнѣ братскіе намъ народы Балканскаго полуострова, всѣмъ своимъ бытіемъ обязанные Россіи, въ ихъ числѣ и румынскій,—не окажутся на сторонѣ нашихъ враговъ...

А. П. Липранди.

Перезрѣвшій вопросъ.

29 сентября въ общемъ собраніи всѣхъ отдѣленій Императорское Вольное Экономическое Общество постановило ходатайствовать передъ Правительствомъ объ освобожденіи крестьянъ отъ тѣлеснаго наказанія. Каковы бы ни были практическія послѣдствія возбужденнаго ходатайства, этотъ день долженъ быть отмѣченъ въ жизни какъ Императорскаго вольно-экономическаго общества, такъ и всего русскаго общества. Собравшіяся въ залѣ засѣданій образованные люди привилегированныхъ сословій и занятій, просвѣщенные представители крупнаго землевладѣнія, агрономы, профессора, чиновники, журналисты и пр. подняли свои голоса не въ защиту своихъ интересовъ, а въ защиту крестьянства, отозвались на *его* бѣду, захотѣли помочь своимъ словомъ и заступничествомъ *его* вѣковому горю. Въ этомъ смыслѣ особенно достойно вниманія то обстоятельство, что противъ ходатайства не раздалось въ залѣ *ни одного* голоса и что оно было принято единогласно всѣми присутствовавшими членами безъ исключенія. Вопросъ по существу даже не обсуждался. Да и о чемъ было разсуждать? Тѣлесное наказаніе, составляющее обиходное повседневное явленіе крестьянской жизни, общимъ закономъ примѣняется только къ тяжкимъ, лишеннымъ правъ, преступникамъ за новыя проступки и преступленія, и уравненіе всего русскаго народа съ каторжниками и ссыльно-поселенцами, само по себѣ, представляетъ такую очевидную юридическую несообразность, которая слишкомъ ясна для каждаго. Тутъ не о чемъ спорить, нечего доказывать. Казался спорнымъ (да и то одному лишь профессору Бекетову) только вопросъ: имѣетъ ли право Императорское вольно-экономическое общество выступать съ подобнымъ ходатайствомъ. Но по уставу обсужденію общества подлежатъ интересы сельскаго хозяйства и сельскихъ хозяевъ, а такъ какъ 99% нашихъ сельскихъ хозяевъ принадлежатъ къ сословію крестьянскому, то очевидно, что, ходатайствуя объ освобожденіи послѣдняго отъ тѣлесныхъ наказаній, общество непосредственно исполняло свое назначеніе, предначертанное ему его основа-

тельницей Императрицей Екатериной II. Сверхъ того хозяйственная и экономическая жизнь населенія никакъ не можетъ быть отдѣлена отъ общихъ духовно-гражданскихъ условій его быта. На этомъ основаніи еще задолго до 19 февраля 1861 года Императорское вольно-экономическое общество подъ предсѣдательствомъ графа Мордвинова не разъ выступало съ ходатайствомъ объ освобожденіи крестьянъ, справедливо полагая, что безъ свободы личности невозможно и полное развитіе ея производительныхъ силъ. Ходатайствуя въ настоящее время объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія, оно продолжаетъ служить тому же началу, такъ какъ раздѣленіе народа на „сѣкомыхъ“ и „несѣкомыхъ“ составляетъ, по справедливому замѣчанію одного изъ ораторовъ г. Анненскаго, несомнѣнный пережитокъ отмѣненнаго крѣпостного права. Невозможно да и совершенно не къ чему скрывать, что освобожденіе крестьянъ отъ тѣлеснаго наказанія, подобно освобожденію отъ крѣпостной зависимости, кромѣ благотворнаго экономическаго вліянія будетъ имѣть громадное значеніе въ нравственной, духовной, гражданской и правовой жизни страны, но это ни въ какомъ случаѣ не можетъ лишать Императорское вольно-экономическое общество права выступа съ такимъ ходатайствомъ, по чисто экономическимъ поводамъ и основаніямъ. Въ этой же мѣрѣ, въ какой главныя, существенныя основанія упраздненія тѣлесныхъ наказаній выходятъ за предѣлы экономическихъ и сельскохозяйственныхъ соображеній и касаются нравственной, правовой и гражданской жизни народа, ходатайство Императорскаго Вольно-Экономическаго Общества должно быть поддержано всѣми юридическими обществами Россіи. Каково бы ни было рѣшеніе этого вопроса, но русское общество обязано высказать свое искреннее мнѣніе передъ Правительствомъ, освѣтивъ всѣ темныя стороны существующаго порядка вещей. Вопросъ этотъ затрогиваетъ кровныя нравственныя нужды всего русскаго общества. Наше нравственное чувство глубоко оскорбляется существованіемъ бокъ о бокъ съ нами, привиллегированными сословіями, многомилліоннаго класса крестьянъ, подлежащихъ сѣченію и поркѣ. Глубоко внѣдренное въ нашу душу начало равенства передъ закономъ и чувство гражданскаго единенія съ народомъ заставляетъ насъ желать, чтобы свобода отъ тѣлесныхъ наказаній не была только нашимъ личнымъ сословнымъ преимуществомъ, но всеобщимъ правомъ русскаго гражданина. Мы не можемъ уважать самихъ себя до тѣхъ поръ, пока милліоны нашихъ согражданъ будутъ подлежать позорящему человѣческое достоинство наказанію. Взглядъ на народъ какъ на животное, которое можно понудить къ труду только кнутомъ, и сохраненіе розги, какъ *правила* крестьянской жизни, не совмѣстимы ни съ требованіями нашей гражданской образованности ни съ чувствомъ національнаго самоуваженія. Послѣ

столѣтій раболѣпства передъ всѣмъ чужимъ, иноземнымъ и культуртрегерскаго презрѣнія къ родному быту и родному народу какъ „къ быдлу“ мы провозгласили, наконецъ, въ нашей внѣшней политикѣ господство начала народности, поставивъ своею задачею не рыцарское ратоборство за честолюбіе чужихъ династій, а служеніе интересамъ русскаго народа; лучшимъ прекраснѣйшимъ выраженіемъ этого же начала народности во внутренней политикѣ было бы безспорно возстановленіе гражданской и нравственной личности крестьянина и освобожденіе *всего* народа (не исключая и безправныхъ наказуемыхъ) отъ позорныхъ наказаній розгами и плетьми.

И. Г.

Митрополитъ Петръ II, Нѣгошъ, владыка Черногорскій
1830—1851.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 24 октября 1895 года.

ЗАРУБЕЖНОЕ СЛАВЯНСТВО.

Черногорская война

(различные ея виды и способы воеванья).

I.

Значеніе Черногоріи въ дѣлахъ общеевропейскихъ.

Черезъ два года исполнится 200 лѣтъ, какъ на митрополичью каѳедру Черногоріи, Зеты, Скендеріи и Приморья черногорскимъ народомъ избранъ былъ шестнадцатилѣтній юноша Нико Штепчевъ изъ села и племени Нѣгушей, изъ рода Граковичей, а изъ семейства Петровичей, въ монашествѣ названный Даніиломъ. Духовный правитель церкви, онъ въ то же время былъ главою народа и въ этомъ смыслѣ носилъ титулъ владыки. Въ тяжелыя времена двойное бремя правленія пало на этого юношу.

Магометанство подъ щитомъ могущественной Оттоманской имперіи ширилось по всему Балканскому полуострову, проникло и въ Черную-Гору, свило себѣ гнѣздо посреди Цетинья: „Сдружился турчинъ съ черногорцемъ; мулла кричитъ съ минарета на Цетиньѣ; гніетъ левъ, попавшій въ западню; заглохло въ плевелахъ черногорское сѣмя; не осталось трехперстнаго крестнаго сложенія!... охладѣли сердца мужей, а въ нихъ умеръ духъ свободы, какъ умираютъ на горахъ солнечные лучи, когда солнце тонетъ въ морской пучинѣ“.

Такъ черезъ полтораста лѣтъ тоже владыка, Петръ II, изображаетъ положеніе своего дѣда владыки Даніила (Горски Вѣнац).

Турки съ помощью своихъ единовѣрцевъ въ Черногоріи проникли до Цетинья, разорили его святыню монастырь и прекрасный дворецъ, построенные въ 1484 г. Иванбегомъ, послѣдніе остатки, свидѣтельствовавшіе о бывшей когда-то славной Зетской державѣ. Съ другой стороны Венеція, давно уже овладѣла всѣмъ Приморьемъ, когда-то православнымъ, ширила католицизмъ, привела было и на Цетинье нѣсколько католическихъ священниковъ съ цѣлью насажденія католичества, которые отравили владыку Висаріона, видя въ немъ помѣху своимъ цѣлямъ;

погромъ, произведенный надъ Черногоріею турками въ 1690 г., заставилъ ихъ бѣжать; но положеніе не измѣнилось: Венеція, составляя передовой полкъ Рима, не отстала отъ своего плана — рано или поздно захватить въ свои сѣти и Черногорію.

Находясь въ такомъ положеніи, юный владыка мучился надъ вопросомъ: „Что дѣлать и съ кѣмъ? мало рукъ у меня и мало силы; я—соломенка въ вихрѣ; жалкій сирота, у котораго нигдѣ нѣтъ никого; мое племя (сербы) спитъ мертвымъ сномъ; и слезамъ моимъ нѣтъ родителей (которые бы ихъ осушили); для меня затворилося небо, не принимаетъ оно отъ меня ни плача, ни молитвы. Весь свѣтъ сдѣлался для меня адомъ, а всѣ люди—адскими духами. О, черные дни! о, черная судьба! о, несчастное, угасшее Сербство!"

Въ такомъ безвыходномъ положеніи, Черногорія, оставшаяся вѣрною вѣрѣ отцовъ и завѣтамъ своей славной исторіи, съ владыкою во главѣ, дѣлаетъ отчаянное усиліе и очищается отъ магометанства. Легче вздохнулось Черногоріи, не имѣя въ средѣ своей измѣнниковъ; но что-же дальше? Она попрежнему остается сиротою, у которой „нигдѣ нѣтъ никого".

Въ это время, какъ будто спустясь съ неба, услышавшаго плачъ черногорцевъ, является человѣкъ откуда-то изъ полуночныхъ странъ: говоритъ онъ тѣмъ-же языкомъ и крестится тѣмъ-же крестомъ, какъ и черногорцы, и объявляетъ себя посланникомъ православнаго царя, который, какъ и они, воюетъ съ турками. Это былъ Михаилъ Милорадовичъ, происхожденіемъ герцеговинецъ изъ знатнаго рода Охмучевичей, который, не желая покориться ни туркамъ, ни латинамъ, отправился въ Москву, гдѣ царило православіе и славянская народность; гдѣ народился великій царь, побѣдившій уже самаго знаменитаго въ то время европейскаго полководца—короля Швеціи и теперь обратившій свое побѣдоносное оружіе противъ турокъ. Царь этотъ—такой же почти юный, какъ и черногорскій владыка, котораго онъ и призываетъ дѣйствовать заодно противъ общаго ихъ врага, турокъ. Это было въ 1711 г., послѣ славной побѣды Петра I надъ Карломъ XII, который спасся бѣгствомъ въ Турцію.

Въ письмѣ Петръ I, напомнивъ черногорцамъ славу и великое значеніе, которое имѣли прежніе крали и князья, призываетъ ихъ возобновить славу своихъ предковъ и соединенными силами ударить на общаго непріятеля за вѣру и отечество, за свою честь и славу, за свободу и независимость свою, и своихъ потомковъ. Не обѣщая много, онъ скромно указываетъ, что прежде всего ихъ наградитъ за то Богъ. „А затѣмъ, продолжетъ письмо—будетъ милость и отъ насъ: не только вознаграждены будутъ всѣ издержки, но и каждый получитъ по своей заслугѣ и

по желанію; такъ какъ для себя мы не оставляемъ иной славы, какъ только быть въ состояніи освободить отъ ига невѣрныхъ христіанскіе народы, находящіеся на вашей сторонѣ (т. е. на Балканскомъ полуостровѣ), возобновить православныя церкви и воздвигнуть святой крестъ.“ Для этой цѣли онъ обѣщаетъ дать послѣднюю копѣйку и лично стать во главѣ своего войска, горящаго нетерпѣніемъ сразиться съ непріятелемъ своей вѣры и испытаннаго въ бояхъ, а конечною цѣлью ставитъ прогнаніе турокъ въ ихъ прежнее отечество, въ пустыни Аравіи. Въ черногорцахъ это произвело восторгъ неописанный, съ одной стороны они узнали, что они не одни, а что имѣется гдѣ-то православный царь, съ другой— вслѣдствіе того, что онъ воюетъ съ ихъ исконнымъ врагомъ туркомъ. Милорадовичъ въ слѣдующихъ словахъ доносилъ объ этомъ Головкину: „христіане, прочтя грамоты, сильно обрадовались и начали всѣ единодушно за вѣру и отечество кровь проливать; и тѣ, которые получали жалованье отъ венеціанъ и турокъ, бросили это жалованье, соединились со своими и стали воевать, какъ при древнихъ сербскихъ царяхъ и короляхъ. Все это воины добрые, только убогіе; пушекъ и прочихъ военныхъ припасовъ не имѣютъ“. (Соловьевъ, XVI, 80).

Дѣйствительно, по почину Черногоріи произошло возстаніе христіанъ въ сосѣднихъ съ нею частяхъ Герцеговины и въ Зетѣ. Осаждены были турецкія крѣпости Никшичъ, Спужъ, Подгорица и Жаблякъ; но дѣло вдругъ приняло другой оборотъ, когда получено было роковое извѣстіе, что Петръ, окруженный турками при р. Прутѣ, заключилъ съ Турціей миръ, и она теперь могла свои силы обратить противъ Черногоріи. И дѣствительно громадное турецкое войско дѣлаетъ нападеніе на Черногорію. Отъ Подгорицы оно пошло черезъ Лѣшанскую нахію и вступило уже въ Рѣцкую, направляясь на Цетинье. Но тутъ въ Царевомъ-лазѣ оно нашло свою погибель.

Какъ ни были въ той битвѣ сильны и многочисленны турки, а и черногорцы, очевидно, успѣли запастись боевой „муниціей“ и вообще подготовились къ ихъ встрѣчѣ и нанесли имъ страшное пораженіе. Много затысячъ ихъ легло на мѣстѣ съ трофеями. Кромѣ ихъ оружія, было захвачено 86 знаменъ. У черногорцевъ пало только 300 чел. и нѣкоторое число раненыхъ, между которыми былъ и владыка.

Но черезъ 2 года турки снова собираютъ войско и, договорившись съ Венеціей, чтобы она не пропускала въ Черногорію боевую „муницію“, опять нападаютъ на нее, употребивши при томъ и низкій обманъ. Предводитель ихъ Нуманъ-паша Тюприли позвалъ къ себѣ черногорскихъ главарей для договора, чтобы покончить дѣло миромъ, а какъ только

они прибыли, велѣлъ всѣхъ ихъ убить, разсчитывая, что лишенный главарей, народъ не станетъ сопротивляться.

Разсчетъ былъ на половину вѣренъ: войско безъ предводителей потеряло очень много; но тѣмъ не менѣе турки достигли своей цѣли только послѣ пяти дней безпрерывнаго жестокаго боя.

Села, по которымъ проходили турки, были, конечно, сожжены и разрушены; на Цетиньѣ монастырь, недавно только возобновленный, снова былъ разрушенъ, и это было второе его разрушеніе, которое привелось видѣть владыкѣ Даніилу. 600 душъ женщинъ, стариковъ и дѣтей, спасшихся на венеціанской землѣ, были преданы венеціанцами туркамъ, которые, отобравъ себѣ молодыхъ женщинъ и понравившихся своей наружностью дѣтей, всѣхъ остальныхъ бросили подъ ножъ.

А едва прошло 4 года, черногорцы сами уже нападаютъ на турокъ. Именно въ 1718 г. они, по приглашенію Венеціанской республики, напаютъ на городъ Ульцинъ (Дульциньо); но, не поддержанные венеціанцами, ограничились только разореніемъ части города и побѣдоносно возвратились домой. Объ этой заслугѣ ихъ упоминается въ одной венеціанской грамотѣ (См. наше соч. Т. I. стр. 529 и 780—83).

Въ 1769 г. императрица Екатерина II посылала въ Черногорію кн. Долгорукаго, чтобы поднять ее противъ Турціи; но онъ не имѣлъ въ томъ никакого успѣха и покинулъ Черногорію съ самыми непріятными чувствами. Черногорія, однако, въ то время сама переживала смутное время, вслѣдствіе появленія Степана Малаго, назвавшагося россійскимъ императоромъ Петромъ III (См. наше соч. Т. I, 558—62).

Но съ 1806—814 г. черногорцы вмѣстѣ съ русскими принимаютъ самое дѣятельное участіе въ войнѣ противъ французовъ въ Боккѣ и Далмаціи. Объ этомъ есть прекрасное соч. В. Броневскаго — Записки морского офицера въ продолженіе кампаніи на Средиземномъ морѣ отъ 1805 по 1810 г. (Спб ч. I, 1818 г., ч. II, 1819 г. извлеч. въ нашемъ соч. стр. 840—78).

Въ 1849 г., когда русскія войска вступили въ Венгрію, черногорскій владыка Петръ II самъ хотѣлъ отправиться тудаже и вотъ что писалъ онъ по этому поводу гр. Орлову въ Варшаву: „Высокій мой покровитель отправляетъ свое войско погасить пламень буянства, вспыхнувшій въ Венгріи. Мы въ томъ душевное участіе беремъ по чувству единоплеменія съ Россіей и всегдашней черногорской преданности къ трону всероссійскому. Для того и обращаюсь къ Вамъ, графъ Орловъ, какъ особѣ близкой великаго монарха, умоляя Васъ исходатайствовать у могучаго царя, чтобы мнѣ позволили отправиться съ 4—5-ю тысячами черногорцевъ и соединиться съ вашимъ войскомъ противъ венгерцевъ.

Сѣверная Венгрія—гористый предѣлъ, а наше войско—проворные горцы; я надѣюсь, что они тамъ отъ великой пользы будутъ. Слава Богу, Россія могущественна; однако-же я сильно желаю показать дѣломъ нашу душевную преданность государю императору и единоплеменной Россіи. Я надѣюсь, что государь доволенъ будетъ поведеніемъ и сраженіемъ черногорскимъ".

Въ то время не оказалось потребности въ черногорскомъ участіи; хотя они могли бы участвовать подобно сербамъ тогдашнаго княжества; а въ послѣднюю нашу войну съ Турціей Черногорія привлекла на себя лучшія турецкія войска и съ лучшими генералами, какъ Сулейманъ-паша, Мехмедъ-Али-паша и Дервишъ-паша, и тѣмъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, былъ до нѣкоторой степени облегченъ переходъ русскихъ войскъ черезъ Дунай, такъ же какъ переходъ этотъ въ дальнѣйшемъ ходѣ войны спасъ отъ погрома Черногорію.

Мы познакомились съ Черногоріей только съ начала XVIII в.; тогда какъ въ Западной Европѣ давно уже знали Черногорію и цѣнили ея стратегическое положеніе въ войнѣ противъ Турціи. Такъ еще въ началѣ XVII в., когда въ Европѣ бродила мысль изгнанія турокъ и осуществить эту мысль взялся Карлъ II Гонзаго, герцогъ Неверскій, то созвано было большое народное собраніе въ Кучахъ и по выработанному тамъ плану Черногорія избрана была базисомъ, какъ страна свободная, никогда не покорявшаяся Турціи. (См. наше соч. Т. I, стр. 737—43).

Въ 1684 г. Австрія, Польша и Венеція, начавши войну съ Турціей, также приглашаютъ Черногорію къ участію въ ней, и она помогла венеціанцамъ отнять у турокъ Новый (Castel Nuovo) въ Боккѣ. А послѣ этого черногорцы продолжали нападенія на турокъ по сосѣдству въ Герцеговинѣ и Албаніи; прогнали турокъ съ Грахова, гдѣ ихъ было до 15,000; помогли Будвѣ, состоявшей въ то время подъ венеціанскимъ господствомъ, отбить Сулеймана-пашу съ десятитысячнымъ войскомъ.

Правда, все это завершилось погромомъ Черногоріи въ 1690 г., который, однако, удался туркамъ только вслѣдствіе того, что въ то время умеръ ихъ владыка Виссаріонъ и были внутреннія несогласія, а также тайно помогали туркамъ и черногорскіе потурченцы. Но этотъ погромъ не имѣлъ никакого существеннаго значенія, и послѣ того черногорцы уничтожаютъ внѣдрившееся въ Черногоріи магометанство; все равно какъ послѣ погрома 1714 г., какъ мы видѣли, они совершили походъ на Ульцинъ.

Обращаемъ вниманіе на то обстоятельство, что, призываемые дѣйствовать внѣ своего отечества, черногорцы оказываютъ себя такими-же хорошими воинами, какъ и среди своихъ родныхъ скалъ. Впрочемъ вездѣ, гдѣ

они воевали, мѣстность характеромъ своимъ отвѣчаетъ ихъ родинѣ. Поэтому и владыка Петръ II, предлагая свои услуги въ войнѣ противъ мадьяръ, указываетъ на предполагаемую имъ гористую мѣстность Венгріи. Это, однако, не исключаетъ способности ихъ воевать въ равнинной мѣстности, какъ то увидимъ ниже.

И не съ одними турками они воевали, но и съ французами, а въ 1838 г. имѣли военное столкновеніе и съ австрійцами, и всегда почти дѣйствовали съ успѣхомъ. Что касается французовъ, то въ 1813 г. черногорцы безъ содѣйствія русскихъ отняли у нихъ г. Будву и послѣ того разбили французскій отрядъ, шедшій ей на выручку, и въ тотъ же разъ приступомъ взяли крѣпость Тройцу.

По словамъ Броневскаго, главнокомандующій русскихъ войскъ вицъ-адмиралъ Синявинъ высоко цѣнилъ боевую способность черногорцевъ, а въ ихъ вождѣ, владыкѣ Петрѣ 1 признавалъ хорошаго предводителя и потому давалъ ему полную свободу дѣйствія, и никогда не приходилось въ томъ раскаваяться; а напротивъ русскіе два раза пострадали, отправившись противъ его совѣта на Клобукъ и Никшичъ.

Броневскій, съ одной стороны указывая на неудобство черногорской военной организаціи, допускающей каждому по своей волѣ идти на войну или воротиться домой, съ другой — признаетъ, что, поставленные въ положеніе регулярныхъ войскъ, какъ то и было сдѣлано на опытѣ, черногорцы представляютъ собою отличное войско. Мало того: не бывавши никогда на морѣ и страшившіеся его, они потомъ скоро привыкли къ нему и были моряки настоящіе.

Но, само собою разумѣется, они были искусны больше всего въ войнѣ съ турками, которые съ особенною силою и постоянствомъ стали тѣснить Черногорію съ начала XVIII в., т. е. когда она завязала сношенія съ Россіей.

Эта война главнымъ образомъ была оборонительная; но мы нигдѣ не видимъ, чтобы турки съ того времени расширились на счетъ Черногоріи; а напротивъ отъ Турціи постепенно отторгаются и примыкаютъ къ Черногоріи племена Бѣлопавличей, Кучъ, Васоевичей и др. Влад. Петръ II въ 18 в. отнялъ у турокъ Грахово, потерявши зато остр. Вранину, который, не имѣя почти никакого стратегическаго значенія, былъ дорогъ черногорцамъ только своею святынею, монастыремъ св. Николая, построеннымъ еще во время сербскаго просвѣтителя архіеп. Саввы. По отдѣльности черногорскія племена вездѣ оттѣснили турокъ дальше отъ своихъ границъ и овладѣли ихъ пастбищами: озриничи вытѣснили ихъ съ Ластвы и изъ Рудинъ, Пиперы отняли у нихъ обширную планину (пастбищныя мѣста на высокихъ горахъ) Лукавицу, Васоевичи, завладѣли

такой же планиной Бѣласицей. И въ этомъ случаѣ, значитъ, война была не исключительно оборонительная и происходила иногда внѣ предѣловъ Черногоріи.

А между тѣмъ существуетъ общее мнѣніе, что черногорцы остались свободными, благодаря только неприступности своихъ скалъ и ихъ безплодію, такъ какъ онѣ никому не были нужны и никто не старался ихъ покорить.

Представителемъ того взгляда можетъ служить Ами Буэ, соч. котораго „La Turquie d'Europe“ (4 тома, Paris, 1840) до сихъ поръ представляетъ единственное всестороннее описаніе цѣлаго Балканскаго полуострова, куда, какъ часть его, входитъ и Черногорія.

Въ 4 т. есть глава (II), заключающая въ себѣ „Rapports politiques des peuples de la Turquie d'Eur.“, въ которой значительное мѣсто дано и Черногоріи (стр. 130—133) и между прочимъ находятся такія статьи: Leur (des Monténégrins) position relativement à Cattaro; Imperfection de leur gouvernement и Maniere de civiliser le Monténégro.

Это—совѣты, какимъ образомъ заставить черногорцевъ сначала подчиниться верховной власти султана, въ разсчетѣ, что потомъ можно будетъ достигнуть „leur soumission à une suzeraineté nominale d'un grand monarque juste et tolérant“. Этого можно достигнуть, давши имъ болѣе удобныя мѣста для поселеній, послѣ чего они сами постепенно бросятъ свои скалы, которыя сдѣлаются тѣмъ же, чѣмъ когда-то были, т. е. мѣстами лѣтнихъ пастбищъ. „Итакъ, заключаетъ онъ — совершенно напрасно жертвовать солдатами для завоеванія скалъ, которыми можно овладѣть a la longue безъ пролитія крови и только при помощи нѣкоторыхъ хорошо разсчитанныхъ мѣръ sans arrière pensée de catholicisme“. Въ физическомъ описаніи прямо говорится, что Черногорія сохранила свою независимость только „à cause de sa stérilité et de l'âpreté de ses montagnes; sans cela il sera depuis longtempes subjugué“ (стр. 26). А если произойдетъ раздѣлъ Турціи, то Черногорія достанется тому, кто будетъ владѣть Горной-Албаніей или Герцоговиной, и для этого нужно только не доставлять имъ муницію (т. е. боевыя запасы) и открыть имъ равнины для ихъ поселеній и т. д. (стр. 27).

Ученый французъ, объясняя положеніе черногорцевъ исключительно вліяніемъ физическихъ условій, въ которыхъ они находятся, упускаетъ изъ виду, что природа вообще оказываетъ вліяніе на выработку характера живущаго тамъ населенія и та суровая неподдающаяся легко усиліямъ человѣка природа Черногоріи создала такое же населеніе, которое также нельзя забывать. И чрезвычайно странно мнѣніе, будто Черногорія осталась свободною только потому, что никто завоевывать ее не хотѣлъ.

Напротивъ, Турція дѣлала для ея покоренія большія усилія, которыя сопровождались жертвами и потерями и расшатывали ея собственный организмъ. Стремилась къ тому же и Венеція, только, конечно, не прибѣгая къ войнѣ; были помыслы о томъ же и у Франціи, какъ теперь, можетъ быть, у Австріи. Но не съ горами однѣми нужно имѣть дѣло, а съ народомъ, который вѣками сдѣлался такъ же твердъ, какъ его скалы. Невольно, такъ сказать, признавая это, Ами Буэ и предлагаетъ, какъ самое разумное средство для покоренія Черногоріи, — блокировать ее, лишить средствъ существованія и вообще дѣйствовать à la longue.

Это могло случиться, однако, въ то время, когда Черногорія была „сирак тужни без нигдѣ никого“; но далеко не такъ легко въ настоящее время, когда у нея, по черногорскому выраженію „теплыя плечи“ со стороны Россіи. Да и вообще въ политикѣ прошли тѣ уже времена, когда маленькія единицы служили для удовлетворенія ненасытной алчности великихъ.

Но, какъ бы война ни была нежелательна между всѣми просвѣщенными народами, какъ бы ихъ правительства ни увѣряли цѣлый свѣтъ, что цѣль ихъ политики составляетъ поддержаніе всюду мира, чтобы всецѣло и свободно предаться своему внутреннему развитію;—война всегда возможна, потому что до сихъ поръ не установились еще вполнѣ правильныя, естественныя отношенія между отдѣльными государствами и въ самой Европѣ есть угнетенные народы и ихъ угнетатели, которые и представляютъ собою горючій матеріалъ, готовый воспламениться при какомъ нибудь благопріятномъ поводѣ. Такой очагъ съ вѣчно тлѣющимъ подъ пепломъ огнемъ представляетъ собою Балканскій полуостровъ со своими ждущими еще рѣшенія вопросами боснійско-герцеговинскимъ, албанскимъ, македонскимъ. Черногорія сидитъ какъ разъ у края этого очага и потому силою обстоятельствъ можетъ быть привлечена къ участію въ рѣшеніи этихъ вопросовъ вооруженною рукою. И теперь она только вооруженною рукою защищаетъ всю свою границу со стороны Турціи; да и со стороны Австріи все еще не установились вполнѣ мирныя отношенія. Австрія, окруживъ Черногорію цѣпью крѣпостей, укрѣпленныхъ казармъ и блокгаузовъ съ направленными противъ нея орудіями, слишкомъ явно показываетъ свои далеко не мирныя намѣренія относительно Черногоріи и, пользуясь своею силой и вліяніемъ великой державы, по всей ея границѣ дѣлаетъ оскорбленія и даже насилія ближнему черногорскому населенію и вообще обходится съ нею свысока и вызывающимъ образомъ.

Находясь въ такомъ неестественномъ положеніи, Черногоріи не остается ничего другого, какъ положиться на милость или немилость своихъ

далеко не великодушныхъ сосѣдей или стоять вѣчно подъ оружіемъ, чтобы не дать себя въ обиду.

Такое, до сихъ поръ не миновавшее для Черногоріи вѣчно военное положеніе и побуждаетъ насъ разсмотрѣть это положеніе и уяснить, что она представляетъ изъ себя, какъ боевая сила.

Всякій человѣкъ—плодъ своего прошедшаго; такъ и черногорецъ-воинъ долженъ представлять собою произведеніе всей его прошлой военной жизни, къ которой мы и должны обратиться для уясненія его военнаго типа и характера. Въ этой жизни его мы различаемъ: 1) настоящую войну, въ которой рѣшается дѣло цѣлой Черногоріи или какой-либо составной ея части и потому собирается войско изъ цѣлой страны или изъ ближнихъ краевъ; 2) воеванье мелкими отрядами, на мѣстномъ языкѣ называющимися—*четы*, откуда и этотъ видъ войны называется *четованьемъ*, участники же его *четниками*; а причины его заключаются въ особыхъ отдѣльныхъ побужденіяхъ личностей; съ четованьемъ соединимъ и гайдучество; 3) поединокъ съ значеніемъ международнымъ или между отдѣльными племенами, вмѣсто войны, рѣшающій распрю между двумя сторонами или, наконецъ, вытекающій изъ личныхъ столкновеній.

П. Ровинскій.

(Продолженіе будетъ),

Проклятіе, или невольница Злата.

(Окончаніе).

XXII.

Поздно ночью пріѣхалъ Новакъ въ Грецкъ. Остальные чумаки, накормивъ своихъ буйволовъ, намѣревались уже спать; но когда заслышали, что ихъ товарищъ пріѣхалъ и остановился предъ постоялымъ дворомъ, очень обрадовались и въ одинъ голосъ заговорили: „гдѣ ты пропадалъ, мы измаялись, поджидая тебя".

Новакъ дрожащимъ голосомъ сталъ выпутываться, говоря:

„Да! вы меня оставили одного, убѣжали отъ меня!.. Вотъ такъ товарищи, вотъ такъ люди!"

Затѣмъ онъ сталъ разсказывать, какъ въ одномъ мѣстѣ у него сломалась затѣйка отъ ярма, въ другомъ лопнуло ярмо, на одной кручѣ чуть было не сломалъ телѣги, какъ одинъ изъ его буйволовъ оказался закованнымъ.

Товарищи его оправдывались, что они его поджидали въ нѣсколькихъ мѣстахъ, а въ Болечѣ кормили буйволовъ и почти два часа ждали; такъ разговаривая, они помогли ему выпрячь буйволовъ, поставить ихъ къ стойламъ и задать имъ кормъ.

По серединѣ постоялаго двора мерцалъ огонь. Кругомъ огня расположились и уснули какіе-то путники. Вдоль стѣны были разставлены ясли. На одномъ концѣ были привязаны къ яслямъ волы и буйволы, на другомъ лошади. Постоялый дворъ былъ безъ потолка и дымовой трубы. Густыя облака дыма пробивались сквозь рѣдкія ряды черепицы.

Въ то время постоялые дворы не были устроены такъ роскошно, какъ нынѣ; теперь эти дворы устраиваются не только для отдохновенія путниковъ, но не рѣдко превращаются въ мѣста пьянства и разгула...

Когда буйволы Новака были обряжены, всѣ усѣлись кругомъ огня. Одинъ изъ чумаковъ разшевелилъ потухавшій огонь, и вспыхнувшее пламя освѣтило лица всѣхъ.

Всѣ чумаки поглядѣли на своего товарища Новака и переглянулись между собою... Они замѣтили у него на лбу и на лицѣ пятна запекшейся крови... Посмотрѣли на его руки, и руки были въ крови... Они только переглядывались и молчали... Молчалъ, какъ нѣмой, и Новакъ.

Тогда одинъ изъ его товарищей спросилъ: „Послушай, что это у тебя за пятна на лбу и по лицу“?..

Новакъ поднялъ руки, вытеръ ими лобъ и лицо. Еще виднѣе стала кровь на рукахъ. Тогда онъ взволнованно отвѣтилъ: Быть можетъ это грязь; хотя на дворѣ грязи не было, такъ какъ стояла сухая погода.

Одинъ изъ чумаковъ замѣтилъ: „Другъ, это не грязь, а кровь.— Ужь не упалъ-ли ты гдѣ, или не порѣзался-ли гдѣ?“

Этими вопросами онъ вывелъ Новака изъ замѣшательства и тотъ началъ говорить: „Да... такъ... была кровь... да... когда я вырѣзывалъ палку... быть можетъ, что я порѣзалъ себѣ руки“. Затѣмъ быстро всталъ, взялъ кувшинъ воды и вымылъ руки и лицо.

Пока онъ умывался, остальные чумаки между собою переглядывались, а одинъ изъ нихъ, закрывъ рукою ротъ, едва слышно шепнулъ: „Кажется, дѣло не ладно!“

Умывшись, Новакъ опять сѣлъ около огня, только немного подальше другихъ,—чтобы свѣтъ на него не падалъ. Онъ молчалъ; молчали и остальные его товарищи; но вскорѣ одинъ изъ нихъ спросилъ его: „Не голоденъ-ли ты? не хочешь-ли поужинать?“

„Нѣтъ не голоденъ,—что-то не могу ѣсть—отвѣчалъ Новакъ“.

Усталые чумаки улеглись около огня и уснули, точно убитые. Одному изъ нихъ — тому, который шепнулъ „кажется дѣло неладно“, не спалось, онъ долго не могъ уснуть, однако притворился спящимъ.

Улегся и Новакъ, но тоже не могъ уснуть, а все ворочался и ощупывалъ пазуху рукой, засовывая ее за рубашку и шарилъ по груди. Онъ часто стоналъ и вздыхалъ, но что болѣе всего поразило чумака — такъ это то, что Новакъ сперва громко захохоталъ, а потомъ заплакалъ, какъ дитя...

И какъ ни былъ усталымъ этотъ чумакъ, какъ ни нуждался въ отдыхѣ, онъ лишился сна и чуть-ли не до самой зари не смыкалъ глазъ... Послѣ долгаго ворочанья и продолжительныхъ вздоховъ наконецъ успокоился и Новакъ, но уснулъ тревожнымъ сномъ преступника.

Какой это былъ жалкій сонъ...

Онъ безпрестанно что-то бормоталъ, вспоминая во снѣ поясъ, золото въ немъ, какъ онъ богатъ, какъ-бы радовались родители какой-то

Златы. — Потомъ вдругъ громко вскрикнулъ: „А моя клятва?.. моя страшная клятва?“ —Съ этими словами онъ проснулся.

Уже свѣтало. Чумаки поднялись; всталъ и Новакъ. Онъ былъ мраченъ; глаза его опухли и налились кровью.—Товарищи почти не узнавали Новака... Онъ все ощупывалъ грудь... Чумаки только переглядывались...

Нужно было покормить и напоить буйволовъ и отправляться въ путь. Чумаки засуетились. Новакъ тоже подложилъ корму своимъ буйволамъ... Но всѣ его движенія были какъ-бы принужденными. Одинъ изъ чумаковъ случайно увидѣлъ, что рубашка на груди Новака окровавлена.

Наступила пора отправляться въ путь. Чумаки вывели своихъ буйволовъ, подвели ихъ къ ярмамъ, вынули изъ ярмовъ засовки, положили ихъ себѣ подъ мышки и, перекрестившись, крикнули „кошъ!“ Послушные буйволы вдвинули свои головы въ ярма. Такъ же сдѣлалъ и Новакъ, но не перекрестился, когда запрягалъ своихъ буйволовъ.

Раньше, бывало, Новакъ всегда ѣхалъ впереди, а остальные товарищи смотрѣли на него, какъ на вожатаго (рабаджи-башу).

Предложили ему и теперь ѣхать впередъ, но онъ не пожелалъ этого, сказавъ: „Все равно, поѣзжайте вы!“

До этого времени Новакъ въ дорогѣ былъ всегда бодрымъ, пѣлъ, заводилъ разные смѣшные разговоры. А теперь, все что-то отставалъ, былъ задумчивъ и пасмуренъ, что-то шепталъ, самъ съ собою разговаривалъ. Въ этомъ-то положеніи видѣлъ его и Милойко, на томъ прохладномъ мѣстѣ, когда встрѣтилъ чумаковъ по пути изъ Мозгова въ Бѣлградъ, отыскивая свою Злату.

Всѣ усилія остальныхъ чумаковъ развеселить и расшевелить своего товарища оказались напрасными, сколько они ни старались, никакъ имъ это не удавалось.

Они между собою шалили, другъ друга затрогивали, а Новакъ задумчиво шелъ около своей телѣги. Иногда чумаки замѣчали, что и на его устахъ скользнетъ улыбка, но вдругъ онъ сдѣлается мрачнымъ, вздрогнетъ и начнетъ запахиваться, чтобы скрыть кровяныя пятна на своей груди. Нѣсколько разъ спрашивали товарищи его: что онъ такъ не веселъ, ужъ не боленъ ли онъ? Но Новакъ какъ бы нехотя отвѣчалъ, что не боленъ, только приснился ему какой то страшный сонъ и и онъ опасается — не случилось-ли что нибудь худое въ его домѣ...

Когда чумаки поднимались на одну крутую гору, Новакъ остался далеко позади ихъ: буйволы подвигались очень тихо. Чумаки, собравшись вмѣстѣ, начали разговаривать другъ съ другомъ и додумываться,

что за причина, что товарищъ ихъ Новакъ такъ вдругъ перемѣнился. Одинъ изъ чумаковъ сказалъ: „случается, что на человѣка иногда нападаетъ тоска“. Другой замѣтилъ: „а можетъ быть ему и въ самомъ дѣлѣ, приснился какой либо страшный сонъ“. Третій добавилъ: „это все такъ, но откуда на его лбу и щекахъ кровавыя пятна? Посмотрите на его грудь и тамъ тоже увидите кровь. Это что-нибудь да значитъ“.

— „Въ самомъ дѣлѣ, проговорилъ еще одинъ изъ чумаковъ: что случилось съ тою кладью, которую тотъ человѣкъ въ Бѣлградѣ предлагалъ намъ взять съ собой? Не взялъ ли ее кто-нибудь изъ васъ и что это за кладь?“

Остальные чумаки стали утверждать, что они объ этомъ ничего не знаютъ. И тотъ, который спрашивалъ, сказалъ: „и я ничего не знаю!“

Одинъ изъ чумаковъ, молчавшій все время разговора, замѣтилъ: „А, теперь я догадываюсь! Когда мы были въ Бѣлградѣ, человѣкъ, предложившій намъ кладь, во второй разъ приходилъ къ намъ и о чемъ-то долго разговаривалъ съ Новакомъ. Я, спрятавшись, услышалъ, что они вспоминали про какую-то плѣнницу, какое-то бѣгство и вознагражденіе. При этомъ они упоминали и тотъ холмъ надъ Бѣлградомъ, гдѣ они встрѣтятся. Больше я ничего не слышалъ“.

Теперь и остальные чумаки вспомнили, что ихъ товарищъ Новакъ именно на этомъ холмѣ отсталъ отъ нихъ.

Тотъ чумакъ, которому въ Гродскѣ не спалось, разсказалъ какъ Новакъ бредилъ во снѣ про какой-то поясъ и золото въ немъ...

Всѣ согласились въ томъ, что дѣйствительно съ Новакомъ случилось что-то ужасное, но что именно объ этомъ никто не хотѣлъ высказаться съ полною откровенностію.

Не смотря на разныя догадки чумаковъ относительно Новака, все таки случившееся съ нимъ для остальныхъ его товарищей оставалось загадкой.

Одинъ изъ чумаковъ прервалъ разговоръ объ этомъ словами: „каждый пусть отвѣчаетъ за свои грѣхи предъ Богомъ, но мнѣ, грѣшному, кажется, что у Новака дѣла—не ладны. Впрочемъ, чужая душа—потемки. Не намъ, а Богу судить его“...

Черезъ три дня чумаки съ Новакомъ возвратились въ свой родной городъ.

XXIII.

Новакъ жилъ въ одномъ маленькомъ городишкѣ внутри Сербіи, этотъ городокъ былъ расположенъ у самой цареградской дороги. Новакъ былъ крѣпкій, развитой и здоровый мужчина; онъ хвасталъ тѣмъ, что всю свою жизнь не знаетъ, что такое болѣзнь. Ему было лѣтъ 40—45. Это былъ человѣкъ зажиточный, имѣлъ много добра и хорошую хату; 10—15 дней пашни, двѣ пары буйволовъ. Одна пара работала дома, другую употреблялъ въ извозъ. Было достаточно и другой скотины. Однимъ словомъ по богатству считался среднимъ между зажиточными людьми.

Жена у него была усердной работницей и бережливой хозяйкой. Когда они поженились у нихъ ничего не было, кромѣ одной хаты, 1—2 дней пашни и одной коровы; но прилежаніемъ, трудомъ и бережливостью добились достатка.

Жили счастливо; никогда между собою не ссорились. Долговъ у нихъ не было, напротивъ, у нихъ другіе занимали. Богъ ихъ наградилъ прекрасными дѣтьми: у нихъ было три сына, точно три золотыя яблока. Сыновья были трудолюбивыми, почтенными, достойными и послушными, а красивыми точно дѣвочки. Еще было у нихъ двѣ дочери, которымъ по достоинству и красотѣ трудно было отыскать равныхъ. Новакъ дѣлалъ въ хозяйствѣ такіе быстрые успѣхи, что ему завидовали всѣ сосѣди.

Въ его домѣ царствовали: порядокъ, миръ, согласіе и любовь. Однимъ словомъ—въ этой хатѣ пребывалъ ангелъ Божій.

Самый старшій сынъ сватался уже—это была первая радость для родителей.

По возвращеніи Новака прошелъ мѣсяцъ, прошелъ и другой... Товарищи Новака—кто одинъ, кто два раза съѣздили въ извозъ; звали и его, да онъ все отговаривался то болѣзнью, то неисправностью своихъ буйволовъ. Съ этихъ поръ онъ никогда не занимался извозомъ.

Не прошло и года, какъ Новакъ прослылъ самымъ богатымъ человѣкомъ. Гдѣ только продавалась какая нибудь земля, домъ или водяная мельница никто не могъ купить—Новакъ всегда предлагалъ самую высокую цѣну. Сосѣди чрезвычайно удивлялись и другъ друга спрашивали: „Откуда у этого человѣка столько денегъ?!!“ Поражало ихъ то обстоятельство, что онъ платитъ за все золотомъ. Между тѣмъ по городу носились разные слухи о немъ. И его жена узнала отъ одной своей сосѣдки, что разное говорятъ о ея мужѣ и о его богатствѣ... Жена Новака раньше рѣдко когда разспрашивавшая о чемъ нибудь мужа, съ нѣ-

котораго времени перемѣнила свой нравъ и не проходило дня, чтобы она не спросила мужа: „откуда у него столько денегъ? Почему онъ запираетъ чуланъ и что въ этомъ чуланѣ такого?“ Мужъ отвѣчалъ разное, но чаще всего говорилъ ей, чтобы она его не разспрашивала, такъ какъ— это не ея дѣло. Но это было напрасно,—жена хотѣла во что бы то ни стало узнать, что у него въ чуланѣ, — это ее постоянно подстрекало и она рѣшила подкараулить, когда мужъ пойдетъ въ чуланъ, и явиться туда же вслѣдъ за нимъ.

Однажды Новакъ купилъ участокъ земли. Пришелъ домой, чтобы взять для уплаты денегъ. Жена это замѣтила и только онъ открылъ чуланъ и вошелъ внутрь и она вошла вслѣдъ за нимъ. Это его до того взбѣсило, что онъ избилъ ее замертво. До тѣхъ поръ онъ пальцемъ не дотрогивался до своей жены! Отъ такихъ побоевъ жена начала кашлять кровью; нѣкоторое время ходила больная, послѣ слегла въ постель и чрезъ мѣсяцъ умерла.

Счастье ей улыбнулось на склонѣ жизни—она видѣла свадьбу своего сына, а черезъ нѣсколько дней послѣ свадьбы закрыла на вѣки глаза.

Когда Новакъ истязалъ свою жену, никого не было дома; она сохранила это въ тайнѣ, которую унесла съ собою въ могилу, а Новакъ обременилъ свою грѣшную душу еще однимъ тяжкимъ грѣхомъ...

Дѣти горько оплакивали свою добрую мать. Со дня ея смерти домъ опустѣлъ для нихъ... А что еще хуже—хотя дѣти и не знали того, что отецъ былъ причиною смерти ихъ матери, — но съ тѣхъ поръ поколебалась у нихъ и охладѣла ихъ любовь къ отцу, котораго прежде они уважали, слушали и берегли какъ зѣницу ока...

Проходили дни за днями и годы за годами, Новакъ все богатѣлъ и богатѣлъ. Весь городъ и вся околица не величали иначе Новака какъ „газда“ (богачъ), и каждый зналъ о комъ говорятъ, услышавъ это слово. Кто имѣлъ какую нужду; заплатить ли харачъ (подать) туркамъ, купить-ли воловъ или буйволовъ, или же наступалъ голодный годъ, тотъ отправлялся „къ богачу“ во всякое время занять денегъ. Но кто у богача занялъ 100, долженъ былъ черезъ полгода возвратить 200, 300, а то и больше... Кто разъ „богачу“ задолжалъ, тотъ уже никогда не выходилъ изъ долга. Много онъ на своемъ вѣку пустилъ по міру и многихъ слезъ и нареканій былъ онъ источникомъ...

На все это онъ мало обращалъ вниманія. Онъ только думалъ о себѣ, чтобы ему хорошо жилось; до остальныхъ ему дѣла не было, пускай остальной міръ въ нуждѣ и отчаяніи жалко погибаетъ.

Чѣмъ больше Новакъ богатѣлъ, тѣмъ больше онъ дѣлался нелюдимымъ и человѣконенавистникомъ. Онъ враждовалъ не только съ роднымъ городомъ, но и со всей околицей. Съ людьми онъ не сходился и не дружилъ; никто не приходилъ въ его домъ и онъ ни къ кому не ходилъ. Словомъ — выходило такъ, что онъ ненавидѣлъ весь міръ и весь свѣтъ ненавидѣлъ его. Если ему кто-нибудь изъ друзей или знакомыхъ говорилъ: „Почему ты, братъ, таковъ? Это не хорошо, это не годится! И волки въ лѣсу ищутъ общенія, а ты скрываешься отъ людей и чуждаешься?“ Новакъ непремѣнно ударялъ себя по карману и отвѣчалъ:

— Вотъ гдѣ друзья и товарищи!.. Пока будутъ деньги, будутъ и друзья!..

XXIV.

Жадность Новака отталкивала всѣхъ отъ него, и потому онъ былъ всегда одинокъ. Его не покидалъ только одинъ песъ, прежде всегда сопровождавшій своего хозяина въ извозѣ. Какъ въ своемъ домѣ жилъ Новакъ — никто не зналъ, такъ какъ никто и не заглядывалъ въ его домъ. Въ послѣднее время видѣли какого-то стараго человѣка, который жилъ съ нимъ въ домѣ; но и этотъ наконецъ принужденъ былъ уйти, будучи не въ состояніи переносить тиранства и раздражительности Новака... Самъ Новакъ очень рѣдко выходилъ изъ дому и то лишь по неотложнымъ дѣламъ.

Въ послѣднее время прошло почти три мѣсяца, а Новакъ нигдѣ не показывался. Народъ спрашивалъ другъ друга: „Что это съ богачемъ? Не видать его что то!.. Здѣсь ли онъ?“

Наступилъ и мѣсяцъ іюль, а съ нимъ и іюльскія жары. Передъ домомъ въ тѣни шелковичнаго дерева лежалъ „богачъ Новакъ“, охраняемый своею вѣрной собакою, которая отъ голода изсохла какъ скелетъ. Собака чуть слышно залаяла, но ея лай походилъ больше на вой. Мимо Новака проходила одна старая женщина; на эту-то женщину залаяла собака. Съ трудомъ и усиліемъ поднялъ Новакъ голову и увидѣлъ женщину. Слабымъ и едва слышнымъ голосомъ онъ назвалъ ее: „Стойна, подойди ко мнѣ!..“ Стойна, опасаясь собаки, выломила палочку изъ плетня, открыла ворота на дворъ и направилась къ дереву. Собака, изнуренная голодомъ, начала передъ Стойной ползать и ласкаться... Если бы умѣла говорить, она бы сейчасъ проговорила: „хлѣба! дай мнѣ кусокъ хлѣба!“..

Стойна приблизилась къ Новаку. Посмотрѣла ему въ лицо и отшатнулась.

Тѣло Новака было покрыто гноящимися зловонными ранами, въ которыхъ кишѣли черви. Изъ глубокихъ глазныхъ впадинъ больного тускло свѣтились воспаленные, налитые кровью зрачки. Безжизненный, тупой взоръ былъ сосредоточенъ на стоявшемъ подлѣ несчастнаго ковшѣ, въ которомъ почти не было уже воды. Изнеможенный Новакъ чуть слышнымъ голосомъ просилъ воды, такъ какъ онъ самъ уже былъ не въ силахъ подняться и умиралъ отъ жажды.

— Воды, воды! повторялъ несчастный, обѣщая отдать за нее всѣ свои богатства.

Стойна отъ страшнаго зловонія и смрада не могла долго стоять.

Боже мой, что въ эту минуту подумала Стойна. Она знала, что разные слухи ходятъ по городу о Новакѣ; ей разсказывала одна сосѣдка, жена одного изъ чумакомъ, бывшаго вмѣстѣ съ Новакомъ въ Бѣлградѣ— кода передавалъ и мужъ, что онъ видѣлъ у Новака руки въ крови, кровавыя пятна на лбу, лицѣ, груди и Стойна невольно подумала: „Такъ это была правда, что про него говорили!“

Но чувство сосраданія къ безпомощному побѣдило отвращеніе къ нему; она взяла пустой ковшъ, сходила за водою; побѣжала въ свою избу, отломила кусокъ хлѣба и возвратилась въ домъ Новака.

Собакѣ она бросила кусокъ хлѣба, а несчастному „богачу“ подала напиться и поставила ковшъ у его изголовья.

Новакъ тихимъ голосомъ сказалъ: „Благодарю тебя!.. Богъ да вознаградитъ тебя!“..

Стойна ушла... Въ скоромъ времени послѣ ея ухода разнеслась вѣсть по городу, въ какомъ ужасномъ положеніи находится „богачъ Новакъ“.

Были люди, высказывавшіе къ нему сочувствіе; остальные въ одинъ голосъ говорили: „Богъ да проститъ намъ, такъ ему и надо!.. Какая жизнь, такая и награда“.

Нѣкоторые изъ сосѣдей пожелали побывать и повидать этого несчастнаго человѣка. Сокрушались и спрашивали его, что съ нимъ и что за напасть привязалась къ нему? Онъ еле могъ выговорить: „Одинъ Богъ знаетъ!“

Долго еще лежалъ на одрѣ Новакъ, но вотъ онъ почувствовалъ приближеніе смерти. Послѣ продолжительной борьбы съ самимъ собою, рѣшилъ исповѣдываться предъ священникомъ. Что онъ священнику говорилъ, осталось, разумѣется, тайною. Но тѣ, кто издали глядѣли на эту

исповѣдь, разсказывать послѣ, что священникъ нѣсколько разъ содрогнулся отъ ужаса.

Священникъ принесъ съ собою Святыя дары, но послѣ исповѣди не сразу рѣшился причастить больнаго.

XXVII.

Наступила и послѣдняя треть іюля, „богачъ“ Новакъ все былъ еще живъ, хотя не чувствовалъ ни малѣйшаго облегченія. Смерть медлила, какъ-бы затѣмъ, чтобы усилить его страданія въ возмездіе за совершенное имъ когда-то злое дѣло. Онъ просилъ опять позвать батюшку. Едва слышнымъ голосомъ сказалъ ему Новакъ: „Батюшка! разрѣши меня гласно въ церкви трижды передъ народомъ! Священникъ обѣщалъ.

Въ первое же воскресенье, послѣ литургіи, священникъ вышелъ изъ алтаря на амвонъ и обратился къ присутствующимъ съ слѣдующею рѣчью: „Братья, христіане! Нашъ братъ, нашъ сосѣдъ—Новакъ долго уже болѣетъ и борется со сертію. Помолимся Господу Богу, да проститъ Онъ ему грѣхи и приметъ духъ его съ миромъ!“ Весь народъ въ одинъ голосъ сказалъ: „Да проститъ ему Богъ и приметъ духъ его съ миромъ!“

Послѣ священникъ опять сказалъ: „Братья, христіане! Простимъ и мы всѣ ему, если онъ насъ обидѣлъ“. Весь народъ въ одинъ голосъ воскликнулъ: „Да проститъ ему Богъ!“

И въ другое воскресенье опять въ церкви было гласное прощеніе.

Въ самый день Преображенія Господня было и въ третій разъ въ Церкви гласное прощеніе...

Какъ только народъ вышелъ изъ церкви, пронесся слухъ по городу, что богачъ-Новакъ умеръ...

Это случилось въ началѣ августа мѣсяца, какъ разъ въ тѣ дни, когда была зарѣзана несчастная мученица Злата.

Бывшіе при смерти Новака, разсказывали потомъ, что при послѣднемъ издыханіи онъ ясно проговорилъ:

„Проклятъ тотъ, кто грабитъ чужое!
Отнято — проклято!
Нѣтъ тяжелѣе чужой крови!“..

XXVIII.

Оканчивая эту нашу скромную повѣсть, грѣшно было бы не упомянуть о дальней судьбѣ дѣйствующихъ ея лицъ; о томъ, что

случилось съ садовникомъ Станко — добрымъ сербомъ, избавившимъ Злату отъ турецкой неволи; что случилось со старою Дуржаной, безъ которой Злата потурчилась бы и въ домѣ Рашидъ-Беговича сложила свои кости, и наконецъ—что случилось съ родителями Златы,—послалъ ли имъ Богъ какое-нибудь утѣшеніе за утраченную ими единственную дочь.

* * *

Садовникъ Станко, когда переправился счастливо черезъ Дунай, добрался до какого-то близъ лежавшаго банатскаго села и нанялся въ услуженіе къ одному сербу. Этотъ сербъ былъ почтеннымъ и зажиточнымъ человѣкомъ. Въ домѣ кромѣ жены была еще и дочь. (Дочь уже была невѣстой). Она была здоровая какъ дубъ и красивая какъ горная вила. И Станко не былъ некрасивымъ мущиной. Она заглядѣлась и влюбилась въ него, Станко отвѣчалъ ей взаимностью.—Отецъ и мать, узнавъ объ этомъ, закрѣпили узы ихъ любви родительскимъ благословеніемъ. Станко жилъ счастливо съ любимою женой и милыми дѣтьми. Полученное за женою приданое и немного собственныхъ денегъ, которые Станко получилъ отъ Дуржаны, помогли Станку при хорошей жизни и усердномъ трудѣ создать себѣ благосостояніе.

Въ 1806 году въ кровавомъ бою подъ Бѣлградомъ принималъ участіе въ бою и геройски палъ одинъ банатскій сербъ. Это и былъ Станко-садовникъ, служившій нѣкогда въ домѣ Рашидъ-Беговича. Такъ онъ разсказывалъ самъ тогдашнимъ борцамъ за свободу Сербскаго народа.

* * *

Старую Дуржану выгнали изъ дому Рашидъ-Беговича. Она того только и желала. Послѣ на Бѣлградскихъ улицахъ видали одну старую турчанку, подаяніемъ снискивавшую себѣ пропитаніе.

По расказамъ—это и была старая Дуржана, родная тетка Златы. И она дожила до 1806 года, возвратилась въ свою прародительскую вѣру, и умерла христіанкой въ глубокой старости.

* * *

Милойко и Мара, родители Златы, долго жили въ надеждѣ, что Злата отыщется и что они увидятъ ее опять. Надежда не исполнилась,—они на вѣкъ потеряли свою Злату. Но Богъ услышалъ ихъ мо-

литву, которую они послѣ исчезновенія Златы вечеромъ возносили къ Нему: Онъ сохранилъ имъ сына въ живыхъ.

На 18 году они женили своего единственнаго сына Мирко и имѣли счастіе видѣть своими глазами троихъ милыхъ внучатъ, похожихъ на три золотыхъ яблочка.

Въ 1806 году въ кровопролитной битвѣ на „Хайдучской чесмѣ“, прозванной позднѣе „Кровавый Делиградъ“, Милойко, Златинъ отецъ, сражался какъ левъ, мстя за свою Злату. Въ этой битвѣ, во время приступа, турецкая пуля сразила Милойка, и онъ только успѣлъ сказать: „Не жалѣю, что умираю,—отомстилъ за мою Злату!“..

* *
*

И старый дядя Радэ дождался счастья увидѣть кровавый Делиградскій бой. Глубокая его старость помѣшала ему принять участіе въ лютой борьбѣ за свободу своего народа. Съ Мозговскихъ высотъ онъ глядѣлъ на битву, и изъ глубины своей старческой души молилъ Бога: „Боже! помоги несчастной сиротѣ райѣ!..“ Онъ пережилъ Милойка; онъ его омылъ, одѣлъ, закрылъ ему глаза на вѣчный сонъ и опустилъ въ могилу, сказавши:“

„Богъ да проститъ тебѣ, добрый сербъ! Пусть же тысячами множатся такіе юнаки!“..

Арх. Кириллъ.

Итоги V международнаго тюремнаго конгресса.

О томъ, что въ іюлѣ мѣсяцѣ въ Парижѣ состоялся V международный конгрессъ, читатели „Русской Бесѣды“ знаютъ изъ прекраснаго вступленія къ „Замѣткамъ изъ тюремнаго быта“ И. Плетенева („Русская Бесѣда“. Май), гдѣ между прочимъ авторъ указываетъ, что „сознаніе важности правильной постановки тюремнаго дѣла распространяется повсюду и не одни только культурныя западно-европейскія государства проявляютъ вниманіе и стремленіе къ практическому разрѣшенію сложныхъ задачъ улучшенія быта преступниковъ и нравственнаго ихъ исправленія, въ связи съ государственными расходами на содержаніе тюремъ“.

Наука, или точнѣе пенитенціарное, исправительное искусство получило въ послѣдніе двадцать пять лѣтъ особенно широкое развитіе, чему не мало способствовали международные конгрессы. Конгрессы эти, какъ они теперь организуются, имѣютъ цѣлью насколько это возможно объединить законодательства по тюремному дѣлу всѣхъ цивилизованныхъ народовъ.

Правда, ими высказываемыя желанія и выработанныя резолюціи— свойства чисто платоническаго,—онѣ не обязательны для Правительствъ и парламентовъ различныхъ націй, представители которыхъ въ конгрессахъ участвуютъ; но не можетъ быть спора въ томъ, что желанія эти и резолюціи, выработанные людьми наиболѣе авторитетными и свѣдущими въ тюрьмовѣдѣніи, которыми располагаютъ націи всего міра— имѣютъ значительную нравственную силу и, что въ теченіе послѣднихъ двадцати лѣтъ вліяніе ихъ весьма замѣтно въ различныхъ законодательствахъ.

Первый международный тюремный конгрессъ состоялся въ Лондонѣ, въ 1872 году, второй въ 1878 году, въ Стокгольмѣ, третій въ 1885 г. въ Римѣ и четвертый въ 1890 году въ Петербургѣ. V международный тюремный конгрессъ торжественно открытъ былъ Президентомъ французской республики 30-го іюня этого года и закрылся 9-го іюля (новаго стиля).

Въ конгрессѣ принимали участіе представители слѣдующихъ странъ: Англіи, Австро-Венгріи, Бельгіи, Бразиліи, Голландіи, Греціи, Германіи (отдѣльные представители были отъ В. Герцогства Баденскаго, Баваріи, Пруссіи, Саксоніи, Вюртемберга, Люксембурга и Гамбурга), Даніи, Испаніи, Италіи, Норвегіи, Португаліи, Россіи, Румыніи, Республикъ — Французской, С. Штатовъ, Никарагуа, Швейцарской и Аргентинской, Швеціи и Японіи.

Всѣхъ делегатовъ было около 700 человѣкъ.

Работы, какъ и на первыхъ четырехъ конгрессахъ, раздѣлены были на четыре секціи, занимавшіяся,—первая—законодательствомъ о наказаніяхъ (предсѣдатель-сенаторъ д. т. с. Фуксъ), вторая—техническими тюремными вопросами (вице-президенты т. с. Закревскій и Грипенбергъ), третья—мѣрами предупрежденій преступленій и рецидивовъ (вице-президентъ г. Случевскій) и четвертая — преступниками-дѣтьми и несовершеннолѣтними (вице-президенты г.г. Капустинъ и Дриль).

Дообѣденныя засѣданія производились по секціямъ, гдѣ обсуждались подлежащія имъ вопросы, — когда одинъ изъ таковыхъ исчерпывался—избирался докладчикъ, который и сообщалъ результаты засѣданія секціи на послѣобѣденномъ *общемъ* засѣданіи конгресса, гдѣ резолюціи секцій послѣ обмѣна мнѣній принимались или отвергались.

Въ программѣ конгресса стояли такія высоковажные вопросы— какъ рецидивъ и условные приговоры, ссылка преступниковъ, право на вознагражденіе за трудъ заключенныхъ, нищенство и бродяжничество, покровительство освобожденнымъ изъ тюремъ, опредѣленіе возраста невмѣняемости и вообще вопросы, касающіеся дѣтей-преступниковъ, алкоголизмъ и наконецъ проституція.

Насколько были любопытны и важны стоявшіе въ программѣ конгресса вопросы, настолько-же достойны вниманія и пренія какъ на засѣданіяхъ секцій, такъ и въ общихъ засѣданіяхъ, но даже и для краткой передачи содержанія этихъ преній понадобились бы печатные листы и листы и листы, поэтому мы ограничиваемся самой существенной частью работы конгресса—его резолюціями по всѣмъ безъ исключенія вопросамъ.

СЕКЦІЯ ПЕРВАЯ.

Законодательства о наказаніяхъ.

Вопросъ 1-й. Долженъ-ли считаться рецидивистомъ преступникъ, повторившій нарушеніе закона? Должно-ли быть прогрессивнымъ увеличеніе наказанія при каждомъ новомъ рецидивѣ?

Конгрессомъ принята слѣдующая резолюція, предложенная сенаторомъ Беранже: 1) Рецидивъ можетъ быть смотря по важности дѣла— общимъ, спеціальнымъ или подчиненнымъ условіямъ времени. Обузданіе его должно въ комбинаціи своей имѣть въ виду: 1) прогрессивное увеличеніе наказанія, за исключеніемъ случаевъ, ниже поименованныхъ и 2) опредѣленіе наказанія болѣе строгаго для злоумышленниковъ профессіональныхъ.

Вслѣдствіе поправки M. Jacquin'а постановлено, что первое правило можетъ быть не примѣняемо судомъ лишь въ случаяхъ, если имѣются на лицо смягчающія вину обстоятельства, для чего требуется *рѣшеніе суда точное и мотивированное*. Законъ долженъ опредѣлить minimum дабы не могли имѣть мѣсто злоупотребленія слабыми наказаніями. Относительно пункта 2-го, законъ долженъ опредѣлить число приговоровъ, послѣ которыхъ судъ, смотря по роду первыхъ приговоровъ и степени упорства (постоянства), опредѣляетъ, слѣдуетъ-ли считать обвиняемаго злоумышленникомъ по профессіи.

Вопросъ 2-ой. Можетъ-ли быть принята въ раціональной системѣ исправленія преступниковъ—ссылка, въ широкомъ смыслѣ и въ случаѣ утвердительномъ, какую роль должна выполнять она?

Ссылка, въ ея различныхъ формахъ, при улучшеніяхъ уже осуществленныхъ, въ которыхъ она еще нуждается, полезна отчасти для отбыванія долгихъ сроковъ наказанія, при крупныхъ преступленіяхъ, отчасти для упорныхъ рецидивистовъ.

Вопросъ 3-й. Долженъ-ли имѣть силу въ странѣ приговоръ, постановленный за границей?

1) Желательно, чтобы неправоспособность особы, вытекающая изъ приговора, постановленнаго за преступленія или нарушеніе общихъ законовъ судомъ націи, къ которой осужденный принадлежитъ, имѣла полную силу во всѣхъ государствахъ. 2) Также желательно, чтобы приговоренный за преступленія или нарушенія общихъ законовъ въ чужой странѣ, несъ на родинѣ всѣ послѣдствія приговора. Принимая во вниманіе настоящее состояніе международнаго права, конгрессъ не требуетъ, чтобы послѣдствія приговора были непосредственными результатами постановленія суда заграничнаго, но результатомъ спеціальнаго дѣйствія суда на родинѣ обвиняемаго.

Если новое нарушеніе закона произведено на территоріи національной, судъ, при опредѣленіи наказанія, можетъ принять во вниманіе приговоры, произнесенные за границей.

Вопросъ 4-ый. Достаточно-ли вооружена современными законами жертва преступленія на предметъ полученія вознагражденія отъ преступника?

1) Исправительное законодательство должно имѣть въ виду, тверже, чѣмъ было это до сихъ поръ, необходимость обезпеченія удовлетворенія стороны потерпѣвшей. 2) Разъ жалоба гражданской стороны признана основательной, послѣдняя не можетъ быть приговорена къ издержкамъ.

Гражданская сторона, которая лишь присоединяется къ дѣйствію, начатому обвинительной властью, если даже первая проигрываетъ дѣло, можетъ быть приговорена къ издержкамъ, лишь вызваннымъ ея вмѣшательствомъ. 3) Обвинительная власть, въ случаяхъ преслѣдованій уголовныхъ, должна предоставить юрисдикціи, налагающей запрещеніе, безъ издержекъ, право иска проторей и убытковъ въ пользу потерпѣвшей стороны, сохраняя за собою право, въ случаѣ удовлетворенія или отказа въ искѣ, на рѣшенія въ предѣлахъ, ей принадлежащихъ. 4) Вознагражденіе, присужденное потерпѣвшей сторонѣ, будетъ обеспечиваться движимымъ и недвижимымъ имуществомъ осужденнаго, причемъ привилегія эта принадлежитъ сторонѣ совмѣстно съ общественной казною. 5) Конгрессомъ постановлено, что слѣдуетъ серьезно отнестись къ предложеніямъ, на его разсмотрѣніе представленнымъ, о томъ, чтобы потерпѣвшей сторонѣ присуждалась часть вознагражденія за работу осужденнаго во время его тюремнаго заключенія, или объ организаціи спеціальной кассы штрафовъ, которая могла бы оказывать помощь жертвамъ нарушеній законовъ, но принимая во вниманіе, что въ настоящую минуту нѣтъ достаточныхъ данныхъ для оцѣнки и немедленнаго рѣшенія этихъ вопросовъ, постановлено—отложить ихъ болѣе основательное изученіе до слѣдующаго международнаго тюремнаго конгресса.

Вопросъ 5-ый. Слѣдуетъ-ли сохранять въ исправительномъ законодательствѣ раздѣленіе на преступленія, проступки и нарушенія (crimes, délits et contraventions)? Въ отрицательномъ случаѣ, какое значеніе слѣдуетъ придавать этому раздѣленію?

Ст. 1-ая. Раздѣленіе двухвидовое — есть раздѣленіе научное и раціональное. *Ст. 2-ая.* Нѣтъ основаній предлагать, странамъ его принявшимъ—измѣненіе этого раздѣленія. *Ст. 3-я.* Тѣмъ не менѣе, полезно установить взаимныя отношенія между классификаціей юрисдикціи,— тамъ гдѣ, дабы прійти къ этому соглашенію, необходимо подраздѣленіе первой категоріи нарушеній законовъ на проступки крупные и мелкіе, или на преступленія и проступки, трехвидовое раздѣленіе имѣетъ характеръ практическій, который оправдываетъ его сохраненіе.

Шестой и седьмой вопросы, по сродности ихъ, предоставлены обсужденію другихъ секцій.

Вопросъ 8-й. Къ какому роду нарушеній по законамъ исправительнымъ, на какихъ условіяхъ и въ какой мѣрѣ слѣдовало бы принять въ законодательствѣ:

1) Систему выговоровъ и увѣщаній судьями обвиняемымъ взамѣнъ приговоровъ; 2) отсрочку наказанія всякаго рода, къ которому судья приговариваетъ, но исполненіе котораго отлагается имъ до новаго надъ подсудимымъ приговора? (законъ Беранже). Въ исправительной практикѣ, примѣненіе судейскихъ выговоровъ и отсрочка отбыванія наказанія послѣ приговора приводятъ къ результатамъ почти тождественнымъ, вслѣдствіе этого добавлять систему выговоровъ къ системѣ отсрочекъ — безполезно. Законодательства, признающія за исправительными судами право отсрочекъ отбыванія наказанія впервые судимымъ и приговариваемымъ къ незначительнымъ наказаніямъ, заключаютъ въ себѣ наилучшія изъ извѣстныхъ законоположенія.

СЕКЦІЯ ВТОРАЯ.

Вопросъ 1-й. Нужно ли обобщеніе и объединеніе способовъ примѣненія антропометрическихъ измѣреній и обсужденіе условій, при которыхъ можно рекомендовать соглашеніе объ этомъ?

Чрезвычайно важно прійти къ скорѣйшему международному соглашенію относительно объединенія антропометрическихъ дѣйствій.

Вопросъ 2-й. Слѣдуетъ ли къ женскимъ тюрьмамъ примѣнять особыя правила, отличныя отъ правилъ тюремъ мужскихъ, относительно работъ, дисциплинарнаго порядка и пищи? Не слѣдуетъ ли къ женщинамъ примѣнять даже особую систему наказаній?

1) Одновременно и полезно и необходимо предусмотрѣть въ регламентахъ различныя, для мужчинъ и женщинъ, правила какъ съ точки зрѣнія физической, такъ и моральной и интелектуальной; 2) полное одиночное заключеніе должно примѣняться въ теченіе всего времени подсудности; 3) принципъ одиночнаго заключенія долженъ быть принятъ и относительно женщинъ, какъ бы ни было продолжительно наказаніе; 4) для женщинъ-матерей необходимо устройство отдѣльныхъ зданій или спеціальныхъ помѣщеній. Въ регламентахъ необходимо предусмотрѣть правила, облегчающія дисциплинарный режимъ и улучшеніе пищи для женщинъ.

Вопросъ 3-й. Можно ли примѣнять наказанія лишеніемъ свободы, впродолженіи котораго работы не обязательны?

Работы во всѣхъ тюрьмахъ безъ исключенія не составляютъ ли необходимости, какъ элементъ порядка, предохраненія нравственности и гигіены?

Ручныя работы, какъ общее правило, должны быть обязательны при всѣхъ наказаніяхъ, влекущихъ за собою лишеніе свободы.

Вопросъ 4-й. Имѣютъ ли право заключенные на заработную плату. Или плоды работы ихъ должны быть предварительно употреблены на покрытіе расходовъ по ихъ содержанію, за исключеніемъ опредѣленной части заработка для каждаго изъ нихъ, а затѣмъ выдаваемы заслуживающимъ въ видѣ награды.

1) Заключенный не имѣетъ права на заработную плату; 2) въ интересахъ государства выдавать заключеннымъ награды.

Резолюціи эти послѣ чрезвычайно оживленныхъ преній [1]) были вынесены конгрессомъ почти единогласно. Здѣсь считаю необходимымъ о резолюціяхъ этихъ сказать нѣсколько подробнѣе.

Основанія замѣны заработной платы — наградами таковы: Первое основаніе то, что работа въ тюрьмахъ — есть работа обязательная (резолюція по вопросу 3-му), ибо составляетъ сущность наказанія. Заключенный *долженъ* работать—должнику же не платятъ, должникъ платитъ самъ и въ данномъ случаѣ—работою, поэтому, въ теоріи, заключенный не имѣетъ права требовать платы за свой трудъ. Но было бы, въ то же время, безчеловѣчно и неблагоразумно не вознаграждать стараніе работника, который всегда можетъ бросить работы, или, подъ страхомъ наказанія болѣе строгаго, работать кое-какъ. Вознаграждать его трудъ — лучшій способъ внушенія ему уваженія къ работѣ; счастье и радость, которыя даетъ она—лучшее средство способствовать нравственному возрожденію преступника.

Но, *вознаграждаемый за свой трудъ, заключенный, прежде всего долженъ оплачивать свое содержаніе.* Свободный работникъ, честный труженикъ, получивъ свою заработную плату, употребляетъ ее на свое пропитаніе, одежду и ремонтъ инструментовъ своего ремесла. Почему же когда онъ совершаетъ преступленіе, общество или правительство должны прилагать къ нему особыя заботы. — кормить, поить, и одѣвать его на свой счетъ? До сихъ поръ, во Франціи, напримѣръ, заключенный въ центральномъ домѣ, зарабатывая одинъ франкъ въ день, получаетъ изъ него половину,—остальные 50 сантимовъ идутъ въ пользу

---

[1]) Въ нихъ участвовало нѣсколько ораторшъ, одна изъ которыхъ, довольно несвоевременно переводя вопросъ на общую почву, воскликнула: «это удивительно! Общество заботится объ организаціи работъ для преступниковъ и не думаетъ о томъ же для людей честныхъ!»

правительства, которому содержаніе этого заключеннаго въ день стоитъ 70 сантимовъ. Почему же ему не платить эти 70 сантимовъ, если онъ зарабываетъ достаточную для этого сумму? Если бы этотъ работникъ былъ на свободѣ, онъ заплатилъ бы за свое содержаніе много болѣе 70 сантимовъ въ день. Вотъ почему конгрессъ пришелъ къ заключенію, что содержащійся въ тюрьмѣ работой своей долженъ оплатить полное свое содержаніе.

Затѣмъ слѣдуетъ второй пунктъ, по которому рѣшеніе конгресса было также единодушно. Всѣ имѣющіяся въ тюрьмахъ мастерскія не одинаково доходны. Въ центральномъ домѣ, разсчитанномъ на 800 заключенныхъ, такихъ мастерскихъ имѣется до 10 и 12, въ которыхъ, по опредѣленнымъ тарифамъ на предметы издѣлія, въ одной—заключенный едва вырабатываетъ до 50 сантимовъ въ день, въ другой — 70, въ третьей—франкъ, въ четвертой—2-3 франка и до четырехъ даже. При поступленіи въ тюрьму заключеннаго опредѣляютъ въ ту мастерскую, гдѣ есть свободное мѣсто, число которыхъ для каждой опредѣлено. Такимъ образомъ три человѣка присужденные какъ соучастники по одному и тому же преступленію и къ тому же пятилѣтнему заключенію — попавъ въ разныя мастерскія—будутъ имѣть различныя условія содержанія. Первый, въ тряпичной мастерской съ трудомъ будетъ зарабатывать 50 сантимовъ въ день, второй — въ сапожной мастерской заработаетъ всегда до 1 франка въ день, третій же, въ мастерской желѣзной мебели, заработаетъ отъ 3 до 4 франковъ. Черезъ пять лѣтъ, при выходѣ изъ тюрьмы— первый получаетъ около 200 франковъ, второй около 400, а третій до 1500. — Поразительное неравенство для осужденныхъ за одно и то же преступленіе, не говоря уже о томъ, что за содержаніе первыхъ двухъ до сихъ поръ должно было приплачивать государство.

Обобщая этотъ случай, легко прійти къ заключенію, что условія содержанія преступниковъ, положеніе которыхъ въ глазахъ юстиціи — равно,—на самомъ дѣлѣ весьма различно, и что государство за большинство изъ нихъ должно платить.

Чтобы установить равенство наказанія и возмѣстить государству производимые имъ расходы на содержаніе преступниковъ, *слѣдуетъ общей суммой заработной платы заключенныхъ покрывать общую сумму расходовъ на ихъ содерженіе. — Остатокъ дохода долженъ быть распредѣляемъ между заключенными пропорціонально ихъ стараніямъ и количеству выполненной работы.* Напримѣръ: въ центральномъ домѣ, при 800 заключенныхъ, общая сумма отъ ихъ работы въ день будетъ приблизительно равняться 1000 франковъ; общее содержаніе заключенныхъ въ день стоитъ 600 франковъ, которые госу-

дарство беретъ изъ 1000 фр. заработанныхъ, а 400 раздѣляются между заключенными какъ выше сказано. Словомъ, каждый заключенный заплатитъ за свое содержаніе и получитъ вознагражденіе, пропорціональное его работѣ, оставаясь въ одинаковыхъ общихъ условіяхъ.

Трудолюбивому заключенному, кромѣ того, по рѣшенію конгресса, слѣдуетъ дать и другое вознагражденіе,—каждому заключенному, добросовѣстно исполнившему свою дневную задачу, при безупречномъ поведеніи—количество остающихся дней будетъ уменьшено на одинъ день, такъ, что день, употребленный на добрую работу, будетъ стоить двухъ дней отбыванія наказанія,

Эта система послужитъ новымъ побужденіемъ къ работѣ и устранитъ другія причины неравенства.

Въ данномъ случаѣ знаменательно то, что конгрессъ отнесся къ заключеннымъ какъ къ свободнымъ и честнымъ труженикамъ, предложивъ имъ, такъ сказать, оплатить сперва свое содержаніе, а затѣмъ уже требовать вознагражденія.

Честный работникъ, работая съ утра до ночи, чтобы прокормить себя, съ трудомъ сберагаетъ (и то далеко не всегда) нѣсколько копеекъ къ концу недѣли; при бывшихъ до сихъ поръ условіяхъ онъ имѣетъ право сказать: „въ тюрьмѣ—лучше,—тамъ зарабатываютъ деньги, не заботясь о своемъ пропитаніи!“

Надо быть справедливымъ къ преступникамъ, не создавая имъ привиллегій, и надо сохранить симпатіи къ честнымъ людямъ, съ трудомъ зарабатывающимъ свой хлѣбъ.

Эти принципы и привели членовъ тюремнаго конгресса къ вышеприведенному рѣшенію.

Вопросъ 5-й. Съ цѣлью дѣйствовать на заключеннаго болѣе надеждами, чѣмъ страхомъ, слѣдуетъ-ли увеличить число способовъ вознагражденія?

Не входя въ обсужденіе вопросовъ о системахъ исправительныхъ, секція тѣмъ не менѣе выразила желаніе, дабы число способовъ вознагражденія не увеличивалось противъ выше приведенныхъ.

Вопросъ 6-й Въ какихъ формахъ и при какихъ условіяхъ должны назначаться и примѣняться дисциплинарныя наказанія?

1) Правила, вывѣшенныя въ тюрьмахъ должны предусматривать главные проступки и указывать на различныя за нихъ наказанія; 2) наказаніе должно быть назначаемо послѣ строгаго дознанія и выслушанія заключеннаго; 3) рѣшеніе должно точно указывать продолжительность наказанія.

Вопросъ 7-й. Въ интересахъ общей дисциплины и исправленія приговоренныхъ слѣдуетъ-ли изъ ихъ общаго состава выдѣлять наилучшихъ и наихудшихъ по поведенію?

Предпочтительно сперва выдѣленіе наихудшихъ по поведенію.

Вопросъ 8-й. Согласно какимъ правиламъ долженъ быть сдѣланъ расчетъ продолжительности наказанія для приговоренныхъ и пораженныхъ душевной болѣзнью: а) когда они заключаются въ спеціальныхъ заведеніяхъ, зависящихъ отъ тюремной администраціи? b) когда они переводятся въ дома душевно-больныхъ?

При расчетѣ срока наказанія для приговоренныхъ и пораженныхъ душевной болѣзнью должно считаться одинаково время, въ теченіе котораго: 1) они заключены въ заведеніяхъ, зависящихъ отъ тюремной администраціи или 2) содержатся переведенными въ дома душевно-больныхъ.

Если законодательство даруетъ уменьшеніе времени заключенія по приговору, подъ условіемъ, что наказаніе должно быть отбываемо въ одиночномъ заключеніи, конгрессъ того мнѣнія, что и приговоренный душевно-больной долженъ пользоваться этимъ преимуществомъ, хотя бы во время своего помѣшательства и находился въ общемъ помѣщеніи.

Вопросъ 9-й. Достаточно-ли до сихъ поръ въ тюремномъ режимѣ отдавался отчетъ относительно вліянія физическихъ упражненій съ точки зрѣнія нравственнаго улучшенія заключенныхъ?

Конгрессъ держится того убѣжденія, что не гимнастика, а работа лишь способна вести къ нравственному улучшенію заключенныхъ.

(Окончаніе будетъ).

Пересказы Ф. С. Комарскаго.

I. **Святая земля и библія**. Описаніе Палестины и нравовъ ея обитателей Д-ра К. Гейки. Съ оригинальными рисунками Г. А. Гарпера. Къ этому роскошному изданію, отпечатанному на веленевой бумагѣ въ два тома (1168 стран.), приложена карта Палестины, составленная Ф. С. Комарскимъ. Спб. 1894. Цѣна 10 р., съ перес. 11 р. 50 к., въ роскошномъ коленкор. переплетѣ 12 р. За пересылку прилагается за 12 ф. по разстоянію. (Изданіе И. Л. Тузова).

II. **Голосъ съ Синая.** Вѣчное основаніе нравственнаго закона. Духовно-нравственныя бесѣды по Ф. В. Фаррару. СПБ. 1895 г. Ц. 1 р. 50 к., въ коленк. переплетѣ 2 р. (Изданіе И. Л. Тузова).

III. **Въ дни твоей юности.** Духовно-нравственныя бесѣды по В. Ф. Фаррару. СПБ. 1895 г. Ц. 2 р., въ коленкор. переплетѣ 2 р. 50 коп. (Изданіе И. Л. Тузова).

IV. **Бесѣды,** избранныя изъ Брукса, Гейки, Джонса, Друммонда, Монтефельтро, Ньюмана, Ньютона, Спурджона, Фаррара, Фебра, и другихъ. Всѣхъ около ста бесѣдъ. Вышли изъ печати:

Бес. 1. *Ученіе Христа.* Цѣна **8** коп. Бес. 2. *О лиліяхъ и воробьяхъ.* Цѣна **5** коп. Бес. 3. *Встань, спящій.* Цѣна **5** коп. Бес. 4. *Христосъ нераздѣленъ.* Цѣна **5** коп.

ПЕЧАТАЮТСЯ:

Бес. 5, *Послѣдствія себялюбія.* Бес. 6. *Блаженство людей, которыхъ поносятъ.* Бес. 7. *Пропавшая овца.* Бес. 8. *Потерянная драхма.* Бес. 9. *Непоколебимое.* Бес. 10. *Соблюди заповѣди.* Бес. 11. *Идолы.* Бес. 12. *Примѣры святыхъ.* и др.

Кромѣ того печатается „**Чтенія для дѣтей** пастора Тодда, подъ редакціей *Ф. С. Комарскаго.* Изданіе иллюстрировано“.

Продажа производится въ книжн. магазин. у *И. Л. Тузова.* Гостиный дворъ, Садовая, № 45 и другихъ.

Складъ изданій: Троицкая ул., 18.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1895 ГОДЪ НА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-НАУЧНЫЙ ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„СѢВЕРНЫЙ ВѢСТНИКЪ".

1-го октября вышла 10-я книжка.

Отдѣлъ первый. 1) Миссъ Май. Разсказъ *З. Гиппіусъ.*—2) Тургеневъ и Толстой. Лиза, героиня «Дворянскаго гнѣзда» и героиня новаго романа Б. Прусса. Проф. *Д. Овсянико-Куликовскаго.*—3) Заграницей. Воспоминанія и разсказы. Петербургъ 18-0 г. Выставка картинъ В. В. Верещагина.—Аукціонъ.—Сборы за границу съ М. Д. Скобелевымъ.—Деньщикъ Петровъ.—Миражъ.—Берлинъ.—Отъ Берлина до Кельна.—Жирарде—Парижъ.—Вѣна.—Берлинъ.—Kron-Prinz.—Мольтке—Яковъ. *А. Верещагина.*—4) Темный ангелъ. Стихотвореніе *Д. Мережковскаго.*—5) Ходитъ!.. Разсказъ *О. Забытаго.*—6) Записки А. О. Смирновой. Лермонтовъ, Гоголь и «Мертвыя души». — Живописецъ Ивановъ.—7) Въ старомъ саду. Стихотвореніе *К. Фофанова.* — 8) Тяжелые сны. Романъ *Ѳ. Сологуба.*—9) Англійское вліяніе въ Россіи. *П. Боборыкина.*—10) Исповѣдь. *Анни Безантъ.* Переводъ съ англійскаго. *Зин. Венгеровой.*—11) Объединеніе суда и судебный языкъ. *М. Стиваля.*—12) Сердечные мотивы. Два стихотворенія. *Н. Минскаго.*—13) «Наяда». Разск. *А. Чермнаго.*—14) Сны. Стихотвореніе *О. Чюминой.* — 15) «QUO VADIS». Романъ изъ временъ Нерона. *Генрика Сенкевича.* — 16) Вопросъ объ Эльзасѣ и Лотарингіи. Важность его для современной Европы.—Четыре возможныхъ исхода его безъ войны.—Процедура рѣшенія.—Заключеніе. Гр. *Л. Камаровскаго.*—17) Литературныя замѣтки. *Валеріанъ Майковъ.* Эстетическіе и общественные вопросы передъ судомъ соціологической критики. *А. Волынскаго.*—18) На западѣ.***—Библіографическія замѣтки. А. С. Пушкинъ. *Ф. Витберга.* **Отдѣлъ второй.** Областной отдѣлъ: 1) Рабочіе на Сибирской желѣзной дорогѣ *Н. Арефьева.*—2) Провинціальная печать. Нижегородское торжище и гульбище.—Холера въ волынской и Подольской губерніяхъ.—Разореніе Казани.—Вѣнокъ стариковъ.—Выставка въ Вильнѣ. — Народныя чтенія.—«Самарскій Вѣстникъ» о пьянствѣ на сельской площади. — Круговая порука безъ общины.—Безпорядки въ Юрьевской тюрьмѣ.—Ученики и учебники. — Фельетонистъ «Одесскаго листка» и корреспондентъ «Одесскихъ Новостей».—Философъ «Русскаго Слова».—«Прибалт. Листокъ» и «Новое Время».—Въ Саратовѣ бьютъ нѣмцевъ. — О врачахъ. *Л. Прозорова.*—3) Внутреннее обозрѣніе. 30-ти-лѣтіе закона о печати. — О «формалистикѣ».—Новый уставъ лечебныхъ заведеній.—Фабричныя свѣдѣнія и отчеты.—Совѣщаніе о сельскохозяйственныхъ училищахъ.—Съѣздъ представителей исправительныхъ пріютовъ для несовершеннолѣтнихъ.—«Сообщеніе» о выдачѣ и пріемѣ серебряной монеты.—4) Критика *Н. Карѣевъ.* Бесѣды о выработкѣ міросозерцанія.—А. Трика. Отвѣтъ одного изъ учащейся молодежи на письма къ ней г. Карѣева о самообразованіи.—С. Обращеніе товарища къ студентамъ. *А. Волынскаго.*—Я. К Гротъ. Нѣсколько данныхъ къ его біографіи и характеристикѣ.—*Сергѣй Норманскій (Сигма)* Оттуда. Разсказы. *А. Волынскаго.*—*Библіографія.* I. Литература. Книги для дѣтей и для народа.—II. Медицина и естествознаніе.—III. Общественныя науки.—IV. Педагогика.—V. Изъ литературы и жизни. Еще о князѣ В. Вяземскомъ. *В. Корсакова.*—Правдивое слово о князѣ В. В. Вяземскомъ.—Новѣйшіе московскіе скорпіоны. — † Пастеръ.—† Н. В. Стасова.—VI. Книги, поступившія въ редакцію.—VII. Объявленія.

ЦѢНА:	Годъ:	Полгода:	Четверть:		Годъ:	Полгода:	Четверть:
Безъ доставки	12 р.—к.	6 р.—к.	3 р.—к.	Съ пересыл.	13 р. 50 к.	7 р.—к.	3 р. 50 к.
Съ доставкою .	12 » 50 »	6 » 50 »	3 » 50 »	За границей	15 » — »	8 »—»	4 » — »

Въ главн. конторѣ допускается разсрочка безъ повышенія годовой цѣны. Для учащихъ и учащихся льготныя условія.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ въ Главн. Конторѣ, Спб., Троицкая, 9; въ Московскомъ Отдѣленіи при книжн. маг. К. Тихомирова, Кузнецкій Мостъ; Въ Спб., въ кн. маг. Фену, въ Москвѣ, въ конт. Н. Печковской, во всѣхъ кн. маг. Карбасникова, «Новаго Времени» и др.

Издательница Л. Я. Гуревичъ. За редактора Л. Я. Гуревичъ.

Доз. Цензурою СПБ., 24 окт. 1895 г. Печ. Е. Евдокимова, Троицкая ул., 18

ОТЪ ГОСУДАРСТВЕННАГО БАНКА

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Продолженіе добровольнаго обмѣна облигацій 4% займовъ на государственную 4% ренту рубль за рубль нарицательнаго капитала, съ расчетомъ %-въ сообразно срокамъ купоновъ отъ обмѣниваемыхъ бумагъ.

Въ Мартѣ сего года, на основаніи распоряженія Г. Министра Финансовъ, послѣдовавшаго во исполненіе Именнаго ВЫСОЧАЙШАГО Указа 3 Марта, Государственный Банкъ приступилъ къ пріему заявленій относительно добровольнаго обмѣна облигацій внутреннихъ 4% займовъ на государственную 4% ренту, причемъ назначенная для сего обмѣна предѣльная сумма 250 мил. руб. была покрыта полностью и дальнѣйшій обмѣнъ прекращенъ.

Нынѣ, на основаніи распоряженія Г. Министра Финансовъ, послѣдовавшаго во исполненіе Именнаго ВЫСОЧАЙШАГО указа 24 Марта с. г., Государственный Банкъ **открываетъ вновь** пріемъ заявленій отъ владѣльцевъ остающихся еще въ обращеніи и не вышедшихъ въ тиражъ погашенія облигацій: 4%-го внутренняго займа 1887 г. и 2-го, 3-го и 4-го внутреннихъ займовъ 1891 г., желающихъ обмѣнить таковыя облигаціи на свидѣтельства государственной 4% ренты, на нарицательный капиталъ, равный нарицательному капиталу обмѣниваемыхъ облигацій, съ расчетомъ при семъ обмѣнѣ %-въ сообразно срокамъ уплаты процентовъ по обмѣниваемымъ бумагамъ.

Заявленія о таковомъ обмѣнѣ будутъ принимаемы **съ 1 Ноября по 1 Декабря с. г.** во всѣхъ Конторахъ и Отдѣленіяхъ Государственнаго Банка, а равно въ Сберегательныхъ Кассахъ при казначействахъ въ тѣхъ городахъ, гдѣ нѣтъ учрежденій Банка.

Предѣльной суммы для сего обмѣна не назначается и всѣ заявленія объ обмѣнѣ, сдѣланныя въ теченіи **указаннаго выше мѣсячнаго срока, будутъ удовлетворены сполна.**

Теченіе дохода по предназначенной для выдачи по таковому обмѣну государственной 4% рентѣ начнется съ 1 Декабря сего 1895 г., такъ что первый купонъ при сей рентѣ будетъ **на срокъ 1 Марта 1896 года.**

Заявляемыя къ обмѣну на 4% ренту облигацій 4% внутреннихъ займовъ должны имѣть текущіе при нихъ купоны, а именно: займа 1887 г.—купоны на срокъ 1 Апрѣля 1896 г., 2-го займа 1891 г.—купоны на срокъ 1 Декабря 1895 г., 3-го займа 1891 года—купоны на срокъ 15 Декабря 1895 г. и 4-го займа 1891 года—купоны на срокъ 15 Января 1896 г.

Сообразно сему, **одновременно съ выдачею**, въ обмѣнъ облигацій 4% внутреннихъ займовъ, **государственной 4% ренты, рубль за рубль нарицательнаго капитала, будутъ уплачиваемы проценты по обмѣниваемымъ облигаціямъ** 4% внутреннихъ займовъ, за время съ начала теченія сихъ процентовъ по текущему купону отъ обмѣниваемыхъ облигацій по срокъ начала теченія %-въ по Мартовскому 1896 года купону отъ выдаваемой по обмѣну 4% ренты, т. е. **по 1 Декабря сего 1895 г.**, а именно на 100 р. нарицательнаго капитала:

по облиг. 4% внутр. займа:

1	в. 1887 г. % за время	съ 1	Окт.	1895	г. по	1	Дек.	95	г.	— р.	$63\,^1/_3$	к.
2	» 1891 » » »	» 1	Іюня	1895	» »	1	»	95	»	1 »	90	»
3	» » » » »	» 15	»	1895	» »	1	»	95	»	1 »	$74^1/_6$	»
4	» » » » »	» 15	Іюля	1895	» »	1	»	95	»	1 »	$42^1/_2$	»

Стоимость недостающихъ купоновъ при обмѣниваемыхъ 4% облигаціяхъ должна быть вносима владѣльцами облигацій наличными деньгами.

Заявленія объ обмѣнѣ облигацій 4% внутреннихъ займовъ на 4% государственную ренту могутъ быть подаваемы какъ съ представленіемъ предназначенныхъ къ обмѣну облигацій, такъ равно и безъ представленія таковыхъ. Въ семъ послѣднемъ случаѣ долженъ быть представленъ заявителемъ залогъ въ размѣрѣ 2 руб. на каждые 100 руб. нарицательнаго капитала заявлен-

ныхъ къ обмѣну 4% облигацій, съ обязательствомъ представить таковыя облигаціи не позже 1 Января 1896 года подъ опасеніемъ утраты залога.

Заявленія объ отмѣнѣ должны быть подаваемы на бланкахъ, которые можно получать безвозмездно въ кассѣ обмѣна.

Въ заявленіяхъ сихъ должны быть обозначены, съ требуемыми формою заявленія подробностями, представленныя къ обмѣну 4% облигаціи, а равно должно быть указано достоинство требуемыхъ предъявителемъ свидѣтельствъ 4% ренты.

Примѣчаніе. Заявленія объ обмѣнѣ 4% облигацій внутреннихъ займовъ, находящихся во вкладахъ на храненіи, могутъ быть сопровождаемы вкладными росписками сихъ учрежденій, и во всякомъ случаѣ должны заключать точное указаніе нумеровъ таковыхъ росписокъ. Замѣна сихъ росписокъ новыми, на выдаваемую 4% ренту, производится БЕЗПЛАТНО распоряженіемъ Банка.

Заявленія объ обмѣнѣ на 4% ренту **именныхъ** облигацій 4% внутреннихъ займовъ, а равно облигацій, заключающихся въ выданныхъ Государственною Коммиссіею Погашенія Долговъ **удостовѣреніяхъ именной** записи, должны быть подаваемы отдѣльно отъ заявленій объ обмѣнѣ предъявительскихъ облигацій. Въ заявленіяхъ сихъ должно быть указываемо, на чье имя обмѣниваемыя облигаціи и записи выданы, а равно какія 4% ренты требуются по обмѣну: предъявительскія или именныя, и въ семъ случаѣ—на чье имя, ренты должны быть написаны.

Обмѣнъ облигацій 4% займовъ производится **непосредственно на подлинную ренту** безъ выдачи временныхъ свидѣтельствъ.

По заявленіямъ, поданнымъ съ представленіемъ облигацій 4% займовъ, выданныхъ на предъявителя, для обмѣна на предъявительскія же ренты, причитающіяся по обмѣну **подлинныя 4% ренты**, а равно доплата наличными, по расчету за купоны **будутъ выдаваемы** въ С.-Петербургской Конторѣ Банка по возможности **въ тотъ же день** въ порядкѣ поступленія сихъ заявленій, при самомъ пріемѣ коихъ въ обмѣнной кассѣ будутъ выдаваемы, для соблюденія очереди при выдачѣ рентъ и доплаты, контрмарки обмѣнной кассы. При невозможности же произвести выдачу ренты и доплаты въ тотъ же день, вслѣдствіе значительности представленной при одномъ заявленіи партіи или неимѣнія свидѣтельствъ ренты требуемыхъ достоинствъ, будутъ выдаваемы въ кассѣ обмѣна особыя именныя квитанціи, безъ права передачи, съ озна-

ченіемъ въ оныхъ принятыхъ облигацій, росписокъ или залога, а также причитающихся къ выдачѣ 4% рентъ по достоинствамъ и и времени, когда таковыя ренты могутъ быть выданы. Такія же квитанціи будутъ выдаваемы по заявленіямъ: а) объ обмѣнѣ облигацій именныхъ, или при требованіи по обмѣну выдачи именныхъ 4% рентъ, б) объ обмѣнѣ облигацій, находящихся во вкладахъ на храненіи, и в) по заявленіямъ съ представленіемъ залога.

Въ прочихъ Конторахъ и Отдѣленіяхъ и Сберегательныхъ Кассахъ выдача ренты будетъ производиться по соображенію съ имѣющимся запасомъ ея въ данномъ учрежденіи, и съ выдачею владѣльцамъ, при пріемѣ заявленій, или контрмарокъ, или именныхъ квитанцій, на вышеуказанныхъ для С.-Петербургской Конторы основаніяхъ.

За Управляющаго Государственнымъ Банкомъ *С. Тимашевъ.*

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 28 октября 1895 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.

Зарубежное Славянство.

Приложеніе. **БЛАГОВѢСТЪ.** Октябрь 1895 г.

БЛАГОВѢСТЪ

Октябрь

1895

Кормчій Ѳ. Четыркинъ.

ГАЛИЦКАЯ МИТРОПОЛІЯ

ЦЕРКОВНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНІЕ

Н. Д. ТИХОМІРОВА.

Окончаніе.

Глава шестая. Примѣчанія.

Приложеніе къ «Русской Бесѣдѣ».

Отъ С.-Петербургскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печатать дозволяется.
С.-Петербургъ, 6-го іюня 1895 года.
Цензоръ Протоіерей **А. Автономовъ.**

Печатня Е. Евдокимова, Троицкая улица, д. 18.

латинское. Это послѣднее хотѣло сначала также обосноваться въ Галичѣ, но Владиславъ Опольскій, какъ мы видѣли выше, скоро понялъ, что, въ интересахъ бо́льшаго церковнаго престижа главной латинской каѳедры, необходимо перенести ее изъ захудалаго Галича въ болѣе значительный и болѣе богатый городъ—Львовъ, что́ онъ и сдѣлалъ. Можно было въ Львовѣ учредить и каѳедру православной митрополіи, но этого, какъ мы уже говорили, не могъ бы дозволить и стерпѣть католическій „арцибискупъ". Но, помимо самаго Галича, который былъ когда-то обширнымъ и богатымъ городомъ, а потомъ началъ постепенно падать и держался, благодаря только стариннымъ традиціямъ, такъ какъ прежде былъ столицей юго-западныхъ князей и резиденціей галицкихъ митрополитовъ, — самая Галицкая область, ставшая вмѣстѣ съ Перемышлемъ одной изъ польскихъ провинцій, окончательно лишилась своего прежняго политическаго, а вслѣдъ за нимъ и церковнаго значенія, постепенно начавши утрачивать даже самую память о томъ, что она когда-то играла важную политическую и церковную роль и что въ продолженіе цѣлаго столѣтія служила дорого́й приманкой для искателей высокаго и почетнаго сана митрополита. И политическія, и церковныя традиціи перешли изъ ополяченной Галичины къ прежнимъ союзнымъ съ нею областямъ Волынскимъ, окончательно слившимся съ Литвой. Въ этихъ областяхъ католичество было гораздо слабѣе, чѣмъ въ Галиціи, такъ какъ менѣе были привержены къ нему владѣвшіе ими литовскіе князья; православіе же, вслѣдствіе этого, чувствовало въ немъ себя гораздо крѣпче, тверже и смѣлѣе; православныхъ епархій тамъ было также больше, а, главное, во главѣ ихъ стоялъ Кіевъ, подчиненный Литвѣ. Вслѣдствіе же всего этого, вполнѣ понятнымъ становится тотъ фактъ, что центръ православной церковной жизни перешелъ изъ униженной и заброшенной Галиціи въ Волынь, изъ Польши въ Литву. Между тѣмъ какъ Галиція не имѣетъ у себя даже епископа, Литва настойчиво хлопочетъ о своихъ православныхъ митрополитахъ. Тамъ, мы видѣли, появляются Григорій Цамблакъ, Герасимъ и, наконецъ, латинскій ставленникъ Григорій, начавшій собой рядъ независимыхъ кіевскихъ митрополитовъ, но поселившихся въ Литвѣ и бывшихъ собственно спеціально литовскими митрополитами. Галиція же остается совсѣмъ въ сторонѣ. Возможно, что при поставленіи Григорія Цамблака въ митрополиты соборомъ южно-русскихъ епископовъ она не принимала никакого участія,—можетъ быть, вполнѣ равнодушная къ вопросу, какому бы митрополиту ни подчиняться—московскому или кіевскому [22]).

Вслѣдствіе же такого политическаго, а главное, церковнаго упадка Галича и его области, не находилось, думаемъ, и такихъ охотниковъ,

которые приняли бы на себя трудныя и опасныя хлопоты о возстановленіи Галицкой митрополіи съ цѣлію самихъ себя утвердить на ней митрополитомъ. Легче было, понятно, сдѣлаться въ ней епископомъ, но и для этого нужно было много хлопотать и притомъ постепенно опасаться всевозможныхъ козней неразборчиваго въ средствахъ мести католическаго духовенства, которое грозило, какъ мы видѣли выше, даже „забить" Макарія Тучапскаго, когда онъ ѣхалъ ставиться епископомъ къ Кіевскому митрополиту. Возможно, впрочемъ, что появленіе въ Галичѣ православныхъ епископовъ было нежелательно не только для высшаго католическаго духовенства, но и православныхъ митрополитовъ— Московскихъ или Кіево-Литовскихъ, въ церковномъ завѣдываніи которыхъ въ то или иное время находилась Галиція. Митрополиты, можетъ быть, боялись, хотя, думается, ихъ опасенія были совершенно напрасны, какъ бы въ Галиціи опять не воскресли, казалось, навсегда похороненныя, прежнія старинныя притязанія на церковное главенство, какъ бы Галицкіе епископы, вспомянувъ старину, не стали снова домогаться митрополичьяго сана и церковной обособленности. Эта наша догадка, кажется, вполнѣ справедлива, такъ-какъ имѣетъ за себя даже историческое подтвержденіе. Такъ, когда была возобновлена Галицко-Львовская епископія, то посвященный на нее епископъ Макарій далъ Кіевскому митрополиту клятвенное обѣщаніе „столечности Галицкоѣ митрополіи... у свою власть не привлащати, ани ся на то покушати... ани мои потомки". [1]) Кіевскій митрополитъ серьезно, какъ видно, опасался возможныхъ въ будущемъ церковныхъ притязаній Галицко-Львовскаго епископа, потому и позаботился на всякій случай заручиться съ его стороны клятвеннымъ обязательствомъ. Вполнѣ возможно, что подобнаго же рода опасенія тревожили митрополитовъ, управлявшихъ чрезъ своихъ намѣстниковъ Галиціей, и ранѣе и побуждали ихъ не только не заботиться о поставленіи для нея собственныхъ епископовъ, но, можетъ быть, заставляли ихъ даже прямо противодѣйствовать этому поставленію. Управленіе Галицкой епархіей чрезъ намѣстниковъ имъ казалось гораздо безопаснѣе и во всякомъ случаѣ надежнѣе, такъ-какъ отъ своихъ намѣстниковъ, не имѣвшихъ епископскаго сана, они не могли ожидать какихъ-либо особенныхъ претензій или посягательствъ на ихъ митрополичью власть. Впрочемъ, въ этимъ случаѣ могли имѣть значеніе и чисто денежные разсчеты митрополитовъ, для которыхъ ихъ собственное намѣстничество было вѣрнымъ и постояннымъ источникомъ доходовъ; съ возведеніемъ же его на степѣнь епископіи, всѣ получаемые отъ него

[1]) Акты западн. Россіи, II, № 201, стр. 365.

доходы или, по крайней мѣрѣ, бо̀льшая часть ихъ не могла уже переходить въ ихъ руки. Чтобы не лишиться совсѣмъ получаемыхъ изъ Галиціи доходовъ, митрополитъ Макарій, согласившись на открытіе въ ней епископіи (вѣроятно, не очень охотно), позаботился обезпечить себя прежде всего именно съ этой стороны, взявъ съ новопоставленнаго епископа Макарія Тучапскаго, кромѣ клятвеннаго обѣщанія не домогаться „столечности Галицкоѣ митрополіи“, еще письменное обязательство изъ „всего доходу духовнаго“ отдавать одну половину ему — митрополиту, а другую брать себѣ [1]).

Такимъ образомъ, о нашей злосчастной Галицкой митрополіи совсѣмъ некому было позаботиться, если отъ нея отказались не только ея прежніе покровители—Польскіе короли, но противъ нея были и православные митрополиты, которые, по тѣмъ или инымъ побужденіямъ, не желали сравнять ее въ церковно-административномъ отношеніи даже съ другими южно-русскими областями, предоставивъ ей, по крайней мѣрѣ, одинаковое съ ними положеніе епископіи. Правда, о возстановленіи Галицкой митрополіи или хотя бы епископства могли бы позаботиться еще Константинопольскіе патріархи. Но, во-первыхъ, этимъ послѣднимъ было совсѣмъ не до заботъ о судьбѣ Галицкой митрополіи, когда они сами едва держались въ Константинополѣ, около котораго круговой цѣпью осѣлись Турки и постоянно грозили раздавить подъ своимъ тяжелымъ напоромъ остальные жалкіе клочья непокоренныхъ ими еще областей Византіи. Греческіе императоры и патріархи этого времени старались только объ одномъ, чтобы всячески угождать правителямъ другихъ державъ, отъ которыхъ они надѣялись получить какую-либо матеріальную помощь въ борьбѣ съ неумолимо-страшнымъ врагомъ; но уже никакъ не помышляли дѣйствовать съ прежней гордой и смѣлой самоувѣренностью и—тѣмъ болѣе—противъ желанія разныхъ свѣтскихъ правителей, съ которыми они имѣли прежде дѣло въ церковныхъ сношеніяхъ и которыхъ они стремились теперь всячески эксплуатировать въ свою пользу. Такимъ образомъ, вопросъ о бытіи или небытіи Галицкой митрополіи хотя юридически зависѣлъ отъ ихъ воли, но de facto находился въ полнѣйшей зависимости отъ однихъ Польскихъ владѣтелей, которые, при своемъ желаніи, могли бы всегда добиться отъ патріарха ея возобновленія. А, во-вторыхъ, Константинопольскіе патріархи и ранѣе не особенно хлопотали о ней и обращали на нее свои взоры обыкновенно только тогда, когда являлся какой-либо искатель Галицкой митрополіи, напоминавшій имъ объ ея существованіи. Но если къ нимъ не поступало относительно

[1]) Ibidem.

ея никакихъ просьбъ, то они не обращали на нее большого вниманія,— особенно же, когда она разрознилась и значительно уменьшилась въ своемъ объемѣ; въ такихъ случаяхъ они обыкновенно отдавали ее тому, кто изъ русскихъ митрополитовъ успѣвалъ воспользоваться ею (Фотій, Исидоръ). Митрополитъ Іона отлично понялъ, что не у патріарха слѣдуетъ просить ему объ „исполненіи извѣчной церковной старины,“ [1]) а у Польскаго короля, къ которому онъ съ своей просьбой и адресовался, обращаться же по этому дѣлу къ Константинопольскому патріарху онъ не считалъ ни нужнымъ, ни полезнымъ.

Итакъ, на основаніи всего сказаннаго нами яснымъ становится вопросъ, почему такая печальная и неожиданная участь постигла нашу митрополію. Очевидно, ея возобновленіе было бы историческимъ анахронизмомъ, явленіемъ запоздалымъ и несвоевременнымъ. Когда политическія обстоятельства благопріятствовали ей, она была митрополіей; но безслѣдно прошло это время, безслѣдно рушилась и наша митрополія. Ея пѣсня была спѣта и спѣта до конца, не требуя, въ силу простой исторической невозможности, своего повторенія.

Н. Д. Тихоміровъ.

---

[1]) Акты ист. арх. ком. I № 260, стр. 489.

ПРИМѢЧАНІЯ.

а) Historia Polonica Ioannis Dlugossi. — Краковскаго каноника (1415 — 1480 г.) поражаетъ своей крайней тенденціозностью и риторизмомъ изложенія. Этотъ, такъ называемый «отецъ польской исторіи», много потрудился надъ своей исторіей, собралъ массу архивнаго матеріала, но отнесся къ послѣднему слишкомъ своевольно и свободно, не стѣсняясь грѣшить противъ исторической правды настолько дурно, что доходилъ даже иногда до прямой фальсификаціи извѣстій (Линниченко. Взаимн. отнош. Руси и Польши до конца XII в. Универс. Извѣст. 1882 г., мартъ, стр. 55—60).

б) Сюда же относимъ мы, кромѣ патріаршихъ грамотъ, выданныхъ по какому-либо случаю, касавшемуся дѣлъ Галицкой митрополіи, и греческія грамоты, содержащія въ себѣ перечни архіерейскихъ каѳедръ, подчиненныхъ Константинопольскому патріарху, въ числѣ которыхъ мы находимъ и каѳедры русскія.

в) По одной подложной грамотѣ, приписываемой Роману, онъ называется въ ней «и Кіевскимъ» (Галиц. истор. сборн. вып. II, прим. I).

г) На печати, привѣшиваемой къ грамотамъ по иностраннымъ дѣламъ, Юрій Львовичъ изображенъ сидящимъ на престолѣ, въ коронѣ, со скипетромъ въ правой рукѣ; въ надписи читаемъ «Domini Georgi Regis Russiae», а на оборотной сторонѣ «Domini Georgi Principis Ladomeriae» (Зубрицкій. Истор. ч. III, стр. 249; Карамзинъ. Истор... IV, прим. 204).

д) Весьма любопытно разрѣшить вопросъ о предѣлахъ завоеваній Гедиминовыхъ, такъ какъ обыкновенно принято думать, что Гедиминъ слишкомъ далеко расширилъ свои владѣнія, завоевавъ даже Волынь и Кіевъ. Особенно важенъ для насъ вопросъ о завоеваніи Кіева, такъ-какъ намъ придется наталкиваться на него въ нашемъ изслѣдованіи. Итакъ, правда-ли, что и Волынская земля, и самый Кіевъ подпали власти Литовскаго князя Гедимина? Этотъ вопросъ доселѣ составляетъ предметъ оживленнаго спора и успѣлъ уже создать цѣлую литературу. Дѣло въ томъ, что въ Литовской лѣтописи Быховца (составленной въ половинѣ XVI в. и названной по ея издателю) дается довольно подробный разсказъ о томъ, какъ Гедиминъ завоевалъ Волынь и Кіевъ (стр. 15—16). Тамъ разсказывается, что Гедиминъ напалъ на князя Владиміра Волынскаго, разбилъ его подъ Владиміромъ, причемъ князь Владиміръ погибъ въ

битвѣ, а его городъ былъ взятъ. Затѣмъ Гедиминъ отправился на Льва Луцкаго, и, когда тотъ, струсивши, убѣжалъ къ князю Брянскому, Волынь присягнула Литовскому завоевателю. Перезимовавъ въ Берестьи, Гедиминъ двинулся на Кіевъ. Князь послѣдняго Святославъ призвалъ на помощь Олега Переяславскаго, Романа Брянскаго и Льва Волынскаго, изгнаннаго Гедиминомъ изъ Луцка, и, соединившись съ ихъ дружинами, сразился съ Литовскимъ княземъ на р. Ирени, но потерпѣлъ отъ него жестокое пораженіе. Гедиминъ-же, разбивши войско союзниковъ, тотчасъ направился къ Кіеву, встрѣтилъ отъ Кіевлянъ сначала сопротивленіе, но потомъ добровольно ими былъ впущенъ въ городъ. Послѣ этого покорились Гедимину и пригороды Кіевскіе—Вышгородъ, Черкасы, Каневъ, Путивль, Слѣповродъ—съ городомъ Переяславлемъ. Въ Кіевѣ Гедиминъ посадилъ своимъ намѣстникомъ князя Ольгиманта, Миндовгова сына. — Этотъ разсказъ литовской лѣтописи въ пріукрашенномъ видѣ повторилъ въ своей «Kronica» (изд. 1582 г.) Стрыйковскій, введя въ него нѣкоторыя собственныя добавленія, напр. относительно времени совершенія разсказываемыхъ въ лѣтописи событій, не помѣченныхъ въ ней никакой хронологической датой; Стрыйковскій, руководясь своими личными соображеніями, пріурочиваетъ ихъ къ 1320 году. Извѣстіями литовской лѣтописи, а также и хроникой Стрыйковскаго воспользовался составитель Густинскаго лѣтописнаго свода, который сжалъ разсказъ о завоеваніи Кіева до нѣсколькихъ строкъ и точнѣе опредѣлилъ имена упоминаемыхъ въ литовской лѣтописи лицъ, ради соглашенія ихъ съ хорошо извѣстною ему родословною Галицко-Владимірскаго княжескаго рода. Но попытка эта встрѣтила непреодолимыя затрудненія, ибо лица, носившія эти имена, жили ранѣе 1320 года; чтобы спасти послѣднія, составитель Густинской лѣтописи пожертвовалъ хронологической датой Стрыйковскаго и придвинулъ время разсказываемыхъ событій къ 1304—1305 г. (Густ. лѣт. стр. 348). То же извѣстіе о покореніи Гедиминомъ Кіева находится еще въ такъ называемой Межигорской рукописи (сборникъ, составленный въ 17 вѣкѣ изъ разнообразныхъ статей историческаго содержанія), гдѣ это покореніе отнесено къ 1333 году. «Въ лѣто 1333 Гедиминъ, князь Литовскій повсталъ, на князя Кіевскаго Станислава и побѣдилъ его зрускимъ и татарскимъ войскомъ надъ рѣкою Ирпѣнею и прогнавши татаръ, Кіевъ въ свою власть взялъ» (Грушевскій. Истор. Кіевск. земли, стр. 479).

Главнѣйшее значеніе для разрѣшенія вопроса о завоеваніи Кіева и Волыни Гедиминомъ имѣетъ поименованная выше лѣтопись Быховца, служившая источникомъ для всѣхъ ея компиляторовъ. Но, къ сожалѣнію, ея разсказъ о походѣ Гедимина представляетъ собою «позднѣйшую эпизодическую вставку» (Н. Дашкевичъ. Литов.-русск. государ., условія его возникнов. и прич. упадка—въ Унив. Изв. 1882 г. № 9 сентябрь, стр. 267), притомъ довольно недостовѣрную. Уже Карамзинъ отнесся къ этому разсказу съ большимъ скептицизмомъ, назвавъ его «не весьма основательнымъ» (IV, 129). Его мысль развилъ полнѣе Зубрицкій, который къ разсказу «краснобая» Стрыйковскаго отнесся съ безусловнымъ отрицаніемъ (Истор. ч. III, 262—269). Изъ другихъ, болѣе или менѣе новыхъ ученыхъ—одни: Шараневичъ (Истор. Галицк.-Влад. княж, стр. 128, 132—134, 141), Владимірскій-Будановъ (Насел. юго-зап. Рос., стр. 38—40, 50); Иловайскій (Ист. II, стр. 72,540), Стадницкій (Synowie Gedymina, II, 23—26), Дашкевичъ (Лит.-русск. госуд. стр, 261—267) и др. признаютъ, что Кіевъ могъ быть завоеванъ около 1320 г. Гедиминомъ, но не могъ удержаться подъ его властью и былъ

или отнятъ у него татарами (Шараневичъ), или находился въ полузависимости отъ нихъ (Владимірскій-Будановъ, Иловайскій), или же, будучи завоеванъ Гедиминомъ въ 1333 году, какъ показываетъ Межигорская рукопись, послѣ вышелъ изъ-подъ его власти, въ виду сопротивленія татаръ, не желавшихъ ему уступить его (Стадницкій, Дашкевичъ). Завоеваніе же въ это время Гедиминомъ Волыни они безусловно отрицаютъ (Шараневичъ, стр. 128, Иловайскій, II, 540 и др.). Другіе же ученые — Антоновичъ (Монограф. по истор. запад. и юго-запад. Россіи, I, 47—58), Замысловскій (Объясн. къ атлас., стр. 55), Грушевскій (Истор. Кіевск. земли, стр. 472 — 499) совершенно отрицаютъ всякую достовѣрность за разсказомъ лѣтописи Быховца и относятъ фактъ завоеванія Кіева ко времени Ольгерда къ 1362 году, а пріобрѣтеніе Литвой Волыни—къ Любарту, который въ 1340 году получилъ Волынь въ наслѣдство за своей женой. Относя же завоеваніе Кіева къ 1362 году, эти ученые основываются на извѣстіи Густинской лѣтописи, гдѣ подъ 1362 годомъ повѣствуется: «сей Ольгердъ и иныя русскія державы во свою власть пріятъ и Кіевъ подъ Өеодоромъ княземъ взятъ и посади въ немъ Владымера сына своего (стр. 350).

Какое изъ этихъ приведенныхъ мнѣній ученыхъ слѣдуетъ признать правильнымъ?

Проф. Антоновичъ съ полной убѣдительностью доказалъ въ своемъ «Очеркѣ исторіи вел. княж. Литов. до смерти Ольгерда» недостовѣрность разсказа литовской лѣтописи, указавъ на то, что нѣкоторыя изъ названныхъ въ немъ лицъ были не современниками Гедимина (Владиміръ, Романъ) или же прямо вымышлены (Олегъ Переяславскій и Станиславъ Кіевскій); разбирая же показанныя въ разсказѣ лѣтописи топографическія данныя, онъ ясно обнаружилъ то, что нѣкоторые изъ названныхъ въ немъ городовъ или тогда еще не существовали (Черкасы), или не были пригородами Кіева (Путивль, Вышгородъ), по крайней мѣрѣ, въ то время. Словомъ, Антоновичъ признаетъ, что «всѣ подробности, которыми изобилуетъ разсказъ литовской лѣтописи и Стрыйковскаго и которыя, повидимому, сообщаютъ ему характеръ большой обстоятельности и вѣроятности — всѣ онѣ частью вымышлены, частью же состоятъ изъ набора лицъ и событій, заимствованныхъ на протяженіи почти двухъ столѣтій (стр. 53). Съ убѣдительными доводами Антоновича трудно не согласиться, такъ что мы вполнѣ склоняемся къ его мнѣнію, что Кіевъ и Волынь никакъ не могли быть завоеваны Гедиминомъ въ 1320 году, такъ какъ источникъ, откуда почерпается это извѣстіе, слишкомъ недостовѣренъ. Но, не смотря на это, мы думаемъ, что нѣтъ основаній относить завоеваніе Кіева непремѣнно и къ 1362 году; оно могло быть и ранѣе, напр. около 1333 года, какъ показываетъ Межигорская рукопись, дату которой хочетъ согласить съ извѣстіемъ лѣтописи Быховца Дашкевичъ. Около этого времени (1333 г.) Кіевская область, дѣйствительно, была въ какой-то полузависимости отъ Литвы (Иловайскій, II, 73), такъ-что вполнѣ возможно, что Гедиминъ около 1333 г. завоевалъ было Кіевскую область, но былъ изъ нея или выбитъ татарами, или же призналъ верховное, хотя и съ собственнымъ участіемъ, владычество послѣднихъ надъ Кіевомъ (Дашкевичъ, стр. 267). Такимъ образомъ, въ 1362 году Ольгердъ—сынъ его—или возобновилъ старую власть отца надъ Кіевомъ, совершенно ушедшимъ изъ-подъ всякой зависимости отъ Литвы, или только усилилъ ее тамъ, посадивъ въ немъ вмѣсто кн. Өеодора намѣстникомъ своего сына Владиміра и ставъ его единственнымъ и полнымъ господиномъ. Относительно же завоеванія Гедиминомъ Волыни въ 1320

году, мы вполнѣ соглашаемся съ мнѣніемъ указанныхъ ученыхъ, которые безусловно отрицаютъ фактъ завоеванія ея въ то время, что доказываетъ и дальнѣйшая исторія Волыни, о которой у насъ сейчасъ пойдетъ рѣчь.

е) Луцкъ былъ отданъ Любарту Гедиминовичу въ приданое за женой Бушей. Болеславъ Тройденовичъ также, кажется, владѣлъ какой-то частью Волынской земли (Андріяшевъ, 203, Шараневичъ, 136).

ж) Этотъ періодъ существованія Галицко-Волынскаго княжества страдаетъ крайней спутанностью, неопредѣленностью и даетъ широкій просторъ для критики и разнаго рода догадокъ. Насколько темна эта эпоха, можно судить напр. потому, что нѣкоторые ученые (Лонгиновъ. Изслѣд. о грам. Юрія II — Чтен. общ. древн., 1887 г. II) отождествляютъ личность Болеслава Тройденовича съ его предшественникомъ Юріемъ II и болѣе или менѣе успѣшно доказываютъ это.

з) Что это за Аламаны? По точному переводу—это нѣмцы,—конечно, Литовскіе, которые, живя въ близкомъ сосѣдствѣ съ церковной областью Кіевскаго митрополита, имѣли возможность унижать послѣдняго и не оказывать ему должнаго уваженія. Патріархъ, прикровенно называя Аламанами никого другого, какъ, очевидно, могущественную Литву, которая къ 1354 году, когда состоялось опредѣленіе о перенесеніи каѳедры русской митрополіи, залила собою южную Русь и готова была окончательно покорить своей власти сѣдалище русскихъ митрополитовъ,—думалъ такимъ наименованіемъ Литвы избѣжать оффиціальнаго оскорбленія ея (Gelzer, 270). Патріархъ не называетъ въ числѣ притѣснителей Кіева татаръ, вѣроятно, потому, что къ этому времени ихъ власть въ Кіевской области была сильно ослаблена Литвой, конкуррировавшей съ татарами за обладаніе Кіевомъ (см. прим. подъ буквою д).

Кромѣ запустѣнія Кіева, въ патріаршей грамотѣ указывается еще на «разбойническій и насильственный» завхатъ его лжемитрополитомъ Ѳеодоритомъ, который, овладѣвъ Кіевомъ, не пускалъ туда русскаго, законнаго митрополита. (Прилож. № 12, стр. 67—68; 69—70). Но этотъ фактъ пребыванія Ѳеодората въ Кіевѣ, патріаршій соборъ, кажется, не считалъ важной причиной къ перенесенію митрополіи, такъ что въ началѣ своего опредѣленія соборъ и не упоминаетъ про Ѳеодорита, а въ концѣ высказываетъ, что, и по удаленіи Ѳеодорита изъ Кіева, Владиміръ тѣмъ не менѣе «останется сѣдалищемъ русскихъ митрополитовъ» (ibid., стр. 70). Да это понятно и само собой. Насильственный захватъ Кіева Ѳеодоритомъ могъ быть причиной только временнаго удаленія русскихъ митрополитовъ изъ Кіева, но не могъ послужить серьезнымъ основаніемъ для окончательнаго и всегдашняго его оставленія. Здѣсь слѣдствіе слишкомъ не соотвѣтствовало бы по своему объему своей причинѣ.

і) Впрочемъ, еще спорный вопросъ и о томъ, такъ ли сильно былъ опустошенъ Кіевъ татарами, какъ это обыкновенно принято думать. Нѣкоторые изыскатели (Антоновичъ, Максимовичъ, Котляревскій, Грушевскій и др.) находятъ, что «монгольское нашествіе вовсе не было такимъ чрезвычайно губительнымъ, такъ что рѣшительнымъ образомъ будто-бы измѣнило судьбы Кіевской земли», какъ утверждаютъ защитники противнаго и самаго обычнаго мнѣнія (Грушевскій. Истор. Кіевск. земли, стр. 428).

к) Этимъ единеніемъ русской церковной власти со свѣтской первая діаметрально противоположна духовной власти католическаго Рима, папы котораго не только не искали союза съ высшей свѣтской властью, но старались, напротивъ, унизить послѣднюю и захватить себѣ принадлежащія ей прерогативы.

к) Мы увидимъ ниже, что Галицкое населеніе вообще было непамятливо о своихъ епископахъ и плохо высчитало, когда въ Галиціи былъ послѣдній епископъ. Но всетаки весьма характерно то обстоятельство, что у галичанъ не осталось никакого воспоминанія даже о бывшихъ у нихъ митрополитахъ, которыхъ они могли бы и должны бы, кажется, помнить лучше, чѣмъ своихъ епископовъ.

л) Епархія Галицкая, по времени своего учрежденія, принадлежитъ къ древнѣйшимъ епархіямъ православной Руси (Е. Е. Голубинскій. Истор. рус. Цер. т. I, стр.пер. I, 570—573), такъ-какъ въ 1165 году уже упоминается Галицкій епископъ Козьма (Ипат. лѣт. подъ 1165 г.), который, можетъ быть, былъ не первымъ Галицкимъ епископомъ, о чемъ и даетъ намъ знать Перемышльская латинская рукопись 18 вѣка, приписываемая Петрушевичемъ уніатскому митрополиту Льву Кишкѣ, которая ранѣе Козьмы называетъ нѣкоего Алексѣя (Галицк. истор. сборн., вып. I, стр. 144 и примѣч. 55).

м) Нѣкоторые же ученые, напр. Карамзинъ, Клевановъ, утверждаютъ, что ни въ томъ, ни въ другомъ вѣкѣ не было особой Галицкой митрополіи, такъ-какъ «на сіе нѣтъ никакихъ достовѣрныхъ историческихъ данныхъ (Карамзинъ. Ист. госуд. росс., т. IV, прим. 203). Какъ увидимъ изъ хода дальнѣйшей нашей работы, Карамзинъ въ этомъ случаѣ говорилъ неправду, — впрочемъ, для него извинительную, такъ какъ онъ не зналъ еще тѣхъ «достовѣрныхъ историческихъ данныхъ», которыя находятся въ выше указанныхъ нами греческихъ грамотахъ, открытыхъ въ половинѣ нынѣшняго столѣтія въ Императорской Вѣнской библіотекѣ В. Григоровичемъ (Журн. Мин. Нар. Просвѣщ. 1847 г., ч. LIV, II отд., стр. 131—164).

н) Польскій историкъ I. Лелевель въ своемъ сочиненіи «Dzieje Litwy i Rusi aż do Unji z Polską w Lublinie 1569 zawarej opowiada Ioachim Lelewel, wydanie drugie—1844» приписываетъ Галицкому князю Льву стремленіе учредить у себя даже общерусскую митрополію. «Хотѣлъ, говоритъ онъ, Львовъ превратить въ столицу цѣлой Руси (dla całej Rusi utworzy'c) и перенести въ нее митрополію изъ Кіева, но для этого онъ не имѣлъ достаточной власти («do niej Metropolą z Kijowa przeneść; ale nie było potemu dostateznej siły», стр. 107). Но въ доказательство существованія такихъ стремленій князя Льва, Лелевель, историкъ вообще пристрастный, «не привелъ никакихъ свидѣтельствъ» (Гал. ист. сборн. II, прим. 79).

о) Зубрицкій въ началѣ своей «Крит.-историч. повѣсти....» усиливался доказать существованіе Галицкой митрополіи въ концѣ XIII в. и основывался, между прочимъ, на грамотахъ князя Льва (прим. 41), но потомъ согласился, что онѣ подложны (стр. 92).

п) В. Левицкій хочетъ поправить 1240 годъ на 1203 и такимъ образомъ, пожертвовавъ хронологіей, спасти митрополита Галактіона, который въ 1203 г. дѣйствительно могъ быть современникомъ Роману. Но, вопервыхъ, его поправка года совершенно произвольна, а, вовторыхъ, и въ хронологически-исправленномъ видѣ эта грамота «по своему новому русскому языку» вполнѣ изобличаетъ неискуснаго поддѣльщика (Галиц. истор. сбор. II, стр. 4 и прим. I).

р) М. Гарасевичъ въ своемъ сочиненіи «Annales Ecclesiae Ruthenae» съ величайшимъ произволомъ распредѣляетъ Кіевскихъ митрополитовъ, относя Максима къ 1270 году, за нимъ—Кипріана къ 1296 г., далѣе—Петра къ 1308 г. и Өеогноста къ 1331 г. (стр. 12). Ходыкевичъ даетъ такое же неправильное

распредѣленіе русскихъ митрополитовъ (Карамзинъ. Истор. IV, пр. 203). Но эти хронологическія даты, перемѣшавшія и извратившія и времена, и лица, представляютъ изъ себя одну сплошную и вопіющую невѣрность и какъ бы насмѣхаются надъ истинной исторіей.

с) При Львѣ Мудромъ (886—912) было, дѣйствительно, составлено росписаніе византійскихъ епархій, для умиротворенія епископовъ, споривших о своемъ старшинствѣ (Partey-Hieroclis Synecedemus et notitiae graécae episcopatuum, стр. 322). Но это росписаніе утрачено и до насъ дошла только его переработка отъ временъ Алексѣя Комнена (1080—1118 г.) (Gelzer, Beiträge... стр. 246). Но и это переработанное росписаніе епархій подвергалось впослѣдствіи добавленіямъ, что очевидно изъ того напр., что за епископствами Селевкіи идетъ обзоръ русскихъ епархій, составляющій, безъ всякаго сомнѣнія, еще болѣе позднюю добавку, происшедшую, вѣроятно, во времена Михаила Палеолога (1261—1282 г.) (Gelzer, стран. 246—252).

т) Князь Романъ напр. и пришелъ въ юго-западную Русь изъ Руси сѣверной, изъ Новгорода Великаго (Ипат. лѣт., стр. 383).

у) Самъ Даніилъ, получившій отъ папы королевскій вѣнецъ, до конца своей жизни былъ и остался православнымъ, такъ что папа Александръ IV укорялъ его въ неблагодарности и велѣлъ даже предать его проклятію (Чистовичъ. Истор. I, стр. 13).

ф) О посѣщеніяхъ Галиціи митрополитомъ Кирилломъ лѣтописи ничего не говорятъ. Возможно, что онъ тамъ и не былъ ни разу,—можетъ быть, потому, что разошелся съ княземъ Даніиломъ изъ-за его сношеній съ папой. Митрополитъ Максимъ когда-то посѣтилъ Волынскую землю, и здѣсь ему представлялся игуменъ Ратскаго монастыря Петръ, будущій преемникъ его по каѳедрѣ митрополіи. Это было, навѣрное, въ послѣднее его путешествіе, когда онъ ходилъ въ Константинополь—1301 г. (Макарій, IV, 14—15).

х) Списокъ этого перечня, безспорно, принадлежитъ императору Андронику (1282—1327 г.), такъ какъ онъ уже извѣстенъ былъ въ XIV в., т. е. при жизни или вскорѣ послѣ смерти Андроника (Русск. истор. библ. 6 т. прилож. стр. 15, примѣч.

ц) Нельзя въ точности опредѣлить, въ какомъ году—1302 или 1303—была основана Галицкая митрополія; такъ какъ въ Византіи лѣтосчисленіе вели отъ сотворенія міра, принимая 5508 лѣтъ, новолѣтіе же начинали не съ 1-го января, а съ сентября, каковое счисленіе тамъ введено было не ранѣе VII в. и мало-по-малу вытѣснило другія гражданскія и церковныя лѣтосчисленія; этому счисленію слѣдовали всѣ византійскіе хронографы и оффиціальные акты (Иконниковъ. Опытъ русской исторіографіи, т. I, кн. I, стр. 146). Вслѣдствіе же такого византійскаго лѣтосчисленія, въ опредѣленіи какой-либо хронологической даты, при переводѣ ея на нашъ январьскій счетъ, получается нѣкоторая неопредѣленность. Такъ, вычтя изъ 6811 лѣтъ 5508, мы можемъ получить и 1302, и 1303 годъ, когда примѣнимъ сюда нашъ январьскій, а не сентябрьскій годъ, что зависитъ оттого, на какой мѣсяцъ года падаетъ указанное опредѣленіе императора и патріарха о Галицкой митрополіи. Если это опредѣленіе вышло позднѣе сентября мѣсяца, то оно по нашему январьскому счету приходится на 1302 годъ, такъ какъ 6811 годъ, начавшійся по византійски съ сентября, захватываетъ, если перевести его на наше январьское счисленіе, новый лишній годъ, котораго въ нашемъ счисленіи еще нѣтъ и который приходится вычитать,

принимая не 5508, а 5509 лѣтъ. Если же это опредѣленіе вышло ранѣе сентября, то оно падаетъ на 1303 годъ, такъ какъ нашъ январьскій годъ и византійскій—сентябрьскій—сходятся.

У насъ на Руси, съ принятіемъ христіанства, было введено то же лѣтосчисленіе отъ сотворенія міра, но съ новолѣтіемъ отъ 1-го марта; это счисленіе господствовало въ Россіи до конца XIV в., когда совершился переходъ, по примѣру византійскому, къ счисленію сентябрьскому. Впрочемъ, это измѣненіе не было одновременнымъ и повсемѣстнымъ, какъ и ранѣе встрѣчаются отступленія въ пользу сентябрьскаго счисленія (Иконниковъ. Опытъ... стр. 147—148, Е. Е. Голубинскій. Пр. Сергій Радонежскій, стр. 95 и дал.). Вслѣдствіе этого, въ опредѣленіи какого-либо года лѣтописей необходимо имѣть въ виду, что между нашимъ январьскимъ счисленіемъ и мартовскимъ или сентябрьскимъ можетъ быть, при переводѣ на нашъ счетъ, нѣкоторое разногласіе, смотря потому, на какой мѣсяцъ года падаетъ та или другая хронологическая дата. Для этого, чтобы въ опредѣленіи года не впасть въ ошибку, слѣдуетъ принимать во вниманіе мѣсяцъ указаннаго года, если, конечно, онъ данъ, и всегда имѣть въ виду, что по сентябрьскому счисленію послѣдніе мѣсяцы нашего январьскаго года относятся къ слѣдующему (новому) году, а по мартовскому—первые мѣсяцы январьскаго года присоединяются къ прошлому. Такимъ образомъ, если какое-либо событіе, записанное въ лѣтописи, произошло, наприм., въ январѣ или февралѣ по мартовскому счисленію, то въ опредѣленіи его времени, при переводѣ на январьское счисленіе, необходимо прибавить лишній годъ, такъ какъ по первому счисленію идетъ еще старый годъ, а по второму—новый.

ч) Перечень епископій, относящихся къ Малой Россіи (εἰς τὴν Μικρὰν Ῥωσίαν) мы находимъ уже въ указанномъ нами выше, болѣе раннемъ каталогѣ подчиненныхъ Константинопольскому патріарху каѳедръ, который подписанъ именемъ царя Льва Мудраго. Въ этомъ древнемъ, хотя и не современномъ Льву перечнѣ, кромѣ епархій, подчиненныхъ Кіеву, перечислены слѣдующія малорусскія епископіи: Галичъ, Владиміръ, Перемышль, Луцкъ, Туровъ, Холмъ и Смоленскъ (Ралли и Потли, стр. 486). Помимо того, что здѣсь еще не говорится объ учрежденіи или существованіи Галицкой митрополіи, (которой въ XIII в., дѣйствительно, и не было, какъ это нами было доказано ранѣе) и Галичъ помѣщенъ въ ряду другихъ, однородныхъ ему малорусскихъ епископій, въ этомъ перечнѣ между прочимъ указанъ одинъ лишній городъ—Смоленскъ, о которомъ умалчиваетъ названная нами Notitia, составленная вскорѣ послѣ 1300 г. (Gelzer, стр. 252—3). Gelzer объясняетъ это умалчиваніе послѣдней о Смоленскѣ тѣмъ, что въ концѣ XIII и въ началѣ XIV в. Смоленская каѳедра оставалась болѣе или менѣе долгое время незанятой (ibid). Но еслибы Смоленскъ и помѣченъ былъ въ нашей Notitia, то онъ все-таки не отнесенъ бы былъ къ области Галицкой митрополіи, такъ какъ Notitia указываетъ Галицкихъ епископій всего 5, а съ Смоленскомъ было бы 6 (ὁμοῦ έ) ibid).

ш) Могло быть и такъ, что Казиміръ кромѣ того, что не получилъ точныхъ свѣдѣній о Галиціи, постарался еще болѣе запутать ихъ своими произвольными измышленіями.

щ) Объ этомъ посѣщеніи Волыни митрополитомъ Максимомъ знаетъ и Pelesz и указываетъ на него (Geschichte... стр. 328), но въ рѣчи о Нифонтѣ онъ это посѣщеніе совершенно игнорируетъ.

ъ) Относительно же замѣчанія Pelesz'a, будто Галицкая митрополія не получила патріаршей санкціи, приходится выразить только одно удивленіе предъ его незнаніемъ или игнорированіемъ документальнаго свидѣтельства объ этомъ изъ вышеприведеннаго нами перечня Андроника.

ы) Не таковы были, увидимъ ниже, планы Литовскаго князя Ольгерда, который простиралъ виды на всю Русь и хотѣлъ достигнуть этого черезъ Романа, предназначавшагося и посланнаго имъ въ Константинополь ставиться въ митрополиты не литовскіе, а кіевскіе. Но Юрія нельзя сравнивать съ Ольгердомъ, который превосходилъ перваго во всѣхъ отношеніяхъ.

ь) П. Филевичъ хочетъ, напротивъ, доказать, что патріархъ вполнѣ удовлетворилъ Юрія, поставивъ въ кіевскіе митрополиты Петра, такъ какъ это было согласно съ его цѣлію и желаніемъ, «но его планамъ былъ нанесенъ смертельный ударъ не патріархомъ, а самимъ Петромъ», который, вопреки желанію и ожиданіямъ Юрія, оставилъ Кіевъ и ушелъ во Владиміръ на Клязьму. Относя къ этой именно попыткѣ Юрія историческое упоминаніе объ учрежденіи Галицкой митрополіи, данное въ Андрониковомъ каталогѣ архіерейскихъ каѳедръ, Филевичъ утверждаетъ, что въ Царьградѣ составители этого каталога придали будто бы совершенно ложное толкованіе назначенію Петра, такъ какъ тамъ считали его поставленнымъ на южную каѳедру и не предполагали, что онъ съ юга уйдетъ на сѣверъ (Борьба... стр. 277—8). Крайняя натяжка такихъ объясненій Филевича совершенно ясна. Во-первыхъ, дата извѣстной намъ исторической замѣтки (130²/₃ г.) совсѣмъ не подходитъ къ случаю поставленія въ митрополиты Петра, ибо это поставленіе совершилось не ранѣе 1308 года. Во-вторыхъ, нѣтъ никакихъ основаній думать, что въ Константинополѣ могли придать назначенію Петра какое-либо неправильное толкованіе, такъ какъ и патріархъ, и императоръ ясно сознавали, куда они его ставили, и какихъ либо недоразумѣній по этому поводу не могло, думаемъ, и возникнуть для всѣхъ, хотя сколько нибудь знакомыхъ съ дѣломъ поставленія Петра.

ѣ) Онъ въ грамотѣ Казиміра стоитъ на второмъ мѣстѣ, тотчасъ послѣ Нифонта,—слѣдовательно, онъ долженъ быть современникомъ кіевскаго митрополита Петра, такъ какъ Нифонтъ умеръ не позднѣе 1305 года, послѣ котораго вскорѣ и началась вторичная попытка Юрія съ его кандидатомъ Петромъ.

э) Въ спискѣ Галицкихъ святителей XII и XIII в. М. Гарасевича и В. Левицкаго названъ нѣкто Петръ и помѣченъ 1244 годомъ (Галицкій сборн. II, стр. 3). Въ грамотѣ Галицкаго князя Даніила Романовича евреямъ-караимамъ, данной въ 1246 году, въ числѣ подписавшихся названъ также нѣкто «Петро», но только съ титуломъ не митрополита или архіепископа, а простого епископа (Зубрицкій. Крит.-историч. повѣсть, стр. 153—155).

ю) Имѣя въ церковномъ подчиненіи Галицію, митрополитъ Петръ не объединялъ подъ своей властью, какъ нужно думать, Литвы. Въ этой послѣдней учрежденіе самостоятельной митрополіи падаетъ даже на болѣе раннее время, чѣмъ учрежденіе Галицкой. Въ извѣстномъ намъ каталогѣ архіерейскихъ каѳедръ, составленномъ при греческомъ императорѣ Андроникѣ Палеологѣ Старшемъ (1282—1327 г.), мы находимъ любопытную историческую замѣтку о томъ, что Литва была возведена въ достоинство особой митрополіи при названномъ императорѣ Андроникѣ и при патріархѣ Іоаннѣ Гликѣ, который занималъ патріаршій престолъ съ 1315—1320 годъ (Ралли и Потли, т. V, стр. 494). Но вотъ вопросъ, въ какое время управленія того и другого получила Литва своего ми-

трополита? Запись объ этомъ событіи находится въ двухъ редакціяхъ Андроникова церковнаго узаконенія, въ которыхъ, при одинаковомъ наименованіи названныхъ лицъ, указываются не одинаковыя хронологическія даты учрежденія митрополіи. Въ одной—Notitia XI—помѣченъ годъ 6800 (129$^1/_2$)—ἐν ἔτει ϛώ,—который мы находимъ и у Ралли и Потли (т. Ѵ, стр. 594, примѣч. 2); въ другой редакціи—Notitia XII—указанъ 6808 (1299—1300) годъ ἐν ἔτει ϛωή—(Gelzer, стр. 266). Болѣе чѣмъ трудно опредѣлить, который изъ указанныхъ годовъ слѣдуетъ признать правильнымъ, такъ какъ тотъ и другой, подходя ко времени царствованія императора Андроника Старшаго, совершенно не соотвѣтствуютъ времени патріаршества Іоанна Глики, который занималъ патріаршую каѳедру гораздо позднѣе. Пожалуй можно бы предположить, что первая дата испорчена и написана несполна, съ пропускомъ десятковъ и единицъ, добавивъ которыя, мы могли бы ее подогнать ко времени патріарха Іоанна Глики. Но, во-первыхъ, мы не имѣемъ никакихъ реальныхъ основаній къ такому утвержденію, будто въ ней пропущены десятки и единицы, а, во-вторыхъ, другая указанная нами редакція съ очевидностью показываетъ, что если и есть въ ней какой-либо пропускъ, то только единицъ (η — 8). Ученый Gelzer становится въ рѣшеніи вопроса о хронологической правильности той или другой редакціи на сторону послѣдней, помѣченной годомъ ϛωή (1299—1300). Но такъ какъ и эта редакція, какъ сказали мы выше, не подходитъ ко времени патріаршества Іоанна Глики, то Gelzer, ради сохраненія хронологіи ея, жертвуетъ именемъ этого патріарха и утверждаетъ, что хронологическая дата ея помѣчена правильно, но спутано и не вѣрно указано имя патріарха Іоанна XIII Глики, котораго редакторъ записей смѣшалъ съ Іоанномъ XII, жившимъ какъ разъ въ указываемое этой редакціей время (Gelzer, стр. 266—267). Трудно сказать что-либо за или противъ этой догадки (Gelzer'а, такъ какъ и для ея защиты, и для ея опровержения мы не имѣемъ подъ руками никакихъ данныхъ. Впрочемъ, при выборѣ хронологической даты той или другой редакціи, мы считаемъ болѣе основательнымъ слѣдовать Gelzer'у, такъ какъ онъ, по крайней мѣрѣ, указываетъ нѣкоторыя не совсѣмъ лишенныя доли вѣроятности, соображенія въ пользу принимаемой имъ редакціи съ датой ϛοή; между тѣмъ какъ за первую редакцію съ датой ϛώ нельзя привести никакихъ вѣроятныхъ соображеній или объясненій и приходится ограничиваться совершенно произвольной, ни на чемъ не основанной догадкой, будто въ ней недостаетъ десятковъ и единицъ, которыя нѣкоторыми по своему личному благоусмотрѣнію и добавляются. Если же правильна хронологическая дата, опредѣляющая время возникновенія самостоятельной литовской мотрополіи въ 1299 или 1300 году, то она падаетъ на періодъ княженія въ Литвѣ Витеня (1293—1315 г.), который былъ представителемъ новой, могущественной и талантливой литовской династіи (Антоновичъ. Очеркъ исторіи великаго княжества Литовскаго... стр. 36—37). Этотъ князь отличался воинственными наклонностями, такъ что лѣтописныя извѣстія исключительно говорятъ объ его безпрерывныхъ войнахъ и набѣгахъ на владѣнія сосѣднихъ государствъ. Владѣнія Литвы въ его время были уже довольно обширными, такъ какъ къ ней ранѣе была присоединена земля Полоцкая (при Миндовгѣ), а теперь колебалось между зависимостью отъ Волыни или Литвы княжество Туровское, которое при преемникѣ Витеня—его братѣ Гедиминѣ (1316—1341 г.) уже окончательно, вмѣстѣ съ Пинской областью, было присоединено къ Литвѣ (ibid, стр. 38—46; Иловайскій. Исторія... II, 58). Будучи же владѣтелемъ об-

ширнаго и сильнаго княжества, Витень, естественно, могъ позаботиться о томъ, чтобы его православные подданные имѣли своего собственнаго митрополита. Возможно, что по его желанію въ княжествѣ, дѣйствительно, и явился митрополитъ, избранный въ Литвѣ и поставленный въ Греціи, а, можетъ быть, и природный грекъ, котораго патріархъ самъ избралъ и послалъ въ Литву. Ни относительно имени этого перваго литовскаго митрополита, ни о дѣятельности его мы ничего не знаемъ. Вѣроятно, онъ управлялъ одной Литвой, безъ Галиціи и Волыни, такъ какъ въ записи объ его поставленіи онъ называется только литовскимъ. Впрочемъ, можетъ быть, вмѣстѣ съ Витенемъ хлопоталъ о западно-русскомъ митрополитѣ и современный ему галицкій князь Левъ, сынъ Даніила Романовича (I. Lelewel, см. примѣчаніе подъ буквой н), но для такого соображенія мы не имѣемъ никакихъ данныхъ. Вѣрнѣе, кажется, будетъ представлять дѣло такъ, что Витень получилъ отдѣльнаго митрополита въ свою только область, Галиція же съ Волынью продолжала находиться въ церковной зависимости отъ Кіевскаго митрополита, какимъ тогда былъ Максимъ, который, какъ мы указывали выше, въ 1301 году посѣщалъ Волынь, гдѣ встрѣтился съ Петромъ, своимъ будущимъ преемникомъ по каѳедрѣ. Можетъ быть этотъ успѣхъ литовскаго князя въ попыткѣ учрежденія самостоятельной литовской митрополіи и побудилъ преемника Галицкаго князя Льва—извѣстнаго намъ Юрія—обратиться къ Константинопольскому патріарху съ подобной же просьбой, дать и Галиціи отдѣльнаго митрополита, въ чемъ, какъ мы видѣли выше, онъ также не получилъ отказа. Мы, впрочемъ, должны оговориться, что, признавая князя Витеня виновникомъ учрежденія въ 1299—1300 году литовской митрополіи, мы нисколько не думаемъ считать наше предположеніе вполнѣ достовѣрнымъ, а относимъ его къ разряду догадокъ, въ которыхъ, какъ извѣстно, не всегда можно встрѣтить строгое соотвѣтствіе исторической истинѣ. Можетъ быть, не совсѣмъ несправедливо и мнѣніе проф. Павлова, который, подвергая критикѣ вышеуказанный взглядъ Gelzer'a о смѣшеніи двухъ различныхъ патріарховъ, относитъ начало учрежденія Галицкой митрополіи ко времени Гедимина и Константинопольскаго патріарха Іоанна Глики, къ 1315—1320 г. (О началѣ Галицкой и Литовской митрополій... стр. 236—242). Мы не будемъ полемизировать съ почтеннымъ профессоромъ, но только замѣтимъ, что если высказанное имъ мнѣніе и справедливо, то все-таки исторически не обосновано, а вслѣдствіе этого и не можетъ разсчитывать на значеніе мнѣнія безусловно достовѣрнаго и неопровержимаго.

Долго ли управлялъ Литовской митрополіей этотъ митрополитъ, мы не знаемъ, но предполагаемъ не долго (года два-три), послѣ чего, подчиненная ему Туровская епархія (другая его епархія была Полоцкая) была присоединена въ интересахъ удобства управленія къ новооткрытой Галицкой митрополіи (см. выше).

Въ патріаршихъ актахъ мы встрѣчаемъ упоминаніе о Литовскихъ митрополитахъ не ранѣе 1317 года, когда какой-то (безъ указанія имени) Литовскій митрополитъ (ὁ Λιτβάδων) присутствовалъ на Константинопольскомъ соборѣ въ августѣ мѣсяцѣ (Acta patr. I, 72). Время жизни этого митрополита падаетъ на періодъ управленія русской церковію митрополитомъ Петромъ, но намъ неизвѣстно, какой это митрополитъ,—тотъ ли, котораго мы относимъ ко времени жизни Литовскаго князя Витеня, или другой, появившійся въ Литвѣ по ходатайству предъ патріархомъ пріемника Витена—знаменитаго князя Гедимина. Думаемъ, что это другой митрополитъ, испрошенный у патріарха этимъ послѣд-

нимъ. Подъ 1327 годомъ въ патріаршихъ актахъ опять упоминается Литовскій митрополитъ (ὁ Λιτβῶν) (Acta patr... I, стр. 143). Подъ 1329 годъ—еще и притомъ съ указаніемъ имени Феофила (ὁ Λιτβῶν καὶ ὑπέρτιμος Θεόφιλος) (ibidem, стр. 147). Что это за митрополиты и въ какомъ отношеніи они стоятъ другъ къ другу, составляютъ-ли одно лицо или нѣсколько отдѣльныхъ лицъ? Признаемся, что разобраться въ этомъ вопросѣ мы слишкомъ затрудняемся. Всѣ они падаютъ на время княженія въ Литвѣ князя Гедимина и на конецъ управленія русской церковію митрополита Петра и начало управленія Феогноста, почему мы и будемъ говорить о нихъ, когда пойдетъ рѣчь объ отношеніяхъ къ южнорусской церкви этого послѣдняго митрополита.

я) Наименованіе ὑπέρτιμος—пречестный—усвоялось изъ іерарховъ только митрополитамъ и притомъ не всѣмъ. Это можно видѣть, напримѣръ, изъ подписей митрополитовъ и епископовъ, бывшихъ на Константинопольскомъ соборѣ 1351 года, гдѣ одинъ (старшій) подписался—Πρόεδρος τῶν ὑπερτίμω καὶ ἔξαρχος другіе, ниже стоявшіе, подписались — ὑπέρτιμος καὶ ἔξαρχος, третьи — только ὑπέρτιμος, четвертые—совсѣмъ безъ того и другого прибавленія (ὁ ταπεινὸς μητροπολίτης Ἑξαμιλίον, ὁ ταπεινὸς μητροπολίτης Ζωζοπόλεως Θεοδόσιος) (P. Lambec. Conommentarium de Biblioth. Caesarea, edit. A. F. Kollarii, V, p. 421—423). Дюканжъ въ своемъ Glossarium'ѣ даетъ исторію употребленія титула ὑπέρτιμος и говоритъ, что этотъ titulus mitropolitenis началъ встрѣчаться около временъ Алексѣя Комнена (1080—1118 г.); впослѣдствіи же выработались постепенно и всѣ отдѣльныя, припоровленныя къ различному достоинству іерарховъ, формулы этого титула. Такъ, въ Кодиновомъ спискѣ архіерейскихъ каѳедръ, помѣченномъ 1387 годомъ, указанъ точный распорядокъ, какимъ титуломъ долженъ величать каждый іерархъ при своемъ обращеніи къ другому—ὑπέρτιμος καὶ ἔξαρχος или только μητροπολῖται ὑπέρτιμοι μόνον γράφονται (Ралли и Потли, т. V, стр. 497—512). Дюканжъ указываетъ еще, что наименованіе ὑπέρτιμος усвоялось иногда не только митрополитамъ, но и должностнымъ церковнымъ лицамъ, напр. хартофилаксамъ (Du' Cange. Glossarium mediae et infimae Graecitatis, t. II—ὑπέρτιμος, стр. 1640—1641).

ѳ) Эти греческія записи, содержащія въ себѣ «Извѣстія объ избраніи и поставленія епископовъ на русскія епископскія каѳедры» и выраженныя почти въ одной и той же формѣ, носящей нѣкоторые признаки оффиціальнаго протокола, по своимъ хронологическимъ датамъ всѣ относятся къ XIV вѣку; самый же греческій рукописный сборникъ, найденный Регелемъ, обладаетъ всѣми признаками древности и можетъ быть отнесенъ, по мнѣнію Регеля, приблизительно къ XV вѣку (Васильевскій, стр. 445).

ѵ) Навѣрное, на пути въ южную Русь онъ гдѣ-то (кажется, въ сѣверной области) поставилъ въ мартѣ 1330 года для Суздаля епископа Даніила и для Твери—Ѳеодора (запись 10 и 11). По Никоновской лѣтописи (Ш, 155) Ѳеодоръ былъ поставленъ во Владимірѣ-Волынскомъ, но здѣсь, вѣроятно, есть ошибка (перемѣшаны Владиміръ Клязменскій съ Волынскимъ), такъ какъ участниками въ избраніи Ѳеодора Тверскаго являются не южнорусскіе епископы, какъ это было обычно при производствѣ выборовъ на югѣ, а два сѣверные—Антоній Ростовскій и Даніилъ Суздальскій (Васильевскій, стр. 454).

Относительно времени поставленія Василія Новгородскаго указаніе греческой записи совершенно согласно съ лѣтописями—Никоновской (Ш, 153) «мѣ-

сяца Августа въ 25 день», Воскресенской (203) тоже, Новгородской (I, 75) «на память св. апостола Тита», т. е. также 25 августа. Различіе между греческимъ источникомъ и русскимъ заключается только въ именахъ участвовавшихъ при избраніи и поставленіи Василія южнорусскихъ епископовъ. Въ Никоновской лѣтописи Холмскій епископъ названъ Іоанномъ, а въ греческой записи— Григоріемъ; въ лѣтописи имя Григорія дано Полоцкому епископу, тоже будто-бы принимавшему участіе въ избраніи Василія, а въ греческомъ источникѣ Григорій Полоцкій совсѣмъ не упоминается. Думаемъ, что ошибка находится на сторонѣ русскаго источника; по крайней мѣрѣ, это можно сказать про наименованіе Холмскаго епископа, который нѣсколько разъ встрѣчается въ нашихъ греческихъ записяхъ и всегда съ однимъ именемъ Григорія (№ 1, 2, 4, 5, 13).

аа) Новопоставленный митрополитъ, какъ мы видѣли выше, былъ въ Константинополѣ въ апрѣлѣ 1331 года и принималъ участіе въ соборныхъ засѣданіяхъ патріархата; нужно думать, что онъ пробылъ тамъ и еще цѣлый годъ, такъ-какъ въ апрѣлѣ 1332 года митрополитъ Ѳегоностъ находился въ юго-западной Руси и вмѣстѣ съ Волынско-Галицкими епископами посвятилъ тогда Павла въ Черниговъ, а потомъ уже отправился въ Константинополь; ясно, что новопоставленный Галицкій митрополитъ не приходилъ еще изъ Константинополя на свою митрополичью каѳедру, а оставался въ Греціи, будучи чѣмъ-нибудь тамъ задержанъ.

бб) Присутствіе при поставленіи Іоанна, епископа Брянскаго, южнорусскихъ епископовъ предполагаетъ новое, неизвѣстное русскимъ лѣтописямъ путешествіе митрополита Ѳеогноста на югъ. Подъ соотвѣтствующимъ годомъ въ лѣтописяхъ есть указаніе на поѣздку Василія Новгородскаго въ Москву къ великому князю Ивану Калитѣ (Новг. I, 77; Никон. III, 162). Митрополитъ въ этомъ случаѣ не упоминается и, вѣроятно, потому, что его тогда не было въ Москвѣ; онъ могъ быть въ какомъ-либо другомъ городѣ (въ предыдущемъ году онъ былъ во Владимірѣ Клязменскомъ, гдѣ ему представлялся тотъ же епископъ Василій), но всего вѣроятнѣе, что Ѳеогностъ и былъ именно въ это время въ юго-западнойРуси, какъ даетъ намъ знать наша греческая запись. Никоновская лѣтопись упоминаетъ про путешествіе митрополита въ Брянскъ, но уже въ 1339 или 1340 году, когда онъ ходилъ унимать туда крамольниковъ (III, 172).

вв) Чтобы это было вполнѣ ясно, надо болѣе или менѣе точно опредѣлить время, когда епископъ Ѳеодоръ могъ ходить въ Константинополь?

Мы знаемъ, что митрополитъ Ѳеогностъ прибылъ въ южную Русь не позднѣе апрѣля 1330 года. Черезъ годъ (1331 г.), также въ апрѣлѣ, появляется въ Константинополѣ Галицкій митрополитъ. Если это былъ Ѳеодоръ, предположимъ, достигнувшій на нѣкоторое время сана митрополита, то въ какое же время онъ долженъ былъ отправиться изъ Россіи въ столицу Византіи? Зимой въ Константинополь не ѣздили по причинѣ неудобства пути, поэтому и нашъ Ѳеодоръ не могъ въ это время отправиться туда. Если онъ поѣхалъ туда, предположимъ, рано весной (до апрѣля), то это также едва-ли возможно допустить по той же причинѣ. Но, принимая во вниманіе другія побочныя соображенія, эта предполагаемая поѣздка ранней весной уже становится прямо невозможной. Отправившись, допустимъ, изъ юго-западной Руси самой ранней весной, Ѳеодоръ долженъ былъ до апрѣля успѣть доѣхать до Константинополя, что при прежнихъ способахъ передвиженія не могло совершаться съ быстротой переѣздокъ въ наше время, а потомъ, доѣхавъ благополучно, предположимъ, до

Византійской столицы, онъ долженъ былъ успѣть убѣдить патріарха исполнить его желаніе, а это обыкновенно было сопряжено съ длинной проволочкой времени, такъ-какъ патріархи очень любили затягивать время, и, наконецъ, если, допустимъ, онъ успѣлъ склонить патріарха на свою сторону, (дѣлаемъ предположеніе невѣроятное, не оправданное дѣйствительностью), то онъ долженъ былъ успѣть получить еще формальное утвержденіе себя въ санѣ Галицкаго митрополита, что также не могло быть выполнено скоро, принимая во вниманіе обычную въ такихъ случаяхъ медлительность патріархіи. Все это, взятое вмѣстѣ, ясно, думаемъ, показываетъ, что если этотъ искатель митрополичьяго сана былъ нашъ епископъ Ѳеодоръ, то онъ долженъ былъ ѣхать въ Константинополь никакъ не зимой и не ранней весной, а еще лѣтомъ или предъ началомъ осени прошедшаго 1330 г. Но если это было такъ, то становится совсѣмъ непонятнымъ, почему Ѳеодоръ такъ неудачно избралъ время своего путешествія въ Грецію, вслѣдствіе чего онъ долженъ былъ зимовать тамъ и совершенно напрасно, безъ всякаго толку проживаться въ Константинополѣ, когда у него на рукахъ была управляемая имъ епархія и паства. Не гораздо-ли было бы лучше и естественнѣе, если бы онъ отправился въ Грецію въ срединѣ весны, съ тѣмъ, чтобы къ осени возвратиться домой, какъ это дѣлали ѣздившіе въ Константинополь русскіе митрополиты? Но помимо этого, если Ѳеодоръ отправился въ Константинополь еще въ 1330 году, то въ высшей степени непонятна и даже прямо недопустима съ точки зрѣнія здраваго смысла неблагоразумная медлительность митрополита Ѳеогноста, который только черезъ два года поѣхалъ въ Константинополь для борьбы съ уѣхавшимъ оттуда соперникомъ, хотя, какъ нами было выше замѣчено, онъ не могъ не знать, ходилъ ли и зачѣмъ ходилъ въ Константинополь епископъ Ѳеодоръ, такъ какъ это должно было совершаться, такъ сказать, на его глазахъ. А въ концѣ-концовъ, по меньшей мѣрѣ странно то обстоятельство, что въ апрѣлѣ Ѳеодоръ почитается въ Константинополѣ за митрополита, а въ августѣ того же года мы видимъ его уже въ Россіи и притомъ въ званіи простого епископа. Не слишкомъ ли неестественно быстро происходили эти превращенія съ нашимъ Ѳеодоромъ,—сегодня митрополитомъ, а завтра епископомъ,—и при этомъ на глазахъ, повторяемъ, Ѳеогноста, съ которымъ Ѳеодоръ продолжаетъ, видимо, находиться въ добромъ мирѣ и согласіи, хотя вполнѣ открыто и подкапывается подъ цѣлость его власти?

Словомъ, принимая все сказанное во вниманіе, мы должны стать въ положительный тупикъ предъ предполагаемой поѣздкой Ѳеодора въ Константинополь и признать ее всецѣло химеричной.

гг) Любопытно было бы съ полной удовлетворительностью разрѣшить вопросъ, не принималъ ли въ хлопотахъ о поставленіи этого Галицкаго митрополита и Литовскій князь Гедиминъ, какъ это въ положительномъ смыслѣ утверждаетъ проф. Е. Е. Голубинскій (Митрополитъ Ѳеогностъ, стр. 232, примѣч. I). Мы позволяемъ себѣ не согласиться съ мнѣніемъ почтеннаго профессора и думаемъ, что этотъ нашъ митрополитъ былъ спеціально и исключительно Галицкимъ, какимъ онъ и названъ въ актахъ патріаршихъ. Не думаемъ, что наименованіе ὁ Γαλίτζης употреблено не въ собственномъ, а въ общемъ смыслѣ, какъ митрополита вообще южнорусскаго. Всего естественнѣе принимать это наименованіе въ смыслѣ самомъ строгомъ и точномъ, опредѣленно указывающемъ, въ какую именно область предназначался митрополитъ, подобно тому, какъ наименованіе ὁ Λιτβῶν точно указывало на митрополита именно и только Литовскаго. Считать

названіе ὁ Γαλίτζης и ὁ λιτβῶν какъ бы синомимами нѣтъ никакой нужды, никакихъ-либо основаній, такъ какъ въ византійскихъ источникахъ ясно различаются обѣ митрополіи—и Галицкая, и Литовская (Ср. Павловъ. О началѣ Галицкой и Литовской митрополіи... стр. 240, примѣч.) Что же касается князя Гедимина, то ему, думаемъ, не было никакого дѣла до митрополита Галицкаго, такъ какъ у него былъ около этого времени свой Литовскій митрополитъ. Мы указывали выше (см. примѣч. подъ б. ю), что въ патріаршихъ актахъ упоминаются Литовскіе митрополиты подъ годами 1317, 1327 и 1329, причёмъ подъ послѣднимъ годомъ указано даже имя митрополита, названнаго Ѳеофиломъ, съ прибавленіемъ титула ὑπέρτιμος. Желательно было бы разрѣшить, одно или нѣсколько лицъ кроется подъ этими цифровыми митрополитами. Думаемъ, что если митрополитъ 1317 года и составляетъ одно и тоже лицо съ митрополитомъ 1327 года, то этотъ послѣдній никакъ не можетъ быть отождествляемъ съ митрополитомъ 1329 года—Ѳеофиломъ. По нашему мнѣнію, этотъ Ѳеофилъ только что около 1329 года или въ самый этотъ годъ былъ поставленъ Литовскимъ митрополитомъ, будучи испрошенъ у Константинопольскаго патріарха княземъ Гедиминомъ, вскорѣ послѣ ухода изъ Константинополя въ Россію митрополита Ѳеогноста, которому, какъ видно, обѣщали отдать или прямо отдали Литву и Галицію, но, спустя немного, обманули, поставивъ для той и другой самостоятельныхъ митрополитовъ. Что Ѳеогностъ получилъ въ свое завѣдываніе не только Галицкія, но и Литовскія епархіи, объ этомъ свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что, совершая въ 1328 году (вскорѣ по прибытіи своемъ въ Россію) избраніе и рукоположеніе епископовъ Аѳанасія Владимірскаго и Ѳеодора Галицкаго, онъ имѣлъ при себѣ, въ ряду другихъ подчиненныхъ себѣ епископовъ, и Стефана Туровскаго, каѳедра котораго находилась въ области бывшей митрополіи Литовской (Записи... № 1 и 2). Но, что замѣчательно, послѣ этого мы уже не видимъ Туровскаго епископа въ числѣ участниковъ по избранію русскихъ епископовъ, хотя эти избранія Ѳеогностъ производилъ въ юго-западной Руси и, недолго спустя, послѣ, въ періодъ отъ 1329—1332 годъ и потомъ въ 1335 году, причемъ опять принимали въ нихъ участіе южнорусскіе епископы. Чѣмъ объяснить это отсутствіе среди нихъ Стефана? Съ полной вѣроятностію можно предполагать, что епископъ Туровскій сначала принялъ Ѳеогноста, какъ своего законнаго митрополита, когда этотъ послѣдній пробирался изъ Константинополя въ Москву и по пути былъ въ юго-западной Руси, но потомъ, услыхавши про поставленіе въ Константинополѣ отдѣльнаго Литовскаго митрополита Ѳеофила или даже увидавши его заявившимся въ Литву, епископъ Стефанъ оставилъ Ѳеогноста и перешелъ на сторону перваго. Правда, въ нашихъ русскихъ лѣтописяхъ, въ разсказѣ о поставленіи митрополитомъ Ѳеогностомъ Василія Новгородскаго въ 1331 году упоминается епископъ «Григорій Полотьскій» (Новг. I, 75; Никон. III. 158), а Полоцкъ, какъ извѣстно, принадлежалъ тогда Литвѣ,—слѣдовательно, Литовскіе епископы находились, повидимому, въ общеніи съ Ѳеогностомъ и позднѣе 1329 года. Но, во-первыхъ, этотъ Григорій Полоцкій личность очень сомнительная, такъ-какъ онъ совсѣмъ не упоминается въ нашей достовѣрнѣйшей греческой записи о поставленіи Василія и, очевидно, перемѣшанъ съ указаннымъ въ ней Григоріемъ Холмскимъ (см. примѣч. подъ б. Ѵ), а, во-вторыхъ, еслибы Литовскіе епископы имѣли въ то время общеніе съ митрополитомъ Ѳеогностомъ, то мы видѣли бы среди нихъ и названнаго выше Стефана Туровскаго, который между тѣмъ точно въ воду канулъ. Если, предположимъ, онъ

около этого времени умеръ, то Өеогностъ, такъ много ставившій епископовъ для южной Руси и, видимо, заботившійся о скоромъ замѣщеніи всѣхъ вакантныхъ епископскихъ каѳедръ, не преминулъ бы поставить новаго епископа и для Турова, о чемъ мы и узнали бы изъ тѣхъ же греческихъ записей; а между тѣмъ эти послѣднія ни о какомъ поставленіи епископа для Турова не говорятъ ни слова; законно заключать отсюда, что епископъ Туровскій былъ живъ и по прежнему управлялъ своей епархіей.

Все дѣло, думаемъ, было въ Өеофилѣ, который, заявившись въ Литву, отнялъ ее у Өеогноста и оставилъ его только съ Галиціей. Но, какъ мы видѣли выше, и Галиція едва была удержана Өеогностомъ и даже, можетъ быть, на нѣкоторое время и вовсе отошла отъ него. Въ 1335 году Өеогностъ опять отправился въ южную Русь, гдѣ вмѣстѣ съ Галицко-Волынскими епископами поставилъ епископа въ Брянскъ; но среди нихъ мы не видимъ епископовъ Литовскихъ (Туровскаго, Полоцкаго) и, вѣроятно, потому, что Өеофилъ былъ живъ и управлялъ въ это время Литовской митрополіей (Ср. Павловъ. О началѣ Гал и Лит. митр., стр. 243—244). Впрочемъ, высказывая все это, мы считаемъ своимъ долгомъ оговориться, что мы передавали здѣсь свои личныя соображенія, которыя нисколько не считаемъ неопровержимыми. Но, что касается того, что нашъ митрополитъ 1331 года былъ только Галицкимъ, а и не Литовскимъ вмѣстѣ, мы за это стоимъ твердо, такъ-такъ положительно нѣтъ никакихъ основаній утверждать, что онъ получилъ въ свое завѣдываніе и епархіи Литвы.

Правда, и ранѣе, при самомъ основаніи Галицкой митрополіи въ 1302—1303 году, и позднѣе, при ея возобновленіи между 1345—1347 г. (о чемъ рѣчь будетъ ниже), Туровъ обыкновенно присоединялся къ Галицкой митрополіи. Но, во-первыхъ, мы не имѣемъ точныхъ указаній на время и обстоятельства гражданскаго присоединенія къ великому княжеству Литовскому Туровской области, хотя, несомнѣнно, при Гедиминѣ она входила уже въ составъ Литовскихъ владѣній (Антоновичъ. Очеркъ исторіи княжества Литовскаго, стр. 46). Нѣтъ основаній предполагать, что Туровское княжество было окончательно присоединено къ Литвѣ при предшественникѣ Гедимина — князѣ Витенѣ, хотя и въ это время, какъ мы высказывали выше, оно колебалось между полузависимостью отъ Литвы или Галиціи. Вслѣдствіе же этого, если Туровъ входилъ въ область Галицкой митрополіи въ 1302—1303 году, то не потому, что митрополитъ былъ испрошенъ и для Галиціи, и для Литвы вмѣстѣ, а потому, что по причинѣ неопредѣлившагося, колеблющагося положенія Туровской области было совершенно безразлично, въ чье бы церковное завѣдываніе она ни подпала — Литовскаго или Галицкаго митрополита: когда только что образовалась при князѣ Витенѣ Литовская митрополія, Туровъ былъ подчиненъ, вѣроятно, Литовскому митрополиту (см. примѣч. подъ б. ю), а при основаніи Галицкой митрополіи Туровъ переходитъ въ завѣдываніе митрополита Галицко-Волынскаго. Что же касается Галицкой митрополіи 1345—1347 года, то, какъ мы увидимъ ниже, если къ ней и присоединена была Туровская епархія, бывшая тогда уже совершенно Литовской областью,—это зависѣло единственно оттого, что и возстановленіе въ это время независимой Галицкой митрополіи было дѣломъ исключительно Литвы, во главѣ съ Любартомъ и Ольгердомъ Гедиминовичами, утвердившимися въ Галицко-Волынскомъ княжествѣ послѣ смерти его природныхъ князей-Романовичей.

дд) Эти столкновенія сначала происходили только между Москвой и Литвой, такъ какъ Польша пока была еще въ отдаленіи отъ Московскихъ владѣній и, только приблизившись къ нимъ, она начала вступать съ Москвой въ политическую борьбу.

ее) Борьба происходила изъ-за Тверскаго князя Михаила Александровича, соперничавшаго съ Москвой за великое княженіе и обращавшагося за помощью къ своему зятю-Ольгерду Литовскому, за которымъ была замужемъ сестра Михаила—Ульяна (Иловайскій. Исторія, II, 93—94).

жж) Въ перечнѣ Галицкихъ митрополитовъ Gelzer назвалъ его Ѳеогностомъ, но это, очевидно, опечатка. Иловайскій также называетъ Ѳеодора, но почему-то относитъ начало его митрополитствованія ко временамъ князя Юрія Андреевича II. (Истор. II, 78), тогда какъ Ѳеодоръ въ то время былъ не митрополитомъ, а епископомъ и находился въ общеніи съ Ѳеогностомъ. Филевичъ полагаетъ, что митрополитомъ въ этомъ случаѣ былъ, можетъ быть, и Ѳеодоръ, но другой, такъ какъ, по его мнѣнію, Галицкій епископъ Ѳеодоръ умеръ не позднѣе 1338 года. (Борьба, стр. 281).

зз) Васильевскій ставитъ «Записи о поставленіи епископовъ» въ связь съ фактомъ возобновленія Галицкой митрополіи передъ 1347 годомъ, такъ какъ онѣ обнимаютъ собой время съ перваго посѣщенія южной Руси митрополитомъ Ѳеогностомъ въ 1328 году и оканчиваются 1347 годомъ, т.-е. временемъ закрытія Галицкой митрополіи. Онъ дѣлаетъ предположеніе, не находится ли происхожденіе этихъ протокольныхъ записей въ какой-либо связи съ обстоятельствами этого послѣдняго года, — въ частности, съ жалобами митрополита Ѳеогноста на своего прежняго ставленника, «такъ какъ эти записи могли служить убѣдительнымъ доказательствомъ неосновательности и совершеннаго новшества притязаній галицкихъ, такъ какъ изъ нихъ обнаруживалось не только поставленіе многихъ южно-русскихъ епископовъ Ѳеогностомъ, но и позднѣйшее ихъ подчиненіе ему» (Васильевскій, стр. 457—458). А если такъ, — добавимъ мы отъ себя,—то не личнымъ ли дѣломъ Ѳеогноста былъ и ранговый распорядокъ епископовъ, среди которыхъ онъ нарочно старается понизить Ѳеодора, какъ бы показывая этимъ самымъ его незаконно-горделивыя притязанія на санъ митрополита, когда этого могли бы добиваться и выше его стоявшіе епископы, напримѣръ Аѳанасій Владимірскій, который однако этого не дѣлаетъ?

ии) Въ перечнѣ епископій, подчиненныхъ Нифонту, не упоминается только Галицкая, которая поставлена во главѣ епископій, отданныхъ митрополиту въ 1345 году, но въ первомъ случаѣ она была опущена исключительно потому, что, ставъ митрополіей, она перестала быть епископіей и потому была исключена изъ ряда другихъ юго-западныхъ епархій, хотя, безъ сомнѣнія, и находилась въ вѣдѣніи Галицкаго митрополита.

іі) Подобное мы видимъ, напримѣръ, въ дѣйствіяхъ извѣстнаго архимандрита Митяя, который, не получивъ еще сана митрополита, велъ себя, какъ законно поставленный митрополитъ.

кк) Въ Никоновской лѣтописи подъ 1346 годомъ мы читаемъ: «Того же лѣта преосвященный Ѳеогностъ митрополитъ Кіевскій всея Русіи посовѣтова нѣчто духовне съ сыномъ своимъ великимъ княземъ Семеномъ Ивановичемъ, и тако послаша въ Царьградъ къ патріарху о благословеніи (III, 186)». Можетъ быть, это посольство было снаряжено въ Константинополь именно по дѣлу о закрытіи Галицкой митрополіи, а отчасти и относительно третьяго брака вели-

каго князя (ibidem, стр. 186); ради же вящаго успѣха оно, можетъ быть, и вооружено было болѣе или менѣе крупной суммой денегъ, на которую указываетъ Григора.

лл) Мы не можемъ опредѣленно сказать, гдѣ находилась каѳедра Галицкаго митрополита, но, кажется, не въ Галичѣ, подчиненномъ тогда польскому королю Казиміру, а въ какомъ-либо изъ Волынскихъ городовъ,—вѣроятно, во Владимірѣ; почему и повелѣвается содѣйствовать его удаленію съ каѳедры не Казиміру, а Любарту, владѣтелю Волыни.

мм) Ольгердъ, кажется, былъ окрещенъ въ православную вѣру еще въ молодости, умеръ же, безъ сомнѣнія, православнымъ и передъ смертью принялъ даже схиму, по увѣщанію своей супруги Ульяны и ея духовника—Печерскаго архимандрита Давида (Иловайскій, II, стр. 83, 86).

нн) Нѣкоторые (Амвросій. Исторія Россійской Іерархіи, I, 21; Евгеній. Описаніе Кіевософійскаго собора, 88) думаютъ, будто Ѳеодоритъ былъ посвященъ въ митрополиты по просьбѣ Галичанъ, но такъ какъ для утвержденія этого мнѣнія нѣтъ никакихъ историческихъ данныхъ, то оно и не можетъ быть принято.

оо) Имени этого Романа мы не встрѣчаемъ, какъ мы замѣчали уже выше, въ извѣстномъ перечнѣ Галицкихъ митрополитовъ короля Казиміра, такъ что отсюда можно дѣлать такое заключеніе, что Романъ не былъ Галицкимъ митрополитомъ,—слѣдовательно, и въ нашемъ изслѣдованіи, посвященномъ исторіи только Галицкой митрополіи, о немъ не можетъ и не должно быть рѣчи. Но мы уже высказывали ранѣе, что Казиміръ, выпуская его изъ своего перечня, имѣлъ на то свои личныя соображенія и желалъ этимъ соблюсти точность послѣдняго, такъ какъ Романъ, и дѣйствительно, испрошенъ былъ Литовскимъ княземъ, и поставленъ былъ въ митрополиты прежде всего для Литвы; но, тѣмъ не менѣе, мы считаемъ себя въ полномъ правѣ поставить его въ ряды и нашихъ Галицкихъ митрополитовъ, такъ какъ онъ, какъ мы увидимъ ниже, получилъ въ свое завѣдываніе не только Литовскія епархіи, но и Волынско-Галицкія, хотя онѣ и даны ему были только въ добавленіе къ первымъ и «по снисхожденію къ нему». А если онъ былъ митрополитомъ не только Литовскимъ, но и Галицкимъ, наслѣдникомъ прежнихъ своихъ предшественниковъ-митрополитовъ Галицкихъ, то мы и считаемъ своимъ законнымъ правомъ и долгомъ дать ему мѣсто въ нашемъ изслѣдованіи и посвятить ему особый отдѣлъ послѣдняго. Да и въ планахъ Литовскаго князя Ольгерда было получить въ лицѣ Романа не только Литовско-Кіевскаго митрополита, но непремѣнно и Галицко-Волынскаго, который могъ бы расчищать для него свободный путь въ земли юго-западной Россіи. Можно сказать даже болѣе: связывая съ поставленіемъ Романа широкія политическія замыслы, Ольгердъ долженъ былъ желать и добиваться поставленія Романа для Галицко-Волынской области гораздо болѣе, чѣмъ даже для Литвы, такъ какъ первая по числу епархій и по количеству православнаго народонаселенія была гораздо больше и значительнѣе послѣдней,—слѣдовательно, для него было особенно заманчиво вводить въ нее свое вліяніе и распоряжаться чрезъ своего подручнаго митрополита не только церковными, но и политическими ея судьбами.

пп) Литовскій князь Ольгердъ былъ женатъ два раза: первый разъ на дочери какого-то Витебскаго князя, а второй—на Ульянѣ, дочери упомянутаго нами выше Тверскаго князя Александра Михайловича.

Такъ какъ Романъ имѣлъ какія-то особенныя связи съ Тверскимъ княжескимъ домомъ, то можно полагать, что онъ былъ родственникомъ, князю Ольгерду именно по Ульянѣ.

pp) До смерти митрополита Ѳеогноста Роману не было и нужды идти въ Константинополь для возведенія себя на митрополію.

cc) Любопытно разрѣшить, кто въ это время былъ патріархомъ въ Константинополѣ, такъ какъ историческія указанія объ этомъ сильно разнорѣчатъ.

Всѣ историческія свидѣтельства утверждаютъ, что въ то время греческимъ императоромъ былъ Іоаннъ Кантакузинъ. Но кто тогда былъ Константинопольскимъ патріархомъ? Русскія лѣтописи и житія свидѣтельствуютъ, что патріархомъ, къ которому ходили Московскіе послы и вскорѣ послѣ ихъ возвращенія—самъ Алексѣй, былъ Филоѳей, который и возвелъ Московскаго кандидата въ митрополиты Кіевскіе. Между тѣмъ, всѣ почти историки и хронологи показываютъ, что въ 1353 году, въ которомъ путешествовали въ Византію послы и Алексѣй, патріархомъ былъ Каллистъ и что Филоѳей вступилъ на патріаршій престолъ лишь въ 1354 году (Acta Sanct. August., t. I, p. 179; А. П. Лебедевъ. Очерки, стр. 412 и 416; «Православное Обозрѣніе» 1873 г.— статья о патріархѣ Каллистѣ А. Арсенія, I, стр. 922). Еслибы свидѣтельство русскихъ лѣтописей и житій не имѣло себѣ подтвержденія въ другихъ историческихъ документахъ и памятникахъ, то ему можно было бы и не придавать значенія; тогда возможно было бы предположить, что составители лѣтописей и житій находились въ заблужденіи, т.-е. хорошо зная, что Алексѣй былъ поставленъ въ митрополиты Филоѳеемъ, они поэтому думали, что къ тому же патріарху ѣздили послы и при томъ же патріархѣ св Алексѣй прибылъ въ Константинополь. Но къ удивленію, свидѣтельство русскихъ лѣтописей находитъ весьма сильное подтвержденіе и въ греческихъ источникахъ. Такое подтвержденіе мы видимъ, прежде всего въ грамотахъ самого Филоѳея. Въ настольной грамотѣ Алексѣю на митрополію Кіевскую и всея Руси онъ говоритъ, что Московскій избранникъ былъ испытываемъ имъ «въ продолженіе почти цѣлаго года» (Приложен. № 9, стр. 44). Такъ какъ грамота эта помѣчена 30 іюня 1354 года, то, значитъ, Филоѳей былъ патріархомъ почти всю вторую половину 1353 года. Въ другой грамотѣ, въ которой городъ Владиміръ признается вторымъ сѣдалищемъ русскаго митрополита, тотъ же патріархъ свидѣтельствуетъ, что митрополитъ Ѳеогностъ писалъ объ Алексѣѣ именно къ нему. «Усмотрѣвъ его (Алексѣя) способность, — читаемъ мы въ этой грамотѣ, — митрополитъ (Ѳеогностъ) подъ конецъ своей жизни рукоположилъ его во епископа владимірскаго и писалъ *къ нашей мѣрности* и священному собору»... (ib. № 12, стр. 66). Но московскіе послы отправились съ посланіемъ Ѳеогноста въ Грецію въ концѣ 1352 или въ началѣ 1353 года; слѣдовательно, Филоѳей былъ патріархомъ еще съ первой половины 1353 года. Накопецъ, изъ грамоты Филоѳея къ новгородскому епископу Моисею видно, что онъ былъ патріархомъ даже и въ 1352 году. «Да будетъ вѣдомо твоему боголюбію, писалъ онъ Моисею, что *за два года предъ симъ*, еще при жизни опаго преосвященнаго архіерея киръ Ѳеогноста приходилъ сюда Ѳеодоритъ и домогался сдѣлаться митрополитомъ русскимъ; *мы же*, тщательно испытавъ (обстоятельства дѣла) и узнавъ, что митрополитъ киръ Ѳеогностъ былъ еще живъ, не приняли этого искателя» (ib. № 11, стр. 62). Грамота эта издана въ 1354 году въ іюлѣ мѣсяцѣ, отсюда слѣдуетъ, что Ѳеодоритъ приходилъ въ

Константинополь въ половинѣ 1352 года и что еще тогда Филоѳей управлялъ дѣлами патріархіи. Свидѣтельство русскихъ лѣтописей и житій находитъ подтвержденіе и у греческаго историка Никифора Григоры, который въ своей исторіи утверждаетъ, что, когда Алексѣй прибылъ въ Византію для поставленія въ русскіе митрополиты, то патріархомъ былъ Филоѳей (Migne, 149, стр. 460). Но такъ какъ св. Алексѣй отправился въ Константинополь лѣтомъ или къ началу осени 1353 года и прибылъ туда скоро, то, значитъ, и по свидѣтельству Григоры выходитъ, что Филоѳей былъ патріархомъ еще въ 1353 году.

На чемъ же основываютъ опредѣленіе времени перваго патріаршества Филоѳея хронологи и историки? О. Арсеній въ своей статьѣ о патріархѣ Каллистѣ, въ одномъ изъ примѣчаній даетъ знать, будто время перваго патріаршества Филоѳея устанавливается актами константинопольскихъ патріарховъ, и такъ какъ въ томъ изданіи этихъ актовъ, которое сдѣлали Миклошичъ и Мюллеръ, послѣдняя изъ грамотъ, приписываемыхъ издателями патріарху Каллисту, помѣчена мартомъ мѣсяцемъ 1354 года, а первая изъ приписываемыхъ тѣми же издателями патріарху Филоѳею помѣчена іюнемъ мѣсяцемъ 1354 года, то будто бы поэтому можно судить, что Филоѳей началъ управлять дѣлами патріархіи только съ марта 1354 года (Прав. Обозр. 1873 г. I, стр. 922). Конечно, если бы на каждой грамотѣ константинопольскаго патріарха, кромѣ опредѣленія времени ея изданія, было обозначено и имя патріарха, при которомъ она издана, то тогда на основаніи ихъ можно было бы опредѣлить приблизительно, сколько времени Филоѳей былъ патріархомъ въ первый разъ. Къ сожалѣнію, имена патріарховъ встрѣчаются въ актахъ очень рѣдко. Такъ, напримѣръ, на грамотѣ 1351 года октября мѣсяца мы встрѣчаемъ имя Каллиста, но затѣмъ мы не встрѣчаемъ имени патріарха до грамоты 1354 года іюня мѣсяца, на которой есть подпись Филоѳея (Acta patr. I, 312—340). Посему на основаніи патріаршихъ грамотъ можно лишь весьма неопредѣленно установить время, съ котораго началъ быть патріархомъ Филоѳей; можно только сказать, что онъ вступилъ на патріаршій престолъ не раньше октября 1351 года и не позднѣе іюня 1354 года. Чтобы имѣть право при установленіи времени патріаршествованія различныхъ лицъ пользоваться тѣми грамотами, на которыхъ нѣтъ имени патріарха, мы должны указать основанія, по которымъ мы извѣстную грамоту приписываемъ этому, а не другому патріарху. Мы не знаемъ, чѣмъ руководились при распредѣленіи между патріархами извѣстныхъ намъ ихъ грамотъ Миклошичъ и Мюллеръ, а потому и не можемъ довѣряться имъ, какъ довѣрялся О. Арсеній. Но мы знаемъ, что Миклошичъ и Мюллеръ въ своемъ распредѣленіи патріаршихъ грамотъ допускали нѣкоторыя ошибки. Такъ, они приписали Каллисту грамоту, посланную тверскому князю Михаилу, жаловавшемуся на св. Алексѣя, которая несомнѣнно была писана при Филоѳеѣ, такъ какъ при Каллистѣ Михаилъ еще не былъ тверскимъ княземъ и могъ жаловаться на Алексѣя не ранѣе извѣстнаго случая, бывшаго въ 1368 году (П. собр. л. т. VIII, 15); они же поставили имя Каллиста на грамотахъ, вышедшихъ въ мартѣ мѣсяцѣ 1354 года, тогда какъ изъ эдикта Матѳея Кантакузина, даннаго въ февралѣ мѣсяцѣ того же года, видно, что въ то время патріархомъ былъ Филоѳей (Act. Sanct. Aug. I, 180).

Время, въ которое были патріархами Каллистъ и Филоѳей, описывали Никифоръ Григора и Іоаннъ Кантакузинъ, но ни тотъ, ни другой не указываютъ точно времени, какое были патріархами въ первый разъ названные іерархи (каждый изъ нихъ былъ два раза патріархомъ), какъ и вообще ни тотъ, ни

другой не указываютъ точно времени, въ которое происходило то или другое событіе. Посему и Григора, и Кантакузинъ мало могутъ помочь намъ при рѣшеніи занимающаго насъ вопроса. Впрочемъ Кантакузинъ дѣлаетъ одно замѣчаніе, изъ котораго, повидимому, можно заключить, сколько приблизительно времени Филоѳей былъ патріархомъ въ первый разъ. Въ своей исторіи, сказавъ объ избраніи названнаго патріарха, онъ замѣтилъ: «и онъ нѣкоторое время управлялъ дѣлами церкви, спустя немного принужденный оставить власть» (Migne, 154, стр. 285). Но и въ этомъ замѣчаніи греческаго историка выраженія «нѣкоторое время» (χρόνον τινά), «спустя немного» (μετ' οὐ πολύ)—таковы, что подъ ними можно разумѣть и нѣсколько дней, и нѣсколько мѣсяцевъ, и годъ, и два, и даже два съ половиною; а въ виду опредѣленныхъ свидѣтельствъ, что Филоѳей патріаршествовалъ не только въ 1354 году, но и въ 1353 и даже въ 1352 году, мы должны разумѣть подъ ними возможно бóльшій промежутокъ времени.

Итакъ, какъ же распредѣлить время патріаршествованія Филоѳея и его предшественника Каллиста?

Патріархъ Каллистъ, занявшій патріаршій престолъ послѣ извѣстнаго намъ Исидора, взошелъ на него въ 1349 или въ 1350 году и оставался на немъ весьма недолго—до 1352 года, когда его смѣнилъ Филоѳей, по желанію императора I. Кантакузина, удалившаго за непокореніе себѣ Каллиста и возведшаго Филоѳея. Но когда въ 1355 году Кантакузинъ палъ и на Византійскій престолъ вступилъ Іоаннъ Палеологъ, законный преемникъ царской власти, то Каллистъ опять возвратился къ управленію константинопольской церкви и оставался патріархомъ до 1364 года (Acta patr. I, 448), когда ему (уже умершему) второй разъ наслѣдовалъ Филоѳей (Лебедевъ. Очерки... стр. 414—416). Такимъ образомъ, Каллистъ былъ патріархомъ съ 1349—1352 и 1355—1364 годъ, а Филоѳей съ 1352—1355 и 1364—1376 годъ.

mm) Такъ представляетъ дѣло греческій историкъ Никифоръ Григора, по свидѣтельству котораго Романъ ранѣе Алексѣя поставленъ былъ въ митрополита кіевскаго и всея Руси (Migne 149, стр. 460). Между тѣмъ грамота патріарха Каллиста, въ которой излагается соборное опредѣленіе объ отправленіи въ Россію апокрисіаріевъ для разслѣдованія дѣла Романа и Алексѣя, утверждаетъ противоположное, а именно, что Романъ позднѣе Алексѣя былъ поставленъ въ митрополита, и притомъ митрополита не кіевскаго, а только литовскаго (Прилож. № 13, стр. 72). Такое утвержденіе грамоты намъ кажется невѣрнымъ и вотъ почему. По означенной грамотѣ Каллиста выходитъ, что литовскій кандидатъ не только позднѣе московскаго былъ возведенъ въ митрополита, но и пришелъ въ Константинополь въ то время, когда уже оттуда вышелъ московскій, получивъ право на митрополію Кіевскую и всея Руси (ibid.); а это есть явная ложь, ибо русская лѣтопись устанавливаетъ тотъ фактъ, что Романъ и Алексѣй были въ Царьградѣ одновременно и что тамъ «бысть между ними нелюбіе веліе» (Ник. III, 204).

Какъ и почему въ грамоту Каллиста вкралось искаженіе исторической дѣйствительности, понять не трудно. Грамота, конечно, должна была изобразить споръ Алексѣя съ Романомъ такъ, чтобы патріархи Филоѳей и Каллистъ, принявшіе въ этомъ спорѣ сторону перваго, оказывались во всемъ правыми и поступающими, какъ должно; но патріархи выходили бы не совсѣмъ чистыми, если бы составитель грамоты представилъ дѣла такъ, какъ оно было. Положимъ, московскому кандидату митрополія Кіевская и всея Руси была обѣщана ранѣе,

чѣмъ литовскому; но разъ послѣднему ранѣе перваго она была не обѣщана только, а дѣйствительно предоставлена, Каллистъ и Филоѳей, уважая требованія справедливости, должны были уступить Кіевъ литовскому претенденту, а не московскому. И вотъ, чтобы поведеніе патріарховъ оказалось совершенно безукоризненнымъ, въ грамотѣ сообщается, что Романъ былъ поставленъ лишь въ митрополита литовскаго, и пришелъ онъ въ Византію не послѣ того, какъ послы Семена и Ѳеогноста ушли оттуда *съ обѣщаніемъ* патріарха возвести Алексѣя въ митрополита кіевскаго и всея Руси, какъ было въ дѣйствительности, а послѣ того будто бы, какъ московскій кандидатъ *былъ поставленъ* въ митрополиты кіевскіе и «съ честью отосланъ» оттуда (№ 13, стр. 72). То же самое должно сказать и о неопубликованной грамотѣ патріарха Филоѳея о присоединеніи Литовской митрополіи къ Кіевской, въ которой, хотя и не говорится о томъ, что Алексѣй ранѣе Романа былъ возведенъ въ русскіе митрополиты, но утверждается, что Романъ былъ рукоположенъ въ митрополита литовскаго (ibid. № 15). Нѣкоторыя свѣдѣнія о спорѣ Алексѣя съ Романомъ сообщаетъ также соборное опредѣленіе патріарха Нила о незаконномъ поставленіи Кипріана въ митрополита кіевскаго и объ усвоеніи этого титула митрополиту великой Руси Пимену. По этому опредѣленію выходитъ, что Романъ былъ поставленъ въ русскіе митрополиты какъ будто уже послѣ того, какъ умеръ великій князь Московскій Иванъ Ивановичъ и поручилъ митрополиту Алексѣю какъ попеченіе о своемъ сынѣ, такъ и заботу объ охранѣ своего княжества (ibid. № 30, стр. 166 — 170). Такъ какъ всѣ другіе источники утверждаютъ, что въ то время, какъ умеръ Иванъ Ивановичъ (1359 г.), борьба Алексѣя съ Романомъ приходила уже къ концу, то ясно, что опредѣленіе патріарха Нила передаетъ намъ исторію этой борьбы безъ всякой послѣдовательности и потому не можетъ быть принимаемо въ соображеніе при рѣшеніи вопроса о томъ, кто раньше былъ возведенъ въ санъ митрополита—Алексѣй или Романъ.

Указанныя свидѣтельства патріаршихъ грамотъ, противоположныя показанію греческаго историка Никифора Григоры, мы лишили довѣрія; но слѣдуетъ ли довѣрять и Григорѣ? Вѣдь, онъ извѣстенъ, какъ пристрастный историкъ: живя въ то время, когда Грецію волновали споры варлаамитовъ съ паламитами, и будучи врагомъ послѣднихъ, онъ въ своей исторіи описываетъ черными красками не только всѣхъ паламитомъ, но даже и тѣхъ, кому они благоволили (Лебедевъ. Очерки, 64 — 71). Такимъ образомъ, и въ разсказѣ о спорѣ двухъ претендентовъ на Кіевскую митрополію Григора не измѣнилъ ли истинѣ, чтобы выставить въ возможно худшемъ свѣтѣ Алексѣя, на сторонѣ котораго стояли патріархи-паламиты? Намъ кажется, что нѣтъ основаній подвергать сомнѣнію свидѣтельство Никифора. Правда, онъ былъ пристрастенъ и пристрастенъ до того, что, характеризуя ту или другую личность, объ однихъ фактахъ умалчивалъ, а другіе выставлялъ на видъ; но едва ли пристрастіе его простиралось до того, что онъ выдумывалъ какія-либо небывалыя событія или одни факты ставилъ на мѣсто другихъ. Между тѣмъ мы должны допустить въ Григорѣ пристрастіе именно въ этой послѣдней степени, если хотимъ заподозрить истинность его показанія, что Романъ ранѣе Алексѣя поставленъ былъ въ митрополита Кіевскаго и всея Руси. Кромѣ того, должно замѣтить, что Никифоръ Григора излагаетъ исторію борьбы московскаго и литовскаго кандидатовъ на митрополію Кіевскую съ цѣлью обвинить въ этой борьбѣ патріарховъ Филоѳея и Каллиста, принадлежавшихъ къ партіи паламитовъ. Но этой цѣли онъ достигнулъ бы, какъ бы онъ ни изобра-

жалъ начало указанной борьбы: такъ ли, какъ оно у него изображено, или такъ, какъ оно представлено въ грамотѣ патріарха Каллиста. Если бы на самомъ дѣлѣ Романъ былъ рукоположенъ лишь въ митрополита литовскаго и притомъ позднѣе, чѣмъ Алексѣй былъ возведенъ въ митрополита кіевскаго и всея Руси, то Григора, и не измѣняя истинѣ, въ исторіи борьбы Алексѣя съ Романомъ могъ бы найти другой поводъ для обвиненія ненавистныхъ ему патріарховъ: тогда бы онъ обвинилъ ихъ за раздѣленіе русской митрополіи и за уступчивость по отношенію къ Роману, котораго постарался бы, конечно, представить дурнымъ человѣкомъ. Итакъ, пристрастіе Григоры, какъ историка, не даетъ намъ права подвергать сомнѣнію его свидѣтельство о томъ, что Романъ былъ поставленъ константинопольскимъ патріархомъ въ митрополита кіевскаго и притомъ ранѣе Алексѣя. Напротивъ, справедливость обязываетъ признать это свидѣтельство достовѣрнымъ. Показаніе Никифора, что великій князь литовскій Ольгердъ хлопоталъ о предоставленіи Роману митрополіи Кіевской и имѣлъ въ этомъ успѣхъ, имѣетъ нѣсколько подтвержденій. Прежде всего, оно подтверждается другими историческими свидѣтельствами. Такъ, въ упомянутомъ уже нами соборномъ опредѣленіи патріарха Нила говорится, что Ольгердъ ходатайствовалъ о своемъ кандидатѣ съ цѣлью пріобрѣсти себѣ съ его помощью власть и въ Великой Руси; но такъ какъ избранникъ литовскаго князя могъ содѣйствовать подчиненію Великой Руси литовскому вліянію лишь въ случаѣ поставленія его въ митрополита кіевскаго и всея Руси, то ясно, что Ольгердъ хлопоталъ о назначеніи Романа на митрополію именно кіевскую и всея Руси. Если же въ грамотѣ Нила не говорится ясно о томъ, что исканія литовскаго князя увѣнчались успѣхомъ и его кандидатъ дѣйствительно былъ рукоположенъ патріархомъ въ митрополита кіевскаго, то это съ очевидностью обнаруживается въ Никоновской лѣтописи. Здѣсь, подъ 6862 г., мы читаемъ: «Того же лѣта мятежъ въ святительствѣ сотворися, чего не бывало прежде сего въ Руси: въ Царьградѣ отъ патріарха поставлени быша два митрополита на всю русскую землю — Алексѣй да Романъ» (III, 204). Небывалый мятежъ, о которомъ хотѣлъ сказать лѣтописецъ, состоялъ не въ томъ, что на всю обширную Русь назначены были только два митрополита,—и не въ томъ, что на Руси явились двѣ митрополіи и два митрополита, ибо и прежде бывало въ ней по два митрополита, — а въ томъ, что въ Константинополѣ на одну и ту же митрополію кіевскую и всея Руси поставлены были два митрополита, изъ которыхъ каждый имѣлъ право на всю русскую землю. Значитъ, по Никоновской лѣтописи не только Алексѣй, но и Романъ былъ возведенъ въ митрополита кіевскаго и всея Руси. Такое пониманіе замѣчанія лѣтописи оправдывается и тою разностію, съ какою она говоритъ о первомъ возвращеніи того и другого митрополита изъ столицы Греціи и о второмъ. О первомъ лѣтописецъ говоритъ такъ: «Того же лѣта пріиде преосвященный и блаженный Алексѣй митрополитъ изъ Царя-града *на Москву;* тако же и Романъ митрополитъ пріиде изъ Царя-града *на Русь*». Совсѣмъ иначе выражается лѣтописецъ, когда говоритъ о второмъ возвращеніи русскихъ митрополитовъ изъ Византіи. «Того же лѣта (1356) пріиде, говоритъ онъ,—изъ Царяграда преосвященный митрополитъ Алексѣй *со многою честію* отъ патріарха и съ благословеніемъ *на всю русскую землю.* Тако же и Романъ митрополитъ пріиде изъ Царя-града отъ патріарха *на литовскую землю и на волынскую* (Ник. III, 204, 207). Такая разница выраженій можетъ быть объяснена ничѣмъ инымъ, какъ тѣмъ, что во время перваго путешествія того и другого митро-

полита въ Византію, побѣда Алексѣя не была еще полною и рѣшительною, такъ что оба они возвращались митрополитами кіевскими и всея Руси, а во второе путешествіе Алексѣй одержалъ рѣшительную побѣду, такъ что онъ возвращался съ подтвержденными правами на митрополію Кіевскую и всея Руси, тогда какъ Романъ съ правами только на епархіи Литовскія и Волынско-Галицкія. Свидѣтельство Григоры, что Романъ былъ рукоположенъ въ митрополита кіевскаго, подкрѣпляется и поведеніемъ этого митрополита. Обращая вниманіе на это поведеніе, мы видимъ, что Романъ изъявлялъ такія притязанія, какихъ не обнаруживалъ ни одинъ изъ бывшихъ митрополитовъ литовскихъ или галицкихъ. Онъ захватилъ Брянскъ, ѣздилъ въ Тверь, былъ въ Кіевѣ, совершалъ тамъ литургіи и рукоположенія и называлъ себя единственнымъ митрополитомъ кіевскимъ и всея Руси. Такихъ дѣйствій Романа мы ничѣмъ не могли бы объяснить, если бы не предположили, что онъ дѣйствительно получилъ благословеніе на митрополію Кіевскую. Если, допустимъ, въ своихъ притязаніяхъ онъ руководился тѣмъ принципомъ, что принадлежащее Ольгерду въ политическомъ отношеніи считалъ подчиненнымъ себѣ въ церковномъ отношеніи, то самая рѣшимость его слѣдовать такому принципу можетъ быть объяснена не иначе, какъ указаннымъ предположеніемъ. Притомъ же означенный принципъ былъ не совсѣмъ приложимъ къ Кіеву, такъ какъ во время спора Алексѣя съ Романомъ онъ не былъ еще окончательно подчиненъ Литвѣ, какъ это нами и было раскрыто ранѣе. И кромѣ того, Константинопольскій патріархъ Каллистъ и синодъ, разбиравшіе дѣло о предѣлахъ Алексѣевой и Романовой митрополій, не только не пресѣкаютъ притязаній Романа какимъ-нибудь церковнымъ наказаніемъ, не стараются удовлетворить ихъ, прибавляя ему нѣсколько епархій (№ 13, стр. 76; № 14, стр. 88). Такая снисходительность судей можетъ быть объяснена только тѣмъ, что они считали Романа человѣкомъ обиженнымъ и всѣми силами старались заставить его замолчать и не жаловаться.

Итакъ, несомнѣнно, что Романъ былъ назначенъ сначала въ митрополита кіевскаго и всея Руси. А если такъ, то нужно признать и то, что онъ былъ поставленъ ранѣе Алексѣя, такъ какъ объяснить то, что кандидату московскому была предоставлена митрополія Кіевская и всея Руси послѣ того, какъ на нее назначенъ былъ литовскій кандидатъ, чѣмъ то, что послѣдній былъ рукоположенъ въ митрополита кіевскаго послѣ того, какъ въ этотъ санъ возведенъ былъ первый. Алексѣй, пришедши въ Византію послѣ рукоположенія Романа въ митрополита кіевскаго, могъ изъявлять свои притязанія на митрополію кіевскую и всея Руси, основываясь на томъ, что ему обѣщана была эта митрополія и что митрополитъ, живущій на сѣверѣ Россіи, обычно былъ митрополитомъ кіевскимъ и всея Руси; тогда какъ Романъ, если бы онъ былъ предупрежденъ Алексѣемъ, ни на чемъ не могъ бы основать свои домогательства той самой митрополіи, которая уже была занята. (Ср. О началѣ Галицкой и Литовской митрополій. Павлова стр. 24 и дал.).

уу) У Григоры (149, стр. 460) говорится, что сначала русская митрополія была раздѣлена между Романомъ и Алексѣемъ на двѣ части, но, послѣ удаленія Романа въ Россію, Алексѣй получилъ часть «бо̀льшую и лучшую». Свидѣтельство это нужно понимать не иначе, какъ въ такомъ смыслѣ: сначала патріархъ намѣревался раздѣлить русскія епархіи между двумя митрополитами приблизительно пополамъ, причемъ Алексѣю предназначались епархіи сѣверо-восточныя, а за Романомъ оставались югозападныя съ Кіевомъ во главѣ; но, когда Романъ удалился въ Россію, Алексѣй былъ сдѣланъ митрополитомъ кіевскимъ и всея

Руси и чрезъ это получилъ право на большій и лучшій удѣлъ, чѣмъ тотъ, какой оставался за Романомъ.

фф) Новгородцы, любившіе свободу и независимость и боявшіеся возвышенія Московскаго княжества, весьма тяготились подчиненіемъ митрополиту, державшему сторону Москвы. Поѣздка митрополита въ Новгородъ, когда ему нужно было давать подарки и платить «подъѣздъ» на содержаніе его многочисленной свиты, казалась имъ очень обременительной и тягостной (Пол. собр. лѣтоп. III, 80—81). Не удивительно поэтому, что владыка ихъ, Моисей, въ 1353 году отправилъ пословъ въ Царьградъ къ царю и патріарху просить «исправленія о непотребныхъ вещехъ, приходящихъ съ насиліемъ отъ митрополита». (Полн, собр. лѣтопис. III, 86; V, 223; VII, 207). Что за «непотребныя вещи», исправленія которыхъ просили въ Константинополѣ послы Моисея, объ этомъ опредѣленно сказать нельзя; но можно думать, что Моисей просилъ у патріарха какихъ-либо привиллегій, которыя дѣлали бы его менѣе зависимымъ отъ митрополита. Просьба его имѣла нѣкоторый успѣхъ: изъ Константинополя послы понесли съ собой епископу ризы кресчатыя и грамоты съ золотыми печатями и «великимъ пожалованіемъ о проторехъ па поставленіяхъ и о церковныхъ пошлинахъ святительскихъ» (ibidem III, 86, VII, 207). Имѣя въ виду все это, Алексѣй могъ опасаться, что новгородскій владыка подчинится не ему, стороннику Москвы, а другому митрополиту, именно Θеодориту, котораго владыка Моисей, кажется, склоненъ былъ признать за законнаго митрополита и подчиниться ему (Прилож. № 11). Чтобы обезпечить себѣ повиновеніе новгородскаго владыки, св. Алексѣй выхлопоталъ двѣ упомянутыя грамоты.

хх) Внѣ всякаго сомнѣнія, что подъ этими малорусскими епископіями слѣдуетъ разумѣть именно наши епископіи Волыни и Галиціи, т. е. Владиміръ, Галичъ, Холмъ, Перемышль и Луцкъ (Pelesz, стр. 339). Правда, онѣ не называются такъ, а носятъ болѣе общее названіе епископій Малой Россіи (Μικρᾶς Ῥωσίας), но подъ этой послѣдней греки и разумѣли именно Волынско-Галицкія области. Такъ, въ извѣстномъ намъ перечнѣ архіерейскихъ каѳедръ Льва Мудраго къ области Малой Россіи (εἰς τὴν μικρὰν Ῥωσίαν) причисляются всѣ епархіи Волыни и Галиціи (Συντάγμα, т. V, стр. 486). Такъ же опредѣляются предѣлы Малой Россіи хрисовуломъ Іоанна Кантакузина, въ которомъ мы читаемъ слѣдующее: «святѣйшія епископіи Малой Руси, находящіяся въ мѣстности, называемой Волынью: галицкая, владимірская, холмская, перемышльская, луцкая и туровская... принадлежали къ Кіевской митрополіи» (Прилож. № 3; стр. 14). Въ приведенныхъ нами словахъ хрисовула Малая Русь отождествляется съ Волынью, т. е. съ цѣлымъ югозападнымъ краемъ, въ который входили княжества Галицкое, Владимірское (собственно Волынь) и даже Туровское, относящееся къ области Литовскихъ владѣній. То же даетъ намъ знать и Никоновская лѣтопись, которая, указывая предѣлы митрополіи Романа, говоритъ, что онъ пришелъ па Литовскую землю и па Волынскую (III, 207), разумѣя въ этомъ случаѣ ничто другое, какъ Волынско-Галицкое княжество. Въ томъ же смыслѣ называется въ ней «земля Волынская», когда указывается на завоеваніе ея въ 1349 г. королемъ Казиміромъ (III, 191), такъ какъ въ этомъ году онъ завладѣлъ всѣмъ Галицко-Владимірскимъ княжествомъ.

Названіе Малороссіи или Малой Руси первоначально, нужно думать, принадлежало исключительно Волыни и Галицкой землѣ и уже впослѣдствіи распространилось па лѣвую, восточную сторону Днѣпра и даже преимущественно

ей усвоилось (Максимовичъ. Собр. сочинен. т. I. стр. 106). Въ первый разъ употребленіе названія »Малороссіи» мы встрѣчаемъ въ грамотѣ 1335 года Галицкаго князя Юрія II, гдѣ онъ именуется, «Dei gratia natus Dux totius Russiae Minoris (Зубрицкій Исторія... III, 253). Зубрицкій дѣлаетъ догадку, что такое названіе Галицко-Владимірскаго княжества придано ему въ подражаніе польскому королю Владиславу Локотку, который присоединенныя къ Польшѣ княжества Краковское, Сандомірское и Люблинское началъ именовать Малопольшей—Minor Polonia (Исторія... III, 260). Подражая этому наименованію, Галицкіе князья XIV в. и начали титуловаться князьями Малой Руси, отличая Галицко-Владимірское княжество отъ Руси сѣверо-восточной-Московской и сѣверо-западной-Литовской (Петрушевичъ. Предисловіе къ Волынско-Галицкой лѣтописи, стр. 16, прим. 4). Это названіе Малой Россіи впослѣдствіи стало, какъ мы говорили, пониматься нѣсколько шире, распространяясь по всему Приднѣпровью, со включеніемъ Кіева («есть въ Малой Руси городъ, именуемый Кіевъ»—грамота 1354 г.), и, такимъ образомъ, сначала принадлежа исключительно Волыни и Галиціи, наконецъ, (въ вѣкѣ XVI) стало усваиваться преимущественно всей нынѣшней южной Россіи—Украйнѣ. Когда же епископіи Малой Россіи были отданы митрополиту Роману, то, очевидно, подъ ними разумѣлись области только Галицко-Волынскаго княжества, а никакъ не вся нынѣшняя Малороссія, ибо центръ ея—Кіевъ—былъ отданъ не ему, а Алексѣю. Почему въ соборномъ опредѣленіи отданныя Роману Галицко-Волынскія епархіи не перечислены поименно, рѣшить нѣсколько затруднительно; но, кажется, потому, что онѣ въ то время не опредѣлились ясно въ политическомъ отношеніи, такъ какъ изъ-за нихъ происходила пока ожесточенная борьба между Литвой и Польшей, и въ Константинополѣ, можетъ быть, не совсѣмъ были увѣрены въ томъ, что всѣ эти епископіи подпадутъ власти Романа.

Проф. Павловъ исключаетъ изъ числа отданныхъ Роману епархій Перемышль и Галичъ, какъ находившіяся подъ властью Польскаго короля (О начале Галицкой и Литовской митрополіи, стр. 247—8). Но представлять дѣло такъ, намъ думается, нѣтъ никакихъ основаній и никакой надобности. Противъ отдачи своихъ земель въ церковное подчиненіе Роману, Казиміръ могъ, конечно, заявить протестъ, но нѣтъ никакихъ основаній думать, что протестъ былъ имъ, дѣйствительно, заявленъ, во-первыхъ потому, что въ самый разгаръ политической борьбы за Волынско-Галицкое наслѣдство ему не было ни времени, ни охоты поднимать вопросъ о церковномъ устройствѣ своихъ новозавоеванныхъ земель и этимъ еще болѣе усложнять поднятую борьбу, а во-вторыхъ, для Казиміра не могло быть никакой выгоды отнимать у Романа подчиненныя ему епархіи, такъ какъ, изъявши ихъ изъ его власти, онъ этимъ самымъ отдавалъ ихъ московскому митрополиту Алексѣю, а могъ ли онъ желать послѣдняго болѣе, чѣмъ перваго? Думаемъ, что нѣтъ: подчиненіе его земель Алексѣю могло и должно было казаться Казиміру и менѣе удобнымъ, и болѣе опаснымъ, чѣмъ подчиненіе ихъ Роману, такъ какъ во власти перваго онъ получалъ гораздо болѣе опасный церковно-политическій протекторатъ надъ своими землями, чѣмъ во власти второго. Притомъ, Казиміръ помнилъ, конечно, что Галицкая епархія, подчиненная его власти, была отдаваема еще въ 1345—1347 году указомъ константинопольскаго императора и патріарха въ завѣдываніе непрошеннаго волынскимъ княземъ Любартомъ галицкаго митрополита и по примѣру прежняго могъ согласиться и теперь на ея подчиненіе новому литовско-галицкому митрополиту

Роману, не заявляя при этомъ никакого неудовольствія или открытаго протеста.

Такимъ образомъ, дѣлая выборъ между двумя митрополитами, Казиміръ долженъ былъ остановиться на Романѣ, хотя и не совсѣмъ пріятномъ для гордаго побѣдителя въ борьбѣ за Волынь, но зато менѣе опасномъ, чѣмъ московскій митрополитъ Алексѣй, энергичный сподручникъ сильнаго великаго князя Московскаго.

цц) Въ 1352 году папа предоставилъ Казиміру право пользоваться десятой частью церковныхъ доходовъ для его военныхъ издержекъ, а въ 1355 году это папское опредѣленіе было подтверждено опять (Theineri Monumenta Polon. et Litv... т. I, стр. 533 и 558).

чч) Католическая пропаганда велась съ перемѣннымъ успѣхомъ въ Польшѣ и черезъ Польшу еще ранѣе; особенно же она усилилась послѣ учрежденія монашескихъ орденовъ-доминиканцевъ и францисканцевъ, которые, захвативши въ свои руки дѣло пропаганды и появившись въ Польшѣ, первые—въ 1218 г., вторые въ 1237 (Филевичъ, стр. 256—7), сдѣлали послѣднюю въ буквальномъ смыслѣ очагомъ католическаго миссіонерства въ предѣлахъ Руси.

шш) Это, впрочемъ, многими оспаривается (Филевичъ); но во всякомъ случаѣ несомнѣнно то, что Казиміръ домогался учрежденія этого архіепископства, о чемъ ясно свидѣтельствуетъ бреве папы Урбана Ѵ 1363 года (Гал. ист. сб. III, прим. 34). Окончательно же это архіепископство было устроено нѣсколько позднѣе—при его преемникѣ, о чемъ ниже.

щщ) См. у Ралли и Потли—«Были поставлены въ Угровлахію два митрополита. Одинъ зовется экзархомъ всей Угріи и сопредѣльныхъ областей; другой же зовется митрополитомъ Северинской части Угровлахіи» (т. Ѵ, стр. 501—2; 521; Acta patr. II, 312, 519).

ъъ) Какъ можно заключать изъ этого, митрополитъ Алексѣй совсѣмъ забросилъ, видимо, юго-западную Русь и не заботился о поставленіи туда епископовъ, такъ что патетическія воззванія Казиміра о томъ, что въ Малой Руси «вся земля гибнетъ безъ закона», отчасти оказывались и справедливыми.

ыы) По соборному опредѣленію 1356 года Роману были отданы епархіи Полоцкая и *Туровская*, про которыя въ Константинополѣ отлично знали, что онѣ принадлежатъ никому другому, а Ольгерду литовскому.

ьь) Отпала отъ Польши тогда и земля Холмско-Белзская, которую Казиміръ отдалъ въ 1366 г. въ ленное владѣніе князю Юрію (Dlugossi, lib. 9, p. 1149), и который, воспользовавшись смертью Казиміра, присоединился къ литовцамъ; но въ 1377 г. Юрій, послѣ борьбы съ королемъ Людовикомъ, долженъ былъ опять стать въ ленныя отношенія къ Польшѣ (Анон. Гнезн. 94; Андріяшевъ, стр. 222—223).

ѣѣ) Исключая изъ области галицкаго митрополита Луцкъ, обыкновенно всегда присоединяемый къ ней, патріархъ желалъ, можетъ быть, этимъ нѣсколько и утѣшить огорченнаго митрополита Алексѣя, оставляя за нимъ не только Кіевъ, но даже и Луцкую епархію, которая раньше (при Романѣ) отходила отъ него, а теперь осталась за нимъ.

ээ) Католическіе Любушскіе епископы существовали въ юго-западной Руси съ 1234 года; они желали быть единственными церковными распорядителями въ Южной Руси, а потому недружелюбно встрѣчали папскія рѣшенія объ учрежденіи въ ней новыхъ епископскихъ каѳедръ (Филевичъ. Борьба... 258—267).

юю) Патріархъ, можетъ быть, хотѣлъ послѣ смерти Антонія изъять Молдавію изъ-подъ церковной зависимости отъ Галиціи и, возведя ее въ достоинство митрополіи, назначить въ нее своего митрополита изъ грековъ, котораго онъ и послалъ въ нее впослѣдствіи. Этимъ измѣненіемъ церковнаго управленія въ Малдавіи, патріархъ, можетъ быть, желалъ поставить ее въ непосредственную зависимость отъ себя; пока же онъ дожидался смерти Галицкаго митрополита, не желая обидѣть его при жизни сокращеніемъ предѣловъ его митрополіи.

яя) Что патріархъ Антоній не зналъ вполнѣ опредѣленно, кѣмъ и какъ они были поставлены, за это говоритъ, повидимому, то обстоятельство, что онъ считалъ и называлъ ихъ ставленниками Сербскаго патріарха (Acta patr. II; 241; 528). Но возможно, что ему и было донесено митрополитомъ Антоніемъ объ ихъ поставленіи, но патріархъ, ранѣе, можетъ быть, запрещавшій Антонію посвящать молдаванамъ епископа, имѣя въ виду поставить имъ митрополита—грека послѣ его, Антонія, смерти, не хотѣлъ признавать ихъ законными епископами и совершенно игнорировалъ ихъ.

ѳѳ) Патріархъ, очевидно, хотѣлъ сохранить церковную независимость Галиціи и послѣ смерти Антонія, думая, такъ же какъ и въ Молдавіи, поставить на нее, вѣроятно, митрополита-грека; но его замыслы были разбиты и въ Молдавіи, и въ Галиціи, какъ это мы увидимъ ниже. Невѣрно, кажется, будетъ такое предположеніе, что патріархъ хотѣлъ предоставить митрополію послѣ смерти Антонія самому Симеону, соединивши подъ его властію Галицію и Молдавію вмѣстѣ и создавъ изъ той и другой одну нераздѣльную митрополію, такъ какъ онъ впослѣдствіи поставилъ отдѣльнаго митрополита для одной Молдавіи и притомъ не Симеона, а своего грека-Іеремію.

ѵѵ) Примѣчателенъ тотъ фактъ, что патріархъ поручаетъ выборъ экзарха въ Галицію не Польско-Литовскимъ владѣтелямъ, какими тогда были Ягайло и Витовтъ, а Молдавскимъ воеводамъ, которые не имѣли надъ ней никакой власти и, напротивъ, сами зависѣли отъ Польскаго короля, владѣльца Галиціи. Но этотъ фактъ можно, кажется, объяснить тѣмъ обстоятельствомъ, что Ягайло и Витовтъ были католики, а воеводы Молдавіи—православные, вслѣдствіе чего на нихъ и была возложена забота о преемникѣ Симеону.

α) Въ этомъ случаѣ предполагалось завѣдываніе Галиціей также только до прибытія новаго митрополита, который возьметъ Галицкую митрополію подъ свое вѣдѣніе, предоставивъ экзарху управлять отъ своего имени только Молдавіей.

β) Годъ смерти Антонія намъ въ точности неизвѣстенъ, но, думаемъ, онъ умеръ именно въ указываемое нами время, такъ какъ въ октябрѣ 1393 года Константинопольскій патріархъ повелѣваетъ русскому митрополиту Кипріану низложить епископа Луцкаго Іоанна, самовольно захватившаго Галицкую митрополію и уже *около двухъ лѣтъ* (χρόνον δεύτερον) владѣвшаго ею. (Приложеніе № 39; Gelzer, стр. 265).

γ) Нѣсколько иначе излагаетъ исторію пріобрѣтенія молдавлахами своихъ епископовъ профессоръ Е. Е. Голубинскій, относя поставленіе ихъ къ 1393—1394 году, послѣ патріаршаго опредѣленія 1391 года объ утвержденіи іеромонаха Симеона въ должности Галицко-Молдавскаго экзарха (Краткій очеркъ стр. 373). Но мы позволяемъ себѣ понимать дѣло нѣсколько не такъ и относить посвященіе Антоніемъ Молдавскихъ епископовъ никакъ не къ 1393—1394 году, такъ какъ въ это время, какъ мы сейчасъ указывали, Антонія уже не было въ жи-

выхъ, а его церковiю владѣлъ епископъ Луцкiй, о которомъ мы подробнѣе скажемъ ниже.

δ) Въ Кодиновомъ спискѣ каѳедръ, помѣченномъ 1387 годомъ (Ралли и Потли, т. V, стр. 502), упоминается Мавровлахiйская (Молдавская) митрополичья каѳедра, какъ уже существующая. Рядомъ же указывается существованiе митрополiи Галицкой. Но, несомнѣнно, это позднѣйшая приписка, сдѣланная или Кодиномъ, слѣдовательно въ XV вѣкѣ (Annal. Eccles. стр. 11, прим. 2; Евгенiй. Опис. Кiево-Софiйск. соб. стр. 92), или кѣмъ-либо другимъ, такъ какъ въ 1387 году никакой митрполiи въ Молдавiи еще не существовало.

ε) Ягайло былъ сынъ знаменитаго Ольгерда (ум. 1377 году), котораго отецъ любилъ «паче всѣхъ сыновъ своихъ и того избра изо всей братье его, ему и столъ свой, великое княженiе Литовское, поручи» (Ник. IV, 49).

ζ) Антонiй впослѣдствiи былъ оклеветанъ католическимъ духовенствомъ и былъ лишенъ, по желанiю Витовта, митрополитомъ Кипрiаномъ святительскаго сана (Ник. IV, 315; Татищевъ. Истор. Рос. кн. IV, 419—420; Соловьевъ. Ист. Рос. т. IV, 287).

η) Кипрiанъ, поставленный въ 1376 году въ санъ митрополита Кiево-Литовскаго, предназначался занять послѣ смерти митрополита Алексѣя и Московскую митрополiю. Но онъ добился этого окончательно уже въ 1390 году, такъ какъ противъ него выступили два претендента на ту же митрополiю—Пименъ и потомъ Дiонисiй. Вслѣдствiе этого, въ 1380 году соборъ Константинопольскiй лишилъ Кипрiана даже Кiевской митрополiи, предоставивъ Кiевъ и всю сѣверную Русь Пимену; Кипрiанъ же былъ признанъ вступившимъ въ русскую церковь обманомъ и рукоположеннымъ незаконно. Впрочемъ, ему были отданы епархiи «Малой Руси и Литвы»; опредѣленiе же о правахъ Кипрiана на сѣверо-восточную Русь теперь было соборомъ отмѣнено и признано не дѣйствительнымъ. (Прилож. № 30, стр. 166—184). Подъ епархiями Малой Руси соборъ, очевидно, разумѣлъ тѣ, которыя въ гражданскомъ отношенiи были подчинены Литовскому владычеству—Луцкъ, Владимiръ, Холмъ, за исключенiемъ Галича и Перемышля, такъ какъ тамъ въ то время былъ свой митрополитъ Антонiй. Скоро, впрочемъ (1381 году), обездоленный Кипрiанъ принялъ было управленiе Московской митрополiей, но только также скоро долженъ былъ ее и оставить и поселиться въ Кiевѣ, который онъ не хотѣлъ уступить, не смотря на опредѣленiе патрiарха. Уже только въ 1390 году, т. е. черезъ 14 лѣтъ послѣ посвященiя въ митрополиты, Кипрiанъ окончательно утвердился въ Москвѣ, имѣя въ своемъ подчиненiи и Кiевъ съ Литвой (В. Рыбинскiй. Кiев. митр. каѳедра—Тр. Кiев. Дух. Акад. 1891 года, т. I, 121—125).

θ) «Азъ потружаются отпадшая мѣста приложити къ митрополiи, и хочю укрѣпити, чтобы до вѣка такъ стояло на честь и на величьство митрополiи», пишетъ Кипрiанъ въ своемъ письмѣ къ игуменамъ Сергiю и Ѳеодору (Рус. ист. библ. т. 6 № 20, стр. 183),

ι) Что ссора возникла изъ-за какого-то нарушенiя *правъ*, объ этомъ намекаетъ и грамота Константинопольскаго патрiарха митрополиту Кипрiану о низложенiи епископа Луцкаго. Такъ, въ ней разсказывается патрiархомъ, что въ Константинопольскомъ синодѣ предполагалось разобрать ссору между тяжущимися епископами и «опредѣлить *право* (τὸ δίκαιον) каждаго изъ нихъ». (Приложенiе № 39, стр. 261—262).

ϰ) Этого Θеодора мы видимъ прибывшимъ вмѣстѣ съ митрополитомъ Кипріаномъ въ 1397 году въ Москву (Воскр. лѣт. 71; Макарій, IV, 80; Строевъ. Спис. іерарх. Рос. Церк. стр. 1043).

λ) Грамоты Кипріана и короля Ягайлы намъ неизвѣстны, и мы судимъ объ ихъ содержаніи только по отвѣту на нихъ патріарха Антонія.

μ) Названіе «Баба» было, вѣроятно, русскимъ прозвищемъ епископа Іоанна, но неизвѣстно, за что и какія его качества оно было имъ получено.

ν) Въ 1400 году патріархъ Матѳей опять уже посылаетъ его, въ качествѣ апокрисіарія, въ Россію для сбора милостыни. (Прилож. № 46, стр. 313—314). Отсюда можно заключать, что его пребываніе въ южной Россіи было весьма непродолжительнымъ и, вѣроятно, потому, что его миссія была встрѣчена далеко недружелюбно и побудила его скорѣе возвратиться домой.

ξ) Впрочемъ, относительно всего нами здѣсь высказаннаго мы должны оговориться, что это—одни наши предположенія и догадки, не имѣющія подъ собой никакихъ фактическихъ данныхъ, вслѣдствіе чего, мы не исключаемъ и такой возможности, что дѣло могло происходить какъ-либо и иначе. Мы не рѣшаемся, напримѣръ, безусловно отрицать и возможную успѣшность миссіи Михаила Виѳлеемскаго, но только сомнѣваемся въ ней, такъ какъ иначе, согласно обѣщанію патріарха, Галиція опять получила бы законнаго митрополита — или въ лицѣ нашего епископа Іоанна, или кого-либо другого. (Прилож. № 44, стр. 299—302). Между тѣмъ, мы о такомъ митрополитѣ ничего не слышимъ и, конечно, потому, что его не было; а не было его потому, вѣроятно, что миссія архіепископа Михаила окончилась совсѣмъ неудачно.

ο) Актъ былъ составленъ на самомъ соборѣ 1315 года и, слѣдовательно, не можетъ быть заподозрѣнъ въ какой-либо ошибкѣ,—въ особенности, въ перечнѣ участвовавшихъ на немъ епископовъ, число которыхъ тамъ желали, вѣроятно, не только не убавлять, но, еслибы было возможно, еще прибавить, чтобы придать своему, не особенно чистому, соборному дѣянію бо́льшій вѣсъ и большую законность. Запись же Никоновской лѣтописи могла быть составлена по слухамъ или по второисточникамъ, такъ что ошибка въ ея перечнѣ участниковъ на соборѣ вполнѣ возможна.

π) Объ этомъ мы узнаемъ изъ грамоты Миклуши Александровича Старостиннаго намѣстника, воеводы Львовскаго и Галицкаго, которая дана была нѣкоему Мирославу на владѣніе селомъ Пукасовцы (близъ Галича) въ Галичѣ 1413 года, и на которой подписался, какъ присутствовавшій свидѣтель, «Игнатъ Креховичъ, митрополичъ намѣстникъ» (Гал ист. сб. в. II, стр. 180—181; в. III, прим. 48; Шараневичъ. Исторія стр. 314).

ρ) Петрушевичъ дѣлаетъ такую догадку, что этотъ епископъ могъ быть посвященъ на упраздненный Галицкій престолъ гдѣ-либо въ Греціи или Болгаріи, но не былъ допущенъ Польскимъ правительствомъ до своей каѳедры (Гал. сб. вып. III, прим. 48).

Къ сожалѣнію, эта его догадка ничѣмъ не подтверждается и потому не можетъ разсчитывать на довѣріе.

σ) Въ Перемышлѣ между тѣмъ оставались епископы.

τ) Въ «настольной грамотѣ Герасиму, епископу Владимірскому на Волыни», митрополитъ Фотій даетъ намъ знать, что «по соборной грамотѣ святѣйшаго и вселенскаго патріарха и боговѣнчаннымъ царемъ, и весь священный великій сборъ оправдаша ему митрополію—всю русійскую землю», что «бла-

говоленіемъ и благодатію Божіею соединися церковь русская... и по давному обычаю и закономъ укрѣплено бысть единой митропольи быти во всей русской земли и единъ митрополитъ Кіевски и всея Руси». (Акты ист. арх. ком. т. I, №. 18, стр. 27).

⁹) Этотъ послѣдній былъ креатурой великаго князя Литовскаго Витовта, который, еще до прибытія на Русь митрополита Фотія, ревностно хлопоталъ, чтобы въ митрополиты русскіе былъ поставленъ его избранникъ—Полоцкій епископъ, грекъ Θеодосій. Какъ на основаніе для своей просьбы, онъ указывалъ тогда Константинопольскому патріарху и императору на законное и освященное стариной право имѣть у себя митрополита. «По смерти Кипріана митрополита, послали есмо въ Царьградъ,—писалъ онъ впослѣдствіи въ своемъ окружномъ посланіи,—владыку Полоцкаго Θеодосія къ царю и патріарху, прося, чтобы его намъ поставили митрополитомъ, чтобы сѣдѣлъ на столѣ Кіевскоѣ митропольи по старинѣ, строилъ бы церковь по давному, яко нашъ: занежъ Божьимъ изволѣньемъ мы мѣсто то обладаемъ, Кіевъ». (Акты зап. Рос. I, № 25, стр. 36).

Нѣсколько затруднительно рѣшить, какимъ митрополитомъ хотѣлъ видѣть Витовтъ своего Θеодосія—всероссійскимъ, съ его пребываніемъ въ Кіевѣ, или только Литовско-Кіевскимъ. Но, кажется, онъ не хотѣлъ раздѣленія митрополіи и домогался только одного, чтобы преемникъ Кипріана жилъ, по старинѣ, въ Кіевѣ и отсюда бы правилъ цѣлой всероссійской митрополіей, не уходя навсегда во враждебную Москву. (Соловьевъ. Исторія Рос. т. 4, стр. 287).

Но тогда просьба Витовта о поставленіи митрополитомъ Θеодосія не была уважена, хотя онъ и много «пореклъ сребра и злата о томъ поставленіи». (Акты арх. ком. I, № 19, стр. 32). Витовтъ былъ сильно огорченъ и оскорбленъ этимъ отказомъ Константинополя, такъ что сначала не хотѣлъ даже принимать прибывшаго митрополита Фотія и принялъ его только тогда, когда взялъ съ него клятвенное обѣщаніе посѣщать часто Кіевскую Церковь и заботиться о ней. (Акты зап. Рос. I, № 25, стр. 36). Но скоро Витовтъ, не смотря на заботливость Фотія о Кіево-Литовской церкви, которую онъ посѣтилъ въ 1312 году, воспылалъ къ нему гнѣвомъ, поддавшись злой клеветѣ на него враговъ митрополичьихъ, обвинявшихъ Фотія прямо въ церковныхъ грабительствахъ. Но, очевидно, его ненависть къ Фотію, подогрѣваемая прежней неудачей съ Θеодосіемъ Полоцкимъ, имѣла другія основанія, а нисколько не заботы его о благѣ православной Церкви, интересы которой для него, какъ католика, были далеко не близки. Витовтъ, видимо, считалъ Фотія своимъ врагомъ, который своимъ прибытіемъ на Русь разрушилъ его планы имѣть митрополитомъ своего кандидата и, кромѣ того, ушелъ въ Москву и, такимъ образомъ, сталъ тянуть сторону Московскаго князя, съ которымъ онъ (Витовтъ) въ это время поссорился. Но, желая разорвать связь съ митрополитомъ, онъ хотѣлъ достигнуть этого путемъ легальнымъ, воспользовавшись для этого подвернувшимся случаемъ возникшаго неудовольствія противъ нѣсколько строгаго и хозяйственнаго митрополита. Онъ созвалъ въ 1414 году подручныхъ князей и, «сгадавъ съ своею братіею», порѣшилъ отнять у Фотія Кіево-Литовскую каθедру и отправилъ въ Константинополь посольство съ жалобой на него и съ просьбой поставить для Кіева и Литвы митрополитомъ балгарина Григорія Цамблака (Акты зап. Рос. т. I, № 25). Неизвѣстно, почему выборъ Витовта остановился на этомъ послѣднемъ, а не на Θеодосіи Полоцкомъ; но, вѣроятно,

или послѣдній, вспоминая свою прежнюю неудачу, выразилъ отказъ, боясь возможнаго повторенія ея въ другой разъ, или онъ къ этому времени утратилъ расположеніе Витовта, которое пріобрѣлъ вмѣсто него Григорій Цамблакъ. Но въ Константинополѣ, всегда къ Москвѣ расположенномъ болѣе, чѣмъ къ Литвѣ, а въ это время вошедшемъ съ нею въ еще болѣе тѣсную связь, скрѣпленную бракомъ сына императора Мануила съ дочерью Московскаго князя Анной (Рыбинскій. Кіевск. митр. каѳ., стр. 134), совсѣмъ не желали удовлетворять требованій враждебной ей Литвы и отказали Витовту въ просимомъ (Акты зап. Рос. т. I, № 25, стр. 36). Тогда Витовтъ задумалъ исполнить свой планъ безъ всякаго сношенія съ патріархомъ и поставить митрополита у себя дома, чрезъ епископовъ своей области. «Въ лѣто 6924 (1416), — читаемъ мы въ Kronica Ruska Даниловича.—по Божію попущенію, князь великій Витовтъ, умысливши ему, по своему хотѣнію собравъ епископы русскіе, иже во области его живущи: Ѳеодосій Полоцкій Гречинъ, Исаакій Черниговскій, Діонисій Луцкій, Харитонъ Володимірскій, Евфимей Туровскій; и тѣми епископы постави Кіеву митрополита болгарина Григорья Цамблака мѣсяца Ноября 15-го» (Kronica Ruska, стр. 238; Лѣтоп. вел. кн. Лит., 43 стр.). Трудно рѣшить, были ли на этомъ соборѣ церковные представители отъ епархій Галицкой и Перемышльской, находившихся, какъ мы знаемъ, внѣ области Витовта, а принадлежавшихъ коронѣ Польской. Если придавать значеніе замѣткѣ лѣтописей, которыя единодушно (кромѣ Густинской, стр. 353) указываютъ на то, что Витовтъ собралъ епископовъ только «своей области» (Соф. I, стр. 259; Новг. I, 106; Воскрес. 88; Ник. Ѵ, 51, 58; Kronica Ruska, стр. 238; Лѣт. вел. кн. Литовск., стр. 43), то участіе на соборѣ епископовъ Галицкаго и Перемышльскаго становится не только крайне сомнительнымъ, съ чѣмъ соглашается и Высокопреосвященный Макарій (IѴ, стр. 88; прим. 100), но прямо недопустимымъ. Такому нашему заключенію противорѣчитъ одна только Никоновская лѣтопись (стр. 51, 58), которая въ числѣ прочихъ епископовъ называетъ Ивана Галицкаго и Павла Червенскаго (Перемышльскаго) (въ соборной грамотѣ по списку XѴI в., напечатанному въ Актахъ западной Россіи № 24, вмѣсто Павла названъ Геласей, но въ двухъ другихъ спискахъ этой грамоты—въ Древн. Росс. Вивліоѳ. XIѴ, 122 — 128 и въ Никонов. лѣт. Ѵ, 58—60—этого имени нѣтъ вовсе), хотя та же лѣтопись говоритъ, что Витовтъ собралъ епископовъ только «области своея» и этимъ замѣчаніемъ насколько она соглашается съ другими лѣтописями, настолько противорѣчитъ себѣ. И примѣчательно также, въ соборной грамотѣ Литовскихъ епископовъ, помѣщенной въ той же Никоновской лѣтописи (стр. 59—64), выпущены и Иванъ Галицкій, и Павелъ Червенскій и приводятся только тѣ епископы (за исключеніемъ Геласія Перемышльскаго), которыхъ мы находимъ въ самомъ соборномъ актѣ (Акты зап. Рос. I, № 24), древнимъ спискомъ котораго, безспорно, пользовалась и наша лѣтопись. Впрочемъ, при всемъ томъ мы не можемъ безусловно отрицать правильности перечня епископовъ Никоновской лѣтописи и считать правильными перечни другихъ лѣтописей, такъ какъ и эти послѣдніе болѣе или менѣе различаются другъ отъ друга и могутъ быть принимаемы или съ исправленіями (Густинская лѣтоп.—Исаія Черниговскій вмѣсто Исаакія; Kronica Ruska—Харитонъ Владимірскій вмѣсто Герасима), или съ добавленіями (въ Kronica Ruska опущенъ Харитонъ Холмскій; въ Густ., Новг., Соф., Воскр., Лит. лѣт.—Савастьянъ Смоленскій). Важно было бы разрѣшить вопросъ, принималъ ли въ затѣѣ Витовта какое-либо участіе Ягайло, что̀ могло

бы пролить нѣкоторый свѣтъ и на отношеніе къ избранію Цамблака епископовъ Галицкаго и Перемышльскаго; но, къ сожалѣнію, мы не имѣемъ относительно этого никакихъ указаній. Впрочемъ, такъ-какъ въ это время между Ягайломъ и Витовтомъ не было открытой вражды и между ними былъ даже заключенъ на Городельскомъ сеймѣ 1413 года ненарушимый союзъ, то возможно, что Ягайло, если и не принималъ активнаго участія въ образованіи отдѣльной западно-русской митрополіи, то и не препятствовалъ, а, можетъ быть, и сочувствовалъ ея возникновенію. Но, какъ бы то ни было, Витовтъ довелъ свой замыселъ до конца, и Григорій Цамблакъ былъ поставленъ собравшимися въ Новгородкѣ епископами митрополитомъ на Кіевскую каѳедру (Новг. I, 106; Соф. I, 259; Густ. 353; Воскр. 88; Ник. V, 59; Акты зап. Рос. I, №№ 24 и 25). Въ область новопоставленнаго митрополита, кромѣ Кіева, входили всѣ Литовскія епархіи, въ гражданскомъ отношеніи подчиненныя Витовту, а также, вѣроятно, и епархіи Галицкая съ Перемышльской, которыя хотя и не находились во владѣніяхъ Литовскаго князя, по вошли, какъ можно догадываться, въ составъ новообразованной митрополіи.

φ) Въ первый разъ Фотій былъ въ Галичѣ, какъ мы видѣли выше, въ 1412 году и не посѣщалъ его до 1420 года, т. е. до смерти Григорія Цамблака. Какъ только этотъ послѣдній умеръ, Фотій и спѣшитъ туда съ своимъ посѣщеніемъ. Эта связь между временемъ смерти Григорія и временемъ посѣщенія Галича митрополитомъ Фотіемъ можетъ служить нѣкоторымъ доказательствомъ того, что Галичъ также находился въ вѣдѣніи Литовскаго митрополита и не принадлежалъ Фотію,—иначе, послѣдній могъ бы посѣтить его и ранѣе, т. е. во время еще жизни и управленія Григорія Цамблака.

χ) Затрудняемся разрѣшить, какимъ митрополитомъ былъ Герасимъ—всея Россіи или только Литовскимъ. Дѣло въ томъ, что Новгор. лѣт. (стр. 238) называетъ его *Московскимъ* митрополитомъ, а Псковскія лѣтописи—1 и 2-я—митрополитомъ, поставленнымъ *на русскую землю* (I, 208; II, 27). Но болѣе справедливымъ, кажется, будетъ признать его собственно Литовскимъ митрополитомъ, добытымъ для Литвы ея княземъ Свидригайломъ, преемникомъ Витовта, въ области котораго онъ и дѣйствовалъ, не уходя въ Москву. Если же Новг. и Пск. лѣтописи называютъ его всероссійскимъ митрополитомъ, то онѣ въ этомъ случаѣ намѣренно извращаютъ дѣло, стремясь, по всей вѣроятности, оправдать законность поставленія Евѳимія, чего онѣ думали достигнуть, назвавъ его поставителя не Литовскимъ, а всероссійскимъ митрополитомъ.

ψ) Въ это время королемъ Польскимъ былъ Казиміръ, сынъ Ягайлы; онъ сначала (съ 1440 г.) былъ великимъ княземъ Литовскимъ, а потомъ, когда умеръ Польскій король—его старшій братъ Владиславъ (1434—1444 г.), онъ въ 1345 году получилъ и корону польскую. Царствованіе его было весьма продолжительно; онъ умеръ въ 1492 году (Чтен. по ист. зап. Рос., стр. 140—144. Кояловичъ). Въ одной грамотѣ XVI вѣка дается знать, что при поставленіи Іоны было испрошено согласіе именно этого князя — короля Казиміра; но хотя это нѣсколько и сомнительно, такъ какъ до 1449 года онъ находился въ враждѣ съ Московскимъ княземъ Василіемъ Васильевичемъ и примирился съ нимъ только въ этомъ году, все-таки это согласіе могло быть испрошено и переговоры по поводу поставленія Іоны могли вестись чрезъ литовскаго посла, который былъ въ Москвѣ въ 1448 году (Ник. V, стр. 215).

ω) Онъ былъ зятемъ великаго князя Московскаго Василія Васильевича (Карамзинъ. Истор. т. V, прим. 386; Батюшковъ. Волынь, стр. 88).

αα) Мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній, отвѣчалъ ли Казиміръ что-нибудь на послѣднюю грамоту къ нему Іоны; намъ ничего неизвѣстно также и о сношеніяхъ митрополита съ епархіями Галицкой митрополіи; все это даетъ намъ нѣкоторое право заключать о томъ, что попытка Іоны присоединить къ своей митрополіи Галицкія епархіи окончилась ничѣмъ и его просьба, вѣроятно, была оставлена Казиміромъ безо всякаго отвѣта. Когда чрезъ семь лѣтъ у Іоны отняты были отданныя ему Казиміромъ Литовскія епархіи и вошли въ составъ отдѣлившейся отъ него митрополіи Кіевской, то восточно-русскіе епископы, обращаясь къ западно-русскимъ епископамъ съ убѣжденіями оставаться вѣрными митрополиту Іонѣ, перечисляли въ своемъ посланіи только епископовъ «всего великаго православія Литовьскія земли», но вовсе не упоминали о Галицкихъ (въ Перемышлѣ тогда былъ, конечно, епископъ, но въ Галичѣ не было) — (Акты арх. ком. I, № 272, стр. 503; см. Макарія, т. VI, прилож. № 1). А это можно объяснить только тѣмъ обстоятельствомъ, что Галицко-Перемышльская область стояла внѣ власти Іоны и, вслѣдствіе этого, имѣла полное и законное право безъ всякихъ протестовъ перейти въ составъ новообразовавшейся Кіевской митрополіи.

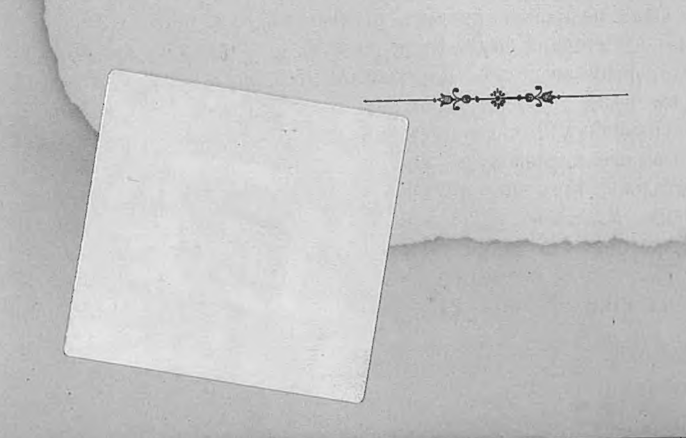
ββ) Въ это время предметомъ постоянныхъ споровъ между Литвой и Польшей были русскія области—Волынь и Подолія, о присоединеніи которыхъ къ Польскимъ владѣніямъ, отторгнувши ихъ отъ Литвы, настойчиво хлопотали Поляки (Батюшковъ. Волынь, стр. 90—94).

γγ) Въ 1687 году въ Константинополѣ было рѣшено признать зависимость Кіевской митрополіи отъ Московскаго патріарха, чѣмъ и было положено окончаніе раздѣленія русской церкви.

δδ) Мы объ этомъ уже имѣли случай замѣтить, когда говорили о сношеніяхъ съ Константинопольскимъ патріархомъ Казиміра Великаго.

εε) Въ 1422 году Перемышльскій епископъ Илія, обосновавшійся уже въ Самборѣ вмѣстѣ съ своими «клирошанами», хлопоталъ о причитающихся ему въ Самборскомъ округѣ церковныхъ угодьяхъ (Акты запад. Рос. I, № 31, стр. 45).

ζζ) Какъ мы замѣчали выше, относительно участія Галиціи въ Витовтовой попыткѣ церковнаго отдѣленія Литвы рѣшить что-либо опредѣленное трудно, такъ что можно строить предположенія за и противъ этого участія.

Стр.

Зарубежное Славянство.

Приложеніе. **БЛАГОВѢСТЪ**. Октябрь 1895 г.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 26 Октября 1895 года.